

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
«НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

**СБОРНИК СТАТЕЙ XXVI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 20 ЯНВАРЯ 2026 Г. В Г. ПЕНЗА**

**ПЕНЗА
МЦНС «НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ»
2026**

УДК 001.1
ББК 60
А43

Ответственный редактор:
Гуляев Герман Юрьевич, кандидат экономических наук

А43

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2026. – 238 с.

ISBN 978-5-00268-314-7 Ч. 2
ISBN 978-5-00268-312-3

Настоящий сборник составлен по материалам XXVI Международной научно-практической конференции **«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»**, состоявшейся 20 января 2026 г. в г. Пенза. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы науки и практики применения результатов научных исследований.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке **Elibrary.ru** в соответствии с Договором №1096-04/2016К от 26.04.2016 г.

УДК 001.1
ББК 60

© МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026
© Коллектив авторов, 2026

ISBN 978-5-00268-314-7 Ч. 2
ISBN 978-5-00268-312-3

Ответственный редактор:

Гуляев Герман Юрьевич – кандидат экономических наук

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

- Агаркова Любовь Васильевна – доктор экономических наук, профессор
Ананченко Игорь Викторович – кандидат технических наук, доцент
Антипов Александр Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор
Бабанова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, доцент
Багамаев Багам Манапович – доктор ветеринарных наук, профессор
Баженова Ольга Прокопьевна – доктор биологических наук, профессор
Боярский Леонид Александрович – доктор физико-математических наук
Бузни Артемий Николаевич – доктор экономических наук, профессор
Буров Александр Эдуардович – доктор педагогических наук, доцент
Васильев Сергей Иванович – кандидат технических наук, профессор
Власова Анна Владимировна – доктор исторических наук, доцент
Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент
Давлетшин Рашит Ахметович – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук
Иглин Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент
Ильин Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент
Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент
Казданян Сусанна Шалвовна – кандидат психологических наук, доцент
Качалова Людмила Павловна – доктор педагогических наук, профессор
Кожалиева Чинара Бакаевна – кандидат психологических наук
Колесников Геннадий Николаевич – доктор технических наук, профессор
Корнев Вячеслав Вячеславович – доктор философских наук, профессор
Кремнева Татьяна Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор
Крылова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, профессор
Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор
Курленя Михаил Владимирович – доктор технических наук, профессор
Малкоч Виталий Анатольевич – доктор искусствоведческих наук
Малова Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент
Месеняшина Людмила Александровна – доктор педагогических наук, профессор
Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор
Непомнящий Олег Владимирович – кандидат технических наук, доцент
Оробец Владимир Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор
Попова Ирина Витальевна – доктор экономических наук, доцент
Пырков Вячеслав Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент
Рукавишников Виктор Степанович – доктор медицинских наук, профессор
Семенова Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент
Удут Владимир Васильевич – доктор медицинских наук, профессор
Фионова Людмила Римовна – доктор технических наук, профессор
Чистов Владимир Владимирович – кандидат психологических наук, доцент
Швец Ирина Михайловна – доктор педагогических наук, профессор
Юрова Ксения Игоревна – кандидат исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	9
ОБЗОР ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СЫЧЕВ РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ, СИДЕЛЕВА АЛЁНА СЕРГЕЕВНА.....	10
АУДИТОРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ АО «МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД «ЭЛЕКТРОСТАЛЬ» ХРЕСТИНА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА	14
ЦИФРОВАЯ ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ РФ ЛОСКИЙ ВЛАДИСЛАВ РУСЛАНОВИЧ.....	17
СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЧУПИНА АНАСТАСИЯ РОМАНОВНА	21
УЧЕТ ЗАТРАТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СЕБЕСТОИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ РОСТА ЦЕН НА СЫРЬЕ И ЭНЕРГОНОСИТЕЛИ МИРЗОХОНЗОДА САМАНДАР МИРЗОХОН	25
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПГТ. КАА-ХЕМ КЫЗЫЛЬСКОГО КОЖУУНА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА) КУУЛАР УРАН-САЙ ЭДУАРДОВНА.....	29
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И МОНИТОРИНГА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТРЕМБАЧ КСЕНИЯ ИВАНОВНА, БОБЫЛЕВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, ЖАРИКОВА МАРИЯ ИГОРЕВНА.....	32
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ НА ПРИМЕРЕ АО «БЭТ» ЯБЛОКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА	37
РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА НУРИЕВ РУСЛАН АЛЕКСЕЕВИЧ	40
MODERN PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF NON-FERROUS METALLURGY IN RUSSIA: THE CASE OF HEAVY AND PRECIOUS METAL PRODUCTION МАКЛАКОВА ANNA SERGEEVNA.....	44
РОЛЬ РОССИИ В БРИКС СЕЛЕЗНЕВА ВИКТОРИЯ АЛЕКСЕЕВНА, ЧАПЛИЕВ ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ, ГВОЗДКОВА КСЕНИЯ СТАНИСЛАВОВНА, БОЧАРОВА ДИАНА ВАДИМОВНА	50

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	53
РОЛЬ И ОБРАЗ СУДЬИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ПИСКАРЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВАДИМОВНА	54
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ ПОРЯДИНА АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА.....	57
ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО В КАЧЕСТВЕ ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЛИЦА МАЙОРОВА АРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, ТУМЕНБАЕВА АЙЖЕН БАКТЫБЕКОВНА.....	61
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА ШИКОВА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА	67
ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИИ МОСКВИЧ У.В.	70
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БАТАЛОВА ЛЕЙЛА ХУСЕЙНОВНА	75
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ С ДИСЦИПЛИНАРНЫМИ ПРОСТУПКАМИ И СМЕШЕНИЕ С ОБЩЕУГОЛОВНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ КЛУБКОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ	78
СПЕЦИФИКА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, АКТИВНАЯ РОЛЬ СУДА В ИСТРЕБОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОНДАР АИНА ШУГЛУР-ООЛОВНА	84
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЮСТИЦИЯ И ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИСКОВ КАДЫРОВА САЛИДАТ ДЖАБРАИЛОВНА.....	87
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ АГЕНТНОСТИ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ БОБОНИЁЗОВ СУХРОБ РУСТАМОВИЧ	90
ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АЖИЕВА АЛИНА АРТУРОВНА.....	94
ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ НАЗАРЕНКО АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА.....	98
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	105
ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОРКОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ГУЛЯЙКИНА ВИКТОРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА, ЖИДКИНА ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА, ТАРАКАНЧИКОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА	106

РАЗВИТИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: МЕТОДЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЕДЯШКИНА КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА, ПРОСВИРНИНА АЛИНА ДМИТРИЕВНА.....	109
ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАБАЧКОВА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА, ГОРИНОВА ИНЕССА СЕРГЕЕВНА, АЙЗАТУЛЛИНА НУРИЯ ХАЙДАРОВНА.....	112
РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ МОТОРИКИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ДИЗАРТРИЕЙ: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ФЕДОРОВА АННА СЕРГЕЕВНА.....	115
СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЭКОСИСТЕМ КИТАЯ И КАНАДЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧЖАО ВЭНЬВЭНЬ, ДАНИЛОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА.....	118
ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ СТАРШЕКЛАССНИКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ БУШЛАНОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА.....	121
ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ОДЕЖДЫ ПО МОРСКОЙ ТЕМАТИКЕ ШИТИКОВА ИРИНА БОРИСОВНА.....	131
ВОСПРИЯТИЕ ИСКУССТВА ПОДРОСТКАМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ЛЮБИНА ОЛЬГА ИГОРЕВНА.....	135
ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КЛИНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА КОНСТАНТИНОВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА.....	138
МЕТОДЫ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ АЛГЕБРЫ ПАШКОВ ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ.....	142
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГА: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ) ЗЕЛЕНИНА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА.....	146
ГРУППОВАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЧУВАШОВА ЯНА ВЛАДИМИРОВНА, НОВИКОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА.....	150
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ МЕРЕТИНА ЭЛЬВИРА НИКОЛАЕВНА, КАБДЕГАЛИЕВА РАИСА УТЕШЕВНА, ПУХОВА ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.....	154

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА ЗАРУБЕЖНОГО ФИЛИАЛА ВУЗА В ЛОГИКЕ УПРАВЛЯЕМОЙ КАДРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ БАХТИЕВА РОЗА МИРГАРИФАНОВНА	157
ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА ОВЧЕНКОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА	160
РАЗВИТИЕ ДЫХАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ФЛЕЙТИСТОВ В ДЕТСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ШКОЛАХ: СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПРАКТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ НА ОСНОВЕ КЛАССИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА МЕЛОЧНИКОВА ПОЛИНА АНДРЕЕВНА	164
THE DEVELOPMENT OF STORYTELLING SKILLS IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT UMAROVA MARIA OLEGOVNA	168
ВИРТУАЛЬНАЯ И ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЯМ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ МЕТОДИКИ МОХНАЧЕВА ДИАНА ЕВГЕНЬЕВНА	171
МИКРООБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ПЕДАГОГОВ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОРОТКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ НОЖЕНКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА	175
ИЗУЧЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРИЮТОВ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ ЛИЦ НА ЮГЕ РОССИИ (XX–XXI ВВ.) ШУРИНОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ	178
ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ПОПОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, СУРМИНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА	182
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ЛОБАНОВА АСЯ СЕРГЕЕВНА, СЕРОУСОВ ФЁДОР СЕРГЕЕВИЧ	186
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	190
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ» КОВАЛЕВА АНТОНИНА ВАЛЕРИЕВНА, УШАКОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ	191
ФУНКЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ПРОБЛЕМА ЕЁ АДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА КУПРИКОВА Е.В.	196
ВЗАИМОСВЯЗЬ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ У АКТЁРОВ ЧУМАКОВ ПАВЕЛ ИЛЬИЧ	199
ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОВИК АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА	202

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ МВД, ПЕРЕЖИВШИХ ТРАВМУ ПОТЕРИ РАБОТЫ КОРОВЯКОВСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ	207
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОТРАВМЫ И ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ЯСТРЕБОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА	212
СПЕЦИФИКА СИНДРОМА РОДИТЕЛЬСКОГО ВЫГОРАНИЯ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ ЕНДОРЕНКО ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА	216
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК ПРОХОРОВ АРТЁМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ	218
УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ДОУ ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ ТРУДОЛЮБИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СУРКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА	222
ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД РФ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ ЛОРИС-РУССО ДИАНА ВАГАРШАКОВНА	226
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	230
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СХЕМЫ МЫШЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО СЕРИАЛА МАШКОВА СОФЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА	231
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ АРТ-ТЕРАПИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ, ПЕРЕЖИВШИЕ НАСИЛИЕ МОЛЧАНОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ	235

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 657.6

ОБЗОР ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОЙ АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

СЫЧЕВ РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

к.э.н., доцент

СИДЕЛЕВА АЛЁНА СЕРГЕЕВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ интеграции технологий искусственного интеллекта (ИИ) в современную аудиторскую практику. Рассматривается эволюция ИИ от инструмента автоматизации рутинных операций до ключевого элемента, трансформирующего методологию аудита, основанную на принципах анализа данных. Автором детально исследуются основные возможности применения ИИ-алгоритмов, включая машинное обучение для выявления аномалий, обработку естественного языка для анализа контрактов и коммуникаций, а также предиктивную аналитику для оценки рисков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, аудит, машинное обучение, аудиторские процедуры, алгоритмическая этика, технологические риски, профессиональный скептицизм, регулирование.

AN OVERVIEW OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MODERN AUDITING: OPPORTUNITIES, RISKS, AND ETHICAL CHALLENGES

**Sychev Roman Alexandrovich,
Sideleva Alyona Sergeevna**

Abstract: The article presents a comprehensive analysis of the integration of artificial intelligence (AI) technologies into modern auditing practice. The article considers the evolution of AI from a tool for automating routine operations to a key element transforming the audit methodology based on the principles of data analysis. The author explores in detail the main possibilities of using AI algorithms, including machine learning to detect anomalies, natural language processing to analyze contracts and communications, and predictive analytics to assess risks.

Keywords: artificial intelligence, audit, machine learning, audit procedures, algorithmic ethics, technological risks, professional skepticism, regulation.

Цифровая трансформация экономики, характеризующаяся взрывным ростом объемов данных и сложностью бизнес-процессов, ставит перед аудиторской профессией беспрецедентные вызовы. Традиционные выборочные методы, основанные на ограниченной по объему проверке документации, ста-

новятся все менее релевантными в мире big data и непрерывных транзакций. В этом контексте технологии искусственного интеллекта перестают быть экспериментальным инструментом и начинают определять вектор стратегического развития аудита. ИИ представляет собой не единую технологию, а комплекс методов, включая машинное обучение, глубокое обучение и обработку естественного языка, способных к обучению, адаптации и решению неформализованных задач.

Актуальность исследования обусловлена стремительным внедрением ИИ-решений ведущими аудиторскими сетями и необходимостью осмысления фундаментальных последствий этого процесса для теории и практики аудита.

Внедрение технологий искусственного интеллекта открывает перед аудиторами качественно новые возможности, выходящие далеко за рамки автоматизации рутинных расчетов. Наиболее значимым представляется переход от выборочного тестирования к сплошному, интеллектуальному анализу всей генеральной совокупности данных аудируемого лица. Алгоритмы машинного обучения, в частности, методы обучения без учителя, способны выявлять скрытые повторяющиеся схемы, аномалии и отклонения в миллионах транзакций, которые практически невозможно обнаружить человеческому глазу при выборочной проверке. Это касается нестандартных проводок, подозрительных совпадений контрагентов или сумм, округленных для маскировки мошенничества.

Технологии обработки естественного языка (NLP) революционизируют аудит в области, традиционно требовавшей значительных трудозатрат. Алгоритмы способны анализировать тысячи договоров, распознавать ключевые условия (оговорки о правах собственности, штрафные санкции, условия расторжения), выявлять расхождения с учетной политикой и даже анализировать тональность внутренней переписки и протоколов собраний на предмет потенциальных индикаторов риска. Это позволяет аудиторами существенно углубить понимание бизнеса клиента и его операционной среды.

Предиктивная аналитика на основе ИИ меняет подход к оценке рисков. Вместо исторического анализа алгоритмы могут моделировать вероятные сценарии будущих событий, оценивая устойчивость бизнес-модели клиента к различным шокам, прогнозируя вероятность возникновения просроченной дебиторской задолженности или выявляя сегменты деятельности с повышенной вероятностью ошибок. Таким образом, аудит становится более проактивным и сфокусированным на областях с максимальным риском, что повышает его действенность и ценность для пользователей финансовой отчетности.

Наряду с колоссальными возможностями, интеграция ИИ в аудит порождает комплекс новых рисков, требующих внимания со стороны аудиторских организаций и регуляторов. Ключевым технологическим риском является проблема «черного ящика», при которой даже разработчики не могут до конца объяснить, как именно сложная нейронная сеть пришла к тому или иному выводу. Это вступает в прямое противоречие с фундаментальным принципом аудита – необходимостью получения надлежащих и достаточных аудиторских доказательств, природа и источник которых должны быть понятны и проверяемы. Аудитор не может основывать свое мнение на выводах алгоритма, логику которых он не в состоянии понять и проверить.

Существенным риском является смещение, заложенное в данные, на которых обучался алгоритм. Если исторические данные аудируемых компаний содержат систематические ошибки или отражают предвзятые управленческие решения, ИИ-модель не только воспроизведет, но и усилит эти системные ошибки. Например, алгоритм, обученный на данных компаний, где определенные виды расходов часто скрывались, может начать игнорировать схожие аномалии у нового клиента, создавая ложное чувство уверенности.

Возникает методологический риск чрезмерной зависимости от технологической платформы и эрозии профессионального скептицизма. Аудиторы, привыкая доверять результатам «продвинутого» ИИ, могут необоснованно снижать уровень критической оценки его выводов или утрачивать навыки самостоятельного анализа. Кроме того, появляется риск фрагментации методологии: разные поставщики ИИ-решений будут использовать различные алгоритмы, что может привести к несопоставимости подходов и результатов аудита даже в рамках одной фирмы. Это требует пересмотра и адаптации международных стандартов аудита, которые должны начать регламентировать вопросы соответствия требованиям, тестирования и документирования работы ИИ-инструментов.

Проникновение ИИ в аудиторскую практику выводит на первый план ряд сложных этических вопросов, лежащих в плоскости профессиональной ответственности и общественного доверия. Центральной дилеммой является перераспределение ответственности между человеком-аудитором и алгоритмом. В случае судебного иска по поводу некачественного аудита, кто будет нести ответственность: аудитор, подписавший заключение, разработчик алгоритма или владелец данных, на которых алгоритм обучался? Существующие правовые рамки не дают четкого ответа на этот вопрос, создавая зону неопределенности.

Проблема конфиденциальности данных приобретает новое измерение. Для обучения эффективных ИИ-моделей часто требуется агрегирование и анонимизация данных множества клиентов. Даже при использовании передовых методов дифференциальной приватности сохраняется теоретический риск деанонимизации информации или возникновения конфликта интересов, если модель, обученная на данных конкурентов, применяется для аудита конкретной компании. Это требует разработки новых строгих протоколов работы с данными и получения информированного согласия клиентов на их использование в обучающих целях.

Существует также этический риск подрыва доверия профессии. Аудит исторически базировался на профессиональном суждении опытного специалиста. Замена этого суждения выводом алгоритма, пусть и более точного, может быть воспринята обществом, инвесторами и регуляторами как потеря важного человеческого элемента. Доверие к аудиту может быть подорвано, если он будет восприниматься как безличный технологический процесс. Профессия стоит перед необходимостью найти новый баланс между эффективностью алгоритмов и сохранением ценности человеческого экспертного мнения, переосмыслив роль аудитора как «контролера алгоритмов» и интерпретатора их выводов в широком контексте.

Применение технологий искусственного интеллекта в аудиторской деятельности представляет собой не техническое усовершенствование, а глубинную трансформацию профессии, затрагивающую ее методологические основы, систему регулирования и этические принципы. Возможности ИИ по сплошному анализу данных, выявлению сложных аномалий и проактивной оценке рисков открывают путь к качественно новому уровню достоверности и ценности аудита. Однако эти возможности сопряжены с серьезными рисками, связанными с непрозрачностью алгоритмов, смещением данных и потенциальной деградацией профессионального суждения.

Наиболее сложными оказываются этические вызовы, касающиеся переопределения ответственности, сохранения конфиденциальности и поддержания общественного доверия в эпоху алгоритмического аудита. Успешная и устойчивая интеграция ИИ потребует скоординированных усилий со стороны профессионального сообщества. Необходима разработка и внедрение новых стандартов, регулирующих процесс оценки применения ИИ и тестирование ИИ-инструментов. Наконец, требуется публичный диалог о роли и границах ИИ в аудите, результатом которого должно стать создание этических кодексов, адекватных новой технологической реальности. Будущее аудита видится не в замене человека машиной, а в формировании эффективного симбиоза, где человеческий интеллект, критическое мышление и этические принципы направляют и контролируют мощь искусственного интеллекта для укрепления доверия к финансовой информации.

Список источников

1. Варнавский, А.Г., Семенова, Е.А. Нейросетевые технологии в аудите: потенциал и ограничения // Экономический анализ: теория и практика. – 2023. – Т. 22. – № 1. – С. 112-128.
2. Мерзликina, P.A. Этические аспекты применения больших данных и искусственного интеллекта в финансовом контроле // Финансы и кредит. – 2022. – № 28(808). – С. 1672-1685.
3. Zhang, Y., Tronti, P. The Impact of Artificial Intelligence on Audit Quality and Efficiency: An Analytical Framework // Auditing: A Journal of Practice & Theory. – 2022. – Vol. 41. – No. 4. – P. 169–193.
4. The Institute of Internal Auditors (IIA). Artificial Intelligence in Internal Audit: A Global Perspective. 2020.

5. Смирнов, К.В. Риски алгоритмического аудита: проблема «черного ящика» и профессиональный скептицизм // Аудитор. – 2023. – № 4. – С. 33-45.

УДК 657.6

АУДИТОРСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ АО «МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД «ЭЛЕКТРОСТАЛЬ»

ХРЕСТИНА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Студент

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

Аннотация: Для таких предприятий, как металлургические заводы, ключевым фактором устойчивости и роста является корректное отражение финансовых результатов деятельности в бухгалтерской отчетности. Данная статья посвящена исследованию роли аудиторской экспертизы как инструмента оценки финансовой устойчивости и, как следствие, потенциала развития таких предприятий. На примере АО «Металлургического завода «Электросталь», одного из ведущих производителей специальных сталей и сплавов, анализируются ключевые учетно-контрольные и аналитические аспекты, позволяющие выявить риски и возможности, связанные с формированием и интерпретацией финансовых результатов.

Ключевые слова: аудиторская экспертиза, финансовые результаты, бухгалтерская отчетность, экономическое развитие, финансовая устойчивость, металлургические предприятия, учетно-контрольные аспекты, аналитические аспекты.

**AUDIT EXPERTISE AS A TOOL FOR ASSESSING THE FINANCIAL STABILITY AND DEVELOPMENT
POTENTIAL OF METALLURGICAL ENTERPRISES: ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF STOCK
COMPANY “METALLURGICAL PLANT “ELEKTROSTAL”**

Khrestina E.A.

Abstract: For enterprises such as steel plants, the key factor for sustainability and growth is the correct reflection of financial performance in accounting statements. This article is devoted to the study of the role of audit expertise as a tool for assessing financial stability and, as a result, the development potential of such enterprises. Using the example of JSC Metallurgical Plant Elektrostal, one of the leading manufacturers of special steels and alloys, the key accounting, control and analytical aspects are analyzed to identify the risks and opportunities associated with the formation and interpretation of financial results.

Key words: audit expertise, financial results, accounting statements, economic development, financial stability, metallurgical enterprises, accounting and control aspects, analytical aspects.

Современные экономические системы функционируют в условиях высокой степени неопределенности и изменчивости. Для обеспечения их устойчивого развития и повышения конкурентоспособности, первостепенное значение приобретает способность адекватно оценивать текущее состояние и прогнозировать будущие возможности. Особое место в этой оценке занимают учетно-контрольные и аналитические аспекты, поскольку именно они формируют информационную базу для принятия управленческих решений.

Предприятия металлургической отрасли, являясь фундаментом многих наукоёмких и оборонных комплексов, играют стратегическую роль в национальной экономике. Их финансовое благополучие и, следовательно, способность к инновационному и технологическому развитию напрямую зависят от точности и достоверности отражения их деятельности в финансовой отчетности. В данном контексте, аудиторская экспертиза выступает не просто как формальный контроль, а как мощный инструмент оценки качества финансовой информации, выявления рисков и, косвенно, оценки потенциала развития предприятия.

Целью данной статьи является исследование роли аудиторской экспертизы в оценке финансовой устойчивости и потенциала развития металлургических предприятий, с акцентом на анализ отражения финансовых результатов в бухгалтерской отчетности. В качестве эмпирической базы для анализа будет использовано АО «Металлургический завод «Электросталь».

Финансовые результаты деятельности предприятия — это конечный итог его функционирования за отчетный период, выраженный в показателях прибыли или убытка. Они являются индикатором эффективности использования ресурсов, результативности производственно-сбытовой деятельности и уровня управления. Для оценки возможностей развития экономических систем, понимание динамики и факторов, формирующих финансовые результаты, является критически важным [1, с.98].

Аудиторская экспертиза финансовых результатов — это комплексный процесс проверки достоверности и полноты информации, содержащейся в отчете о финансовых результатах, а также связанных с ним статьях бухгалтерского баланса и пояснительной записке. Задача аудитора заключается не только в выявлении искажений, но и в оценке того, насколько представленные цифры отражают реальное положение дел и, соответственно, позволяют судить о финансовой устойчивости предприятия.

Потенциал развития экономического субъекта определяется его способностью к расширению масштабов деятельности, освоению новых рынков, внедрению инноваций, повышению производительности труда и, в конечном итоге, к увеличению своей рыночной стоимости. Аудиторская экспертиза, анализируя финансовые результаты, косвенно позволяет оценить такие аспекты потенциала развития, как инвестиционная привлекательность, инновационный потенциал, конкурентоспособность, устойчивость к внешним шокам [3, с.148].

АО «Металлургический завод «Электросталь» является примером предприятия, производящего продукцию специального назначения, что обуславливает специфику формирования его финансовых результатов. Сложность технологических процессов, высокие требования к качеству сырья и готовой продукции, а также необходимость соответствия строгим отраслевым стандартам, создают определенные вызовы при отражении доходов и расходов.

Что касается учетно-контрольных аспектов, то важным является признание выручки, особенно для металлургических предприятий, производящих сложную продукцию, где могут возникать сложности с моментом признания выручки. В этом контексте особое внимание уделяется проверке фактов передачи прав собственности на продукцию, определения цены и наличия обоснованных оценок. Для АО «Металлургический завод «Электросталь» это может касаться реализации продукции по долгосрочным контрактам, спецификациям и договорам на выполнение НИОКР.

Учет себестоимости продукции также играет значительную роль в структуре расходов металлургических предприятий, аудиторская проверка должна охватывать правильность калькулирования, что включает соответствие принятой системе калькулирования, такой как позаказный или попередельный метод, характеру производственных процессов.

Кроме того, важно учитывать прямые и косвенные расходы, что подразумевает обоснованность включения в себестоимость затрат на сырье, материалы, энергоресурсы, заработную плату производ-

ственного персонала и амортизацию производственных мощностей. Для АО «Металлургический завод «Электросталь» это может быть связано с высокой долей затрат на дорогостоящие легирующие элементы и энергоемкостью производственных процессов.

Аналитические аспекты финансовых результатов АО «Металлургический завод «Электросталь» охватывают несколько ключевых направлений. Горизонтальный и вертикальный анализ отчета о финансовых результатах позволяет выявить тенденции и аномалии в показателях доходов, расходов и прибыли, а также оценить структуру затрат через удельный вес каждой статьи расходов в общей выручке. Важным элементом является анализ рентабельности, который включает расчет и интерпретацию различных показателей, таких как рентабельность продаж, активов и собственного капитала, что помогает оценить эффективность деятельности завода в динамике и в сравнении с отраслевыми стандартами.

Анализ структуры затрат может выявить неэффективные направления расходования средств, что даст возможность руководству разработать меры по оптимизации и увеличению прибыли. Достоверные финансовые результаты, подтвержденные аудиторами, играют ключевую роль в привлечении инвестиций, что особенно важно для финансирования новых разработок и модернизации оборудования.

Современная аудиторская практика активно интегрирует новые технологии и подходы, что значительно повышает эффективность экспертизы финансовых результатов. Важным аспектом является использование информационных технологий, позволяющих применять специализированное программное обеспечение для анализа больших объемов данных. Это помогает выявлять аномалии и закономерности, а также проверять полноту и корректность информации, что особенно актуально для крупных промышленных предприятий [2, с.107-108].

Кроме того, риск-ориентированный подход позволяет сосредоточить аудиторские процедуры на наиболее уязвимых областях, где существует высокая вероятность искажений финансовых результатов. Важную роль играет интеграция финансового и нефинансового анализа, что включает учет экологических, социальных и управленческих факторов при оценке устойчивости и потенциала развития предприятия. Это становится все более значимым для инвесторов [3, с.165].

Так, аудиторская экспертиза отражения финансовых результатов деятельности является мощным инструментом не только для подтверждения достоверности финансовой отчетности, но и для оценки финансовой устойчивости и потенциала развития экономических систем. Исследование на примере АО «Металлургический завод «Электросталь» демонстрирует, как глубокий анализ учетно-контрольных и аналитических аспектов позволяет выявить как существующие проблемы, так и скрытые возможности. Применение современных аудиторских методов, основанных на анализе данных и риск-ориентированном подходе, позволяет более точно оценить эффективность деятельности предприятия, выявить резервы для роста и, в конечном итоге, способствовать его долгосрочному развитию. Интеграция результатов аудиторской экспертизы в процесс стратегического планирования позволит АО «Металлургический завод «Электросталь» укрепить свои позиции на рынке, успешно реализовывать инновационные проекты и внести значительный вклад в развитие наукоёмких отраслей промышленности.

Список источников

1. Илфшева Н.Н., Синянская Е.Р., Савостина О.В. Бухгалтерский учет: учебное пособие / авт.-сост. Н.Н. Илфшева, Е.Р. Синянская, О.В. Савостина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 156 с.
2. Крылов С.И. Финансовый анализ: учебное пособие / С.И. Крылов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 160 с.
3. Шарафутина С.Ф., Бикезина Т.В., Петрова Е.Е. Аудит: учебное пособие / С.Ф. Шарафутина, Т.В. Бикезина, Е.Е. Петрова. — Санкт-Петербург : РГГМУ, 2023. — 222 с.

© Е.А. Хрестина, 2026

УДК 332

ЦИФРОВАЯ ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ РФ

ЛОСКИЙ ВЛАДИСЛАВ РУСЛАНОВИЧ

студент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель: Глотова Анастасия Сергеевна

к. э. н., доцент

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Аннотация: В статье исследуется влияние цифровой теневой экономики на пространственное развитие регионов России. На основе данных Росстата проведен анализ ключевых каналов воздействия данного феномена на социально-экономические показатели территорий. Представлены сценарные расчеты, оценивающие масштабы фискальных потерь и вклад цифровой теневой экономики в углубление межрегионального неравенства. Сделан вывод о ее двойственной роли как адаптационного механизма и фактора, усиливающего пространственные диспропорции.

Ключевые слова: цифровая теневая экономика, пространственное развитие, регионы России, налоговые потери, цифровизация, неравенство.

THE DIGITAL SHADOW ECONOMY AND ITS IMPACT ON SPATIAL DEVELOPMENT OF TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Loskiy Vladislav Ruslanovich*Scientific adviser: Glotova Anastasia Sergeevna*

Abstract: The article examines the influence of the digital shadow economy on the spatial development of Russian regions. Based on Rosstat data, an analysis of the key channels of this phenomenon's impact on the socio-economic indicators of territories is conducted. Scenario calculations are presented, assessing the scale of fiscal losses and the contribution of the digital shadow economy to deepening interregional inequality. A conclusion is drawn about its dual role as an adaptation mechanism and a factor reinforcing spatial disparities.

Keywords: digital shadow economy, spatial development, Russian regions, tax losses, digitalization, inequality.

Современный этап экономического развития характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни, что привело к трансформации традиционных форм теневой экономической деятельности и возникновению ее новой формы – цифровой теневой экономики (ЦТЭ). Под ЦТЭ понимается совокупность экономических отношений и деятельности по производству, распределению и потреблению товаров и услуг, осуществляемых с использованием цифровых платформ и технологий, скрытых от официального учета и контроля государства с целью уклонения от налогов, несоблюдения регуляторных норм или противоправных действий. Влияние этого феномена на пространственное развитие регионов Российской Федерации носит комплексный и противоречивый характер, формируя но-

вые вызовы и возможности для региональной политики [1, с. 84].

Основными проявлениями ЦТЭ в российских регионах являются: оказание услуг через интернет-платформы без регистрации ИП или самозанятости (репетиторство, дизайн, программирование, консультации); неформальная электронная коммерция через социальные сети и мессенджеры; торговля цифровыми товарами на нерегулируемых площадках; криптоактивности, связанные с обналичиванием и незаконными расчетами; а также скрытый или заниженный доход от деятельности в рамках официально зарегистрированных цифровых компаний [4, с. 107].

Распространенность этих практик напрямую коррелирует с уровнем проникновения интернета, цифровой грамотности населения и развитости традиционных рыночных институтов в регионе. При этом если в развитых регионах ЦТЭ часто представляет собой сознательный выбор высококвалифицированных кадров для оптимизации налоговой нагрузки, то в депрессивных она становится вынужденной стратегией выживания, замещая собой сокращающуюся формальную занятость [2, с. 2251].

Для количественной оценки влияния ЦТЭ на пространственное развитие проведем анализ на основе открытых данных Росстата, Банка России и исследований финансовых поведений населения за 2022-2025 год. В качестве косвенных индикаторов масштабов ЦТЭ в регионе были рассмотрены: объем безналичных расчетов через частные платежные системы, не связанные с банковским сектором; доля населения, получающего доходы от неформальной цифровой занятости (по данным выборочных обследований); динамика розничного товарооборота относительно официальных показателей доходов населения. На основе агрегированного индекса этих показателей была построена регрессионная модель, связывающая уровень развития ЦТЭ с ключевыми параметрами пространственного развития. [5].

Таблица 1

**Влияние развития ЦТЭ на ключевые показатели регионов РФ
(результаты регрессионного анализа)**

Зависимая переменная (показатель региона)	Коэффициент влияния индекса ЦТЭ	Интерпретация влияния
Душевые доходы консолидированного бюджета субъекта РФ	-0.45	Рост уровня ЦТЭ на 1 пункт ведет к снижению бюджетных доходов на душу населения на 0.45%.
Уровень неравенства (коэффициент Джини)	+0.38	Рост уровня ЦТЭ статистически значимо коррелирует с усилением имущественного неравенства внутри региона.
Официальный уровень безработицы	-0.22	Наблюдается слабая обратная связь: ЦТЭ частично поглощает формально незанятое население.

Исходя из расчетов, представленных в таблице 1, наиболее сильное и статистически значимое влияние ЦТЭ оказывает на фискальный потенциал территорий. Снижение доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ напрямую ограничивает их возможности для финансирования инфраструктурных проектов, социальных программ и иных мероприятий, направленных на улучшение пространственной среды. Это создает порочный круг: дефицит бюджетных ресурсов ухудшает качество жизни и экономические перспективы, что, в свою очередь, может подталкивать большее число людей и бизнесов в тень. Кроме того, выявленная связь с ростом внутреннего неравенства указывает на то, что выгоды от участия в ЦТЭ распределяются среди населения крайне неравномерно, концентрируясь у более образованных и технологически оснащенных групп.

Для оценки макроэкономических последствий был проведен сценарный расчет потенциальных потерь бюджетной системы РФ от распространения ЦТЭ. За основу были взяты оценки Минфина и экспертного сообщества о том, что на теневой сектор в цифровой сфере приходится от 15% до 25% всего объема теневой экономики в стране, который, по данным Росстата, составляет около 12-15% ВВП.

Таблица 2

Оценка потенциальных годовых потерь бюджетной системы РФ от цифровой теневой экономики (ЦТЭ), 2025 г.

Показатель и метод оценки	Расчетный диапазон значений	Макроэкономическая интерпретация и последствия
Оценка масштаба ЦТЭ в % ВВП (методом отклонения динамики доходов населения от розничного товарооборота на основе данных Росстата)	1.8% – 3.8% ВВП	Объем неучтенной экономической активности сопоставим с бюджетом крупного национального проекта. ЦТЭ формирует «параллельный» контур потребления и доходов, искажая реальные макроэкономические показатели.
Налоговые потери консолидированного бюджета (оценка на основе доли ЦТЭ в ВВП и средней расчетной налоговой нагрузки в 18%)	400 – 900 млрд руб.	Прямое сокращение фискальных возможностей государства. Указанный объем сопоставим с 30–70% годовых расходов на национальный проект «Безопасные качественные дороги» в 2023 г., что ограничивает инвестиции в инфраструктурное выравнивание регионов.
Вклад в легализацию доходов и рост потребительской активности (доля безналичных операций в неформальном секторе по данным ЦБ РФ)	15–25% от общего объема ЦТЭ	ЦТЭ косвенно стимулирует легальный потребительский спрос через последующее расходование «теневых» доходов, создавая парадоксальный эффект частичной поддержки формального розничного оборота, особенно в крупных агломерациях.
Влияние на межрегиональное неравенство (расчет коэффициента вариации душевых доходов регионов с поправкой на оценку ЦТЭ)	Рост дифференциации на 8–12%	Активность в ЦТЭ концентрируется в регионах с высокой цифровой грамотностью и развитой инфраструктурой, что усиливает первоначальные конкурентные преимущества ведущих территорий и углубляет разрыв с периферийными регионами.

Исходя из таблицы 2, налоговые потери в размере 400-900 млрд рублей представляют собой значительный ресурс, который мог бы быть направлен на выравнивание пространственного развития через федеральные целевые программы, инфраструктурные инвестиции в отстающие регионы, развитие цифровой инфраструктуры в малых городах и сельской местности. Таким образом, ЦТЭ выступает не только как следствие, но и как одна из причин усиления пространственных диспропорций, изымая из легального оборота средства, критически важные для проведения активной региональной политики.

Влияние ЦТЭ на пространственное развитие носит двойственный, диалектический характер. С одной стороны, она выполняет адаптивную функцию, смягчая социально-экономические шоки в депрессивных регионах, обеспечивая дополнительные доходы для части населения и поддерживая уровень потребления. В условиях сокращения формальных рабочих мест в моногородах или сельской местности, цифровые платформы становятся каналом для продажи местных товаров или оказания услуг на удаленном рынке, выступая своеобразным амортизатором. С другой стороны, системный характер ЦТЭ подрывает финансовую основу для преодоления пространственного неравенства, способствует росту внутренней социальной дифференциации и консервирует сырьевую модель региональной экономики, основанную на добыче и перераспределении ренты, а не на создании добавленной стоимости через инновации [3, с. 36].

Таким образом, цифровая теневая экономика превратилась в значимый фактор пространственного развития России, влияние которого нельзя игнорировать. Она не является чисто правовым или фискальным феноменом, а представляет собой структурную характеристику современного региональ-

ного хозяйства. Для смягчения ее негативных последствий и использования потенциальных возможностей необходимы не столько репрессивные меры, сколько адаптация регуляторной политики. Это включает в себя дальнейшее упрощение процедур регистрации бизнеса и налоговых режимов (например, развитие института самозанятости на цифровых платформах), инвестиции в цифровую инфраструктуру и образование на всей территории страны, а также повышение доверия к государственным институтам. Только комплексный подход, направленный на сокращение мотивов для ухода в тень и создание новых точек роста в регионах, позволит трансформировать энергию цифровой экономики в ресурс сбалансированного пространственного развития.

Список источников

1. Баранов С.В., Смирных Л.И. Теневая экономика в цифровую эпоху: новые вызовы для государственного регулирования // Вопросы экономики. – 2022. – № 8. – С. 77-95.
2. Евсеева А.Н., Карпычева М.Ю. Пространственное развитие России: вызовы цифровой трансформации // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19. – № 12. – С. 2248-2268.
3. Тарасов И.Н. Цифровая теневая экономика: теоретико-методологические основы исследования. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2021. – 215 с.
4. Цифровая экономика: от теории к практике / Под ред. К.В. Рудого. – СПб.: Питер, 2022. – 304 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). – URL: <https://rosstat.gov.ru>

УДК 65.016

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

ЧУПИНА АНАСТАСИЯ РОМАНОВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Уральский институт управления

Аннотация: Данная статья посвящена современным методам и ключевым направлениям стратегии развития персонала на предприятиях. В ней рассматриваются цели развития сотрудников, такие как раскрытие творческого потенциала, повышение качества труда, снижение текучести кадров и укрепление организационных ценностей. Особое внимание уделяется системному подходу к управлению человеческими ресурсами, включает анализ различных методов обучения и развития, их преимущества и недостатки, а также области применения. В статье представлен комплексный обзор современных инструментов обучения, таких как очное, онлайн наставничество, обучение на рабочем месте и командное развитие, что позволяет создать эффективную стратегию развития персонала, способствующую повышению управленческих способностей, командного духа и профессиональных компетенций.

Ключевые слова: стратегия развития персонала, современные методы, ключевые направления, управление персоналом, конкурентоспособность, устойчивое развитие.

PERSONNEL DEVELOPMENT STRATEGY: MODERN METHODS AND KEY DIRECTIONS

Chupina Anastasia Romanovna

Abstract: This article is devoted to modern methods and key areas of personnel development strategy at enterprises. It discusses the goals of employee development, such as unlocking creativity, improving the quality of work, reducing staff turnover, and strengthening organizational values. Special attention is paid to a systematic approach to human resource management, which includes an analysis of various methods of training and development, their advantages and disadvantages, as well as areas of application. The article provides a comprehensive overview of modern learning tools such as face-to-face, online mentoring, on-the-job training, and team development, which makes it possible to create an effective staff development strategy that enhances managerial abilities, team spirit, and professional competencies.

Key words: personnel development strategy, modern methods, key areas, personnel management, competitiveness, sustainable development.

Эффективная стратегия развития персонала имеет особое значение для производственно-торговых предприятий в условиях меняющихся рыночных условий и высокой конкуренции. Современное управление персоналом, определяя методы управления, выставляющие на первое место ключевые направления развития и практические предложения по организации человеческого труда, создает эффективный механизм повышения производительности, улучшения качества и обеспечения устойчивого развития компании в целом [1, С.111].

Цель развития персонала предприятия, включает в себя [2, с. 53]:

1. Раскрытие творческого потенциала и интеллектуального уровня;
2. Предоставление работникам равных возможностей служебного продвижения;
3. Повышение качества трудовой деятельности;
4. Снижение текучести кадров;
5. Формирование и закрепление организационных ценностей;
6. Облегчение делегирования полномочий;
7. Улучшение морально-психологического климата.

Реализация эффективной стратегии кадрового развития не только помогает добиться намеченных целей, но также гарантирует системный подход ко всему процессу управления человеческими ресурсами.

Для понимания уровней развития персонала и их взаимосвязи, мы перейдем к рисунку 1, демонстрирующему соответствующие уровни развития персонала.

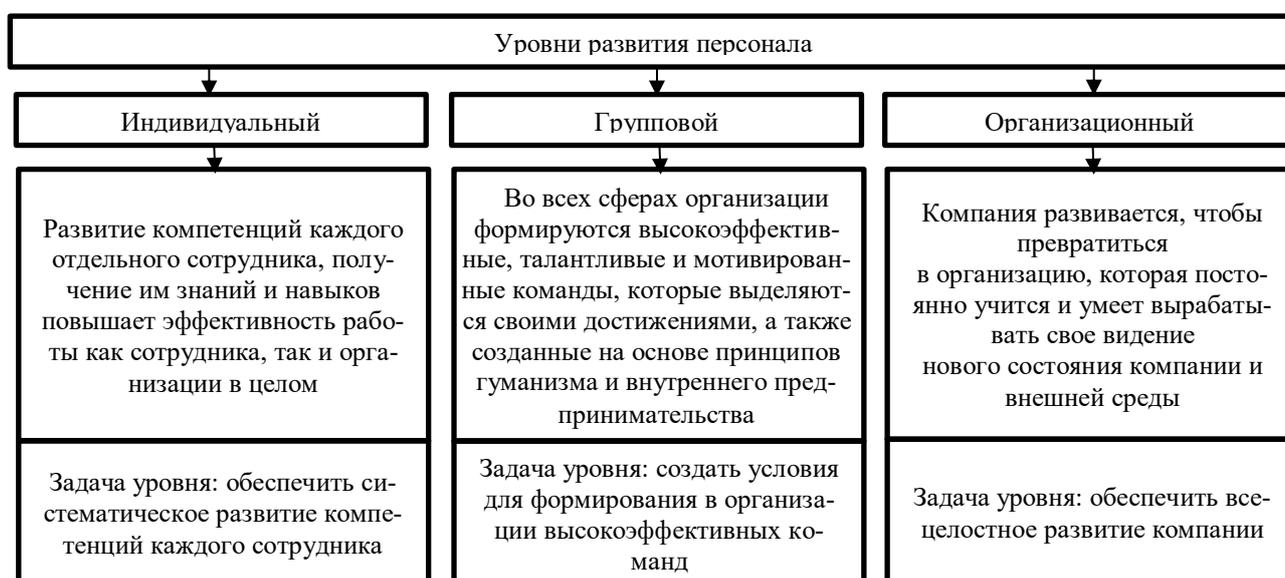

Рис. 1. Уровни развития персонала [3, с. 67]

Из представленных уровней развития персонала можно выделить основные направления, обеспечивающие систематическое и постепенное развитие сотрудников, способствующие достижению поставленных целей и повышению эффективности деятельности компании. Эти направления создают основу стратегии развития персонала, позволяя реализовать поставленные задачи по развитию человеческих ресурсов и предоставлять компании устойчивое конкурентное преимущество.

Основными направлениями стратегии развития персонала являются создание и эффективное использование кадрового потенциала организации, а также внедрение системы маркетинга персонала, которая включает анализ рынка труда, разработку процедур найма и кадрового использования, исследование участников рынка труда и определение требований к кандидатам.

Важным аспектом является также разработка методов и форм оценки, а также аттестации сотрудников, что обеспечивает системный подход к управлению человеческими ресурсами.

Не менее важным является развитие социального направления внутри организации и усовершенствование информационного обеспечения системы управления персоналом, что способствует достижению высокого уровня стратегического управления человеческими ресурсами и повышению общей эффективности деятельности компании.

Кроме того, необходимо формировать концепцию развития персонала, которая предполагает внедрение новых методов и форм обучения (табл.1), планирование карьерного роста сотрудников и создание кадрового резерва, что позволяет заблаговременно реализовывать мероприятия по развитию, еще до возникновения необходимости в них [4, с. 74].

Таблица 1

Стратегические методы и инструменты развития персонала [4, с. 73; 5, с. 904]

Метод	Плюсы	Минусы	Когда применять
Очное обучение	Предлагает четко структурированную программу; способствует активному участию участников через взаимодействие между собой; способствует развитию командного духа	Ограничены возможности для практической отработки навыков; существует риск, что навыки могут быть протестированы, но не закреплены и не внедрены в работу	Особенно эффективно для повышения компетенций в конкретных областях; при развитии «Soft skills», где важна групповая динамика; для формирования командных навыков
Онлайн-обучение	Обеспечивает гибкость по времени и месту; масштабируется на большое число участников; помогает снизить затраты	Меньшее вовлечение сотрудников без должной поддержки; риск прохождения курса по формальному признаку без реального усвоения	Используется для повышения конкретных профессиональных навыков; при внедрении новых стандартов и технологий; для распределенных и удаленных команд; в условиях ограниченного бюджета
Обучение через взаимодействие (наставничество, коучинг, обмен опытом)	Предлагает индивидуальные подходы; способствует развитию soft skills; укрепляет корпоративную культуру	Требует значительных временных затрат и вовлеченности наставников; сложно объективно измерить результат	Для подготовки управленцев и экспертов, а также при адаптации новых сотрудников или переводе на новые должности
Обучение на рабочем месте (ротация, job shadowing, проекты)	Высокая практическая ценность; помогает накапливать опыт; повышает уровень вовлеченности сотрудников	Возможны ошибки в процессе работы; необходим контроль и поддержка руководства	Для развития управленческих и проектных навыков; при подготовке кадрового резерва и преемников
Командное развитие (тимбилдинг, стратегические сессии, групповые проекты)	Усиливает командное взаимодействие; способствует формированию доверия и общих целей; помогает отработать совместные решения	Без системной поддержки может давать поверхностный эффект; есть риск, что результаты будут недостаточно глубокими	При необходимости улучшения коммуникации внутри команды; для формирования единого управленческого или проектного ядра; для укрепления доверия и устранения барьеров между подразделениями

В данной таблице представлен систематический обзор методов и инструментов развития персонала, с акцентом на их сильные и слабые стороны, а также области применения.

Очное обучение способствует взаимодействию в команде и развитию мягких навыков, но на практике оно ограничено. Онлайн-обучение обеспечивает гибкость и масштабируемость, однако всё равно требуется поддержка для повышения вовлечённости. Обучение, основанное на взаимодействии (наставничество, коучинг) очень полезно для развития менеджеров, но оно занимает много времени и его трудно измерить. Обучение на рабочем месте даёт практический опыт, оно лучше всего подходит для развития управленческих и проектных навыков, но связано с риском ошибок. Развитие команды укрепляет командный дух и доверие, особенно важно, когда необходимо улучшить коммуникацию, однако без систематической поддержки эффект может быть поверхностным.

Совокупно применение разнообразных методов и инструментов обучения позволяет создать комплексную стратегию развития персонала, учитывающую не только индивидуальные потребности каждой группы сотрудников, но и фактические конечные цели организации. Эффективное комбинирование очных, удаленных и практических форм обучения позволяет не только повысить профессиональные компетенции, но и развить командный дух, управленческие способности и социальную ответственность сотрудников. Обязательно следует учитывать, что успех реализации корпоративной стратегии развития персонала в значительной мере зависит от правильного и грамотного выбора методов, их адаптации к специфике предприятия и системной поддержке данной стратегии, которая в свою очередь обеспечивает не только конкурентоспособность и устойчивое развитие компании в условиях динамично меняющегося рынка.

Список источников

1. Лымарева О. А., Лапшина А. С. Современные подходы к стратегическому управлению персоналом на предприятии // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №8 (102). – С. 111-114.
2. Гаспарович Е. О. Технологии управления развитием персонала: учебно-методическое пособие для студентов всех форм обучения // М-во науки и высшего образования РФ, Урал. федер. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург: УрФУ, 2018. — 213 с.
3. Мосияш А.Э., Петров М.А., Гриднева М.А. Управление знаниями и непрерывное развитие персонала: учебное пособие. – СПб.: Издательство СПбГЭУ, – 2023. – 128 с.
4. Томпсон А., Стрикленд Д. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа. - М.: Вильямс, – 2008. - 928 с.
5. Афанасьева Л. А. Инструментарий стратегического развития человеческих ресурсов на микроуровне // Вестник Академии знаний. – 2025. – №2 (67). – С. 903-906.

© А.Р. Чупина, 2026

УДК 657.1

УЧЕТ ЗАТРАТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СЕБЕСТОИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ РОСТА ЦЕН НА СЫРЬЕ И ЭНЕРГОНОСИТЕЛИ

МИРЗОХОНЗОДА САМАНДАР МИРЗОХОНсоискатель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана

Аннотация. Статья рассматривает роль учета затрат как инструмента управления себестоимостью продукции в условиях роста цен на сырье и энергоносители на производственных предприятиях Республики Таджикистан. Анализируются ограничения традиционных подходов и предлагаются методологические решения.

Ключевые слова: учет затрат, себестоимость продукции, управленческий учет, сырье, энергоносители, структура затрат, методы учета затрат.

COST ACCOUNTING AS A COST MANAGEMENT TOOL IN THE CONTEXT OF RISING RAW MATERIAL AND ENERGY PRICES

Mirzokhonzoda Samandar Mirzokhon

Abstract. This article examines the role of cost accounting as a cost management tool in the context of rising raw material and energy prices at manufacturing enterprises in the Republic of Tajikistan. The limitations of traditional approaches are analyzed and methodological solutions are proposed.

Keywords: cost accounting, production cost, management accounting, raw materials, energy resources, cost structure, cost accounting methods.

Актуальность исследования. В последние годы рост цен на сырье и энергоносители стал одной из главных проблем производственных предприятий в Республике Таджикистан. Эта тенденция напрямую влияет на себестоимость продукции и затрудняет управление затратами. В таких условиях руководителям необходима точная и достоверная информация о затратах для принятия правильных решений. Учет затрат может сыграть важную роль в предоставлении этой информации, но только если он используется в соответствии с новыми экономическими условиями.

Теоретические основы исследования. Исследование основано на концепциях управленческого учета и теории затрат. Эти подходы подчеркивают принцип, согласно которому учетная информация должна служить руководству и принятию решений. Кроме того, используется системный подход к учету, рассматривающий предприятие как совокупность взаимосвязанных элементов.

Цель исследования. Основная цель данного исследования – изучить роль учета затрат как инструмента управления себестоимостью в условиях роста цен на сырье и энергоносители. Исследование также направлено на выявление соответствующих подходов к повышению эффективности системы учета затрат.

Гипотеза исследования. Гипотеза исследования основана на предположении, что использование современных подходов к учету затрат может повысить точность расчета себестоимости и улучшить принятие управленческих решений в условиях роста цен на ресурсы.

Методы исследования. В исследовании использован описательно-аналитический метод.

Обзор литературы и постановка проблемы. Анализ научной литературы показывает, что вопросы учета затрат и формирования себестоимости продукции традиционно занимают важное место в экономических исследованиях. В последние годы данная проблематика активно рассматривается и в работах таджикских ученых. В частности, в исследованиях Н.А. Абдулмуминзода [1; 2], М.Б. Каримиён [3], Б.Х. Каримова [4; 5; 6; 7], Г.Т. Кодировой [8], Х.К. Курбонализода [9], Д.А. Розиев [10], К.Х. Хушвахтзода [11; 12] анализируются различные аспекты учета затрат и управления себестоимостью. Вместе с тем большинство существующих публикаций сосредоточено на общих методических подходах к учету затрат и расчету себестоимости, тогда как вопросы использования учета затрат как инструмента управления в условиях роста цен на сырье и энергоносители остаются недостаточно разработанными. Указанный научный пробел определяет необходимость дальнейшего исследования методологических подходов к учету затрат, ориентированных на повышение аналитичности учетной информации и обоснованности управленческих решений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Рост цен на сырье и энергоносители оказывает прямое влияние на структуру затрат производственных предприятий. В таких условиях себестоимость продукции быстро меняется, и контроль затрат становится одной из важнейших задач управления. В этой ситуации калькуляция себестоимости – это не просто инструмент для регистрации информации, но и инструмент для анализа и управления затратами. При этом, «себестоимость продукции рассматривается как сумма затрат предприятия на ее производство и продажу, выраженная в деньгах» [9, с. 15].

Одной из главных задач калькуляции затрат является точное определение и измерение компонентов себестоимости. При росте цен на сырье и энергоносители важность разделения затрат по элементам, центрам затрат и продуктам становится еще более очевидной. Такое разделение позволяет изучить влияние каждого фактора затрат на себестоимость и помогает руководству принимать более обоснованные решения.

В условиях роста цен на ресурсы использование традиционных методов калькуляции себестоимости, которые в основном опираются на историческую регистрацию информации, не отвечает потребностям управления. Эти методы, как правило, не дают точной картины поведения затрат и ограничивают возможности анализа изменений в себестоимости продукции. Напротив, аналитические подходы к калькуляции затрат могут предоставить информацию, необходимую для контроля себестоимости и снижения негативного влияния роста цен.

Калькуляция себестоимости также играет важную роль в планировании и бюджетировании. Информация, полученная из системы учета затрат, может служить основой для прогнозирования изменений себестоимости и оценки последствий роста цен на сырье и энергию. Это позволяет руководству рассматривать различные сценарии и своевременно принимать соответствующие корректирующие меры. В условиях роста цен на производственные ресурсы учет затрат будет эффективен, если он используется как часть системы управления предприятием. Только тогда информация о затратах может стать инструментом управления себестоимости и поддержки принятия управленческих решений.

В Республике Таджикистан значительная часть производственных предприятий до сих пор использует традиционные методы учета затрат. Эти методы в основном ориентированы на историческую регистрацию затрат и расчета общей себестоимости, уделяя меньше внимания потребностям управления. В условиях постоянно растущих цен на сырье и энергоносители такие системы теряют свою эффективность.

Одним из важнейших ограничений традиционного учета затрат в Республике Таджикистан является низкий уровень аналитичности информации о затратах. На многих предприятиях затраты регистрируются в общих чертах, без достаточной детализации по центрам ответственности, этапам производства или видам продукции. Это ограничивает возможность точного выявления источников роста затрат и затрудняет принятие управленческих решений.

Кроме того, высокая зависимость таджикских производственных предприятий от импортного сырья и энергоносителей повышает чувствительность структуры затрат к колебаниям цен. Однако традиционные системы учета затрат обычно не учитывают эти экономические особенности и не способны

своевременно отражать изменения в структуре себестоимости. В результате бухгалтерская информация предоставляется руководству с задержкой, и ее практическая ценность снижается.

Еще одним ограничением является слабая связь между финансовым и управленческим учетом. На многих таджикских предприятиях калькуляция затрат используется скорее в рамках требований финансовой отчетности, и ее роль в поддержке планирования, контроля и анализа затрат невелика. Такая ситуация препятствует эффективному использованию калькуляции затрат в качестве инструмента управления себестоимостью.

В целом, экономические условия Республики Таджикистан, в частности рост цен на сырье и энергоносители, требуют пересмотра традиционных подходов к калькуляции затрат. Без адаптации систем учета к этим условиям возможности эффективного контроля затрат и повышения эффективности управленческих решений будут серьезно ограничены.

В условиях роста цен на сырье и энергоносители производственные предприятия Республики Таджикистан сталкиваются с растущей потребностью в аналитической информации о затратах. Эти условия требуют трансформации калькуляции затрат из чисто регистрового инструмента в активный инструмент управления. В этой связи особое значение имеет использование современных методологических подходов к калькуляции себестоимости.

Одним из важных направлений развития калькуляции затрат является повышение уровня разделения и анализа затрат. Разделение затрат по центрам ответственности, этапам производства и видам продукции позволяет точно выявлять источники роста затрат. Для производственных предприятий Республики Таджикистан, которые часто сталкиваются с ограниченными финансовыми ресурсами и ценовым давлением, этот подход может сыграть важную роль в управлении себестоимости.

Другой подход заключается в укреплении связи между калькуляцией затрат и процессом принятия управленческих решений. Информация о затратах должна быть организована таким образом, чтобы ее можно было использовать при планировании производства, составлении бюджета и оценке эффективности. В экономических условиях Республики Таджикистан, где колебания цен на производственные ресурсы значительны, такая информация может стать основой для выбора соответствующих стратегий по снижению негативных последствий роста цен.

Кроме того, использование элементов управленческого учета, включая анализ поведения затрат и сравнение плановых и фактических затрат, может повысить эффективность системы учета затрат. Эти подходы требуют фундаментальных изменений в отношении к учету затрат и повышения его аналитического уровня на производственных предприятиях страны.

В целом, использование современных методологических подходов в учете затрат может обеспечить основу для более эффективного использования информации о затратах в управлении себестоимостью. Адаптация этих подходов к экономическим и институциональным условиям Республики Таджикистан является основной предпосылкой повышения эффективности систем учета затрат и совершенствования принятия решений на производственных предприятиях.

Обсуждение результатов. Результаты исследования показывают, что в условиях роста цен на сырье и энергоносители роль калькуляции затрат на производственных предприятиях существенно меняется. Калькуляция затрат больше не может ограничиваться регистрацией и накоплением информации, а должна стать активным инструментом управления себестоимостью продукции. Анализ показывает, что традиционные подходы к калькуляции затрат, особенно на производственных предприятиях Республики Таджикистан, не отвечают новым потребностям управления. Повышение уровня аналитичности информации о затратах и укрепление связи между калькуляцией затрат и принятием управленческих решений могут частично снизить негативные последствия роста цен на производственные ресурсы. В этом контексте калькуляция затрат способна предоставить руководству необходимую информацию для контроля себестоимости, планирования производства и оценки последствий изменения цен. Это особенно важно для предприятий, сталкивающихся с ограниченностью ресурсов и давлением на затраты.

Ограничения исследования. Несмотря на достижение значительных результатов, данное исследование имеет некоторые ограничения. Во-первых, исследование основано на теоретическом анализе и обзоре научной литературы, а эмпирические данные с производственных предприятий не полу-

чили широкого распространения. Во-вторых, специфические институциональные и экономические условия Республики Таджикистан могут ограничивать применимость результатов исследования к другим странам. Эти ограничения могут открыть путь для дальнейших исследований в будущем.

Заключение. В целом можно заключить, что в условиях роста цен на сырье и энергоносители учет затрат играет ключевую роль в управлении себестоимостью. Для производственных предприятий Республики Таджикистан пересмотр традиционных подходов к учету затрат и переход к аналитическим и управленческим подходам является неизбежной необходимостью. Только в этом случае информация о затратах может стать основой для принятия обоснованных решений и способствовать повышению экономической эффективности предприятий. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве теоретической основы для разработки систем учета затрат, соответствующих экономическим условиям страны.

Список источников

1. Абдулмуминзода, Н.А. Баҳисобгирӣ ва калкулятсияи арзиши аслии маҳсулоти парандапарварӣ / Н.А. Абдулмуминзода, Н.Р. Манучеҳри // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз. – 2022. – № 1(77). – С. 130-149
2. Абдулмуминзода, Н.А. Масъалаҳои баҳодихӣ ва ташкили баҳисобгирии таркибии дороҳои биологӣ дар соҳаи кишоварзӣ / Н.А. Абдулмуминзода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2021. – № 5. – С. 14-19
3. Каримиён, М.Б. Шароити корбурди стандартҳои байналмилалӣ дар баҳисобгирии идоракунии воситаҳои асосӣ / М.Б. Каримиён // Идоракунии давлатӣ. – 2022. – № 4-1(58). – С. 160-170
4. Каримов, Б.Х. Бухгалтерский учет: МСФО Таджикистан: учебно-практическое пособие / Б.Х. Каримов. – Душанбе: ИПС, 2019. – 425 с.
5. Каримов, Б.Х. Формирование системы бухгалтерского учета и организация бухгалтерской работы в экономических субъектах / Б.Х. Каримов, М.Б. Каримиён // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. – 2024. – № 3(53). – С. 150-156
6. Каримов Б.Х. Баҳисобгирии муҳосибӣ. Китоби дарсӣ / Б.Х. Каримов, М.Б. Каримиён, М.Б. Каримиён. - Душанбе: Ирфон, 2021. – 440 с.
7. Каримов, Б.Х. Робитаи намудҳои баҳисобгирӣ дар низоми баҳисобгирии муҳосибии субъектҳои иқтисодӣ / Б.Х. Каримов // Паёми молия ва иқтисод. – 2024. – № 4(43). – С. 84-92
8. Қодирова, Г.Т. Заминаҳои ҷудошавии низоми ягонаи баҳисобгирии муҳосибӣ / Г.Т. Қодирова // Паёми молия ва иқтисод. – 2022. – № 3(32). – С. 151-159
9. Қурбонализода, Ҳ.Қ. Баҳисобгирии истеҳсоли ҳамчун унсури баҳисобгирии идоракунӣ дар корхонаҳои саноати хӯрокворӣ / Ҳ.Қ. Қурбонализода, С.Қ. Шоимардонов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2024. – № 8. – С. 14-23
10. Розиев, Д.А. Заминаҳои таърихӣ ва асосҳои ташаққули баҳисобгирии идоракунӣ / Д.А. Розиев // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2020. – № 4. – С. 98-103
11. Хушвахтзода, Қ.Х. Пайдоиш ва рушди баҳисобгирии муҳосибӣ дар олами ислом / Қ.Х. Хушвахтзода, Б.Х. Каримов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. – 2020. – № 10-2. – С. 66-71
12. Хушвахтзода, Қ.Х. Пояҳои ғоявии бунёдкунии низоми баҳисобгирии идоракунӣ ва таҳлили масрафҳо дар корхонаҳои саноати бофандагӣ / Қ.Х. Хушвахтзода, Д.А. Розиев // Тоҷикистон ва ҷаҳони имрӯз. – 2020. – № 4(72). – С. 108-118

УДК 330

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПГТ. КАА-ХЕМ КЫЗЫЛЬСКОГО КОЖУУНА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)

КУУЛАР УРАН-САЙ ЭДУАРДОВНАстудент
ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова»*Научный руководитель: Чебодаев Владимир Петрович*к.э.н., доцент
ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова»

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные проблемы системы управления социально-экономического развития муниципального образования пгт.Каа-Хем Кызыльского кожууна Республики Тыва. На пгт. Каа-Хем выявляются ключевые вызовы: дисбаланс полномочий и ресурсов, дотационность, кадровый дефицит, слабость экономической базы и низкая активность местного сообщества.

Ключевые слова: муниципальное управление, социально-экономическое развитие, проблемы управления, пгт. Каа-Хем, местное самоуправление.

THE MAIN PROBLEMS OF THE MANAGEMENT SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A MUNICIPALITY (ON THE EXAMPLE OF A VILLAGE. KAA-KHEM OF THE KYZYL KOZHUUN OF THE REPUBLIC OF TYVA)

Kuular Uran-Say Eduardovna*Scientific adviser: Chebodaev Vladimir Petrovich*

Abstract. This article examines the main problems of the management system of socio-economic development of the municipality of the village of Kaa-Khem of the Kyzyl Kozhuun of the Republic of Tyva. On the village. The report identifies key challenges: an imbalance of powers and resources, subsidization, a shortage of personnel, a weak economic base and low activity of the local community.

Keywords: municipal management, socio-economic development, management problems, village. Kaa-Hem, local government.

Актуальность исследования систем управления развитием муниципальных образований обусловлена их ключевой ролью в обеспечении качества жизни граждан. Именно на местном уровне реализуются национальные проекты и решаются повседневные проблемы населения. Однако для многих малых городов и поселков, особенно в отдаленных и экономически слабых регионах России, характе-

рен кризис управленческой модели. Пгт. Каа-Хем, являясь административным центром Кызылского кожууна Республики Тыва, концентрирует в себе типичные проблемы муниципалитета в дотационном регионе с уникальными географическими и социально-демографическими условиями. Анализ его проблем позволяет выявить системные ограничения и предложить пути их преодоления.

Рассмотрим основные проблемы системы управления социально-экономического развития пгт.

Каа-хем:

1. Системный дисбаланс полномочий, ответственности и ресурсов. Это фундаментальная проблема, предопределяющая все остальные. Администрация пгт. Каа-Хем несет ответственность за жизнеобеспечение поселка (ЖКХ, благоустройство, образование, культура), однако ее финансовые возможности крайне ограничены. Основным источником – межбюджетные трансферты из кожууна и республики, объем и целевое назначение которых слабо контролируются на местном уровне. Собственные доходы (налог на имущество физических лиц, земельный налог) мизерны из-за низкой платежеспособности населения и отсутствия крупных налогоплательщиков. Это порождает режим «латания дыр» и реагирования на кризисы, а не стратегического развития.

2. Дотационная зависимость и ее следствия. Высокая доля безвозмездных поступлений в бюджет формирует «ловушку дотационности»:

– Снижение инициативы: Нет стимулов для активной работы по увеличению собственной доходной базы, так как основные средства все равно приходят «сверху».

– Ограничение самостоятельности: Жесткая целевая привязка трансфертов лишает администрацию возможности гибко маневрировать ресурсами под локальные приоритеты.

– Культура иждивенчества: Формируется психологическая установка как у управленцев, так и у части населения на ожидание помощи извне.

3. Слабость и недиверсифицированность экономической базы. Экономика Каа-Хема, вероятно, держится на бюджетной сфере (администрация, школы, больница), нескольких предприятиях лесной или сельскохозяйственной отрасли (с учетом потенциала кожууна) и сфере услуг. Отсутствие среднего и крупного бизнеса, удаленность от крупных рынков сбыта, высокие транспортные издержки и слабая инвестиционная привлекательность создают «замкнутый круг»: нет базы для налогов – нет средств на развитие инфраструктуры – нет условий для нового бизнеса.

4. Кадровый дефицит в системе управления. Для малых и удаленных муниципалитетов характерна острая нехватка квалифицированных управленцев, экономистов, юристов и проектных менеджеров. Молодые специалисты зачастую уезжают в Кызыл или другие регионы. Это приводит к:

– Низкому качеству управленческих решений.

– Неспособности готовить конкурентные заявки на гранты и субсидии в рамках федеральных и региональных программ (нацпроекты).

– Формализации стратегического планирования: программы развития пишутся «для галочки», не являясь реальным инструментом управления.

5. Демографические и социальные вызовы. Для Каа-Хема, как и для всей Тувы, актуальны:

– Отток молодежи в поисках образования и карьеры.

– Высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи.

– Рост социальной нагрузки на бюджет из-за высокого коэффициента демографической нагрузки.

Эти факторы сужают внутренний рынок, снижают потребительский спрос и усугубляют социальную напряженность.

6. Низкий уровень вовлеченности населения и бизнеса в процессы управления. Часто наблюдается разрыв между администрацией и жителями. Граждане воспринимают власть как внешнюю силу, пассивно ожидая решений. Механизмы общественного совета, публичных слушаний и ТОС (территориальное общественное самоуправление) либо отсутствуют, либо носят формальный характер. Местный бизнес не вовлечен в партнерские проекты развития.

Неэффективность системы стратегического и проектного управления. Отсутствует целостное видение будущего поселка, разделяемое администрацией, бизнесом и жителями. Управление сосредото-

чено на оперативных задачах. Нет налаженной системы мониторинга и оценки эффективности реализуемых программ. Упускаются возможности, связанные с реализацией национальных проектов, из-за неумения готовить качественные проектные заявки.

Таким образом, система управления социально-экономическим развитием пгт. Каа-Хем, как типичного малого дотационного муниципалитета, находится в состоянии хронического кризиса, вызванного объективными (география, экономика) и субъективными (кадры, управленческие подходы) факторами.

Для преодоления системных проблем необходима комплексная модернизация управления, включающая:

1. Внутренние изменения в администрации: Развитие проектного офиса, повышение квалификации кадров, внедрение системы KPI, переход к открытому бюджету.
2. Активную работу с сообществом: Стимулирование ТОС, проведение стратегических сессий с жителями и бизнесом для формирования «образа будущего», развитие местных инициатив.
3. Построение вертикальной и горизонтальной кооперации: Более активная работа с правительством Республики Тыва по привлечению ресурсов в конкретные проекты, а также межмуниципальное сотрудничество с другими поселениями кожууна для совместного решения проблем (например, логистика, переработка сельхозпродукции).
4. Формирование локальных точек роста: Вместо попыток диверсификации всей экономики – концентрация на 1-2 реалистичных направлениях, основанных на местных ресурсах (экологический туризм, глубокая переработка древесины или сельхозсырья, народные промыслы) и их всемерная поддержка.

Только переход от пассивного «получения средств» к активному «проектированию развития» позволит пгт. Каа-Хем использовать внутренний потенциал и внешние возможности для повышения качества жизни своих жителей.

Список источников

1. Устав пгт. Каа-Хем Кызылского кожууна Республики Тыва.
2. Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва на период до 2030 года.
3. Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва.
4. Швецов А.Н. Реформа местного самоуправления в России: итоги и проблемы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020.
5. Официальный сайт Главы Республики Тыва и Правительства Республики Тыва.

© У.Э.Куулар, 2026

УДК 34

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И МОНИТОРИНГА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТРЕМБАЧ КСЕНИЯ ИВАНОВНА

ст. преподаватель

БОБЫЛЕВА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

студентка

Новомосковский институт РХТУ им. Д. И. Менделеева

ЖАРИКОВА МАРИЯ ИГОРЕВНА

студентка

Новомосковский институт ОЧУВО Московского инновационного университета

Аннотация: статья анализирует правовое регулирование системы государственного контроля и мониторинга в социальной сфере РФ, рассматривая конституционные основы, ключевые федеральные законы и нормативные акты, определяющие надзорные механизмы. Описаны базовые принципы регулирования (законность, пропорциональность, защита персональных данных, прозрачность), основные инструменты контроля (проверки, лицензирование, мониторинг показателей, информационные системы) и меры реагирования. Выявлены практические проблемы — фрагментация полномочий, дефицит единых стандартов, сложности интеграции данных и ресурсные ограничения регионов. Даны рекомендации по гармонизации нормативной базы, внедрению единых стандартов качества, развитию риск-ориентированного надзора, интеграции информационных систем и усилению общественного контроля.

Ключевые слова: государственный контроль, мониторинг, социальная сфера, правовое регулирование, право, конституционные основы.

LEGAL REGULATION OF THE SYSTEM OF STATE CONTROL AND MONITORING IN THE SOCIAL SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Trembach Ksenia Ivanovna,
Bobyleva Yulia Aleksandrovna,
Zharikova Maria Igorevna**

Abstract: The article analyzes the legal regulation of the state control and monitoring system in the social sphere of the Russian Federation, considering the constitutional foundations, key federal laws, and regulations that define supervisory mechanisms. The article describes the basic principles of regulation (legality, proportionality, protection of personal data, and transparency), the main tools of control (checks, licensing, monitoring of indicators, and information systems), and response measures. Practical problems have been identified, such as fragmentation of powers, lack of unified standards, difficulties in integrating data, and resource constraints in the regions. Recommendations have been made to harmonize the regulatory framework, implement

unified quality standards, develop risk-based supervision, integrate information systems, and strengthen public control.

Keywords: state control, monitoring, social sphere, legal regulation, law, constitutional foundations.

В современных условиях развития Российской Федерации как социального государства, провозглашенного в статье 7 Конституции РФ, обеспечение высокого качества жизни граждан, доступности социальных услуг и защиты прав уязвимых категорий населения становится приоритетным вектором государственной политики. Реализация масштабных национальных проектов («Здравоохранение», «Образование», «Демография») требует не только значительных бюджетных ассигнований, но и создания эффективных механизмов управления, ключевое место в которых занимают институты государственного контроля (надзора) и мониторинга.

В современной юридической доктрине и законодательстве Российской Федерации понятия «контроль» и «надзор» зачастую используются как синонимы, однако их сущностное содержание имеет важные различия. С принятием Федерального закона № 248-ФЗ произошло нормативное сближение этих категорий в рамках единой «контрольно-надзорной деятельности», однако для социальной сферы их теоретическое разграничение сохраняет актуальность:

- государственный контроль в социальной сфере (здравоохранении, образовании, социальной защите) традиционно понимается как деятельность компетентных органов по проверке соответствия деятельности объектов установленным стандартам и нормативам. Контроль предполагает возможность вмешательства в оперативную деятельность проверяемого субъекта и право давать обязательные для исполнения указания;

- государственный надзор акцентирует внимание на соблюдении законности. Надзорные органы (например, прокуратура или профильные службы в части соблюдения прав граждан) проверяют, не нарушены ли нормы права, не вмешиваясь в организационно-хозяйственные процессы, если они не выходят за рамки закона;

- мониторинг, в отличие от контроля и надзора, носит не дискретный (проверочный), а непрерывный характер. Это система регулярного сбора, анализа и оценки информации о состоянии социальной сферы. В правовом поле мониторинг выступает как «предконтрольная» стадия: его результаты не ведут напрямую к санкциям, но служат основанием для назначения контрольных мероприятий или корректировки государственной политики;

Таким образом, в социальной сфере эти институты образуют триаду: мониторинг выявляет системные отклонения, контроль проверяет качество услуг, а надзор обеспечивает соблюдение фундаментальных прав граждан.

Субъективный состав правоотношений в данной области характеризуется многоуровневостью и спецификой правового статуса участников.

1. Субъекты контроля (контролирующие органы):

- федеральный уровень: специализированные службы (Росздравнадзор, Рособрнадзор, Роспотребнадзор, Роструд). Их полномочия жестко регламентированы положениями о видах контроля;

- региональный уровень: органы исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющие ведомственный контроль в отношении подведомственных учреждений (например, региональные министерства социальной политики);

2. Объекты контроля (контролируемые лица):

- государственные и муниципальные учреждения: школы, больницы, интернаты. Здесь контроль максимально жесткий, так как речь идет о расходовании бюджетных средств;

- некоммерческие организации (НКО) и социальные предприниматели: Поставщики социальных услуг, входящие в реестры. Правовое регулирование в отношении них стремится к балансу между поддержкой сектора и обеспечением безопасности услуг;

- частный сектор: коммерческие клиники и образовательные центры, чей статус объекта контроля определяется наличием лицензии.

Особенностью социальной сферы является то, что объектом контроля здесь выступает не только юридическое лицо, но и сам процесс оказания услуги, который должен соответствовать критериям доступности, безопасности и качества.

Ключевым вектором трансформации правового регулирования стало внедрение риск-ориентированного подхода, закрепленного Федеральным законом № 248-ФЗ. Суть данного подхода заключается в отказе от тотального контроля в пользу концентрации усилий надзорных органов на объектах, где вероятность причинения вреда охраняемым законом ценностям (жизни и здоровью граждан, правам учащихся, социальным гарантиям) наиболее высока.

В социальной сфере категорирование объектов контроля осуществляется на основе специфических отраслевых критериев. Например, в рамках федерального государственного контроля в сфере здравоохранения (ПП РФ от 29.06.2021 № 1043) объекты делятся на шесть категорий риска. К категории чрезвычайно высокого риска относятся медицинские организации, осуществляющие высокотехнологичную помощь, трансплантацию или деятельность в сфере оборота наркотических средств.

В сфере образования риск-ориентированный подход учитывает не только тип образовательной организации, но и «индикаторы риска» — специфические признаки, свидетельствующие о возможном нарушении (например, аномальное расхождение результатов внутренней и внешней оценки качества образования).

Правовое значение такого деления заключается в установлении жесткой зависимости: чем выше категория риска, тем выше частота плановых проверок. Для объектов низкого риска плановые контрольные мероприятия, как правило, не проводятся, что существенно снижает административную нагрузку на добросовестные организации.

В отличие от государственного контроля, который носит событийный и зачастую репрессивный характер, мониторинг в социальной сфере представляет собой систему непрерывного сбора, систематизации и анализа показателей деятельности социальных институтов. Правовая природа мониторинга заключается в обеспечении органов власти актуальной информацией для принятия стратегических управленческих решений и оперативного реагирования на негативные тренды.

В различных отраслях социальной сферы мониторинг регламентирован специальными нормами:

- в сфере образования: Статья 97 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает мониторинг системы образования как обязательную процедуру. Он охватывает анализ данных о доступности обучения, кадровом обеспечении и результатах образовательной деятельности;
- в сфере здравоохранения: реализуется через систему социально-гигиенического мониторинга и мониторинга безопасности лекарственных средств (фармаконадзор);
- в сфере социальной защиты: проводится мониторинг реализации прав инвалидов и мониторинг качества социального обслуживания.

Правовое значение мониторинга сегодня трансформируется: из вспомогательной функции он становится базой для риск-ориентированного подхода. Данные мониторинга позволяют автоматически переводить объект из одной категории риска в другую, что напрямую влияет на интенсивность последующих проверок. Таким образом, мониторинг выступает «мягкой силой» государственного регулирования, позволяющей осуществлять надзор без непосредственного вмешательства в деятельность организаций.

В условиях цифровой трансформации государственного управления правовое регулирование контроля в социальной сфере неразрывно связано с функционированием специализированных информационных систем. Ключевым инструментом здесь выступает Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий (ЕРКНМ), оператором которого является Генеральная прокуратура РФ.

Правовое значение ЕРКНМ заключается в обеспечении легитимности проверок: согласно ФЗ-248, проведение любого контрольного мероприятия, не включенного в реестр, является грубым нарушением и влечет недействительность его результатов. Для социальной сферы это означает:

1. Исключение внезапности и необоснованности: Руководитель школы или больницы может в режиме реального времени отследить статус проверки и полномочия инспектора.

2. Прозрачность «цифрового следа»: все процессуальные документы (акты, предписания) формируются в электронном виде и подписываются квалифицированной электронной подписью, что исключает возможность их ретроспективного изменения.

Кроме того, отраслевые ГИС (например, ЕГИСЗ в здравоохранении или ГИС «Моя школа» в образовании) аккумулируют огромные массивы данных, которые становятся основой для «безбумажного» мониторинга, снижая отчетную нагрузку на линейный персонал учреждений.

Одной из новелл законодательства стало нормативное закрепление возможности проведения контрольных мероприятий в дистанционном формате с использованием средств аудио- и видеосвязи. В социальной сфере это находит особое применение при проверке условий проживания в интернатах или соблюдения санитарных норм в пищеблоках.

Однако использование дистанционных методов ставит перед правом ряд сложных вопросов:

1. Доказательственная сила: правовые акты должны четко регламентировать требования к качеству и способам хранения видеозаписей, чтобы они могли выступать неоспоримым доказательством в суде;

2. Защита персональных данных: социальная сфера связана с обработкой чувствительной информации (врачебная тайна, данные о несовершеннолетних). Применение средств дистанционного контроля не должно нарушать положения ФЗ-152 «О персональных данных» и конституционное право на неприкосновенность частной жизни;

3. Технологический суверенитет: правовые регламенты требуют использования только отечественного программного обеспечения для передачи данных в ходе контроля, что критически важно для обеспечения информационной безопасности государственных учреждений.

Правовые нормы сегодня эволюционируют в сторону создания «виртуального инспектора», который может осуществлять надзор без физического присутствия на объекте, что особенно актуально для труднодоступных сельских территорий.

Подводя итог проведенному исследованию системы правового регулирования государственного контроля и мониторинга в социальной сфере Российской Федерации, можно сделать ряд принципиальных выводов.

Во-первых, в современной России завершился переход к новой парадигме контрольно-надзорной деятельности, закрепленной Федеральным законом № 248-ФЗ. Сущность этого парадигмального сдвига заключается в отказе от модели «тотального надзора» в пользу риск-ориентированного подхода. Правовое регулирование в социальной сфере теперь строится не на поиске нарушений ради применения санкций, а на оценке потенциальных угроз правам граждан. Это позволило дифференцировать административную нагрузку: добросовестные организации здравоохранения, образования и социального обслуживания получили право на снижение числа проверок, в то время как усилия регуляторов сконцентрировались на объектах высокого риска.

Во-вторых, исследование показало, что институты контроля и мониторинга, несмотря на их функциональную близость, играют самостоятельные роли в правовом механизме. Мониторинг окончательно трансформировался из пассивного метода наблюдения в активный инструмент управления. Он стал «информационным фундаментом», на котором базируются все юридически значимые решения: от присвоения категорий риска до инициации внеплановых проверок. Интеграция в систему мониторинга механизмов независимой оценки качества (НОК) обеспечила вовлеченность гражданского общества, сделав систему более прозрачной и социально ориентированной.

В-третьих, ключевым фактором трансформации стала цифровизация. Переход на электронный документооборот, внедрение Единого реестра контрольных мероприятий и использование данных отраслевых ГИС позволили минимизировать субъективизм инспекторов и коррупционные риски. Правовое признание дистанционных методов контроля и предиктивной аналитики на основе Big Data открывает путь к созданию «интеллектуального надзора». Однако этот процесс требует дальнейшего совершенствования законодательства в части защиты персональных данных и обеспечения цифровой безопасности в столь чувствительной сфере, как социальная.

Несмотря на достигнутые успехи, в системе сохраняются критические пробелы, требующие опе-

ративного правового реагирования. К ним относятся:

1. Сохраняющееся дублирование функций между ведомствами, что создает избыточное давление на бюджетный сектор.
2. Слабая защищенность граждан перед «серым» рынком социальных услуг, где частные поставщики зачастую избегают любого государственного контроля.
3. Недостаточная регламентация ответственности за неисполнение рекомендаций, полученных в ходе профилактических мероприятий и мониторинга.

В качестве перспективных путей развития законодательства предлагается унификация регламентов межведомственного взаимодействия и перевод мониторинга в статус обязательного предиктивного инструмента для всех участников рынка социальных услуг. Необходимо законодательно закрепить статус «цифровых индикаторов риска» как полноценного юридического основания для контрольных действий.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: по подписке.
2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «Гарант». – Режим доступа: по подписке.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования: Федеральный закон от 21.07.2014 № 256-ФЗ. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4257.
6. О федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере здравоохранения: Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 № 1043. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
7. О федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования: Постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 997. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.
8. Абрамов, Р. А. Мониторинг как инструмент управления качеством в социальной сфере / Р. А. Абрамов. – Текст: непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 2. – С. 45–62.
9. Ноздрачев, А. Ф. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля / А. Ф. Ноздрачев, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 15–30.
10. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). – Раздел «Контрольно-надзорная деятельность». – URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2026). – Режим доступа: свободный.
11. Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий: [сайт]. – Москва, 2026. – URL: <https://proverki.gov.ru> (дата обращения: 14.01.2026). – Текст: электронный.

УДК 657.631

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ НА ПРИМЕРЕ АО «БЭТ»

ЯБЛОКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

*Научный руководитель: Аношина Юлия Федоровна,
д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики, финансов и капитала
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»*

Аннотация: В статье обоснована ключевая роль интеллектуального капитала (ИК) в обеспечении устойчивого развития экономических систем. Рассмотрены современные методы оценки ИК, проанализированы проблемы его отражения в учетно-отчетной системе. Особое внимание уделено аудиту интеллектуального капитала как инструменту контроля его эффективности и достоверности оценки. На примере промышленного предприятия АО «БЭТ» исследованы практические аспекты идентификации, оценки и контроля компонентов ИК. Разработаны рекомендации по интеграции данных об ИК в учетно-аналитическую систему и систему внутреннего контроля организации.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, оценка, аудит, бухгалтерский учет, управленческий учет, экономическое развитие, железобетонные шпалы, внутренний контроль.

**MODERN METHODS OF ASSESSING INTELLECTUAL CAPITAL AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF ECONOMIC SYSTEMS USING THE EXAMPLE OF BET JSC**

Yablokova Ekaterina Alekseevna*Scientific adviser: Anoshina Yulia Fedorovna*

Abstract: The article substantiates the key role of intellectual capital (IC) in ensuring the sustainable development of economic systems. Modern methods of IR assessment are considered, the problems of its reflection in the accounting and reporting system are analyzed. Special attention is paid to the audit of intellectual capital as a tool for monitoring its effectiveness and reliability of assessment. Using the example of the industrial enterprise of BET JSC, the practical aspects of the identification, evaluation and control of IC components are investigated. Recommendations have been developed for the integration of IC data into the accounting and analytical system and the internal control system of the organization.

Key words: intellectual capital, assessment, audit, accounting, management accounting, economic development, reinforced concrete sleepers, internal control.

Современный этап развития экономики характеризуется переходом к модели, в которой ключевым источником конкурентных преимуществ и драйвером роста выступают нематериальные активы,

объединяемые понятием «интеллектуальный капитал» (ИК). Это актуально для промышленных предприятий, таких как АО «БЭТ» (производство железобетонных шпал), чья конкурентоспособность определяется не только технологиями на производстве, но и накопленным опытом, квалификацией персонала, деловой репутацией и клиентскими отношениями. Однако традиционные системы бухгалтерского учета и финансового контроля, ориентированные на отражение материальных активов, зачастую не отражают стратегический ресурс. На примере АО «БЭТ» это выражается в том, что при балансовой стоимости НМА в 12% от активов и растущих инвестициях в НИОКР в размере 8% от выручки в 2024 г., ключевые компоненты ИК – человеческий и клиентский капитал – остаются «невидимыми» в отчетности. Это ведет к системной недооценке компании, неэффективному управлению и принятию необоснованных стратегических решений.

Цель исследования – разработать комплексный учетно-аналитический и контрольный подход к оценке ИК промышленного предприятия для повышения достоверности управленческой информации.

В работе использованы методы сравнительного и системного анализа для изучения эволюции концепций ИК и существующих методик его оценки. Метод экспертных оценок был применен для верификации значимости отдельных компонентов ИК именно для АО «БЭТ». В рамках практического исследования применены специальные аудиторские процедуры: выборочная проверка прав на НМА через базу Федерального института промышленной собственности (ФИПС), пересчет амортизации, аналитические процедуры (анализ трендов отдачи на НМА, снизившейся с 8,9 до 6,7 за 2022-2024 гг.), тестирование средств контроля. Информационную базу составили данные отчетности АО «БЭТ» за 2022-2024 гг. и внутренние нормативные документы.

Для такого предприятия, как АО «БЭТ», интеллектуальный капитал может быть структурирован в рамках классической трехкомпонентной модели:

1) Человеческий капитал представлен уникальным набором компетенций. Это высокая квалификация инженеров-технологов; навыки рабочих-бетонщиков; низкая текучесть кадров (3% в ключевом подразделении).

2) К структурному капиталу относятся запатентованные технологии производства и предварительного натяжения арматуры, специализированное программное обеспечение для автоматизированного контроля качества на всех этапах производства, отработанная и эффективная организационная структура, а также сертифицированная система менеджмента качества.

3) Клиентский капитал включает в себя долгосрочные стратегические контракты с крупными инфраструктурными компаниями, высокая деловую репутацию (бренд).

Анализ показал, что наиболее релевантными для АО «БЭТ» являются не один, а комплекс методов оценки. Для человеческого капитала информативным является метод расчета стоимости одного работника, учитывающий инвестиции в его обучение и совокупную производительность. Для интегральной оценки вклада ИК в формирование финансового результата эффективен метод избыточной прибыли, позволяющий выделить долю прибыли, генерируемую именно нематериальными активами. На оперативном уровне управления предлагается внедрение метода балльной оценки по ключевым показателям эффективности (KPI) для каждого компонента ИК. Например, для человеческого капитала это может быть количество реализованных рационализаторских предложений, для структурного – процент бракованной продукции, для клиентского – доля рынка и индекс удовлетворенности клиентов.

Ключевой проблемой остается ограниченное отражение ИК в формализованной бухгалтерской отчетности, так как внутренне созданные нематериальные активы часто не соответствуют жестким критериям, предъявляемым как российскими стандартами бухгалтерского учета (РСБУ), так и Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО). Выход видится в развитии системы управленческого учета и формировании аналитического отчета об интеллектуальном капитале, как приложение к годовой финансовой отчетности.

Для АО «БЭТ» в такой отчет целесообразно включать следующие блоки:

динамику и структуру затрат на НИОКР с количественной оценкой их результативности;

объем и направления инвестиций в обучение и развитие персонала, соотнесенные с ростом производительности труда;

количественные и качественные показатели инновационной активности (число поданных заявок на патенты и так далее);

результаты регулярных оценок клиентской лояльности и деловой репутации.

Возрастание роли ИК требует развития контрольных функций – аудита интеллектуального капитала. Он должен быть нацелен не на формальную проверку документального оформления, а на оценку эффективности управления нематериальными активами. В рамках АО «БЭТ» такой аудит может включать три ключевых блока процедур.

Оценочные процедуры направлены на верификацию обоснованности и последовательности применения выбранных методов оценки ИК. Аудитор проверяет корректность расчетов, достоверность исходных данных и соответствие методик отраслевой специфике.

Процедуры контроля сфокусированы на проверке действенности системы защиты интеллектуальной собственности (патентов, ноу-хау), анализе внутренних регламентов, регулирующих процессы создания и передачи знаний внутри организации, оценке рисков утечки ключевых компетенций.

Аналитические процедуры являются наиболее сложными и значимыми. Они предполагают оценку отдачи от инвестиций в ИК (ROI), анализ корреляции между динамикой показателей ИК и финансовыми результатами компании, а также моделирование влияния ИК на ее рыночную стоимость.

Результатом аудита становится развернутый аналитический отчет для руководства, содержащий выводы о качестве управления стратегическими активами компании и рекомендации по снижению рисков, связанных с ИК.

Устойчивое развитие экономической системы промышленного предприятия в современных условиях, на примере АО «БЭТ», напрямую зависит от его способности идентифицировать, оценивать и эффективно управлять своим интеллектуальным капиталом. Предложенный комплексный подход, объединяющий методы оценки, трансформацию систем учета и отчетности и внедрение специализированного аудита, позволяет решить несколько важных задач. Во-первых, он делает интеллектуальный капитал «видимым», измеряемым и, следовательно, управляемым ресурсом, выводя его из тени материальных активов. Во-вторых, он создает надежную информационную основу для принятия обоснованных инвестиционных и инновационных решений, снижая степень неопределенности. В-третьих, за счет повышения прозрачности и раскрытия информации об ИК, компания укрепляет доверие инвесторов, контрагентов и государства, что в конечном итоге повышает ее рыночную стоимость и инвестиционную привлекательность.

Внедрение данной модели в практику АО «БЭТ» и аналогичных предприятий будет способствовать формированию новых стандартов в области учета, анализа и контроля ключевых факторов экономического роста.

Список источников

1. Приказ Минфина России от 30.05.2022 № 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=136829-prikaz_minfina_rossii_ot_30.05.2022__86n_ob_utverzhdenii_federalnogo_standarta_bukhgalterskogo_ucheta_fsbu_142022_nematerialnye_aktivy (08.01.2026)

2. Федотова М. А. [и др.], Интеллектуальный капитал компании: управление и оценка. – Финансовый ун-т при Правительстве Российской Федерации. - Москва: Финансовый ун-т при правительстве РФ, 2014. - 250 с..

3. Быкова А. А., Молодчик М. А. Влияние интеллектуального капитала на результаты деятельности компании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. «Менеджмент». – 2011. – № 1.

4. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38 «Нематериальные активы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2016/02/main/IAS38.pdf> (08.01.2026)

5. Внутренние документы и данные управленческой отчетности АО «БЭТ» за 2022-2024 гг.

© Е.А. Яблокова, 2026

УДК 330

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

НУРИЕВ РУСЛАН АЛЕКСЕЕВИЧстудент
РЭУ им. Г. В. Плеханова*Научный руководитель: Грызунова Наталья Владимировна
д.э.н., профессор
РЭУ им. Г. В. Плеханова*

Аннотация. В статье рассказывается о развитии малого бизнеса на примере анализа стартапа в российском регионе с использованием качественного метода анализа кейсов. Рассматриваются мотивы, способствующие развитию малого бизнеса, проблемы инвестиционной активности, гибкость бизнеса в плане адаптации к требованиям потребительского рынка.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательская деятельность, источники инвестиций, клиентоориентированный подход, семейный бизнес.

REGIONAL SMALL BUSINESS DEVELOPMENT STRATEGIES: EXPERIENCE IN QUALITATIVE ANALYSIS

Nuriev Ruslan Alekseevich*Scientific adviser: Gryzunova Natalia Vladimirovna*

Abstract. The article talks about the development of small business on the example of a start-up analysis in the Russian region using the qualitative method of case study analysis. The motives contributing to the development of small business, the problems of investment activity, business flexibility in terms of adaptation to the demands of the consumer market are considered.

Key words: Small business, entrepreneurial activity, sources of investment, client-oriented approach, family business.

Малый бизнес по праву читается фундаментом развития региональной рыночной экономики, поскольку именно малые предприятия гибко реагируют на перемены в финансово-экономической сфере, быстро создают рабочие места, являются налогоплательщиками, пополняющими местные бюджеты. Малый бизнес является очень жизнеспособным, отечественные исследования показывают, что до 70% случаев при ликвидации малого бизнеса предприниматели открывают новый. Большой интерес представляет изучение стартапа малого бизнеса, факторов, влияющих на решение об открытии «своего дела», оценка эффективности существующей системы поддержки малого предпринимательства, трудностей и барьеров, определяющих его развитие. Эти и некоторые другие вопросы автор постаралась рассмотреть на примере анализа стартапа конкретного малого бизнеса, с применением качественного метода исследования.

Определение «субъект малого предпринимательства» закреплено в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ». В соответствии с этим законом к субъектам малого предпринимательства можно отнести: Юридические лица - коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных тий); Юридические лица – некоммерческие организации в форме потребительских кооперативов (например, кредитных, снабженческо-сбытовых, перерабатывающих и др.); Физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (ПБОЮЛ); Крестьянские (фермерские) хозяйства.

Ю Указанные категории хозяйствующих субъектов должны соответствовать следующим условиям: для юридических лиц - суммарная доля участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, иностранных юридических лиц, иностранных граждан, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов в уставном капитале указанных юридических лиц не должна превышать 25%; или доля участия, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого предпринимательства, не должна превышать 25%; средняя численность работников не должна превышать для малых предприятий до 100 человек включительно (среди малых предприятий выделяют также микропредприятия (микробизнес) с численностью занятых от 1 до 15 человек, для индивидуальных предпринимателей до 100 человек включительно). Выручка от реализации товаров (работ, услуг) и (или) остаточная стоимость основных средств не должна превышать для микропредприятий - 60 млн рублей в год; для малых предприятий - 400 млн рублей в год; для индивидуальных предпринимателей предельный объем выручки не установлен.

Для запуска производства было приобретено современное оборудование иностранного производства общей стоимостью 37 тыс. долларов США. Финансирование осуществлялось за счет личных накоплений семьи, а также заемных средств, полученных от родственников. Кроме того, для привлечения необходимого капитала учредителям пришлось реализовать личное имущество, включая автомобиль и дачный участок. Производственная деятельность была организована в арендованном помещении площадью 74 кв. м.

На начальном этапе ассортимент продукции был ограничен семью видами хлеба. В дальнейшем предприятие существенно расширило номенклатуру выпускаемых изделий. В настоящее время в ассортименте представлено 13 видов хлеба, 9 разновидностей тортов, 11 наименований пирожных, а также другие кондитерские изделия. Дополнительно была открыта небольшая кофейня. С целью расширения производства и диверсификации деятельности в конце 2018 года было приобретено дополнительное оборудование стоимостью 56 тыс. долларов США. Источником инвестиций стали частные вложения друзей семьи, поскольку несколько коммерческих банков отказали предприятию в предоставлении кредитных ресурсов.

С самого начала ведения бизнеса одной из приоритетных стратегических задач стало формирование устойчивой базы постоянных клиентов. Для достижения этой цели использовался индивидуализированный, неформальный подход к каждому покупателю, включающий доброжелательное общение, персональные консультации, гибкую систему скидок, поздравления с личными событиями, а также изготовление продукции с учетом индивидуальных вкусовых предпочтений. Реализация клиентоориентированной стратегии позволила предприятию сформировать круг из более чем 500 постоянных клиентов, каждый из которых посещает булочную не реже одного раза в неделю.

В 2021 году ООО «Пышка» удалось привлечь долгосрочный банковский кредит, направленный на строительство собственного помещения площадью 280 кв. м, в котором планируется размещение булочной, кондитерского цеха, кофейни и кафе. Несмотря на трансформации и развитие семейного бизнеса, его ценностная основа остается неизменной и выражается в стремлении не только предлагать качественную продукцию, но и создавать для клиентов положительные эмоции и комфортную атмосферу.

Проведенный анализ данного кейса подтверждает значимость малого предпринимательства для социально-экономического развития регионов. Данный сектор играет ключевую роль в насыщении рынка необходимыми товарами и услугами, заполнении свободных рыночных ниш и формировании конку-

рентной среды. Конкуренция, в свою очередь, способствует повышению качества продукции и расширению потребительского выбора при сохранении доступного уровня цен.

Малое предпринимательство характеризуется высокой динамичностью и способностью к быстрой адаптации по сравнению с крупными компаниями. Гибкость в изменении ассортимента и оперативная реакция на колебания потребительского спроса позволяют данному сектору обеспечивать устойчивость рыночной экономики в условиях нестабильности. Кроме того, малый бизнес является важнейшим фактором формирования среднего класса, который служит социальной и политической опорой государства.

Проведённый качественный анализ региональных стратегий развития малого бизнеса позволяет сделать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическую, так и практическую значимость. Малое предпринимательство выступает одним из ключевых факторов социально-экономического развития территорий, обеспечивая диверсификацию экономики, создание рабочих мест, рост налоговой базы и повышение устойчивости региональных социально-экономических систем. В этой связи эффективность региональных стратегий его поддержки приобретает особое значение в условиях структурных преобразований, внешнеэкономической нестабильности и неоднородности пространственного развития. Результаты исследования показывают, что региональные стратегии развития малого бизнеса в значительной степени различаются по уровню проработанности, целеполаганию и инструментарию реализации. В ряде регионов стратегии носят системный характер, интегрированы в общую стратегию социально-экономического развития и ориентированы на формирование благоприятной предпринимательской среды. В других случаях наблюдается фрагментарность подходов, формальный характер стратегических документов и слабая увязка заявленных целей с реальными механизмами поддержки малого бизнеса. Это свидетельствует о необходимости повышения качества стратегического планирования на региональном уровне. Качественный анализ позволил выявить, что наиболее результативные региональные стратегии основываются на учёте территориальной специфики, отраслевой структуры экономики и уровня предпринимательской активности. Эффективные практики включают развитие инфраструктуры поддержки малого бизнеса, расширение доступа к финансовым ресурсам, внедрение образовательных и консультационных программ, а также формирование устойчивых каналов взаимодействия между органами власти, бизнесом и институтами развития. В то же время универсальные, шаблонные меры поддержки без адаптации к региональным условиям демонстрируют ограниченную эффективность. Особое внимание в ходе исследования было уделено институциональным аспектам реализации региональных стратегий. Установлено, что наличие формально закреплённых мер поддержки не всегда сопровождается их практической доступностью для субъектов малого бизнеса. Административные барьеры, недостаточная информированность предпринимателей, а также дефицит кадровых и финансовых ресурсов на местах снижают результативность реализуемых программ. Это подчёркивает необходимость не только разработки стратегических документов, но и формирования эффективных механизмов их исполнения и мониторинга. Важным выводом является то, что качественный анализ позволяет выявить скрытые проблемы и ограничения, которые не всегда отражаются в количественных показателях. Интерпретация экспертных оценок, анализ содержания стратегий и практик их реализации дают более глубокое понимание реальных процессов развития малого бизнеса в регионах. Такой подход способствует выявлению институциональных дисбалансов, противоречий между целями и инструментами политики, а также факторов, влияющих на предпринимательскую активность. В целом можно заключить, что повышение эффективности региональных стратегий развития малого бизнеса требует комплексного и адаптивного подхода. Он должен включать регулярное обновление стратегических приоритетов, усиление межуровневой координации, расширение участия предпринимательского сообщества в процессе стратегического планирования, а также использование качественных методов анализа при оценке результатов реализуемой политики. Реализация данных направлений будет способствовать формированию устойчивой системы поддержки малого бизнеса и повышению его вклада в социально-экономическое развитие регионов.

Список источников

1. П.Н. Ануфриев, А.В. Плотников. Малый бизнес Кировской области: состояние, проблемы и перспективы развития.- Издательский дом «Дело» РАНХиГС, М., 2012. – 146 с.
2. Малое и среднее предпринимательство в России. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>
3. Международное агентство по возобновляемым источникам энергии. Возобновляемая энергетика: анализ затрат в 2023 году: монография. – Абу-Даби: IRENA. – 2023. – 147 с.
4. Богданов Д. В., Филиппов С. П. Механизмы государственной поддержки возобновляемой энергетики: сравнительный анализ международного опыта // Экономика и управление. – 2024. – № 3 (187). – С. 45-52.
5. Григорьев Л. М., Курдин В. А. Инвестиции в возобновляемую энергетику: тенденции и детерминанты // Вопросы экономики. – 2024. – № 6. – С. 78-95.
6. Финансовый менеджмент в ESG-экономике. Ермилова М.И., Грызунова Н. В., Косов М.Е., Церцеил Ю.С., Абрамова Н.М. Учебник / Москва, 2025.
7. Грызунова Н.В. Развитие механизма финансирования инфраструктурных проектов на основе финансовых моделей девелопмента/ В сборнике: Национальные экономики в условиях глобальных и локальных трансформаций. Сборник статей международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 42-47
8. Лукша О. П. Экономика энергетического перехода: издержки и выгоды // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. – № 4 (60). – С. 112-131.
9. Макаров А. А., Веселов Л. В., Макарова А. С. Эволюция рынков электроэнергии в условиях энергетического перехода // Энергетическая политика. – 2024. – № 2 (192). – С. 24-39.
10. Ратнер С. В., Нижегородцев К. Д. Аукционные механизмы поддержки возобновляемой энергетики: опыт и перспективы // Финансы и кредит. – 2023. – Т. 29, № 11. – С. 2544-2563.
11. Семикашев В. В. Корпоративные закупки возобновляемой энергии как инструмент финансирования энергетического перехода // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 1 (202). – С. 156-167.

© Р.А.Нуриев, 2026

UDC 338.45

MODERN PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF NON-FERROUS METALLURGY IN RUSSIA: THE CASE OF HEAVY AND PRECIOUS METAL PRODUCTION

MAKLAKOVA ANNA SERGEEVNA

Student

Stary Oskol Technological Institute named after A.A. Ugarov (branch) NUST «MISIS» Russia, Stary Oskol

Abstract. This paper examines how Russia's output of heavy non-ferrous metals (nickel and copper) and precious metals (gold and platinum) has evolved over the period 2015-2025. Tracking these changes makes it possible to assess the prevailing trends and to outline the most likely directions of growth in the near term. The analysis suggests that the Russian non-ferrous sector has a strong capacity to adapt: further progress will depend on bringing new deposits into production, expanding low-carbon ("green") process solutions, and strengthening market positions in Asia.

Keywords: Russian non-ferrous metallurgy, heavy non-ferrous metals, precious metals, copper output, gold mining, nickel market, import substitution, sanctions pressure, technological modernization.

MODERN PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF NON-FERROUS METALLURGY IN RUSSIA: THE CASE OF HEAVY AND PRECIOUS METAL PRODUCTION

Maklakova Anna Sergeevna

Аннотация. В данной статье рассматривается динамика производства тяжелых цветных металлов (никель и медь) и ценных металлов (золото и платина) в России за период 2015-2025 годов. Отслеживание этих изменений позволяет оценить преобладающие тенденции и наметить наиболее вероятные направления роста в ближайшей перспективе. Анализ показывает, что российский сектор цветной металлургии обладает высокой способностью к адаптации: дальнейший прогресс будет зависеть от ввода в эксплуатацию новых месторождений, расширения низкоуглеродных ("зеленых") технологических решений и укрепления рыночных позиций в Азии.

Ключевые слова: российская цветная металлургия, тяжелые цветные металлы, драгоценные металлы, производство меди, добыча золота, рынок никеля, импортозамещение, санкционное давление, технологическая модернизация.

Introduction. Russia's non-ferrous mining and metallurgical complex is endowed with large resource reserves and plays a key role in the national economy. At the same time, a review of the industry shows that it still trails global leaders in production and exports as well as in domestic consumption of non-ferrous products. The gap is most visible in the economic performance indicators of many enterprises. Closing it requires a more intensive rollout of innovations, supported by management focused on selecting and implementing the most effective production-development projects.

The relevance of this study is driven by several factors. Non-ferrous metallurgy directly supports Russia's defense capability and its technological sovereignty. Restrictions introduced in recent years and the

reduction of access to traditional European markets have forced companies to search for new sales niches and to rebuild supply chains. In parallel, the global decarbonization agenda demands substantial investment in cleaner processes, which is both a challenge and an opportunity. Therefore, understanding current dynamics and building realistic production forecasts for heavy and precious metals is important not only for industry analysts, but also for shaping industrial policy.

Research object. Non-ferrous metallurgy of the Russian Federation as an integrated economic system.

Research subject. The dynamics of output for heavy metals (nickel and copper) and precious metals (gold and platinum) over the period 2015-2025.

Research goal. To identify the key trends, constraints, and development prospects for heavy and precious metal production in Russia under contemporary conditions.

Objectives:

1. To define the essence of the concept “non-ferrous metallurgy”.
2. To explain why non-ferrous metallurgy is of interest for consideration.
3. To indicate a number of negative trends and unresolved problems that may affect the development of the industry in the future.
4. To examine the dynamics of nickel production for the period 2010–2022.
5. To examine the dynamics of copper production for the period 2010–2022.
6. To examine the dynamics of gold production for the period 2010–2022.
7. To examine the dynamics of platinum production for the period 2010–2022.
8. To identify the factors that hinder achieving high production efficiency.
9. To provide an overall conclusion.

Results and discussion. Non-ferrous metallurgy is a branch of metallurgy that covers the extraction of non-ferrous metal ores, their beneficiation, and the smelting of non-ferrous metals and alloys. It comprises copper, lead-zinc, nickel-cobalt, aluminum, titanium-magnesium, tungsten-molybdenum, and antimony-mercury industries, along with the mining and production of silver, gold, other precious metals, rare metals, semiconductor materials, and hard alloys [1].

The mining-and-processing complex for non-ferrous and rare metals is one of the foundational segments of the Russian economy and has considerable capacity. Today, more than 500 enterprises operate in the extraction and processing of non-ferrous and rare-metal ores, including 65 underground mines, 20 open pits, and 60 concentrators. Overall, non-ferrous metallurgy as a basic sector of Russia’s economy brings together over 1.5 million organizations. For several metals, Russia ranks among the world’s top five producers, and at least 80% of produced non-ferrous metals are exported [3].

Russian non-ferrous production is concentrated in several major regions. The Urals, with its copper and bauxite deposits, is a key base, while Siberia hosts large industrial hubs such as Krasnoyarsk, Novosibirsk, and Irkutsk. A special role belongs to the Taimyr area in Krasnoyarsk Krai, which is of global significance. Other important territories include the Kola Peninsula, Zabaykalsky Krai, and Orenburg Oblast.

Non-ferrous metallurgy is highly compatible with other industries. Such integration is supported by the utilization of by-products generated during smelting, since non-ferrous ores usually contain very low fractions of valuable components. Copper, lead, zinc, nickel, and tin ores often include only a few percent, or even fractions of a percent, of the principal metal. As a result, non-ferrous production is materially intensive and tends to be located close to raw-material bases. Beneficiation is tied to mining sites, whereas final stages of many production chains are oriented toward consumers and low-cost electricity sources [2].

Alongside its strengths, the Russian non-ferrous sector has accumulated negative tendencies and unresolved issues formed under a combination of internal and external pressures. These factors may shape the industry’s trajectory in the future, including:

The renewal rate of fixed assets (about 2.5%) is roughly half of the minimum required level (4-5%), which leads to technological lag and weakens international competitiveness.

Many companies face difficult financial conditions that are aggravated by rising prices charged by monopolistic suppliers and by an inefficient tax framework. Railway tariffs are a particularly acute issue: since

metallurgy accounts for around 80% of freight flows, a differentiated tariff system is needed to protect shippers' interests. Higher transport costs have also fuelled inflation, especially in remote regions, calling for stronger regulatory measures.

Enterprises experience a pronounced shortage of internal funds for development. Addressing the listed constraints should be treated as a core priority for the industry [3].

In 2022, Russia produced about 220,000 tonnes of nickel (in pure metal content), which is 15.79% higher than in 2021, when output amounted to 190,000 tonnes. This was the first year of growth after a decline. Over the available time series since 1992, production increased by a factor of roughly 1.03. The historical maximum was recorded in 2004 at 315,000 tonnes, while the minimum (190,000 tonnes) occurred in 2021 [4].

Let us examine nickel production dynamics for 2010-2022 and interpret the observed changes [4].

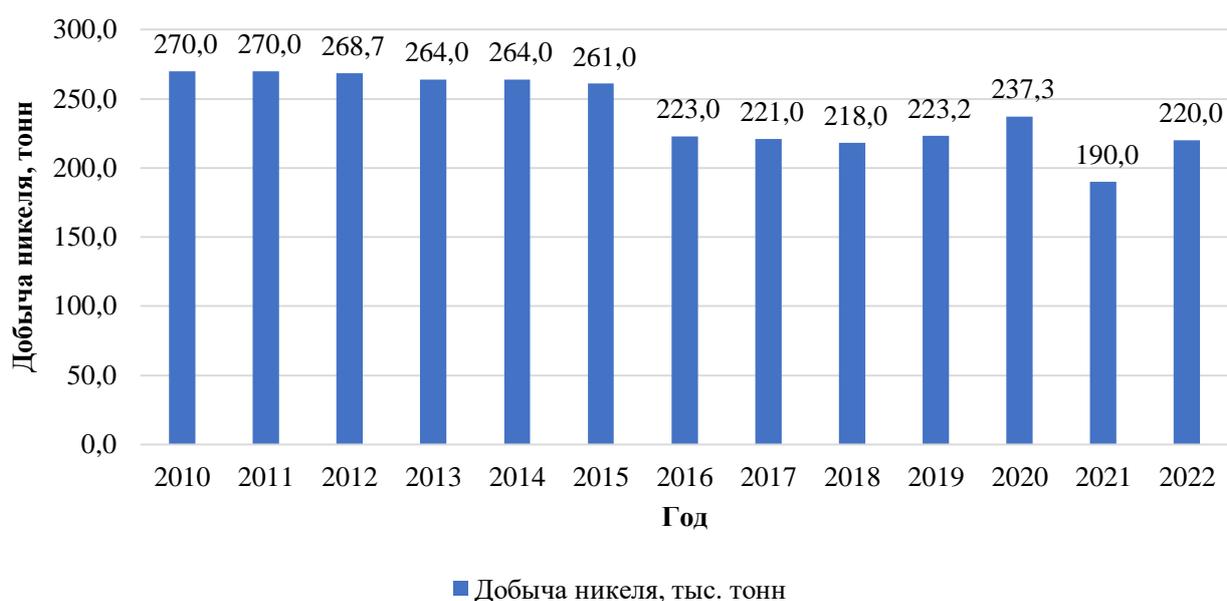

Fig. 1. Nickel production in Russia in 2010-2022 (Rosstat data)

The chart highlights two distinct phases. From 2010 to 2015, nickel output remained high and fairly steady, hovering around 260-270 thousand tonnes, which indicates sector resilience. A sharp drop followed in 2016-2018, when production fell to roughly 218-223 thousand tonnes. This decline could be linked to scheduled maintenance at key enterprises or to weaker global demand. Starting in 2019, production began to recover, and by 2021 it nearly returned to the earlier highs. One major driver was the growing worldwide need for nickel in batteries and stainless steel. Despite the mid-period downturn, Russia's nickel industry demonstrated flexibility and retained its importance in the global market.

Copper accounts for more than one quarter of total smelting output. The metal is obtained from copper ore, where the copper content can reach 30-35%. A second important feedstock source is secondary processing products. Major copper ore deposits are located in Russia, Kazakhstan, Chile, the United States, Canada, equatorial Africa, and China [5].

Let us consider copper production in Russia during 2010-2022, analyze the data, and draw conclusions [6].

Over the period, copper output shows a clear upward trend despite several noticeable dips. In 2010, production was about 702.7 thousand tonnes, and by 2022 it had increased to 948 thousand tonnes, implying overall growth of roughly 35% in twelve years. The expansion reflects long-term strategies of large companies (including Norilsk Nickel, UMMC, and the Russian Copper Company) aimed at capacity increases, modernization, and the development of new deposits. Large investment programs in new mining areas and upgraded facilities have been the principal growth factor. The 2014 ruble depreciation also boosted profitability and supported further expansion. Even so, the sector managed to adjust to the 2022 sanctions by redirecting export flows and leveraging its strategic significance for the global economy, ultimately reaching record values.

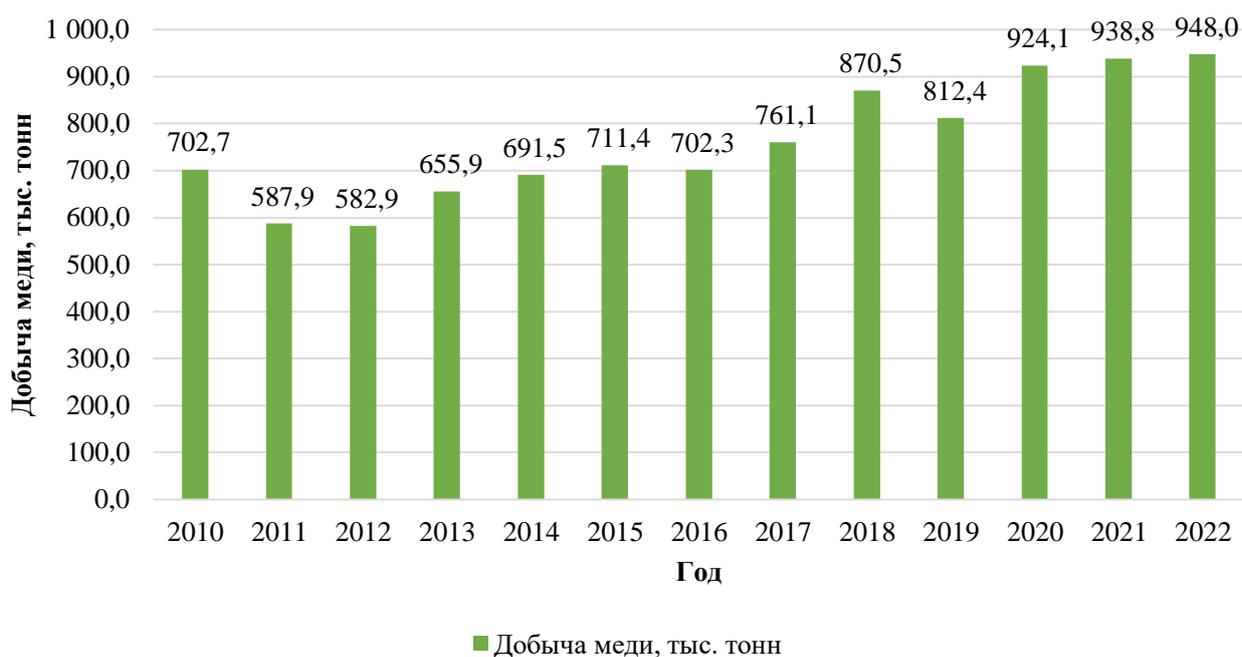

Fig. 2. Copper production in Russia in 2010-2022 (Rosstat data)

Among precious materials, gold and platinum are of particular interest. Gold helps reinforce international reserves and supports the ruble exchange rate. In periods of global economic uncertainty, it is often used as a hedge against external risks. Platinum, in turn, is in demand in the automotive, jewelry, chemical, and medical industries; for example, it is used in catalysts for diesel engines.

Let us examine gold production dynamics for 2010-2022, analyze the results, and draw conclusions [7].

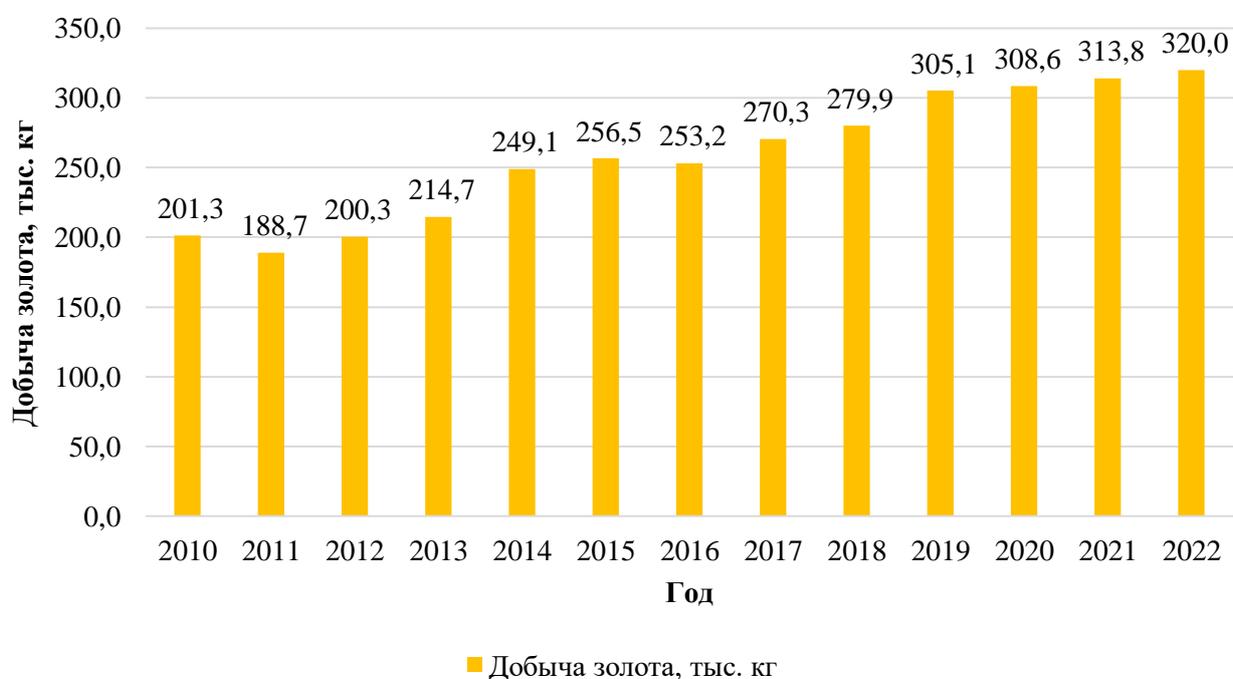

Fig. 3. Gold production in Russia in 2010-2022 (Rosstat data)

The series displays a monotonic and steady increase across the entire period. Output rose from about 188.7 thousand kg in 2010 to 320.0 thousand kg in 2022, which corresponds to roughly 70% growth in thirteen

years. Russia consistently ranks among the world's top three gold producers. Unlike copper, gold mining did not experience sharp collapses; only a temporary slowdown is visible. Overall, gold remains a strategic and highly successful asset for Russia, combining stability with sustained expansion.

The upward trend in Russia's gold output has been enabled by long-term investment programs. The dynamics are closely linked to the multi-year cycle of developing large deposits. In addition, the sector weathered the shocks of 2014-2015 and 2020 by using currency depreciation as a competitiveness advantage and by maintaining operations through the pandemic. After 2022, the role of gold in Russia's economy and financial system increased sharply: it became an important tool for maintaining financial stability and supporting exports under sanctions pressure. The potential for further growth remains substantial thanks to a sizeable resource base and ongoing exploration.

Let us review platinum production dynamics for 2010-2022, analyze the results, and draw conclusions [8].

Fig. 4. Platinum production in Russia in 2010-2022 (Rosstat data)

In contrast to the consistent growth of gold and the upward trajectory of copper, platinum production shows an unstable pattern without a clear long-term increase. Over thirteen years, output not only failed to expand but actually declined from 24.9 thousand kg in 2010 to 20.2 thousand kg in 2022. The period is cyclical: rises alternate with drops, and the core range fluctuates around 20-25 thousand kg. Among the metals reviewed, platinum appears to be the weakest link. Its outlook largely depends on the successful and safe implementation of Norilsk Nickel's projects to develop deeper horizons in existing mines and on large-scale infrastructure modernization.

Despite tangible achievements, the industry faces a set of internal challenges. The most significant are technological lag, high equipment wear, and excessive resource consumption [9].

Factors restraining growth:

Slow adoption of advanced technologies and innovations.

Lower quality of mineral raw materials compared with leading global producers.

Deposit development is complicated by harsh conditions and by the low profitability of sites with small reserves.

A lack of small and medium-sized firms that could diversify the product range.

Extremely high electricity consumption (for instance, about 17,000 kWh per tonne of aluminum).

Rising environmental pressure, uneven spatial distribution of production, and gradual depletion of the resource base.

To stimulate development, the state uses a range of instruments: import restrictions, tax incentives (in-

cluding the elimination of excise duties), direct investment, grants, and subsidies. Support is provided both to greenfield projects and to upgrades of existing capacities. One example is the initiative to exempt certain exports from duties and to allocate 4 billion rubles to a mining-and-processing plant in Tuva.

A central priority is the introduction of innovative technologies that raise productivity and improve product quality. Together with logistics development, this can expand both domestic demand and export potential. Plans also include a transition toward a “green” economy by increasing processing depth and reducing harmful emissions. A promising direction is the creation of specialized Arctic clusters using small-scale nuclear power solutions. At the same time, policy measures will aim to close outdated plants and to increase the share of secondary raw materials in production [9].

For Russian producers engaged in the extraction and processing of non-ferrous metals, a strategic task is to achieve technological and technical sovereignty. The country has several supportive conditions: strong reserves of natural raw materials, a concentrated production structure, acceptable tariffs of domestic monopolies, extensive state support, and investment projects focused on modernization and the restructuring of inefficient capacities. As a result, the industry supplies the domestic market while also strengthening its export capabilities.

References

1. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цветная_металлургия_России (date of reference: 12.01.2026).
2. [Electronic resource] Non-ferrous metallurgy of Russia: geography and location factors. URL: <https://foxford.ru/wiki/geografiya/cvetnaya-metallurgia-rossii> (date of reference: 14.01.2026).
3. [Electronic resource] Solovyova, M. V., Spiridonova, T. E. Current state and key problems in the development of non-ferrous metal production in Russia. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-osnovnye-problemy-razvitiya-proizvodstva-tsvetnyh-metallov-v-rossii> (date of reference: 15.01.2026).
4. [Electronic resource]. URL: <https://statbase.ru/data/rus-nickel-production/> (date of reference: 13.01.2026).
5. [Electronic resource] Non-ferrous metallurgy: development strategies. URL: <https://fabricators.ru/article/cvetnaya-metallurgiya> (date of reference: 16.01.2026).
6. [Electronic resource]. URL: <https://statbase.ru/data/rus-copper-production/> (date of reference: 13.01.2026).
7. [Electronic resource]. URL: <https://statbase.ru/data/rus-gold-production/> (date of reference: 13.01.2026).
8. [Electronic resource]. URL: <https://statbase.ru/data/rus-platinum-production/> (date of reference: 13.01.2026).
9. [Electronic resource]. URL: <https://заводы.рф/publication/cvetnaya-metallurgiya-rossii> (date of reference: 16.01.2026).

УДК 339

РОЛЬ РОССИИ В БРИКС

СЕЛЕЗНЕВА ВИКТОРИЯ АЛЕКСЕЕВНА,
ЧАПЛИЕВ ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ,
ГВОЗДКОВА КСЕНИЯ СТАНИСЛАВОВНА,
БОЧАРОВА ДИАНА ВАДИМОВНА

студенты

СПбГЭУ «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Аннотация: в статье описывается роль России в БРИКС и её приоритеты, закреплённые во внешнеполитических концепциях. Рассматривается вклад в политико-безопасностную, гуманитарную и экономико-финансовую повестку, включая инициативы по расчётам в нацвалютах, развитию платёжной инфраструктуры, энергетике и климату. Отдельно показана динамика торговли России со странами БРИКС под влиянием COVID-19 и санкций.

Ключевые слова: Россия, БРИКС, безопасность, гуманитарное сотрудничество, экономика, нацвалюты, платёжная инфраструктура, энергетика, товарооборот, санкции.

THE ROLE OF RUSSIA IN BRICS

Selezneva Victoria Alekseevna,
Chapliev Gleb Yurievich,
Gvozdkova Ksenia Stanislavovna,
Bocharova Diana Vadimovna

Abstract: The text outlines Russia's role in BRICS as defined in key foreign-policy concepts. It covers Russia's contributions to the political/security, humanitarian, and economic/financial tracks, including national-currency settlements, payment infrastructure, energy and climate initiatives. It also summarizes Russia's trade dynamics with BRICS members amid COVID-19 and sanctions.

Keywords: Russia, BRICS, security, humanitarian cooperation, economy, national currencies, payment infrastructure, energy, trade, sanctions.

Как известно, Россия является одной из стран – основательниц БРИКС и занимает не маловажное место в этом объединении. С самого начала формирования объединения Россия активно участвовала во всех процессах и по сей день приносит значительный вклад в его развитие.

Российский подход к участию в БРИКС сформулирован в Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. и в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС от 9 февраля 2013 г. Его суть заключается в укреплении многопланового стратегического партнерства и повышении роли объединения в мире. Также Россия поддерживала инициативы по расширению состава БРИКС. Так как для России приоритетной задачей стоит укрепление взаимодействия с государствами Мирового большинства через институты объединения.

Можно выделить следующие основные направления сотрудничества БРИКС, где следует выделить роль России:

1) политика и безопасность:

– Россия уделяет особое внимание координации стран БРИКС на ключевых международных площадках, включая ООН и "Группу двадцати". В рамках этой стратегии по российской инициативе создан механизм консультаций по вопросам ВТО для выработки единых подходов к торговой политике.

На саммите в Рио-де-Жанейро в 2025 Россия предложила начать экспертные консультации по реформированию ООН. Эти стратегии направлены против фрагментации международной торговой системы и на укрепление позиций развивающихся стран;

- Россия уделяет внимание безопасности, в частности это борьба с терроризмом, нелегальным оборотом наркотиков, преступностью. В связи этим были приняты Антитеррористическая стратегия БРИКС (2020 г.) и позиционный документ, определяющий направления деятельности Рабочей группы БРИКС по антитеррору на перспективу (2024 г.);

- благодаря российской инициативе достигнуты значительные успехи в сотрудничестве по мирному использованию космоса, включая соглашение о спутниковой группировке для дистанционного зондирования Земли и выдвинута идея по созданию Совета БРИКС по космосу.

2) культурные и гуманитарные контакты:

- достигнуты успехи в сфере науки и образования. По инициативе со стороны России создана рабочая группа в сфере социальных и гуманитарных наук;

- в сфере здравоохранения приоритетом является решение вопроса с массовыми заболеваниями. Россия выделилась запуском медицинского журнала, созданием системы раннего предупреждения инфекционных заболеваний, учреждение Медицинской ассоциации БРИКС;

- Россия активно развивает культурно-гуманитарную сферу в рамках БРИКС. Например, создание Гражданского совета БРИКС в 2024 году, Альянса народной танцевальной культуры БРИКС и Ассоциация киношкол БРИКС, Проведение Спортивных игр БРИКС в Казани (2024) с участием более 5000 спортсменов из 80 стран.

3) экономика и финансы:

- БРИКС продвигает переход к использованию национальных валют во взаимных расчетах и уделяет внимание разработки независимых платежных механизмов. Россия со своей стороны ставит в приоритет следующие инициативы: Трансграничная платежная инициатива, запуск инфраструктуры «БРИКС Клар» и перестраховочной компании БРИКС.

- В 2024 году сразу несколько российских инициатив получили одобрение, а именно, запущены проекты по созданию Зерновой биржи БРИКС, Форума налоговых служб стран БРИКС;

- Россия занимает важное место в развитии энергетического сотрудничества через Платформу энергетических исследований. Также продвигается климатическая повестка, по российской инициативе приняты рамочная основа по сотрудничеству в сфере борьбы с изменением климата и декларация лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию.

Более подробно стоит рассмотреть экономическое направление, а именно торговый оборот России со «ядром» БРИКС-5 и влияние на его динамику санкций. Торговые отношения России и Бразилии начались в 1850-х гг.

Как указано в работе в период с 2010 по 2019 год наблюдался стабильный товарооборот между странами и варьировался в пределах 4,3 – 6,5 млрд долларов США. В период COVID-19 товарооборот сократился и составил 4 млрд долларов США. Со стороны России был принят ряд мер по стимуляции торговли, так удалось улучшить показатели торгово-экономического сотрудничества. В 2025 г. – рекордные 12,4 млрд долларов США, при этом них 11 млрд составил экспорт российских товаров.

Сотрудничество Индии и России началось со времен СССР в 1950–1960-х гг. С 2015 по 2019 год рост товарооборота с 7,7 до 11,2 млрд долларов США. Пандемия коронавирусной инфекции коснулась экономических отношений Индии и России, товарооборот в 2021 году снизился до 7,5 млрд долларов США. В последующие годы экономические отношения были налажены, зафиксирован рекорд товарооборота – 70,6 млрд долларов США в 2024 году.

В 1949 г. были установлены дипломатические отношения КНР и СССР. Сегодня Китай является крупнейшей экономикой мира и ключевым центром силы. Для России КНР представляет особый интерес как стратегический партнер, особенно в контексте ухудшения отношений с западными странами. С 2010 по 2020 год наблюдается постепенный рост с 55,5 до 110,9 млрд долларов США. В 2021 году небольшой спад до 107,6 млрд. долларов США связанный с коронавирусной инфекцией. Далее наблюдается резкий рост до рекордного значения в 2024 году – 245 млрд долларов США.

Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Южно-Африканской Республикой были установлены в 1992 году. Несмотря на это, товарооборот между странами остается невысоким и в 2023 году составил всего 1,2 млрд долларов США. Основу российского экспорта составляют удобрения и сельскохозяйственная продукция, импорт из ЮАР включает фрукты и металлургическую продукцию.

Список источников

1. Об участии России в межгосударственном объединении БРИКС [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticskoe-dos-e/mezdunarodnye-organizacii-i-forumy/deatelnost-briks-v-kontekste-zaversivsegosa-predsedatel-stva-rossii-v-etom-obedinenii/ (дата обращения: 11.11.2025).
2. Мосакова Елизавета Александровна, Сукачёва Елизавета Олеговна ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ БРИКС-5 // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. №2 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossiyskoj-federatsii-so-stranami-briks-5> (дата обращения: 13.11.2025).
3. История БРИКС // Экспертный совет БРИКС Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bricscouncil.ru/ru/history>
4. От химической промышленности до креативных индустрий: Торгпред России в Бразилии представил перспективы развития сотрудничества в «Базе знаний экспортера» // Российский Экспертный центр [Электронный ресурс] - https://www.exportcenter.ru/press_center/ot-khimicheskoy-promyshlennosti-do-kreativnykh-industriy-torgpred-rossii-v-brazilii-predstavil-persp/ (дата обращения: 12.11.2025).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 341

РОЛЬ И ОБРАЗ СУДЬИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

ПИСКАРЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВАДИМОВНА

студентка 2 курса
факультета иностранных языков и регионоведения
Московского государственного университета им. Ломоносова, г. Москва

Аннотация: Данный текст посвящён анализу роли и образа судьи в правовой системе Италии. В тексте судебная система определяется как ключевой элемент итальянской демократии, подчёркивается её значение в обеспечении прав граждан и утверждении правосудия. В статье рассматривается баланс между политической и судебной властью как необходимое условие демократического общества. Также подробно описывается структура отправления правосудия, где сочетаются единоличное (в судах первой инстанции) и коллегиальное (в апелляционной инстанции и при рассмотрении сложных дел) принятие решений. Особое внимание уделено институту суда присяжных (*Corte d'Assise*), в котором профессиональные судьи совместно с гражданами-заседателями рассматривают тяжкие преступления, что повышает легитимность и справедливость вердикта. В статье рассмотрены особенности итальянской судебной системы, возникающие в следствии различий между Севером и Югом Италии.

Ключевые слова: Итальянская судебная система, демократия, правосудие, права граждан, судья, независимость судебной власти, политический дуализм.

THE ROLE AND IMAGE OF A JUDGE IN THE ITALIAN LEGAL SYSTEM

Piskareva Elizaveta Vadimovna

Abstract: This text is dedicated to the analysis of the role and image of a judge in the Italian legal system. The text defines the judicial system as a key element of Italian democracy, emphasizing its importance in safeguarding citizens' rights and upholding justice. The article examines the balance between political and judicial power as a necessary condition for a democratic society. The structure of the judiciary is described in detail, where a combination of individual (in courts of first instance) and collegial (in appellate courts and when considering complex cases) decision-making is used. Particular attention is paid to the institution of the Assize Court (*Corte d'Assise*), where professional judges together with lay jurors consider serious crimes, which enhances the legitimacy and fairness of the verdict. The article also examines features of the Italian judicial system arising from the differences between Northern and Southern Italy.

Keywords: Italian judicial system, democracy, justice, citizens' rights, judge, independence of the judiciary, political dualism.

Итальянская судебная система является важнейшим элементом итальянской демократии. Именно с ее помощью обеспечиваются права и свободы граждан, вершится правосудие. Интересно отметить, что судьи не только принимают решения, а также и являются гарантом против злоупотребления власти и нарушения прав граждан. Стоит заметить, что уважение судебной системы является неотъемлемой частью демократического общества. В подобном обществе должен быть баланс между политической и судебной властью. [Соловьев, 2017: с. 81]

В Италии, как и в России, судья принимает решение самостоятельно. Как правило, в судах первой инстанции, то есть в Мировом Суде (*Giudice di Pace*) и в Суде (*Tribunale*), который также может

быть и апелляционной инстанцией для дел, рассматриваемых мировыми судьями, судьи разбирают дела единолично, однако если дело затрагивает важные и деликатные вопросы, то решение принимается судебной коллегией.

Данный подход показывает важность и серьезность принимаемых решений, а также то, что единоличное принятие решений свидетельствует о доверии к судьям со стороны общества. Судейская коллегия, состоящая из нескольких судей, обеспечивает более взвешенный и объективный подход к рассмотрению дел, что особенно актуально в сложных и многогранных ситуациях. В следующей инстанции в Апелляционном Суде (Corte d'Appello) решения по делам принимаются коллегией из трех судей.

Коллегиальное принятие решений позволяет избежать судебных ошибок. Это особенно актуально в апелляционной инстанции, которая пересматривает дела и уже вступившие в силу судебные решения.

Стоит отметить, что граждане также участвуют в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей (giurati) в судах первой и апелляционной инстанций. Однако, круг рассматриваемых присяжными заседателями дел ограничен самыми тяжкими уголовными преступлениями. Суд присяжных в праве рассматривать дела об убийствах, государственной измене, похищениях людей и других, наказуемых пожизненным заключением или заключением свыше 24 лет. Всего в рассмотрении подобных дел принимает участие 8 присяжных заседателей, 2 из которых являются профессиональными судьями, а 6 выбираются случайным образом по жребию из жителей коммун. Подобное сочетание профессионализма и гражданского участия создает баланс при принятии решения, что является важным для обеспечения справедливости и легитимности судебных решений.

Судья в Италии выступает как лицо, которое не имеет права публично выражать свое отношение к действующему законодательству во время осуществления своих полномочий. Судья должен опираться на закон, который для него должен быть священен. При принятии решений судья не может ссылаться на абстрактные неписанные нормы правосудия, которые противоречат действующему законодательству. В ординарных ситуациях судья может только толковать и применять нормы, однако, в законодательстве иногда можно найти «пробелы», то есть такие аспекты отношений, которые законодательство не регулирует. Тогда судья, основываясь на базовых принципах правосудия, должен применить «аналогию закона» для определения своих дальнейших действий в подобной ситуации. «Аналогия закона» заключается в применении к нерегулируемому законодательством вопросу другой нормы, регулирующей наиболее близкие отношения. [Гребенюк, 2012: с. 15]

В современном мире в юридической литературе высказано мнение о том, что правовые доктрины могут влиять на реальное положение судьи в обществе и в правовой системе. Если в доктринах система права носит «логически закрытый характер», то и сами судьи, и все специалисты права будут считать, что задача судьи заключается в правильном применении нормы к определенному случаю. При таком виденье роль судьи значительно преуменьшается, так как «логика закрытой и аксиоматичной правовой системы в традиционном юридическом позитивизме отводит суду скромную роль учреждения, пассивно применяющего установленные законодателем правила». [Кабышев, Вишневецкая, 2008: с. 42]

В Италии историческое развитие страны оставило сильный отпечаток на современной политической культуре. Характерной чертой исторического развития Италии было разнообразие народов, культур и политических форм на территории современной Италии. Вплоть до объединения Италии каждая маленькая территория развивалась своим индивидуальным путем. [Пономарев, 2018: с. 3] Особенно различаются между собой Север и Юг современной Италии. Во многом именно в следствии различий между ними в Италии сформировался политический дуализм. Дуалистическая модель предполагает наличие двух несвязанных между собой и не пересекающихся социальных, экономических и культурных сред.

Считаем важным обратить внимание на внешний вид судьи на заседаниях. С древности, начиная с судебных заседаний в Древнем Риме, у каждого участника была своеобразная одежда. В то время у обвиняемых было четкое представление об одеянии, они старались одеться в темную и рваную одежду, чтобы вызвать жалость у судей. Судьи и адвокаты на судебном заседании в Древнем Риме выглядели одинаково. Их классической одеждой были классические белые тоги.

Со временем, к X веку, в Восточной Римской империи сложилась традиция, согласно которой судья на заседания надевал фелонь. Данный тип одежды представляет собой своеобразную мантию, которая на данный момент используется только в церквях во время служб. Фелонь на судье была неким символом, говорящим о том, что судья действует от имени главы города. Существует также и другое мнение о том, что мантия символизирует хранительскую силу Божию, что означало, что судья должен вершить суд Божий на земле.

В настоящее время в большинстве стран форменной одеждой судей является черная мантия свободного силуэта, сделанная из простой ткани, с цветными кантами, которые могут содержать цвета национального флага. Считается, что мантия скрывает всякое проявление человеческого в судье, что свидетельствует о том, что судья не сжалится над нарушителем закона и не будет испытывать какие-либо эмоции во время судебного заседания. В Италии судьи обычно надевают черные мантии с золотыми кисточками на плечах и белый воротник с оборками. Однако для торжественных случаев существует красная мантия с белым воротничком, а из украшений они могут использовать золотые или серебряные аксельбанты.

Список источников

1. Соловьев А. А. Итальянский опыт организации системы государственного судебного контроля // Право и государство: теория и практика. 2017. №2 (146) - С. 81-83.
2. Гребенюк Инна Игоревна Судебная система Италии // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. №3.
3. Кабышев С. В., Вишневская Н. Т., Ганюшкина Е. Б. / Правоприменение: теория и практика – Москва: ООО "Формула права", 2008. – 432 с. – ISBN 978-5-8467-0059-8. – EDN SAPVAF.
4. Пономарёв Александр Дмитриевич Политическая культура России и Италии: сравнительный анализ // Концепт. 2018. №4.

УДК 343.32

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ

ПОРЯДИНА АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНАстудент 2 курса магистратуры
"Уральский Институт Управления" - Филиал ФГБОУ "РАНХиГС"*Научный руководитель: Белик Юлия Святославовна*
доцент кафедры уголовного права и процесса
"Уральский Институт Управления" - Филиал ФГБОУ "РАНХиГС"

Аннотация: Статья посвящена исследованию историко — правового анализа противодействия коррупции в судебной деятельности Российской Федерации. Автор, выделяет основные этапы развития российского законодательства о противодействии коррупции в судебной деятельности, а также раскрывает тенденции эволюции. Исследование прослеживает реакцию государства на изменения уровня коррупции в России, анализируя основные антикоррупционные законы от Древней Руси до наших дней.

Ключевые слова: судебная деятельность, коррупция, законодательство, Древняя Русь.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON COUNTERING CORRUPTION IN RUSSIA'S JUDICIAL SYSTEM

Porydina Anastasia Dmitrievna*Scientific adviser: Belik Yulia Svyatoslavovna*

Abstract: The article is devoted to the study of the historical and legal analysis of anti-corruption measures in the judicial system of the Russian Federation. The author highlights the main stages of the development of Russian legislation on anti-corruption in the judicial system, as well as reveals the trends of its evolution. The study traces the state's response to changes in the level of corruption in Russia, analyzing the main anti-corruption laws from Ancient Rus to the present day.

Keywords: judicial activities, corruption, legislation, and Ancient Rus.

Исторические источники, датируемые самыми ранними периодами, фиксируют возникновение коррупционных практик одновременно с процессом государственного строительства. Данный факт позволяет нам сделать вывод о корреляции между наличием институтов государственной власти и возникновением коррупционных проявлений. В процессе эволюции древних цивилизаций, властные структуры стремились к противодействию данному деструктивному феномену, определяя и формализуя меры антикоррупционной направленности. Однако, представляется очевидным, что ни одному из правителей не удалось достичь полного искоренения данной укоренившейся системы.

О.И. Хамазина в своих трудах указывает, что коррупция — это постоянный спутник управленческого аппарата и можно заметить, что государство ни на одном своем этапе развития не обошлось без сопутствующих коррупционных проявлений [1]. Несмотря на то, что явление, ныне именуемое корруп-

цией, было известно с глубокой древности, российское законодательство долгое время избегало введения самого термина "коррупция" в научный оборот. Первые известные попытки борьбы с этим злом относятся к эпохе правления Ярослава Мудрого и нашли отражение в его своде законов – "Русской Правде". Этот документ, охватывавший наиболее значимые сферы жизни русского общества того периода, содержит единственное упоминание о взятке: излишек сверх установленной дани, выплачиваемой представителям княжеской власти, трактовался как взятка. Примечательно, что "Русская Правда" не предусматривала никаких мер ответственности за дачу подобной взятки [2]. До наступления XV столетия законодательная власть проявляла недостаточную озабоченность проблемой коррупции, несмотря на ее устойчивое распространение. Однако, с появлением Новгородской и Псковской судных грамот, возникла настоятельная потребность в законодательном регулировании и освещении вопросов, связанных со взяточничеством. Соборное уложение 1649 года ввело уголовную ответственность за взяточничество и иные формы злоупотребления служебными полномочиями. В эпоху Петра I наблюдался как рост коррупции, так и его решительная борьба с ней. Император стремился к установлению порядка в сфере государственной службы Российской империи, применяя меры воздействия к лицам, уличенным во взяточничестве, ростовщичестве и вымогательстве. В частности, Петр I ограничил срок пребывания воевод на службе двумя годами и в 1714 году издал указ, предусматривающий более суровое наказание за корыстные злоупотребления. Уголовное уложение 1903 года стало логическим продолжением и углублением положений, изложенных в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» [3]. В ноябре 1862 года Александр II издал Указ "Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы", документ, затрагивающий истоки коррупции в государственных органах и предлагающий пути ее устранения [4]. В дореволюционной России впервые были предприняты шаги для ограничения распространения коррупционных действий среди государственных служащих. Тем не менее, в советский период коррупция в государственных структурах вновь усилилась. Все меры по борьбе с коррупцией оказались безрезультатными, что объясняется особенностями понимания, изучения и анализа этого явления в Советском Союзе. Две статьи публицистического характера, авторства Е. Жирнова, в которых рассматривалась проблема коррупции в советской судебной системе, были опубликованы в 2008 и 2009 годах. В 1929 году в Советском Союзе в рядах сотрудников системы правосудия. В эпоху репрессий большинство юристов пострадали из-за политических обвинений, а не за коррупцию. Редкие приговоры по делам о взяточничестве среди судей объясняются рядом факторов. Во-первых, обвинения в контрреволюционной деятельности нередко маскировали факты коррупции. Во-вторых, высокая текучесть сотрудников в судах препятствовала полноценному расследованию и осуждению многих судей. Некоторые были уволены без возбуждения уголовных дел, вероятно, чтобы избежать ущерба репутации судебной системы. В-третьих, коррупция часто связана с формированием устойчивых групп влияния. Однако из-за постоянных кадровых перестановок такие группы не успевали сформироваться, что ограничивало возможности для коррупционных действий по сравнению с более стабильными временами.

Обстановка преобразилась в сороковые годы. Улучшение стабильности кадрового состава в структурах юстиции повлекла за собой формирование группировок, основанных на личных связях. После окончания Второй мировой войны в Советском Союзе развернулась активная борьба с коррупционными проявлениями в юридической сфере. Начиная с 1943 года, Прокуратура Советского Союза занималась сбором информации о судьях, замешанных в коррупции.

Толчком к началу широкомасштабной кампании послужила попытка консультанта Верховного суда РСФСР, некоего К. Попова, получить незаконное вознаграждение в связи с делом Гладковой, имевшая место в июне 1948 года. После задержания, К. Попов дал показания, разоблачающие других участников коррупционных схем. Народных судей, а в 1944 году эта цифра возросла до 106. Значительная часть этих преступлений, составляющая от 50 до 90%, была обусловлена взяточничеством или незаконным присвоением вещественных улик.

Что касается привлечения к ответственности непосредственно за взяточничество (доведения дел до судебного разбирательства), то в 1942 году перед судом предстали 5 судей, в 1943 году их число увеличилось до 15, а в 1944 году достигло 30 [5].

Характер коррупционных преступлений в связи с низким уровнем жизни населения СССР прояв-

лялся зачастую в натуральных формах. Многие народные судьи бесплатно брали животных, продукты в колхозах. Они получали на предприятиях и учреждениях товары, одежду, «премии», а также незаконно прикреплялись к ОРСам. Учащались факты пьянок судей с родственниками обвиняемых [6]. Проявления коррупции были разнообразны и часто сопровождалась, используя терминологию советской эпохи, "моральным разложением". Небогатые работники судебной системы (которых редко называли судьями в то время) оказывались вовлечены в сомнительные связи с лицами, близкими к криминальным кругам. В роли посредников часто выступали адвокаты. Начав с незначительных коррупционных действий (взятки продуктами), судебные работники постепенно переходили к более крупным денежным вознаграждениям. Совершение таких преступлений и избежание наказания было возможно только в составе масштабных клановых структур. Принципы организации этих группировок различались в зависимости от региона. Наибольшего размаха кланы достигали в национальных республиках (Закавказье, Средняя Азия, тюркские автономные республики в составе РСФСР, республики Северного Кавказа и другие). В этих регионах работники органов юстиции входили в обширные родовые объединения, включавшие партийных руководителей, советских чиновников, сотрудников органов внутренних дел и т.д. Масштабы преступлений в республиках были значительными. Советские законы существовали для этих людей как будто в параллельной реальности. В украинских, белорусских и русских областях коррупционная преступность носила более узкий, "технический" характер. Здесь, как правило, формировались кланы по профессиональной принадлежности, в том числе и судебные кланы. Эти преступные группы не отличались особой стабильностью, часто распадались и объединялись, руководствуясь коррупционными, а не родственными интересами. Однако развитие преступных группировок в областях указывает на формирование семейных связей в правоохранительной системе.

Имеющиеся данные позволяют предположить, что размер взяток увеличивался. Судьи постепенно переходили от натуральных подношений к денежным взяткам. В настоящее время уровень коррупции в судебной деятельности не понизился, даже можно сделать вывод об увеличении числа коррупционности. Конечно судебная практика по привлечению судей не имеет такой обширности, как следственные показатели. Но дела по привлечению судей находят у общественности резонанс. Многие граждане ведут себя в здании суда вальяжно, считают, что судья решит за них проблемы считают, что суд место для семейных разборок. Считаю, что именно коррупционные составляющие подавляют авторитет суда и судебной системы России и (Российской Федерации). Конечно, принятие Федерального Закона №273-ФЗ от 25.12.2008 "О противодействии коррупции" позволило установить на законодательном уровне понятие коррупции и противодействия коррупции. Однако считаем, что , содержание данного текста отличается выраженной диспропорциональностью. В нем присутствует существенное число утверждений общего характера, часто лишенных четкой регламентирующей силы. Нередко, в дополнение к федеральному закону "О противодействии коррупции", принимаются специализированные федеральные законы, охватывающие узкую сферу регулирования. По мнению автора, подобная практика расширения правового регулирования неминуемо влечет за собой появление множества противоречий, неполноты и повторов. Следовательно, требуется научный и комплексный подход к совершенствованию правовой базы, чтобы избежать ситуаций, когда приходится устранять последствия, возникающие из-за фрагментарного регулирования.

Автор отмечает, что имеется необходимость в систематизации системы противодействия коррупции в судебной деятельности. Также отмечает, что само явление как «коррупция» имело своё место ещё в Древнее время.

Список источников

1. Хамазина О.И. Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук, специальность 12.00.01 <Теория и история права и государства; история правовых учений> / Хамазина Ольга Ивановна; [Сарат. гос. акад. права]. — Саратов 2008. — 30 с.; 21.

2. Титов Ю.П. История государства и права России. Хрестоматия. 2е изд. перераб. и доп./ Ю.П. Титов // – М: «Юристъ». – 2003. – с.124
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г./Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13654>.
4. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. / Под ред. О.И. Чистякова//. – М.: Юрид. лит-ра. – 1988.
5. Шкаревский Д.Н. 2016. К вопросу о коррупции в Верховном Суде СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // История государства и права. № 22. С. 8-60.
6. Соломон П. 1998. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН. 464 с

References

1. Khamazina O. I. Legal means of combating corruption: problems of theory and practice abstract of the dissertation. for the job. learned. step. Candidate of Sciences. jurid. Sciences, specialty 12.00.01 <Theory and history of law and the state; history of legal doctrines> / Khamazina Olga Ivanovna; [Sarat. state Academy. rights]. — Saratov, 2008. — 30 p.; 21.
2. Titov Yu.P. History of the State and Law of Russia. The textbook. 2nd ed. revision. and an addendum / Y.P. Titov // . – М.: "Lawyer". - 2003. – p.124
3. TheCode of Criminal and Correctional Punishments of 1845/Stolypin Museum of the History of Russian Reforms. – [Electronic resource]. – 4.Access mode: <http://museumreforms.ru/node/13654> .
4. Chistyakov O.I. Russian legislation of the X-XX centuries. / Edited by O.I. Chistyakov//. Moscow: Yurid. lit-ra. – 1988.
5. Shkarevsky D.N. 2016. On the issue of corruption in the Supreme Court of the USSR in the late 1940s and early 1950s. History of State and Law. No. 22. Pp. 8-60.
6. Solomon P. 1998. Soviet Justice under Stalin. Moscow: ROSSPEN. 464 p.

УДК 343.144

ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО В КАЧЕСТВЕ ПРЕСЛЕДУЕМОГО ЛИЦА

МАЙОРОВА АРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
ТУМЕНБАЕВА АЙЖЕН БАКТЫБЕКОВНА

студенты

Северо-Западного филиала

Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедев

Аннотация. Уголовно-процессуальное законодательство ориентирует допрос подозреваемого преимущественно на обеспечение его прав и реализацию защитной функции, а не на собирание обвинительных доказательств. Вместе с тем доктрина сохраняет криминалистическую направленность допроса преследуемого лица на его изобличение (самообвинение). Предлагается переориентировать доктрину на усиление защитной функции допроса для гармонизации практики с принципами уголовного судопроизводства

Ключевые слова: уголовный процесс, законность, уголовное преследование, доказывание, допрос, преследуемое лицо, подозреваемый, допрос подозреваемого, показания подозреваемого.

INTERROGATION OF THE SUSPECT AS A PERSON PURSUED

Majorova Arina Aleksandrovna,
Tumenbayeva Aizhen Baktybekovna

Abstract. Criminal procedure legislation primarily focuses the interrogation of a suspect on protecting their rights and ensuring the defensive function, rather than on gathering incriminating evidence. At the same time, doctrine maintains a criminalistic approach, directing the interrogation of the accused towards their incrimination (self-incrimination). It is proposed to refocus the doctrine on strengthening the defensive function of interrogation to harmonise practice with the principles of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, legality, criminal prosecution, proof, interrogation, accused, suspect, interrogation of a suspect, suspect's testimony.

Введение. Проблема процессуального статуса преследуемого лица, допроса этого лица является весьма актуальной для российской науки уголовного процесса, что отразилось на степени разработанности этой темы. Данные вопросы, например, исследовал А. Ю. Чекотков, связывающий проблему статуса преследуемого лица с его первым допросом [1, с. 66]. Само содержание допроса преследуемого лица рассматривают Е. Л. Федосеева и И. О. Волостников, подчеркивающие значение этого допроса ссылкой на то, что именно преследуемое лицо обладает наиболее полной информацией «о совершенных им действиях (здесь и далее в цитатах курсив наш. — А. М., А. Т.)» [2, с. 48–49]. Позицию данных авторов об актуальности тематики мы полностью поддерживаем, дополнительно аргументируем ее в нашей предыдущей публикации на эту тему [3, с. 153–155]. В настоящей статье в отличие от уже имеющих допрос преследуемого лица (подозреваемого) рассматривается в увязке с принципами действующего уголовно-процессуального закона и доктринальными положениями об уголовно-процессуальных функциях.

Объектная область представляемого исследования образует правила действующего законодательства, позициями уполномоченных на официальное толкование органов, касающихся допроса

подозреваемого, синхронными доктринальными позициями российских ученых. Научной задачей, реализуемой соавторами в статье, было выявление проблем нормативного регулирования и научного понимания правил допроса подозреваемого как уголовно преследуемого лица.

Основными методами, использованными в работе, явились формально-юридический подход, анализ и синтез. Работа разделена на два фрагмента, в первом исследуется нормативная база, составляющая регулятивную основу допроса подозреваемого, во втором разделе статьи рассматриваются теоретические суждения о допросе преследуемого лица, из которых сделан синтезирующий вывод.

Основная часть. Нормативное регулирование рассматриваемого процессуального действия может представляться оппозицией процессуальных статусов субъекта уголовного преследования и уголовно преследуемого лица и правилами допроса подозреваемого (правилами дачи показаний подозреваемого), определяемыми в том числе принципами современного уголовного судопроизводства.

Закон в ч. 1 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. (далее — УПК РФ) субъектами уголовного преследования определил прокурора, дознавателя и следователя. В нашем случае для целей настоящей статьи ограничимся в анализе лишь фигурой следователя. В соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК РФ цель деятельности субъекта преследования связана с установлением события преступления и изобличением лица, его совершившего. В этом же состоит и процессуальный интерес данного субъекта уголовного процесса. Одновременно на него возлагается бремя доказывания вины лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 14 УПК РФ).

Толкуя диспозицию нормы ч. 2 ст. 21 УПК РФ буквально, из нее следует, что следователь, при наличии гипотезы «в каждом случае обнаружения признаков преступления» должен «принимать меры по установлению события преступления и изобличения преследуемого лица, виновного в совершении преступления». Это очевидная обязанность, установленная в диспозиции нормы и выраженная в повелительном наклонении с использованием глагола «принимать», адресована субъекту уголовного преследования. С исполнением этой обязанности связана уголовно-процессуальная активность следователя в допросе подозреваемого. Цель изобличения и доказывания вины преследуемого лица при этом видится достаточно односторонней, присущей стороне обвинения, и соответственно влечет собирание доказательств обвинения, в том числе в ходе допроса подозреваемого как преследуемого лица.

В отличие от субъектов преследования законодатель в УПК РФ не выделил признаки преследуемого лица. Очевидно, что уголовное преследование связано с процессуальной ситуацией, когда имеется потребность в достаточно широком понимании такого участника. Данный процессуальный режим допускает произвол, для его ограничения преследуемое лицо можно понимать через статусы тех участников процесса, предыдущая деятельность которых рассматривается как преступная следователем, то есть то, что является объектом процессуального интереса субъекта уголовного преследования. Таковым является подозреваемый, процессуальный интерес которого (а вместе с этим и его личная цель) основывается на нормативных положениях, явно отличных от интереса и цели следователя. Предположение о том, что его деятельность должна реализовывать те же интересы и цели, что и у субъектов уголовного преследования, является парадоксальным. Такое было возможно в период действия предыдущего законодательства, когда все участники уголовного процесса были ориентированы на установление объективной истины. Современный закон относит подозреваемого к участникам уголовного процесса, реализующим функцию защиты (глава 7 УПК РФ). Эта функция противоположна функции обвинения, выполняемой следователем (глава 6 УПК РФ), и воплощает принцип состязательности, а также концептуальное положение, исключающее возложение двух противоположных функций на одно лицо. Понимание содержания допроса подозреваемого как самообвинения не соответствует этой концепции [4, с. 82]. Инверсия функции защиты, ее преобразование в функцию обвинения может рассматриваться как не соответствующая воле законодателя.

Сегодня сущность субъективных прав подозреваемого (его статус) сводится к реализации функции защиты. Понимать их сущность в традиции советской правовой идеологии как нацеленную на установление объективной истины (то есть как самообвинение) необоснованно. В п. 11 ч. 3 ст. 46 УПК РФ, являющимся последним в статье, подчеркнуто, что подозреваемый имеет право «защищаться *иными средствами и способами*, не запрещенными настоящим Кодексом». Эта конструкция позволяет интер-

претировать все предыдущие пункты ст. 46 УПК РФ как содержащие средства, позволяющие подозреваемому так же осуществлять свою защиту. Статус подозреваемого как преследуемого лица сформулирован таким образом, чтобы обеспечить защиту от уголовного преследования, что абсолютно логично. Само же уголовное преследование возлагается на следователя.

Одновременно подозреваемый в современном уголовно-процессуальном праве не обязан доказывать свою вину, в том числе он не обязан содействовать собиранию обвинительных доказательств, включая дачу показаний о содеянном им. Это с очевидностью следует из правил ч. 2 ст. 14, ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Статус подозреваемого, возникший в советском уголовно-процессуальном праве, построенном по следственному типу судопроизводства как предшествующий статусу обвиняемого и допросу обвиняемого, сегодня может порождать системную коллизию. Если в советский период отечественного законодательства положения об объективности, всесторонности и полноте расследования (достижении объективной истины как цели уголовного преследования) для всех участников уголовного процесса были ядром законодательства и правоприменительной практики и не препятствовали самообвинению подозреваемого, то сейчас регулятивная ситуация иная, детерминирована положениями ст. 2 (о приоритете прав человека), ч. 2 ст. 49 (об отсутствии обязанности преследуемого лица доказывать свою невиновность), ч. 2 ст. 50 (о запрете использования доказательств, полученных с нарушением закона), ч. 3 ст. 123 (о построении судопроизводства на основе состязательности) Конституции Российской Федерации 1993 г. Оговорка о согласии преследуемого лица давать показания все равно является знаком инверсии функции защиты, ее утраты в уголовном процессе.

Для статусов следователя и подозреваемого основным правилом является преследование (обвинение) первым и защита от преследования (обвинения) вторым. Смешение функций фактически является нарушением базового правила закона.

Характеризуя саму процедуру допроса преследуемого лица, следует указать на следующие обстоятельства.

Нормативное регулирование допроса подозреваемого помещено в раздел IV «Меры процессуального принуждения», а не в главы 24–27 УПК РФ, посвященные следственным действиям, направленным на собирание и проверку доказательств (ст. 86, 87 УПК РФ). Следственные действия, сосредоточенные в этих главах, имеют надлежащую процессуальную форму для получения доказательства (в том числе обвинительных). Законодательный подход к регулированию допроса подозреваемого в ином разделе УПК РФ очевидно требует толкования этой юридической конструкции как направленной не на собирание доказательств субъектами преследования (обвинительных доказательств). Примечательно, что целью допроса обвиняемого установлено не собирание доказательств, а выражение отношения обвиняемого к обвинению (ч. 2 ст. 173 УПК РФ).

Исходные нормы, регулирующие допрос подозреваемого как преследуемого лица, приведены законодателем в ч. 4 ст. 92 УПК РФ. Наименование этой статьи — «Порядок задержания подозреваемого» — указывает на то, что правила его допроса являются элементом процессуального порядка задержания, которое по мнению авторитетных ученых А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, является мерой процессуального принуждения, пресекающей преступную деятельность [5, с. 299], с чем мы полностью согласны. При этом законодатель в содержании норм ст. 92 УПК РФ особо выделяет право подозреваемого на его свидание с защитником до допроса, что наполняет функциональным содержанием деятельность преследуемого лица в ходе допроса, то есть осуществление им защиты. Конкретные правила проведения допроса подозреваемого в данной статье отсутствуют, но сделана отсылка к положениям ст. 189 УПК РФ, в которой запрещается задавать наводящие вопросы, ответы на которые, надо полагать, связаны с предметом доказывания, и к ст. 46 УПК РФ о правах подозреваемого, которую мы проанализировали выше.

В совокупности законодатель создал для подозреваемого свободу выбора формы защиты (не самообвинения) на допросе, которая находится в коллизии со свободой следователя в допросе подозреваемого (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). В процессуальном аспекте субъект уголовного преследования в ходе допроса подозреваемого остается связан принципом законности (ст. 7 УПК РФ) и не вправе перекладывать бремя доказывания на подозреваемого (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Инверсия функции защиты подозреваемого в функцию самообвинения нарушает нормативную идею состязательности, выраженную в

разделении уголовно-процессуальных функций, и лишает преследуемое лицо гарантий, представленных ему законом. В том числе той, которая возлагается на следователя обязанность обеспечения права подозреваемого на защиту (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Указанное выше образует общие правила, касающиеся допроса совершеннолетнего подозреваемого в качестве преследуемого лица. Положения ст. 425 УПК РФ, регулирующие допрос несовершеннолетнего подозреваемого, не меняют этих общих правил и предоставляют рассматриваемому лицу дополнительные гарантии в допросе в виде обязательного участия защитника, а в необходимых случаях — педагога или психолога, в том числе возможность постановки ими вопросов подозреваемому, однако не связанных с предметом доказывания. В этом случае все приведенные лица (защитник, педагог, психолог) должны относиться к стороне защиты, выполнять соответствующую функцию, и не задавать таких вопросов, ответы на которые формируют обвинительные доказательства. Иное понимание гарантий несовершеннолетнего подозреваемого должно пониматься как направленность против интересов подозреваемого, утрачивает свой смысл. Можно полагать, что и этот вид допроса ориентирован прежде всего на выяснение оснований задержания и обеспечение защиты прав несовершеннолетнего подозреваемого как преследуемого лица.

Описанная выше нормативная конструкция регулирования допроса подозреваемого нормами главы УПК РФ о задержании подозреваемого как мере процессуального принуждения, а не правилами главы УПК РФ о следственных действиях, порождает научную дискуссию. В первую очередь значимым видится оценка цели проведения допроса подозреваемого как преследуемого лица.

В одной из близких к нашей работ является публикация Е. Л. Федосеевой и И. О. Волостникова. Позиция данных авторов, в связи с этим, является для нас наиболее актуальной. Указанные соавторы в качестве целей допроса преследуемого лица видят необходимость «*вывести допрашиваемое лицо "на чистую воду"*» [2, с. 48–49] и изобличить виновное лицо [2, с. 50–51]. При этом, что может быть трендом для отечественной юриспруденции, работа Е. Л. Федосеевой и И. О. Волостникова подчеркивает доминирование взглядов ученых-криминалистов в решении проблем допроса преследуемого лица. Криминалистическая тактика (как раздел данной науки) формирует предметное знание об эффективном проведении допроса следователем, то есть о воплощении тактических задач следователя в тактические результаты. В силу распространенности криминалистических исследований на эту тему позиции ученых, представляющих данную отрасль, могут доминировать в отечественной доктрине.

Весьма близко к приведенной находится и точка зрения А. Н. Вдовина, который, увязывая допрос подозреваемого с процедурой его задержания, указывает на то, что он производится лицом, осуществляющим уголовное преследование, «в целях выяснения ... *причастности* к преступлению и решению вопроса о *применении ... меры пресечения* в виде заключения под стражу» [6, с. 87]. Данный автор аналогично видит процедуру допроса в эффективном результате, который, в силу игнорирования интереса стороны защиты, в этом случае проявляет обвинительное правосознание правоприменителя-практика. Однако, выяснение причастности лица к преступной деятельности предполагает получение относимых доказательств, а возможность применения меры пресечения — привлечение лица в качестве обвиняемого по конкретному составу преступления с определением его тяжести (ч. 1 ст. 99 УПК РФ), что также требует достаточной совокупности доказательств (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Показания подозреваемого как доказательство его причастности к правонарушению по содержанию, вероятно, должны являться самообвинительными.

Логично указанный автор далее акцентирует внимание на выяснении у подозреваемого в ходе допроса вопросов о времени, месте, виновности в совершенном им деянии и т. д. [6, с. 87]. Такой подход весьма рационален. Подозреваемый рассматривается как наиболее осведомленное лицо о преступном событии, способное дать максимум информации, позволяя формировать доказательства обвинения. Более того, его позиция, полностью раскрывающая преступную деятельность, может упростить для субъекта преследования процедуры доказывания, позволив перейти к особому порядку судебного разбирательства по правилам главы 40 УПК РФ. Для организации допроса преследуемого лица по такой модели есть достаточно серьезные психологические основания. Следователь фактически замотивирован на это.

Следуя криминалистическому вектору в исследовании рассматриваемого действия, А. Н. Вдовин рассматривает криминалистические цели и средства «закрепления показаний» [6, с. 87]. Смысл этой процедуры касается таких показаний, в которых подозреваемый признает какие-либо фактические обстоятельства, которые являются прямыми или косвенными доказательствами обвинения, а процедура закрепления состоит в создании совокупности доказательств, которую сторона защиты не сможет преодолеть. Очевидно, что доктринально допрос преследуемого лица не рассматривается как средство, используемое для защиты от подозрения.

Приведенный подход является весьма распространенным. В статье С. Н. Казинской, исследующей допрос подозреваемого по делам о мошенничестве, автор констатирует, что его «главной целью является *получение правдивых показаний*» [7, с. 119–120]. В этом случае также прослеживается криминалистическое правосознание, консервативно воспроизводящее идеи следственного типа процесса, ориентированного на достижение объективной истины при отсутствии четкого разделения функций и принципа презумпции невиновности. В этом случае эффективный результат допроса, максимально полно воплощающий его задачу (цель), никаким образом не соотносится с обеспечением интереса преследуемого лица, реализацией его процессуальных задач (цели).

Примечательно, что научные взгляды приведенных авторов весьма рациональны. В них содержится оптимизирующая идея уголовного преследования (одной цели), а не защиты от преследования как явно эклектичной контрарной цели, поэтому в приведенных работах мы не обнаруживаем аргументов об использовании допроса подозреваемого в качестве инструмента обеспечения его личного процессуального интереса, а системно фиксируем выполнение публичной обязанности субъекта преследования. Принципиальное положение нашего законодательства об обеспечении права подозреваемого на защиту и на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 16 УПК РФ) в этом случае учеными не рассматривается. Допрос воспринимается исключительно как средство собирания доказательств обвинения. Логичным следствием реализации такой концепции становится блокирование деятельности защитника, направленной на обеспечение интересов подозреваемого, что отмечается некоторыми авторами [8, с. 122–124].

Отличная от приведенных позиций имеется в работе Л. А. Зашляпина. Полемизируя с И. А. Зинченко [9, с. 20–24] данный автор полагает, что в современной уголовно-процессуальной практике допрос подозреваемого используется для реализации процессуального интереса субъекта уголовного преследования, что влечет формирование обвинительных показаний подозреваемого против него же [4, с. 81]. Такой подход соответствует приведенным выше результатам научных исследований Е. Л. Федосеевой, И. О. Волостникова, А. Н. Вдовина, С. Н. Казинской. Однако, далее автор указывает на то, что современный тип уголовного процесса, реализуемый в уголовно-процессуальном законе России должен учитывать принцип законности (ст. 7 УПК РФ) и соответствующие различия функций субъектов уголовного преследования и преследуемого лица в рассматриваемом допросе [4, с. 80].

Подход этого ученого к рассматриваемой проблематике весьма близок к нормативным правилам проведения допроса подозреваемого в качестве преследуемого лица, устанавливаемым Конституцией Российской Федерации и УПК РФ, однако он в настоящее время не является распространенным в отечественной науке.

Заключение. В ходе проведенного анализа нормативной базы и доктринальных позиций о допросе подозреваемого как уголовно преследуемого лица выявлено, что современное уголовно-процессуальное законодательство России, основанное на принципах состязательности, презумпции невиновности и разделения функций обвинения и защиты, ориентирует эту процедуру в том числе на обеспечение прав подозреваемого и реализацию его функции защиты, а не на собирание обвинительных доказательств. Нормативное размещение законодателем правил допроса в разделе о мерах процессуального принуждения, а не среди следственных действий, предназначенных для собирания доказательств, подчеркивает его роль в фиксации оснований задержания и предоставлении гарантий защиты, включая право на свидание с защитником и запрет на наводящие вопросы.

Доктринальные позиции, доминирующие в отечественной науке, часто отражают криминалистический подход, фокусирующийся на изобличении и получении «правдивых» показаний (принципами

обеспечения права на защиту, презумпции невиновности, законности), что вступает в противоречие с нормативной идеей состязательности и может приводить к инверсии функций или их совмещению. Для разрешения выявленных коллизий предлагается переосмыслить доктрину в направлении усиления защитной ориентации допроса, что позволит гармонизировать практику с конституционными принципами и повысить эффективность уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Чекотков, А. Ю. Перманентная дискуссия о процессуальном статусе уголовно преследуемого лица: возможно ли поставить точку? / А. Ю. Чекотков // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2022. — № 4. — С. 65–83. — EDN AMBNLE.
2. Федосеева, Е. Л. Тактика и психологические особенности допроса уголовно преследуемого лица / Е. Л. Федосеева, И. О. Волосников // Правоохранительные органы: теория и практика. — 2022. — № 1(42). — С. 48–51. — EDN EEQBLZ.
3. Майорова, А. А. Регулирование допроса подозреваемого как преследуемого лица / А. А. Майорова, А. А. Варламова // Молодой исследователь 2026 : Сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 08 января 2026 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026. — С. 153–155. — EDN QRABPX
4. Зашляпин, Л. А. Идеология недопустимости показаний подозреваемого / Л. А. Зашляпин // Lex Russica (Русский закон). — 2024. — Т. 77, № 3(208). — С. 75–84. — DOI 10.17803/1729-5920.2024.208.3.075-084. — EDN ISAGKM.
5. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова ; вступ. статья В. Д. Зорькина. — 9-е изд., перераб. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. — 840 с. — DOI 10.12737/2220825. — ISBN 978-5-00156-453-9.
6. Вдовин, А. Н. Уголовно-процессуальные аспекты производства задержания и допроса подозреваемого в Российской Федерации / А. Н. Вдовин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2013. — № 13-1. — С. 85–88. — EDN RZAKWP.
7. Казинская, С. Н. Особенности допроса подозреваемого при расследовании мошенничества / С. Н. Казинская // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2015. — № 1(7). — С. 119–124. — EDN UAEWZD.
8. Зашляпин, Л. А. Перспективы правопорядка в случае нейтрализации деятельности невластного субъекта уголовного процесса. Рецензия на монографию Ю. П. Гармаева "Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации" / Л. А. Зашляпин // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. — 2010. — № 2(4). — С. 76–79. — EDN YLFSKD.
9. Зинченко, И. А. Заметки по поводу дискуссий об основаниях, влекущих недопустимость показаний в уголовно-процессуальном праве / И. А. Зинченко // Российский следователь. — 2023. — № 6. — С. 20–24. — DOI 10.18572/1812-3783-2023-6-20-24. — EDN AOSSPQ.

© А. А. Майорова, А. Б. Туменбаева, 2026

УДК 340

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА

ШИКОВА ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНАслушатель международно-правового факультета
Московский ордена Почёта университет МВД Российской Федерации имени В. Я. Кикотя

Аннотация: статья посвящена изучению института банкротства (несостоятельности гражданина) с точки зрения должника и кредитора, мнениям ученых на отождествление понятий банкротства и несостоятельности гражданина, сравнительному анализу процедуры в разных странах, а также рассмотрению ключевых признаков банкротства.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность гражданина, должник, кредитор, кредитные обязательства.

THE CONCEPT AND SIGNS OF BANKRUPTCY OF A CITIZEN

Shikova Elizaveta Sergeevna

Abstract: The article is devoted to the study of the institution of bankruptcy (insolvency of a citizen) from the point of view of the debtor and creditor, the opinions of scientists on the identification of the concepts of bankruptcy and insolvency of a citizen, a comparative analysis of the procedure in different countries, as well as consideration of the key signs of bankruptcy.

Keywords: bankruptcy, insolvency of an individual, debtor, creditor, and loan obligations.

Понятие банкротства интересно тем, что его определение, а точнее, взгляд на него, кардинально отличается в зависимости от того, чьими глазами, с чьей стороны, мы будем на него смотреть: по закону, глазами должника или глазами кредитора.

Согласно ст. 2 «Несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [3].

С позиции должника – взгляд как на возможность, с одной стороны, списать долги, а с другой – как следствие первой, - вздохнуть спокойно, ведь не будет не только звонков, но и преследования от кредиторов [6, с.9].

И, конечно, взгляд кредитора кардинально отличен от взгляда должника – здесь задача «выбить из должника всё, что только возможно, и добить его как можно сильнее»: сюда относится запрет на выезд из РФ, доступ к денежным счетам и выявление «что там может быть не чисто», по возможности определение сокрытого имущества, и т.д. Одним словом, задача, цель – сделать так, чтобы выплата всех кредитов и выход на адекватный диалог для должника стали лучшим выходом, т.к. иначе его ждут огромные неприятности в виде серьезных последствий [6, с.9].

Важно отметить, что в РФ по закону понятия «банкротство» и «несостоятельность» тождественны [4, с.38], при этом есть как ученые аргументирующие свое несогласие [12, с. 39], что данные понятия можно и уместно приводить как синонимы, так и ученые поддерживающие совмещение законодателем двух понятий в одно. При этом в мировой практике это различные понятия.

Например, в Беларуси несостоятельность и банкротство являются следствием неплатежеспособности, но первое по решению суда приводит к необходимой процедуре оздоровления, а второе, также по решению суда – к ликвидации, т.е. это абсолютно разные понятия и исход у них разный.

В законодательстве США и Англии - это также различные понятия. В Штатах во время ведения процедуры банкротства должник считается несостоятельным, а по завершении суда может быть признан банкротом [11, с.24] В Англии: банкротство – это процедура в суде, а несостоятельность – это определение финансового состояния, при этом результатом первого может стать второе [13].

Объединение двух понятий - «банкротство» и «несостоятельность» - законодателем нашей страны в одно можно объяснить тем, по мнению коллектива авторов [4, с.42], что оба понятия можно рассматривать как в широком, так и в узком аспектах, как поддерживающие объединение понятий в одно, так и выступающие против, что законодатель использует, как широкое, так и узкое понятие обоих терминов. И здесь важно отметить, что ученые, высказывающиеся за разграничение, указывают на тот факт, что между понятиями в обоих смыслах есть границы и соотношения. В итоге получаем, что четкого контура границ и соотношений при рассмотрении понятий одновременно в узком и широком смыслах нет. В целом же стоит указать, что похожая практика, когда для одного понятия законодатель дает два и более синонимов, не нова. Еще до закона о банкротстве, подобное использование синонимов законодателем прослеживается в ряде статей Гражданского кодекса [1].

Подводя итог, следует сказать, что благодаря использованию синонимов «несостоятельность (банкротство)» в правовом поле законодатель обозначил более объемно «всю сложность структуры и многогранность правовых последствий института несостоятельности (банкротства)» [7, с.87]. И главное – при ином подходе нужно было бы вместо одного закона создать несколько по различным направлениям [4, с.44].

Банкротство, как физического лица, так и индивидуального предпринимателя, само по себе – это освобождение от задолженностей. Но в законе четко указано, что необходимо подтвердить свою несостоятельность, т.е. признаки несостоятельности. В настоящее время, по состоянию на 2026 год, к признакам несостоятельности физических лиц относятся [9]:

- размер долга более 300 тыс. рублей (для внесудебной процедуры – от 50 тыс. руб. до 500 тыс. руб.[10]);
- за последние 5 лет в отношении гражданина не признавали банкротство;
- нет судимостей за преступления в области экономики;
- истекли сроки наказания по судебным решениям, связанным с административной ответственностью за умышленное причинение вреда имуществу третьих лиц, мелким хищением, преднамеренным или фиктивным банкротством;
- не было мошенничества или недобросовестности при оформлении кредитов;
- человек должен суметь объяснить суду, что его имущественное положение ухудшилось, и он вот-вот не сможет выплачивать свои долги по заранее оговоренному с кредиторами графику.

Еще в 2018 году порог был в более 500 тыс. руб. и его столь высокую планку некоторые ученые [8, с.330] объясняли, как возможность снизить число обращений от граждан. Но, кризис ковидный и постковидный, привели к сокращению доходов населения и, соответственно, возможностей рассчитываться по уже взятым кредитным обязательствам, в связи с чем порог был сокращен до 300 тыс. руб., и как показывает практика процедуры не уменьшается.

Список источников

1 Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. // Справ. -правовая система КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.01.2026).

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Справ.-правовая система КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.01.2026).

- 3 Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) // Справ. -правовая система КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 10.01.2026).
- 4 Алфёрова Л.М. Несостоятельность (банкротство) физических лиц: тенденции развития механизма банкротства граждан: Монография. – М.: Статут, 2018. – 160 с.
- 5 Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л. Правовые основы несостоятельности (банкротства). - М.: Норма, 2021. - 166 с.
- 6 Галичевский И. Банкротство физического лица (гражданина). Все, что нужно знать должнику и кредитору. - М.: «Издание книг ком», 2018. - 112 с.
- 7 Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие. М.: Юстиция, 2018. – 132 с. // Справ. -правовая система КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ivanova_sp_zemlyakov_dn_barannikov_al_nesostoyatelnost_bankrotstvo_yuridicheskikh_i_fizicheskikh_lic_uchebnoe_posobie/ (дата обращения: 10.01.2026).
- 8 Несостоятельность (банкротство): учеб. курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 2. – М.: Статут, 2019. – 848 с.
- 9 Поляк М. Внесудебное банкротство физлиц: кому подойдут требования закона о бесплатной процедуре // Федеральный центр банкротства граждан. - URL: <https://fcbg.ru/vnesudebnoe-bankrotstvo-fizlic> (дата обращения: 01.03.2023).
- 10 Поляк М. Условия судебного и внесудебного банкротства физических лиц // Федеральный центр банкротства граждан. - URL: <https://fcbg.ru/Usloviya-bankrotstva> (дата обращения: 10.01.2026).
- 11 Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. -практ. пособие / С.А. Карелина. М.: Волтерс Клувер, 2019. - 360 с.
- 12 Телюкина М.В. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в дореволюционном и современном праве // Юрист. - 2019. - № 12. - С. 41 – 44.
- 13 Rohan Lamprecht. Definition Insolvency vs Bancruptcy // www.bankruptcy24.co.

УДК 340

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РОССИИ

МОСКВИЧ У.В.

студент

Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
Россия, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена исследованию исторических предпосылок становления и развития института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе. В работе анализируются основные исторические правовые источники — от Русской Правды и Соборного Уложения 1649 г. до Устава уголовного судопроизводства 1864 г. и советских уголовно-процессуальных кодексов — с целью выявления элементов, схожих с современным пониманием сотрудничества обвиняемого со следствием. Статья раскрывает современное легальное определение и ключевые признаки досудебного соглашения о сотрудничестве согласно УПК РФ, подчёркивая его добровольный, состязательный и обусловленный характер.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, историческое развитие уголовного процесса, упрощённое судопроизводство, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, УПК РСФСР 1923 года, легальное определение, признаки соглашения, договорные начала в уголовном процессе.

HISTORICAL AND LEGAL EVOLUTION AND MODERN CONCEPT OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN RUSSIA

Moskvich U.V.

Abstract. The article is devoted to the study of the historical preconditions for the formation and development of the institution of the pre-trial cooperation agreement in the Russian criminal process. The paper analyzes the main historical legal sources – from the Russkaya Pravda and the Sobornoye Ulozheniye (Council Code) of 1649 to the Charter of Criminal Procedure of 1864 and the Soviet Criminal Procedure Codes – with the aim of identifying elements similar to the modern understanding of the accused's cooperation with the investigation. The article reveals the modern legal definition and key features of the pre-trial cooperation agreement according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, emphasizing its voluntary, adversarial, and conditional nature.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, historical development of criminal procedure, simplified proceedings, Charter of Criminal Procedure of 1864, Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1923, legal definition, features of the agreement, contractual principles in criminal procedure.

Введение

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве, закреплённый в главе 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, представляет собой один из наиболее динамичных и дискутируемых элементов современного уголовного процесса. Его появление отразило общемировую

тенденцию к поиску более гибких и экономичных форм правосудия, основанных на диалоге между обвинением и защитой. В научной литературе нередко встречаются попытки обнаружить прообразы соглашения о сотрудничестве в древнерусских и средневековых правовых источниках, что требует тщательной проверки и методологически выверенного анализа. Кроме того, изучение эволюции упрощённых форм судопроизводства в дореволюционный и советский периоды позволяет выявить те правовые идеи и практические потребности, которые в итоге подготовили почву для законодательного закрепления данного института в начале XXI века.

Исторический аспект развития института досудебного соглашения о сотрудничестве

Прежде чем приступать к изучению досудебного соглашения о сотрудничестве в настоящее время необходимо исследовать историческое становление данного института.

Несмотря на то, что ряд исследователей считает, что предтечу досудебного соглашения о сотрудничестве можно увидеть еще в Русской правде, на самом деле подобная норма в данном источнике отсутствует.

Аналогичный вывод можно сделать относительно Судебника 1550, в котором некоторые авторы также видят отголоски досудебного соглашения о сотрудничестве.

Соборное Уложение 1649 г. также содержало норму о раскаянии лица, совершившего преступление. Так, согласно ст. 20 главы X «а которым людем доведется о судных своих и о иных каких делех бити челом государю, и тем людем о тех своих делех челобитныя свои подавати в приказах бояром и околничим и думным и всяким приказным людем, кто в котором приказе ведом. А будет ему в приказе суда не дадут, или против его челобитья указу ему не учинят, и ему о том бити челом и челобитныя подавати государю, и то в челобитных своих описывати, что он о том деле напередь того в приказе бил челом, а указу ему в приказе не учинено. А не бив челом в приказе, ни о каких делех государю никому челобитен не подавати. А будет кто учнет о каком деле бити челом и челобитныя подавати государю в приказе не бив челом, и таким челобитчиком за то чинити наказание, бити батоги. А кто почестнее, и того посадити в тюрьму на неделю, чтобы на то смотря иным неповадно было так делати».

Однако и в данном случае нельзя говорить о том, что данное положение представляло собой регулирование именно досудебного соглашения о сотрудничестве, так как никаких договоренностей с органами со стороны защиты предусмотрено не было.

Обоснованной представляется точка зрения А.Ю. Кирсанова, который считает, что первое появления аналога досудебного соглашения о сотрудничестве представлено в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года.

Так, в соответствии со ст. 681 данного источника: «Если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям». В данном случае можно говорить о появлении в уголовном процесс форм сокращенного уголовного судопроизводства, однако на данный момент он проявляется исключительно в признании вины, но не в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, однако данное положение все равно позволяет сделать вывод, что начало появлению данного института было положено.

При этом в соответствии со ст. 682 того же источника в отличие от современного законодательства для сокращенного уголовного судопроизводства необходимо было согласие всех участников судебного разбирательства, а не только стороны защиты, в случае если подсудимый признает вину, или подозреваемого/обвиняемого и прокурора, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. В соответствии с данной нормой также требовалось согласие судей и присяжных.

Аналогичное, но уже более подробное положение появилось и в послереволюционном законодательстве. Так, в одном из первых нормативных правовых источников уголовного процесса РСФСР Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР от 15.02.1923 также содержится указание на сокращенную форму уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 282 данного акта «Если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию пре-

ний сторон». Стоит обратить внимание на тот факт, что в данной статье идет указание не только на признание вины, но и на факт дачи показаний, что приближает данную форму к досудебному соглашению о сотрудничестве, одной из форм выполнения обязательств по которому является дача показания, однако данное положение всё ещё не является полным аналогом.

В УПК РСФСР 1923 года была закреплена возможность вынесения заочных судебных решений в отсутствие подсудимого. Постановленное в порядке заочного производства решение вместе с уведомлением о процедуре и сроках его обжалования направлялось осужденному не позднее трех суток со дня вынесения. Осужденный имел возможность обжаловать состоявшийся приговор, указав причины неявки в судебное заседание. Судья был обязан рассмотреть ходатайство осужденного в течение трех суток, признав указанные в нем причины неявки заслуживающими либо незаслуживающими внимания (ст. 355). В этом случае новое рассмотрение дела проводилось в общем порядке, а заочно постановленный приговор терял силу.

Следующей стадией развития уголовного процесса стал Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года. В 1993 году в данный акт была введена ч. 2 ст. 446, которой было предусмотрено следующее: «Если все подсудимые полностью признали себя виновными, председательствующий сразу же предлагает каждому из них дать показания по поводу предъявленного обвинения и других обстоятельств дела. В случае, когда сделанные признания не оспариваются какой-либо из сторон и не вызывают у судьи сомнений, председательствующий вправе, если с этим согласны все участники процесса, ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые они укажут, либо объявить судебное следствие оконченным и перейти к выслушиванию прений сторон».

Многие ученые видели предпосылки зарождения упрощенных уголовно-процессуальных процедур и до распада СССР. Так, отстаивая идею о внедрении сделок в российский уголовный процесс, С.И. Милицин отмечал, что некоторые нормы того времени способствовали развитию соглашений между сторонами.

Также проявление досудебного соглашения о сотрудничестве можно было увидеть еще до принятия нового уголовно-процессуального кодекса, а именно в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Данное мнение также присутствует в доктрине, например, такого мнения придерживается Баев О.Я.. В данном случае речь идет о примечаниях к статьям УК РФ, в которых предусмотрены основания для освобождения от уголовной ответственности. Например, в примечании 1 ст. 222 УК РФ содержится следующее положение: «Лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье». Несмотря на то, что в данном случае отсутствует непосредственно само соглашение о сотрудничестве все равно можно сделать вывод о фактическом соглашении, определяемом действиями лица, который добровольно сдает предметы, в результате чего освобождается от уголовной ответственности.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на то, что в истории развития уголовного процесса в России присутствовали примеры упрощенной формы уголовного судопроизводства, конкретные аналоги досудебного соглашения о сотрудничестве отсутствовали, на основании чего можно сделать вывод о том, что данный институт является новеллой для российского законодательства.

Понятие и признаки досудебного соглашения о сотрудничестве

В первую очередь, обратимся к легальному определению досудебного соглашения о сотрудничестве. В соответствии с п. 61 ч. 1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) под досудебным соглашением о сотрудничестве понимается «соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действия после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения».

Из этого определения можно выделить следующие признаки:

Во-первых, досудебное соглашение о сотрудничестве является соглашением, а, следовательно, заключается добровольно при условии согласования всех необходимых его условий.

Такой же позиции придерживается Д.Ю. Московских, который указывает, что «стороны соглаше-

ния действуют по своему усмотрению, поскольку обладают рядом дискреционных полномочий». Данное обстоятельство подтверждается тем, что каждая из сторон сама решает заключать или нет досудебное соглашение о сотрудничестве – подозреваемый/обвиняемый сам решает подавать или нет ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а прокурор и следователь могут отказать в заключении подобного соглашения. Однако, стоит отметить, что в отличие от стороны защиты у обвинения есть ограничения по дискреции, так как подсудимый/обвиняемый может обжаловать отказ в заключении соглашения, то есть при отказе сторона обвинения должна исходить не из внутреннего убеждения, как сторона защиты, а из объективных факторов, которые позволят мотивированно отказать в заключении такого соглашения.

Во-вторых, досудебное соглашение о сотрудничестве заключается между сторонами обвинения и защиты, что говорит о том, что суд непосредственно при согласовании досудебного соглашения о сотрудничестве не участвует.

В-третьих, содержанием досудебного соглашения о сотрудничестве являются условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий во время следствия. Под условиями ответственности следует понимать действия, которые подозреваемый или обвиняемый должен совершить при выполнении обязательств по данному соглашению.

В-четвертых, досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено после возбуждения уголовного дела, а также после предъявления обвинения, но до начала судебного следствия, то есть до объявления об окончании предварительного следствия (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ).

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве не имеет прямых исторических аналогов в российском уголовном процессе. Анализ древнерусских и средневековых правовых источников, таких как Русская Правда, Судебник 1550 года и Соборное Уложение 1649 года, показывает, что существовавшие в них нормы о примирении, раскаянии или подаче челобитной носили иную правовую природу и не содержали элементов договорного взаимодействия обвиняемого с государством в обмен на смягчение ответственности. Современное досудебное соглашение о сотрудничестве, урегулированное главой 40.1 УПК РФ, представляет собой принципиально новое явление для отечественного права. Его ключевые характеристики — добровольность, состязательность, обусловленность и договорная природа — качественно отличают его от всех предшествующих форм сокращения процесса.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
2. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. – Доступ из СПС «Гарант».
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. (утратил силу).
5. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. – Москва, 1985.
6. Лошкобанова, Я.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : специальность 12.00.09 «уголовный процесс» : дисс. ... канд. юрид. наук. / Я.В. Лошкобанова ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2015.
7. Мельников, В.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Остались ли вопросы? / В.Ю. Мельников // Российский судья. – 2021.
8. Плошкина, Я.М. О необходимости института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Я.М. Плошкина // Lex Russica. – 2024. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права / П.И. Новгородцев. – Часть методологическая. – Москва, 1904.

9. Погорельский, А.А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве / А.А. Погорельский // Актуальные проблемы российского права. – 2023.
10. Свиридов, М.К. Пиюк, А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации / М.К. Свиридов, А.В. Пиюк. – Томск : Издательский дом Томского гос. ун-та, 2019.

УДК 347.965

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

БАТАЛОВА ЛЕЙЛА ХУСЕЙНОВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена историческому развитию адвокатской деятельности в России, начиная с XV века. Рассматриваются особенности формирования института правозащиты в период Древней Руси, Московского государства, Российской империи и советской власти. Особое внимание уделено законодательным актам, регулировавшим деятельность судебных представителей на разных этапах истории, а также эволюции статуса адвоката и его роли в обществе. Анализируются изменения в организации адвокатуры, от первых форм представительства до современной структуры, обеспечивающей эффективную правовую помощь.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, история адвокатуры, судебное представительство, правозащита, эволюция адвокатуры.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF ADVOCACY IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECT

Batalova Leyla Huseynovna

Abstract: The article is devoted to the historical development of advocacy in Russia since the 15th century. The article considers the peculiarities of the formation of the institution of human rights protection in the period of Ancient Russia, the Moscow state, the Russian Empire and Soviet power. Special attention is paid to the legislative acts that regulated the activities of judicial representatives at different stages of history, as well as the evolution of the lawyer's status and his role in society. The article analyzes the changes in the organization of the legal profession, from the first forms of representation to the modern structure that provides effective legal assistance.

Keywords: advocacy, history of the legal profession, judicial representation, human rights protection, evolution of the legal profession.

Адвокатская деятельность в России имеет давние корни, восходящие к XV веку. В этот период обнаруживаются первичные формы правовой защиты и отдельные составляющие, предвосхищающие современную адвокатуру. В частности, в период Древней Руси адвокатура существовала в форме представительства интересов граждан в суде. Это представительство было закреплено законодательно в правовых актах того времени, таких как судные грамоты Новгорода и Пскова.

Однако Псковская судная грамота ограничивала его определенными категориями населения (престарелые, монахи, женщины, несовершеннолетние). Подобные ограничения свидетельствовали о патерналистском подходе к защите интересов социально слабых слоев общества [1, с. 98]. Более того, ограничивалось количество дел, которые поверенный мог вести одновременно: ему запрещалось участвовать более чем в одном судебном разбирательстве в течение дня. Новгородская судная грамо-

та 1471 года стала первым правовым актом, закрепившим возможность судебного представительства для всех нуждающихся [2, с. 47]. Данное положение существенно отличало новгородский правовой памятник от псковского аналога и свидетельствовало о более демократичном характере новгородской судебной системы.

Таким образом, сопоставление этих двух документов наглядно демонстрирует различные правовые традиции древнерусских городов-республик и разные концепции доступа к правосудию. В период формирования института судебного представительства на Руси складывалась уникальная система защиты интересов сторон в правовых спорах. Характерной особенностью той эпохи является существование двух принципиально различных категорий представителей: родственники и нанятые за вознаграждение лица, ставшие предшественниками адвокатов. Формирование правовых основ адвокатской практики в Московском государстве происходило постепенно, отражая растущую потребность общества в квалифицированной юридической помощи.

Судебники 1497 и 1550 годов ввели понятие «правозаступников» - специальных лиц, которые предоставляли содействие участникам судебных процессов. Их функция заключалась в оказании практической помощи тем гражданам, которые не обладали необходимой юридической грамотностью или практическими умениями для самостоятельного ведения дел в судебных инстанциях. Судебник 1497 года установил, что затраты на поверенного компенсирует проигравшая сторона. Это стало значительным шагом вперед, поскольку такой подход обозначил введение принципа возмездности в адвокатскую деятельность и определил механизм компенсации расходов, связанных с оказанием юридической помощи. Важнейшей вехой в эволюции адвокатской деятельности стало Соборное уложение 1649 года, которое впервые на законодательном уровне урегулировало вопросы судебного представительства [3, с. 76].

Дальнейшее развитие система судебного представительства получила в эпоху петровских преобразований. Принятый 5 ноября 1723 года Указ Петра I «О форме суда» расширил полномочия судебных представителей, наделив их правом активной правозащитной деятельности [4, с. 64]. В истории российской адвокатуры особое место занимает 1775 год, то есть год принятия Указа «Учреждения для управления губерний». Этот документ ввел институт губернских стряпчих, которые действовали как помощники прокуроров и предоставляли услуги по защите правовых интересов государства, однако возникла проблема «подпольной адвокатуры». В 1809 году была введена обязательная регистрация юристов в Конторе адресов. В 1832 году появился институт присяжных стряпчих при коммерческих судах. В 1864 году судебная реформа Александра II привела к созданию адвокатуры в ее законченных институциональных формах.

В России после судебной реформы 1864 года появился институт присяжных поверенных, основанный на принципах самоуправления. Однако правительство опасалось превращения адвокатуры в оппозиционную силу и ввело ограничительные меры. Законодательство допускало существование адвокатов вне корпоративной структуры, что было закреплено контрреформами 1874 года. Именно эти законодательные нововведения юридически закрепили статус частных поверенных – правозащитников, действующих автономно от официальной адвокатской корпорации [5, с. 93]. Существовали строгие требования к адвокатам, и профессия была закрыта для женщин до революции 1917 года. После революции адвокатура была реформирована, и женщинам был предоставлен равный доступ к профессии. В 1918 году были созданы коллегии правозаступников, объединявшие функции обвинения и защиты, однако они находились под контролем Советов. Адвокатская деятельность приобрела социальную направленность, но оставалась под контролем государства.

В первые годы советской власти возникли карательные органы, действовавшие без суда. Впоследствии возникла необходимость в восстановлении адвокатуры, особенно в связи с развитием предпринимательства. IX Всероссийский съезд Советов провозгласил необходимость соблюдения законности и создания механизмов правовой защиты. Была создана иерархическая система судебных органов.

В период правления Хрущева была предпринята попытка укрепить роль законности. В предшествующий период государство усилило контроль над адвокатурой, лишив ее права самостоятельно определять стоимость услуг. Фактически произошла трансформация института адвокатуры из независимого профессионального объединения в управляемый государством механизм.

Таким образом, смена политического руководства ознаменовала поворот к восстановлению значимости правовых принципов и возвращению уважения к юридическим профессиям, что создало предпосылки для постепенной реабилитации адвокатуры как самостоятельного института правовой защиты граждан. Исторически важным событием стало принятие в 1979 году специализированного законодательного акта, посвященного адвокатуре на территории Советского Союза [6, с. 107]. Данный нормативный документ впервые на союзном уровне систематизировал правовые основы функционирования адвокатского сообщества и установил единые стандарты его организационного устройства

Несмотря на это, государство сохраняло контроль над адвокатской практикой и использовало адвокатов для популяризации социалистического правопорядка. Важным этапом стал 2002 год, когда был принят новый закон об адвокатуре в РФ, заложивший современные основы функционирования адвокатского сообщества, определивший правовой статус адвокатов и формы их объединения. Современная структура адвокатского института представляет собой оптимальную организационную модель, объединяющую специалистов с высокой юридической квалификацией. Действующая система адвокатуры обеспечивает эффективное предоставление правовой помощи населению, гарантируя профессионализм и компетентность защитников. Именно такая форма организации адвокатского сообщества наиболее полно соответствует потребностям правового государства и гражданского общества.

Список источников

1. Псковская судная грамота. Русский текст по изд.: Псковская судная грамота // Исторические записки. Том 6. 1940.
2. Новгородская судная грамота 1471г. // Публичная бесплатная политико-правовая интернет-библиотека Пашкова Романа. URL: <https://constitutions.ru/?p=5184>
3. Соборное уложение 1649г. // Конституция РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/>
4. Именной указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» // Справочно-правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/57566520/>
5. Свод законов Российской империи // Классика российского права. Консультант Плюс. URL: <https://civil.consultant.ru/code/>
6. Закон СССР от 30.11.1979 «Об адвокатуре в СССР» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-sssr-ot-30111979-ob-advokature-v/>

© Л.Х Баталова, 2026

УДК 344

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ С ДИСЦИПЛИНАРНЫМИ ПРОСТУПКАМИ И СМЕШЕНИЕ С ОБЩЕУГОЛОВНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

КЛУБКОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

магистрант

Уральский институт управления –ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

*Научный руководитель: Сабанин Сергей Николаевич – д.ю.н., профессор
Уральский институт управления –ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*

Аннотация: Статья посвящена анализу ключевых проблем квалификации деяний, связанных с нарушением воинского правопорядка. Основное внимание уделяется двум наиболее сложным и актуальным для правоприменительной практики аспектам: разграничению воинских преступлений и дисциплинарных проступков, а также отграничению преступлений против военной службы от сходных общеуголовных преступлений на примере хищения оружия. Автор исследует доктринальные критерии разграничения и выявляет причины ошибок в квалификации, предлагая пути их преодоления через совершенствование правовых позиций и специализацию следствия.

Ключевые слова: воинские преступления, квалификация, дисциплинарный проступок, общеуголовное преступление, разграничение составов, хищение оружия, субъект преступления, служебная связь.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MILITARY CRIMES: DIFFERENTIATION FROM DISCIPLINARY OFFENSES AND CONFUSION WITH ORDINARY CRIMES

Klubkov Sergey Anatolyevich*Scientific adviser: Sabanin Sergey Nikolaevich*

Abstract: The article is devoted to the analysis of key problems of qualification of acts related to violation of military law and order. The main attention is paid to two of the most complex and relevant aspects for law enforcement practice: the distinction between military crimes and disciplinary offenses, as well as the distinction between crimes against military service and similar ordinary crimes using the example of theft of weapons. The author examines the doctrinal criteria of differentiation and identifies the causes of errors in qualifications, suggesting ways to overcome them through the improvement of legal positions and specialization of the investigation.

Keywords: military crimes, qualification, disciplinary misconduct, common crime, differentiation of groups, theft of weapons, the subject of the crime, official communication.

Институт уголовной ответственности за преступления против военной службы (глава 33 УК РФ) функционирует в тесном взаимодействии с дисциплинарным воинским правом. Это взаимодействие, а также смежность составов с общеуголовными преступлениями, порождают значительные сложности в правоприменении. Неверная квалификация может привести как к необоснованному смягчению ответственности (при замене уголовной – дисциплинарной), так и к ее неоправданному ужесточению (при ошибочном вменении воинского состава вместо общеуголовного или наоборот). Данная статья фокусируется на двух центральных проблемах этого поля.

I. Сложности разграничения воинских преступлений и дисциплинарных проступков.

Разграничение воинских преступлений и дисциплинарных проступков – сложная правовая проблема, которая возникает из-за близости их внешних признаков, особенностей военно-служебных отношений и оценочного характера некоторых критериев. Это порождает риски необоснованного привлечения военнослужащих к уголовной ответственности или, наоборот, смягчения ответственности за деяния, представляющие реальную общественную опасность.

Граница между уголовно наказуемым деянием и дисциплинарным нарушением в военной сфере зачастую носит оценочный характер, что является основной причиной квалификационных ошибок. Правоприменитель (командир, следователь) должен провести тонкую дифференциацию на основе совокупности критериев. [4, с. 52]:

Критерии разграничения:

1. Характер и степень общественной опасности: Это основной материальный критерий. Дисциплинарный проступок подрывает порядок, но не причиняет существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Воинское преступление обладает значительно более высокой общественной опасностью, создавая угрозу боеготовности, жизни и здоровью людей, сохранности вооружения. Например, опоздание из увольнения (проступок) и самовольное оставление части на срок свыше установленного (ст. 337 УК РФ) формально схожи, но различаются по продолжительности и, следовательно, по степени опасности для службы. [9]:

Преступлением против военной службы может быть признано только деяние, предусмотренное главой 33 УК РФ. Дисциплинарные проступки регулируются Дисциплинарным уставом Вооружённых Сил РФ и другими нормативными актами, регулирующими порядок прохождения военной службы. [2]:

2. Наличие/отсутствие признаков состава преступления, прямо закрепленного в главе 33 УК РФ. Необходимо тщательно проверять соответствие деяния всем элементам состава. Так, **оскорбление военнослужащего** может быть дисциплинарным проступком (ст. 48 Дисциплинарного устава), но при определенных условиях перерастает в **оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного (ст. 336 УК РФ)**, где ключевым является специальный субъект и служебный контекст.

3. Наступление последствий и причинная связь. Многие составы воинских преступлений являются материальными (ст. 348 УК РФ – утрата военного имущества). Проступком может считаться само нарушение правил, если оно не повлекло тяжких последствий. Квалификация меняется при наступлении значительного материального ущерба, гибели людей и т.д. Также многие составы преступлений против военной службы (например, предусмотренные ст. 332, 333, 334, 335 УК РФ) содержат в качестве обязательного признака общественно опасные последствия, которые часто носят оценочный характер: «существенный вред интересам службы», «вред интересам безопасности государства», «тяжкие последствия». Если такие последствия отсутствуют (например, неисполнение приказа причинило вред интересам службы, но он не является существенным), деяние не содержит состава преступления и может квалифицироваться как дисциплинарный проступок. [10, с. 120]:

4. Субъективный критерий. Учитывается мотив, цель и роль лица в совершении деяния. Малозначительным признаётся деяние, которое хотя формально и содержит признаки состава преступления, но с учётом всех обстоятельств не представляет общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

5. Субъективная сторона (форма вины). Умышленное нарушение, особенно из корыстных или иных низменных побуждений, с большей вероятностью свидетельствует о преступлении. Неосторожные деяния чаще могут оставаться в сфере дисциплинарной ответственности, если не влекут последствий, указанных в уголовном законе.

Практические сложности

1. Оценочный характер критериев. Понятия «существенный вред», «тяжкие последствия» и т. п. требуют субъективной оценки суда, что создаёт простор для разночтений и неоднозначных решений. Например, сложно однозначно определить, насколько серьёзным должен быть вред интересам службы, чтобы признать деяние преступным.

2. Сходство внешних признаков. Многие дисциплинарные проступки и преступления имеют схожую фактическую основу (например, нарушение уставных правил, неисполнение приказа). Разграничение зависит от конкретных обстоятельств дела, что повышает риск ошибки.

3. Проблемы с квалификацией. В правоприменительной практике возникают сложности с отграничением преступлений от смежных составов и дисциплинарных проступков. Например, не всегда ясно, где проходит граница между нарушением уставных правил взаимоотношений (ст. 335 УК РФ) и грубым дисциплинарным проступком.

4. Влияние особых периодов. Преступления, совершённые в период мобилизации, военного положения, в военное время или в условиях вооружённого конфликта, характеризуются повышенной общественной опасностью. Это может влиять на квалификацию, но требует чёткого установления временных рамок и обстоятельств дела.

5. Субъектный состав. Необходимо учитывать правовой статус лица (военнослужащий, гражданин, проходящий военные сборы и т. д.) и обстоятельства, при которых было совершено деяние.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ

В Постановлении от 18 мая 2023 года №11 Пленум ВС РФ дал важные разъяснения по этому вопросу:

1. Судам необходимо выяснять, какими нормативными актами регулируются соответствующие правоотношения, и указывать в решении, в чём выразились нарушения с ссылкой на конкретные нормы.

2. Если общественно опасные последствия (например, существенный вред интересам службы) отсутствуют, деяние не содержит состава преступления, и суд должен вынести оправдательный приговор. При этом лицо может быть привлечено к дисциплинарной ответственности.

3. Малозначительное деяние, хотя и содержащее признаки состава преступления, но не представляющее общественной опасности, не является преступлением (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Проблемная зона: Наибольшие сложности возникают при квалификации деяний, где порог перехода в уголовную плоскость определен оценочными понятиями: «существенный вред» (ст. 337 УК РФ), «тяжкие последствия» (ст. 332 УК РФ). Отсутствие их четкой законодательной расшифровки приводит к разночтениям и субъективизму в оценке. [3]:

Пути совершенствования

Для снижения рисков ошибок в квалификации предлагается:

- уточнить в законодательстве критерии оценки общественной опасности деяний, связанных с военной службой;
- разработать более чёткие методические рекомендации для правоприменителей по разграничению преступлений и дисциплинарных проступков;
- усилить обучение военнослужащих и командиров в части знания норм дисциплинарной и уголовной ответственности;
- совершенствовать судебную практику через анализ и обобщение типовых ошибок.

Таким образом, проблема разграничения воинских преступлений и дисциплинарных проступков требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение квалификации правоприменителей и унификацию судебной практики.

II. Сложности отграничения воинских преступлений от общеуголовных (на примере хищения оружия).

Отграничение воинских преступлений от общеуголовных на примере хищения оружия – сложная правовая проблема, которая возникает из-за близости внешних признаков деяний, особенностей военно-служебных отношений и оценочного характера некоторых критериев. Ключевое различие заключается в объекте посягательства, субъекте преступления, мотивах, целях и правовых последствиях.

Основные критерии разграничения

1. Объект посягательства.

- Воинские преступления посягают на порядок прохождения военной службы, который включает соблюдение уставных правил, выполнение обязанностей и поддержание боеспособности вооружённых сил. Например, хищение оружия военнослужащим может нарушать порядок обеспечения живучести военного подразделения, правила хранения и использования военного имущества.

- Общеуголовные преступления (например, ст. 226 УК РФ «Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств») посягают на общественную безопасность в сфере оборота оружия. Здесь не учитывается специфика военно-служебных отношений.

2. Субъект преступления.

- Воинские преступления совершаются только военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, или лицами, пребывающими в запасе во время прохождения военных сборов.

- Общеуголовные преступления могут совершаться любыми лицами, достигшими возраста уголовной ответственности и вменяемыми, независимо от их статуса.

3. Мотивы и цели.

- В воинских преступлениях мотивы и цели часто связаны с нарушением порядка военной службы. Например, хищение оружия может быть частью дезертирства (ст. 338 УК РФ), когда военнослужащий забирает оружие с собой при оставлении части.

- В общеуголовных преступлениях мотивы и цели могут быть иными – корысть, намерение использовать оружие для совершения другого преступления, самооборона и т. д.

4. Правовые последствия.

- За воинские преступления предусмотрены специальные виды наказаний, которые применяются только к военнослужащим (например, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части).

- Общеуголовные преступления влекут наказания, предусмотренные для гражданских лиц.

Практические сложности

1) Оценочный характер критериев.

- Понятие «порядок прохождения военной службы» и его нарушение – оценочные категории. Судам необходимо устанавливать, насколько деяние подрывает боеспособность подразделения, нарушает уставные правила.

- Тяжёлые последствия (например, срыв боевого задания) также требуют субъективной оценки.

2) Сходство объективных признаков.

- Хищение оружия может внешне совпадать по действиям (завладение оружием) как для воинского, так и для общеуголовного преступления. Разграничение зависит от контекста и статуса субъекта.

3) Квалификация при совокупности составов.

- Например, если военнослужащий похитил оружие и использовал его для совершения другого преступления (например, убийства), возникает вопрос о квалификации по совокупности ст. 226 УК РФ и соответствующего воинского преступления (если есть признаки нарушения порядка службы).

4) Проблемы с определением мотива и цели.

- В ст. 226 УК РФ мотив и цель не являются обязательными признаками субъективной стороны, но на практике они могут играть ключевую роль в отграничении от воинских преступлений. Например, если хищение оружия было частью дезертирства, квалификация изменится.

5) Влияние особых периодов.

- В период мобилизации, военного положения, в военное время или в условиях вооружённого конфликта деяния могут приобретать повышенную общественную опасность, что влияет на квалификацию. [8, с. 15]:

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ

В Постановлении от 18 мая 2023 года №11 Пленум ВС РФ указал, что при разграничении преступлений против военной службы и смежных составов необходимо учитывать:

- какими нормативными актами регулируются соответствующие правоотношения (например, уставы, приказы, законы);
- в чём конкретно выразились нарушения с ссылкой на конкретные нормы;
- статус субъекта (военнослужащий, гражданин на военных сборах и т. д.).

Если деяние, совершённое субъектом военного преступления, подпадает под признаки, предусмотренные главой 33 УК РФ (преступления против военной службы), и одновременно под общую уголовно-правовую норму, применяется специальная норма (глава 33 УК РФ). [3]:

Согласно ч. 3 ст. 331 УК РФ, уголовная ответственность за преступления против военной службы наступает только если деяние совершено **военнослужащим и связано с прохождением им военной службы**. Нарушение этого принципа – частая ошибка.

Ключевой критерий: «Связь с прохождением военной службы». Эта связь означает, что преступление либо посягает на установленный порядок прохождения службы, либо совершается с использованием служебного положения, либо нарушает специальные обязанности, возложенные на военнослужащего. [7]:

Пример с хищением оружия (на примере пистолета Макарова):

Данное деяние может подпадать под действие **трех различных статей УК РФ**, и выбор правильной квалификации напрямую зависит от обстоятельств:

1. Ст. 226 УК РФ («Хищение либо вымогательство оружия...») – общеуголовный состав.

Применяется, если хищение совершено:

- Гражданским лицом (например, вором, проникшим на склад).
- Военнослужащим, но деяние не связано с его служебными обязанностями (например, солдат, не имеющий доступа к оружейной комнате, тайно похищает пистолет у сослуживца из личного тайника, с целью последующей продажи «на стороне»). Здесь нет нарушения порядка несения службы как такового; есть посягательство на общественную безопасность.

2. Ст. 348 УК РФ («Утрата военного имущества») – воинский состав. Применяется, если военнослужащий, **наделённый обязанностями по хранению, использованию или охране этого оружия** (дежурный по части, часовой, начальник караула, вооруженный стрелок), в результате **небрежного или недобросовестного отношения к службе** допускает его утрату (хищение другим лицом, утрату). Умысла на хищение у данного лица нет, но есть вина в форме неосторожности, прямо связанная с исполнением служебных обязанностей. Преступление посягает прежде всего на порядок обращения с военным имуществом. [6]:

3. Сложный случай конкуренции/совокупности: Если военнослужащий, **используя свое служебное положение и доступ** (например, кладовщик оружейной комнаты), **умышленно похищает** вверенное ему оружие, его действия требуют **совокупной квалификации**:

- По ст. 226 УК РФ – как хищение оружия лицом с использованием своего служебного положения (п. «в» ч. 3 – квалифицирующий признак). [1]:
- По соответствующей части ст. 348 УК РФ – если хищение стало возможным из-за нарушения правил обращения с оружием, что является его служебным преступлением. [1]:

В данном случае одно деяние образует два состава преступления, посягая на разные объекты: общественную безопасность (ст. 226) и воинский порядок (ст. 348).

Пути совершенствования

Для снижения рисков ошибочной квалификации можно предложить:

- уточнение в законодательстве критериев, разграничивающих порядок прохождения военной службы и общественную безопасность в сфере оборота оружия;
- разработку методических рекомендаций для следственных органов и судов по установлению мотивов и целей в подобных случаях;
- повышение квалификации специалистов в области военно-уголовного права.

Таким образом, отграничение воинских преступлений от общеуголовных при хищении оружия требует комплексного анализа объекта посягательства, субъекта, мотивов, целей и контекста деяния. Ключевую роль здесь играет правоприменительная практика и разъяснения высших судебных

инстанций. [5, с. 661]:

Сложности квалификации на стыке дисциплинарного, военно-уголовного и общеуголовного права носят системный характер. Их преодоление требует:

1. **Формализации критериев:** Необходимо закрепить в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ более детальные признаки «связи с прохождением службы» и примеры «тяжких последствий».

2. **Повышения специализации:** Расследование подобных дел должно быть сосредоточено в органах военной следственной власти СК РФ, чьи сотрудники обладают специальными познаниями.

3. **Четкого алгоритма:** Правоприменителю необходимо последовательно устанавливать: а) статус субъекта; б) связаны ли его действия с исполнением служебных обязанностей или доступом, предоставленным службой; в) какой основной объект охраны нарушен – воинский порядок или более широкий (безопасность личности, собственности и т.д.).

Только комплексный учет всех обстоятельств дела, строгое следование законодательным критериям и доктринальным разъяснениям позволят обеспечить правильную квалификацию преступлений против военной службы и минимизировать судебные ошибки.

Список источников

1. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026)// СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. - Глава 33 «Преступления против военной службы»: С. 543–550 (ст. 332–352).

2. Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 N 53-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. №11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/documents/own/32440/>

4. Лебедев В.М. Преступления против военной службы в УК РФ: проблемы квалификации // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 45–59.- Современная судебная практика: С. 50–55.

5. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / под редакцией д-ра юрид. Наук, профессора Дуюнова – 3 изд. – М: РИОР. ИНФА-М, 2012. С. 658–663.

6. С. М. Мальков. Монография «Преступления против военной службы» (2015) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-kontseptsiya-klassifikatsii-prestupleniy-protiv-voennoy-sluzhby-po-deystvuyuschemu-ugolovnomu-zakonodatelstvu>.

7. С. А. Соколов. Автореферат диссертации «Ответственность за преступления против военной службы: уголовно-правовое регулирование и криминологический аспект» (2002). [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_382990/.

8. Серебрянников А.В. Проблемы квалификации насильственных преступлений против военной службы // Военно-юридический журнал. 2022. № 5. С. 12-18.

9. Н. А. Шулёпов. «Правовые основания и формы реализации уголовной ответственности военнослужащих в Российской Федерации». Монография (2002 год). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000903780>.

10. В. В. Палий. «Преступления и проступок: проблемы соотношения» // Теоретические проблемы отраслей права, 2017, №7, с.112–124.

УДК 347.63

СПЕЦИФИКА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, АКТИВНАЯ РОЛЬ СУДА В ИСТРЕБОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

ОНДАР АИНА ШУГЛУР-ООЛОВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

*Научный руководитель: Папушина Наталья Юрьевна**к. ю. н., старший преподаватель*

Аннотация. В статье исследуются ключевые особенности процесса доказывания по гражданским делам, связанным с воспитанием детей. Основное внимание уделено анализу специфики оценки таких доказательств, как заключение органа опеки и попечительства и заключение судебной психолого-педагогической экспертизы, которые играют центральную, но не бесспорную роль в формировании судебного убеждения. Рассматривается обусловленная публично-правовым характером споров активная роль суда в истребовании и исследовании доказательств по собственной инициативе, направленная на защиту интересов несовершеннолетнего. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного, критического подхода к оценке всех доказательств в их совокупности, при котором заключения органов опеки и экспертов не имеют заранее установленной силы, а их содержание должно быть всесторонне проверено судом.

Ключевые слова: дела о воспитании детей, доказывание, оценка доказательств, заключение органа опеки, судебная психолого-педагогическая экспертиза, активная роль суда, интересы ребенка.

THE SPECIFICS OF EVIDENCE IN CASES OF CHILD REARING: THE SPECIFICS OF EVALUATING EVIDENCE, THE ACTIVE ROLE OF THE COURT IN SEEKING EVIDENCE

Ondar Aina Shuglur-oolovna*Scientific adviser: Papushina Natalia Yurievna*

Abstract: The article examines the key features of the evidentiary process in civil cases related to the upbringing of children. The main attention is paid to the analysis of the specifics of evaluating evidence such as the conclusion of the guardianship authority and the conclusion of the forensic psychological and pedagogical expertise, which play a central but not indisputable role in the formation of judicial conviction. The article considers the active role of the court in the collection and examination of evidence on its own initiative, aimed at protecting the interests of a minor, due to the public-legal nature of disputes. The author comes to the conclusion that there is a need for a comprehensive, critical approach to assessing all evidence in their entirety, in which the conclusions of the guardianship authorities and experts do not have a predetermined force, and their content must be comprehensively verified by the court.

Keywords: child rearing cases, evidence, evaluation of evidence, custody authority's conclusion, judicial psychological and pedagogical expertise, active role of the court, interests of the child.

Введение

Дела, связанные с воспитанием детей (об определении места жительства ребенка, порядка общения с отдельно проживающим родителем, лишении или ограничении родительских прав), относятся к категории наиболее сложных и социально значимых гражданских дел. Их рассмотрение сопряжено с необходимостью установления не только юридически значимых фактов, но и фактических обстоятельств, требующих специальных познаний в области детской психологии, педагогики, социологии семьи. Это предопределяет специфику предмета доказывания, который включает в себя не просто события и действия, но и психологические состояния, отношения привязанности, комплекс условий для развития ребенка. Данная специфика, в свою очередь, формирует уникальную систему средств доказывания и требует особого подхода к их оценке, а также активизации процессуальной роли суда.

Заключение органа опеки и попечительства: между доказательством и административным усмотрением.

В соответствии со ст. 78 Семейного кодекса РФ и ст. 47 ГПК РФ, орган опеки и попечительства является обязательным участником дел данной категории, представляя суду акт обследования условий жизни лица, претендующего на воспитание ребенка, и заключение по существу спора. Формально данное заключение является одним из письменных доказательств. Однако его особая природа заключается в том, что оно представляет собой результат властного, административного усмотрения специализированного государственного органа, наделенного контрольными функциями.

На практике суды зачастую склонны придавать этому заключению решающее значение, фактически перекладывая на орган опеки бремя выбора наилучшего для ребенка варианта. Это приводит к ряду проблем: формализм обследования: акты нередко фиксируют лишь материально-бытовые условия (наличие отдельной комнаты, игрушек, продуктов), упуская из вида психологический климат в семье, качество эмоциональной связи; субъективизм и отсутствие глубокого психологического анализа: специалисты опеки, как правило, не являются клиническими психологами и могут делать поверхностные выводы на основе краткой беседы; проблема «ведомственной солидарности»: суд может неохотно подвергать критической оценке позицию государственного органа.

Суду необходимо активно исследовать и оценивать заключение опеки проверять полноту и методы проведенного обследования, мотивированность выводов, соответствие их материалам дела. Заключение не может быть принято на веру и должно рассматриваться в совокупности со всеми другими доказательствами.

Судебная психолого-педагогическая экспертиза (СППЭ) как инструмент специализированного познания.

В ситуациях, когда для установления психологических аспектов взаимоотношений ребенка и родителей требуются специальные познания, суд назначает СППЭ. Это важнейшее доказательство, позволяющее выявить:

1. степень привязанности ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам;
2. психологические особенности родителей и их способность к адекватному воспитанию;
3. психологические последствия для ребенка от разлучения с одним из родителей или изменения среды проживания;
4. возможное наличие давления или программирования.

Особенность оценки экспертного заключения заключается в том, что суд оценивает не научную обоснованность методик (если они являются общепризнанными), а логичность, полноту и непротиворечивость выводов, их связь с поставленными перед экспертом вопросами. Суд вправе, а в спорах о детях - обязан, подвергнуть мотивированной критике выводы эксперта, если они противоречат другим доказательствам, например, показаниям свидетелей, видеозаписям, характеристикам. Экспертное заключение не имеет для суда заранее установленной силы (ч. 3 ст. 86 ГПК РФ) и подлежит проверке. Важной процессуальной гарантией является возможность постановки перед экспертом дополнительных вопросов и вызова его в судебное заседание для разъяснения данного заключения.

Активная роль суда в истребовании и исследовании доказательств.

Публично-правовая природа споров о детях, где на кону стоят права и интересы недееспособно-

го или не полностью дееспособного субъекта, обуславливает отступление от классического принципа состязательности в «чистом» виде. Суд в этих делах выступает не как пассивный арбитр, а как активный защитник интересов ребенка. Это находит прямое закрепление в ч. 2 ст. 56, ст. 57 СК РФ, ст. 50 ГПК РФ.

Активная роль суда в доказывании проявляется в следующих процессуальных действиях: истребование доказательств по собственной инициативе: суд может запросить характеристики с места работы родителей, справки из медицинских учреждений (в т.ч. наркологического и психоневрологического диспансера), данные от участкового уполномоченного, информацию из образовательных организаций ребенка. Это особенно важно, когда одна из сторон, опасаясь негативной информации, уклоняется от их представления; Восполнение правовой безграмотности сторон: разъяснение сторонам, какие обстоятельства имеют значение для дела, и кто должен их доказывать, предложение представить дополнительные доказательства; Обеспечение непосредственного восприятия обстановки: в исключительных случаях - проведение выездного судебного заседания по месту жительства ребенка; Обеспечение полноты экспертного исследования: четкая формулировка вопросов перед экспертом, при необходимости - привлечение к участию в процессе специалиста психолога для консультации и помощи в оценке заключения.

Эта активная позиция суда направлена на то, чтобы судебное решение базировалось на максимально полной и объективной картине, установленной независимо от процессуальной «силы» или «слабости» сторон.

Заключение

Специфика доказывания по делам о воспитании детей формируется под влиянием комплексного предмета доказывания, требующего установления как объективных, так и субъективных психологических фактов. Ключевые доказательства по таким делам - заключение органа опеки и СППЭ - обладают значительным, но не абсолютным весом. Их оценка должна быть критической, мотивированной и всесторонней, осуществляемой в контексте всей совокупности доказательств. Пассивность суда в исследовании обстоятельств дела недопустима. Активная роль суда в истребовании и формировании доказательственной базы, вытекающая из охранительной функции государства в сфере защиты прав детей, является не исключением, а необходимым условием вынесения законного и обоснованного решения, которое действительно отвечает интересам ребенка. Совершенствование практики заключается в дальнейшем повышении психологической грамотности судей, развитии методологии проведения СППЭ и усилении контрольных полномочий суда в отношении качества заключений органов опеки.

Список источников

1. Захарова, О.Б.: Особенности доказывания по спорам, связанным с воспитанием детей: монография.- М.: Проспект, 2020. – 176 с.;
2. Треушников, М.К.: Судебные доказательства.- 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Городец, 2017. – 320 с.;
3. Люблинская, Л.Н., Сафонова, Ю.А.: Судебная психолого-педагогическая экспертиза по спорам о воспитании ребенка: проблемы назначения и оценки заключения // Семейное и жилищное право.– 2021. – № 4. – С. 17–21.;
4. Краснова, Т.В.: Активная роль суда в гражданском судопроизводстве по делам, связанным с защитой прав несовершеннолетних // Российская юстиция.– 2022. – № 8. – С. 45–48.;
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (в ред. от 26.12.2017).

УДК 4414

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЮСТИЦИЯ И ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИСКОВ

КАДЫРОВА САЛИДАТ ДЖАБРАИЛОВНАкандидат юридических наук
Сургутский государственный университет*Научный руководитель: Дядькин Дмитрий Сергеевич*доктор юридических наук
Сургутский государственный университет

Аннотация: Статья исследует трансформацию классических институтов экологического права под влиянием концепции экологической юстиции и глобального климатического кризиса. Автор анализирует эволюцию правового подхода от антропоцентричной модели к признанию самостоятельной ценности природы. Центральное место в исследовании занимает феномен «климатических исков» как нового механизма защиты экологических прав. Рассматриваются ключевые кейсы (Urgenda, Neubauer) и выявляются процессуальные сложности. В заключении обосновывается необходимость интеграции принципов экологической юстиции в систему юридического образования для формирования нового поколения правоприменителей.

Ключевые слова: экологическая юстиция, право на благоприятную окружающую среду, климатические иски, права природы, экологическое правосознание, образование для устойчивого развития.

ENVIRONMENTAL JUSTICE AND THE RIGHT TO A FAVORABLE ENVIRONMENT: THE EVOLUTION OF APPROACHES THROUGH THE PRISM OF CLIMATE LITIGATION AND THE ROLE OF LEGAL EDUCATION

Kadyrova Salidat Dzhabrailovna*Scientific adviser: Dyadkin Dmitry Sergeevich*

Abstract: This article examines the transformation of classical environmental law institutions under the influence of environmental justice principles and the global climate crisis. The author analyzes the evolution of legal approaches from an anthropocentric model to recognizing the intrinsic value of nature. The phenomenon of "climate litigation" is central to the study, viewed as a new mechanism for protecting environmental rights. Key cases (Urgenda, Neubauer, etc.) are discussed, and procedural complexities (proving causation, identifying defendants) are identified. The conclusion emphasizes the necessity of integrating environmental justice principles and climate issues into general and professional legal education to shape a new generation of legal practitioners and enforcers.

Keywords: environmental justice, right to a favorable environment, climate litigation, rights of nature, environmental legal awareness, education for sustainable development, transboundary environmental harm, evidence in environmental disputes.

Введение

Климатический кризис и утрата биоразнообразия представляют собой системный вызов для современного права, обнажая ограниченность традиционных антропоцентричных инструментов экологического регулирования. Конституционное право на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ) в его классической интерпретации зачастую оказывается неэффективным перед лицом глобальных, кумулятивных и отложенных угроз, таких как изменение климата.

Возникает объективная потребность в новой правовой парадигме, способной обеспечить справедливость не только для ныне живущих поколений, но и для природы как самоценности, а также для будущих поколений. Такой парадигмой выступает концепция экологической юстиции (environmental justice), получающая все большее признание в мировой практике.

Цель данной статьи — проанализировать эволюцию подходов к охране окружающей среды через призму экологической юстиции и практики климатических исков, а также оценить роль правового образования в формировании адекватного правового ответа на современные экологические вызовы.

1. От антропоцентризма к эоцентризму: теоретические основы экологической юстиции

Классическое экологическое право России и большинства стран мира исторически сложилось в рамках антропоцентричной парадигмы. Природа рассматривается преимущественно как объект права, природный ресурс, а её охрана является производной от необходимости защитить жизнь, здоровье и имущественные интересы человека. Право на благоприятную окружающую среду трактуется как субъективное право гражданина. Однако данный подход демонстрирует уязвимость при столкновении с проблемами, где прямой и немедленный ущерб человеку сложно доказать, либо где вред причиняется устойчивости экосистем в целом.

В противовес антропоцентричному подходу, набирает силу эоцентричная парадигма экологической юстиции. Ее краеугольный камень – признание внутренней ценности природы, ее неотъемлемого права на существование и сохранение, независимо от пользы для человека. Эта концепция охватывает два ключевых аспекта:

Распределительная справедливость: подразумевает справедливое распределение экологических благ и рисков, а также защиту уязвимых сообществ от негативного воздействия «грязных» производств.

Процедурная справедливость: гарантирует равный доступ к экологической информации и участие в принятии решений, касающихся окружающей среды.

Наиболее радикальным выражением эоцентризма является доктрина прав природы (Rights of Nature). Она предлагает рассматривать природные объекты – реки, леса, экосистемы – как субъектов права, обладающих собственными интересами и имеющих право на представительство в суде. Эта доктрина уже нашла законодательное закрепление в Конституции Эквадора (2008 г.) и законе Боливии «Мать-Земля» (2010 г.). Кроме того, суды Колумбии и Новой Зеландии выносили решения о признании прав конкретных рек. Хотя прямое внедрение этой модели в российскую правовую систему сопряжено с трудностями, ее философские основы побуждают к переосмыслению уровня защиты экосистем в рамках действующего законодательства.

2. Необходимость формирования «зеленого» юриста в юридическом образовании

Трансформации в праве ставят новые задачи перед подготовкой юридических кадров. Современный юрист – будь то судья, адвокат или правозащитник – должен обладать не только знанием экологического законодательства, но и глубоким эколого-правовым сознанием.

Для достижения этой цели система юридического образования, особенно высшего, нуждается в модернизации по следующим направлениям:

1. Интеграция сквозных модулей по экологической юстиции и климатическому праву в основные образовательные программы (бакалавриат, специалитет). Студенты должны понимать не только нормы, но и философские основы, экономический контекст и научные доказательства климатического кризиса.

2. Развитие специализированных магистерских программ («Экологическое и энергетическое право», «Право и устойчивое развитие»), готовящих экспертов высшей квалификации.

3. Создание и поддержка клиник экологического права, где студенты под руководством практиков могли бы оказывать реальную правовую помощь НКО и гражданам, участвовать в подготовке стратегических исков, в том числе по климатической тематике.

4. Обязательное повышение квалификации для судей и прокуроров по вопросам рассмотрения сложных экологических споров, работы с научной экспертизой и международными прецедентами.

Только подготовленный юрист, наделенный «экологическим мировоззрением», сможет эффективно использовать существующие правовые инструменты для защиты общественных экологических интересов, интерпретировать законы в свете принципов устойчивого развития и способствовать формированию новой, экоцентричной судебной практики в России.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что экологическое право находится на переломном этапе своей эволюции. Климатический кризис и концепция экологической юстиции выступают катализаторами сдвига от узко понимаемого антропоцентризма к более целостной, экоцентричной модели, учитывающей права природы, справедливость для уязвимых групп и интересы будущих поколений. Климатические иски стали тем практическим инструментом, который заставляет эту новую парадигму работать, преодолевая традиционные процессуальные барьеры.

Для Российской Федерации, обладающей значительными экологическими активами и несущей серьезную ответственность в контексте глобального изменения климата, освоение этих трендов является стратегической задачей. Ключевым условием ее решения выступает модернизация юридического образования, направленная на воспитание нового типа правоведа – «зеленого юриста», способного мыслить системно, работать с междисциплинарными знаниями и отстаивать ценности экологической справедливости в профессиональной деятельности. Это необходимое условие для того, чтобы конституционное право на благоприятную окружающую среду превратилось из декларации в действенный механизм защиты жизни на планете.

Список источников

1. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник для вузов. – М.: Эксмо, 2018. – 688 с.
2. Выпханова Г.В. Правовые проблемы обеспечения экологической безопасности в условиях изменения климата: монография. – М.: ИЗиСП, 2020. – 210 с.
3. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Климатические иски в международном и национальном праве: новые вызовы // Московский журнал международного права. – 2021. – № 4. – С. 76–94.
4. Копылов М.Н., Агафонов В.Б. «Права природы»: мировая практика и возможности рецепции в российское право // Экологическое право. – 2022. – № 2. – С. 12–18.
5. Постановление Верховного суда Нидерландов от 20 декабря 2019 г. по делу № 19/00135 (Stichting Urgenda v. The State of the Netherlands). – URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:HR:2019:2007>
6. Решение Федерального конституционного суда Германии от 24 марта 2021 г. по делу 1 BvR 2656/18 (Neubauer et al. v. Germany). – URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2021/03/rs20210324_1bvr265618en.html
7. Парижское соглашение, принятое 12 декабря 2015 г. (ратифицировано Федеральным законом от 04.11.2016 № 299-ФЗ). – URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement>
8. Stone C.D. Should Trees Have Standing? – Toward Legal Rights for Natural Objects // Southern California Law Review. – 1972. – Vol. 45. – P. 450–501.

УДК 340

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ АГЕНТНОСТИ, ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

БОБОНИЁЗОВ СУХРОБ РУСТАМОВИЧ

докторант PhD 3 курса кафедры гражданского права
Таджикского национального университета,
Республика Таджикистан, г. Душанбе

Аннотация: В статье исследуются гражданско-правовые проблемы использования искусственного интеллекта в частноправовых отношениях через призму агентности, распределения ответственности и допустимости признания правосубъектности. На основе анализа доктринальных подходов и позиций таджикской и постсоветской юридической науки обосновывается вывод о преждевременности признания правосубъектности искусственного интеллекта и приоритетности антропоцентрической модели гражданского права, ориентированной на развитие механизмов ответственности и страхования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданское право, искусственный агент, гражданско-правовая ответственность, правосубъектность, интеллектуальная собственность.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW REGULATION: ISSUES OF AGENCY, LIABILITY, AND LEGAL PERSONALITY

Boboniyozov Suhrob Rustamovich

Abstract: The article examines civil law issues related to the use of artificial intelligence in private law relations through the lens of agency, allocation of liability, and the admissibility of recognizing legal personality. Based on an analysis of doctrinal approaches and the positions of Tajik and post-Soviet legal scholarship, the author substantiates the conclusion that recognizing the legal personality of artificial intelligence is premature and argues for the priority of an anthropocentric model of civil law focused on the development of liability and insurance mechanisms.

Keywords: artificial intelligence, civil law, artificial agent, civil liability, legal personality, intellectual property.

Современный этап развития цифровых технологий характеризуется качественным усложнением механизмов обработки информации, результатом чего стало формирование систем искусственного интеллекта, обладающих способностью к автономному принятию решений, самообучению и генерации результатов, ранее ассоциировавшихся исключительно с человеческой интеллектуальной деятельностью. В юридической науке данное обстоятельство обусловило активизацию дискуссий о месте искусственного интеллекта в системе правового регулирования, прежде всего в сфере частноправовых отношений, где автономность поведения традиционно соотносится с категорией юридической воли.

В доктрине справедливо отмечается, что искусственный интеллект принципиально отличается от ранее известных технических средств тем, что его функционирование не сводится к механическому исполнению заранее заданного алгоритма, а предполагает вероятностное моделирование решений на

основе больших массивов данных, структура и логика обработки которых зачастую остаются непрозрачными даже для разработчиков системы [2, С. 48–52]. Данная особенность предопределяет возникновение новых рисков в сфере гражданского оборота, связанных с невозможностью точного прогнозирования последствий использования таких систем.

Особую сложность представляет проблема квалификации искусственного интеллекта в качестве агента, действующего от имени и в интересах принципала. В традиционной конструкции агентских правоотношений агент рассматривается как субъект права, обладающий правоспособностью и дееспособностью, что позволяет связывать юридические последствия его действий с внутренним волевым актом. Искусственный интеллект, лишённый правосубъектности, не соответствует данным критериям, что исключает возможность прямого применения классической агентской модели без её концептуальной модификации [6, С. 86–92].

На практике использование искусственного интеллекта в качестве автономного посредника при заключении сделок приводит к перераспределению рисков в пользу принципала, который, будучи формальным участником гражданского оборота, несёт ответственность за последствия функционирования системы, даже в случаях, когда результаты её деятельности выходят за рамки разумно ожидаемого поведения. Подобная ситуация, как отмечается в доктрине, формирует феномен «ответственности без предсказуемости», что противоречит базовым началам гражданского права, основанным на принципах справедливости и эквивалентности ответственности.

Не менее дискуссионным является вопрос гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый в результате использования искусственного интеллекта в качестве инструмента поддержки принятия решений человеком. В условиях модели «человек в контуре» ответственность формально сохраняется за человеческим оператором, однако на практике возникает эффект автоматизационного смещения, при котором решения, предложенные системой искусственного интеллекта, воспринимаются как объективно более обоснованные и тем самым снижают мотивацию к их критическому пересмотру.

Данная тенденция особенно наглядно проявляется в медицинской и финансовой сферах, где использование систем поддержки решений трансформирует традиционную модель доказывания в гражданских спорах, смещая акцент с оценки профессиональной небрежности человека на формальное следование алгоритмическим рекомендациям. В результате возникает риск подмены юридической ответственности технологической целесообразностью, что требует разработки специальных механизмов перераспределения рисков, включая обязательное страхование ответственности пользователей и производителей систем искусственного интеллекта [4, С. 62–68].

В правовых системах государств постсоветского пространства, включая Республику Таджикистан, гражданско-правовое осмысление искусственного интеллекта формируется фрагментарно и в значительной степени опирается на общие конструкции обязательственного и деликтного права. При этом, как подчёркивает Акинфеев Д.В., сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан выявляет общую проблему наличие нормативных дефиниций искусственного интеллекта на уровне стратегических и программных актов при отсутствии его чёткой квалификации в системе объектов гражданских прав. По мнению автора, без легального гражданско-правового определения ИИ невозможно выстроить устойчивую модель распределения ответственности, поскольку правоприменение вынуждено прибегать к аналогии закона и права, что усиливает правовую неопределённость [1].

В таджикской цивилистической доктрине данная проблема рассматривается преимущественно через призму гражданско-правовых рисков, а не через концепцию расширения круга субъектов права. Так, Курбонов К.Б. и Бобониёзов С.Р., анализируя международную практику регулирования искусственного интеллекта и возможности её имплементации в правовую систему Республики Таджикистан, подчёркивают, что ключевым вызовом является автономность и самообучаемость ИИ, размывающие традиционную связь между волей субъекта и юридически значимым действием. В качестве приоритетного направления авторы обосновывают необходимость формирования специальных режимов ответственности и страхования технологических рисков, а не институционализацию правосубъектности искусственного интеллекта [3].

Показательно, что в постсоветской юридической науке дискуссия о правовом статусе ИИ характеризуется множественностью конкурирующих концепций — от квазисубъектности и электронного лица до моделей «квазиагента» или технического посредника. Однако, как справедливо отмечает Рыбин А.И., искусственный интеллект не может быть отнесён ни к одной из классических моделей правосубъектности, закреплённых в гражданском законодательстве. Его «промежуточное» положение между объектом и субъектом права, по мнению автора, допускает лишь ограниченные теоретические конструкции квазисубъекта, которые, однако, плохо поддаются формализации и не обеспечивают надлежащей защиты интересов участников гражданского оборота [7].

Схожие выводы формулируются и в научных исследованиях других государств региона. Так, Тлембаева Ж.У., анализируя казахстанский опыт регулирования искусственного интеллекта, указывает, что универсальные модели правового статуса ИИ не учитывают отраслевую специфику и уровень технологических рисков. В связи с этим автор обосновывает целесообразность поэтапного регулирования, основанного на дифференциации видов систем искусственного интеллекта и закреплении специальных правил ответственности для отдельных сфер их применения [8].

Таким образом, для Республики Таджикистан и иных постсоветских правопорядков характерна сдержанная и методологически осторожная позиция в отношении признания искусственного интеллекта субъектом гражданского права. Научная доктрина региона в целом сходится в том, что преждевременная институционализация правосубъектности ИИ способна не снизить, а напротив — усилить риски ухода от ответственности. В этих условиях более обоснованным представляется развитие антропоцентрической модели гражданского права, ориентированной на уточнение статуса искусственного интеллекта как объекта и инструмента человеческой деятельности, а также на совершенствование механизмов гражданско-правовой ответственности и страхования.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема интеллектуальной собственности на результаты, созданные с использованием искусственного интеллекта. Современная правоприменительная практика исходит из антропоцентрического подхода, исключающего признание искусственного интеллекта автором произведений ввиду отсутствия у него творческой воли и личностного начала. Данная позиция подтверждается как национальной судебной практикой, так и решениями зарубежных юрисдикций, в том числе отказом в признании авторских прав за результатами, созданными автономными системами [2, С. 314–320].

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки обосновать целесообразность признания искусственного интеллекта субъектом права либо квазисубъектом, способным нести имущественную ответственность в пределах специально сформированного фонда. Однако, как справедливо отмечает Е.В. Пономарёва, подобные конструкции создают иллюзию решения проблемы ответственности, фактически открывая возможности для уклонения от неё посредством недофинансирования или искусственного банкротства «электронного субъекта» [6, С. 94–101].

В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что признание правосубъектности искусственного интеллекта на современном этапе развития технологий и правовой науки является преждевременным и потенциально опасным. Более продуктивным направлением развития гражданского законодательства следует признать совершенствование режимов ответственности, страхования и договорного распределения рисков, основанных на сохранении ключевой роли человека как носителя юридической воли и ответственности.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что внедрение искусственного интеллекта в сферу гражданско-правовых отношений приводит не к разрушению классических институтов частного права, а к выявлению их предельных возможностей. Искусственный интеллект, оставаясь объектом гражданских прав и инструментом человеческой деятельности, требует не радикального пересмотра концепции правосубъектности, а тонкой адаптации механизмов ответственности и правового контроля. Дальнейшее развитие гражданского законодательства должно быть ориентировано на формирование устойчивой и предсказуемой модели регулирования, способной обеспечить баланс между технологическим прогрессом и фундаментальными принципами частного права.

Список источников

1. Акинфеев Д. В. Нормативное определение категории «искусственный интеллект» в гражданском праве Российской Федерации и Республики Таджикистан // Юридическая наука. — 2024. — № 1. — С. 70–78.
2. Вял А. Системы искусственного интеллекта и гражданско-правовая ответственность: позитивное право и предложения по его реформированию : дис. ... д-ра права. — Университет Бургундии Франш-Конте, 2022. — 412 с.
3. Курбонов К. Б., Бобониёзов С. Р. Искусственный интеллект: анализ международной практики и имплементации в правовую систему Республики Таджикистан // Ҳаёти ҳуқуқӣ (Правовая жизнь). — 2025. — № 2 (50). — С. 112–121.
4. Морхат П. М. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 198 с.
5. Никитенко С. В. Международно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в области медицины : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2023. — 236 с.
6. Пономарёва Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2019. — 214 с.
7. Рыбин А. И. Проблема правосубъектности искусственного интеллекта: к вопросу о возможности концепции «квазисубъекта» // Труды по интеллектуальной собственности (НИУ ВШЭ). — 2025. — № 3. — С. 45–59.
8. Тлембаева Ж. У. Some approaches to the legal regulation of artificial intelligence // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. — 2021. — Vol. 2. — P. 91–101.

УДК 340

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

АЖИЕВА АЛИНА АРТУРОВНА

аспирант

Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Россия

Научный руководитель: Бидова Бэла Бертовна

д.ю.н., профессор

Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Россия

Аннотация: Современное право требует интегрированного анализа с учётом экономических, социологических и психологических аспектов. В статье рассмотрены методы и виды междисциплинарных подходов, их роль в развитии юридической науки, выявлены проблемы внедрения и предложены пути их преодоления. Подчёркивается значимость синтеза знаний для адекватного отражения сложности общественных процессов и эффективного правового регулирования.

Ключевые слова: право, междисциплинарность, социология права, экономика, психология права, философия, исторический метод.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN LEGAL SCIENCE: FEATURES, PROBLEMS AND PROSPECTS

Azhieva Alina Arturovna*Scientific adviser: Bidova Bela Bertovna*

Abstract: Modern law demands integrated analysis considering economic, sociological and psychological aspects. This article reviews methods and types of interdisciplinary approaches, their role in legal science development, identifies challenges in implementation, and proposes solutions. The article emphasizes the significance of knowledge synthesis for adequate reflection of complex social processes and effective legal regulation.

Keywords: law, interdisciplinarity, sociology of law, economics, psychology of law, philosophy, historical method.

В современном обществе правовые проблемы становятся всё более сложными, выходя за рамки традиционного правового анализа. Юриспруденция активно интегрирует методы, категории и языки социальных, гуманитарных, экономических, психологических, философских и исторических наук, что делает междисциплинарный подход необходимым для глубокого изучения права. Такой синтез знаний позволяет по-новому взглянуть на традиционные правовые вопросы, учитывая социальную реальность, культурный и экономический контексты, и обеспечить более эффективный подход к решению возникающих проблем.

Междисциплинарность предполагает сотрудничество представителей различных научных дисциплин, проведение исследований на стыке наук и интеграцию концепций, категорий и методов. Цель междисциплинарного подхода — изучение сложных или масштабных проблем, которые трудно по-

нять с точки зрения одного предмета. Он предполагает интеграцию знаний из разных областей для описания, понимания и объяснения аспектов реальности.

Рассмотрим место междисциплинарного подхода в научной системе и его особенности:

- Право находится на стыке социальных, экономических, философских и гуманитарных дисциплин. – Использование эмпирических и философских методов исследования: статистики, сравнительного анализа, исторической методологии, психологических экспериментов, моделирования, экспертного интервью.

- Формирование новых концепций на основе комплексного анализа различных наук (например, «правовое поведение», «правосознание», «правовая культура», «нравственные основы»).

Виды междисциплинарных связей в юриспруденции:

- Социология права: анализ взаимосвязи правовой системы и общества.
- Экономика права: анализ влияния правовых норм на экономические процессы.
- Психология права: изучение психологии правового поведения, мотивации и преступности личности.

- Философия права: анализ нравственных основ права.

- Историко-правовой анализ: анализ эволюции правовых институтов и их влияния на современность.

Практические примеры и важность интеграции различных дисциплин:

- Социологический подход: социологический анализ помогает выявить истинные причины несоблюдения закона, отношение к нему, уровень правовой грамотности и отношение общественности к различным институтам. Он значительно углубляет понимание причинно-следственных связей между законом и социальной практикой и выявляет пробелы в правовых или правоприменительных проблемах.

- Экономический анализ права: экономические теории позволяют прогнозировать последствия регулирования, определять его издержки и выгоды, а также определять эффективность инструментов регулирования. В качестве примеров можно привести оценку эффективности антимонопольного законодательства, анализ рынка труда и концепцию «юридических издержек». – Психологический подход: изучение мотивации правонарушений, специфики права, учет различных социальных слоев и анализ психологической обстановки в ходе судебных заседаний помогают систематизировать всю юридическую и правоохранительную практику, а также совершенствовать профилактические меры.

- Философско-этические основы: философский анализ этических и моральных основ права укрепляет легитимность и обоснованность новых законов, прокладывает путь к разрешению моральных конфликтов в обществе.

- Исторический подход: история права служит источником знаний о процессе становления, эволюции базовых концепций и институтов, закономерностях изменений, а также об ошибках и успехах предыдущих реформ.

Проблемы, связанные с применением междисциплинарных исследований в области права:

- Несогласованность понятий и терминов: разные дисциплины используют разные понятия для одного и того же термина, что может затруднять коммуникацию.

- Проблемы коммуникации: необходимость разработки общего языка исследований, препятствия к пониманию и взаимодействию.

- Проблемы экспертизы: традиционные системы экспертной оценки не учитывают уникальные особенности комплексных исследований.

- Скептицизм и профессиональная изоляция: эксперты сосредоточены только на своей области, недооценивая альтернативные решения.

- Организационные барьеры: отсутствие площадок для обмена опытом, трудности в формировании междисциплинарных команд.

Конкретными примерами рисков являются:

- При разработке хозяйственного права стандарты могут не учитывать социокультурные аспекты, которые это делает невозможным исполнение ваших пожеланий.

- В гуманитарной сфере они не придерживаются правил различных учреждений и, следова-

тельно, не могут давать рекомендации.

Возможные пути решения проблем:

1. Методологическая интеграция, а именно:

- разработка и валидация терминологии по ключевым областям и концептуальным основам;
- разработка методологических рекомендаций по проведению интегративных исследований.

2. Образовательные инициативы и программа:

- интеграция интердисциплинарных программ на юридических и социальных факультетах;
- организация совместных курсов, семинаров и конференций с другими специалистами из

разных дисциплин.

3. Организационные решения:

– формирование исследовательских советов и экспертных групп из специалистов разных дисциплин.

– выпуск журналов, симпозиумов и онлайн-платформ с уклоном на интердисциплинарных исследований.

4. Экспертиза и оценка:

- внедрение смешанных экспертных диссертационных и рецензионных советов;

– развитие культуры публикаций, которая учитывает специфику интердисциплинарный подход.

5. Задавайте пациентам вопросы о:

Привлечение практикующих юристов, экономистов, психологов и других специалистов к совместным проектам.

Разработка пилотных программ изменений, тестирование новых институтов с последующей оценкой по разным (юридическим, экономическим, социальным) специальностям.

В сфере прав человека интердисциплинарность особо актуальна. Только с опорой на знания из философии, социологии, политологии, медицины, экономики и других наук можно всесторонне анализировать проблемы дискриминации, доступности правосудия, реализации культурных и социальных прав, соблюдения принципов биоэтики, а также разрабатывать эффективные механизмы их защиты. В качестве примера можно привести исследования прав лиц с инвалидностью включают:

- правовой анализ (юридический аспект);
- понимание и восприятие людей (социальный фактор);
- исследования инфраструктурных барьеров (экономика, урбанистика);
- оценка качества жизни (психология, медицина).

Указанная комплексность невозможна без синтеза разных научных традиций.

Перспективы развития интердисциплинарных исследований в юриспруденции:

- внедрение цифровых и инновационных методов (машинное обучение и т.д.);

– развитие новых дисциплин (судебная нейробиология, биоэтика, цифровые гуманитарные науки).

- создание новых программ обучения в университете и за его пределами;

– акцент на прикладную значимость: интеграция результатов исследований изменений в законодательстве, судебную практику и подготовку профессиональных кадров.

Интердисциплинарный подход является важным инструментом развития современной науки. Его применение позволяет решать сложные юридические вопросы, разрабатывать новые законы и нормативные акты и обеспечивает прочную основу для решения текущих задач. Однако интеграция различных дисциплин — будь то вербальных, стратегических, технических или когнитивных — представляет собой серьёзную проблему. Эти проблемы могут быть решены с помощью новых методов обучения, организационных и рабочих практик, а также стратегий совершенствования.

Список источников

1. Косолапова Н.А., Борщевская И.В., Абашев Р.В. Интердисциплинарный подход в юридиче-

ском проектировании: особенности и проблемы // Электронный научный журнал «Дневник науки». — 2025. — №4. — С. 46-59.

2. Орлов В.А., Орлова И.В. Интердисциплинарные исследования: подходы, проблемы и методы // Вопросы труда. — М., 1925. — С. 150-176.

3. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Методики работы с источниками права и научной литературой: рабочая программа дисциплины / Под ред. Ястребова О.А. — М., 2023. — 40 с.

4. Томский государственный университет. Современные проблемы юридической науки: рабочая программа дисциплины / Юридический институт. — Томск, 2023. — 60 с.

5. Хлутков А.Д. Методологические основы в юриспруденции: рабочая программа научно-исследовательского семинара / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС. — Санкт-Петербург, 2023. — 45 с.

УДК 347.77+347.78

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

НАЗАРЕНКО АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

*Научный руководитель: Липинский Виталий Владимирович**д-р ист. наук, профессор**ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ правового регулирования интеллектуальной собственности в России, Великобритании и Франции в условиях цифровизации. Рассматриваются особенности национальных систем: детализированное законодательное регулирование и специализированные институты в России, прецедентный консервативный подход Великобритании (на примере дела *Thaler v The Comptroller-General of Patents*), а также гибкая кодифицированная модель Франции с уникальными институтами (право на отзыв, право следования). На примере ключевых судебных решений (включая дело о товарном знаке «Bébé Lilly») показаны современные тенденции защиты интеллектуальных прав, подчеркивается необходимость гармонизации механизмов защиты при сохранении национальных правовых традиций.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, товарные знаки, патентное право, цифровая трансформация, искусственный интеллект, сравнительное право, судебная практика.

FEATURES OF CIVIL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY RESULTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Nazarenko Anastasia Igorevna*Scientific adviser: Lipinsky Vitaly Vladimirovich*

Abstract: The article provides a comparative analysis of the legal regulation of intellectual property in Russia, Great Britain and France in the context of digitalization. The features of national systems are considered: detailed legislative regulation and specialized institutions in Russia, the precedent-based conservative approach of Great Britain (using the example of *The Thaler v The Comptroller-General of Patents* case), as well as the flexible codified model of France with unique institutions (the right to recall, the right to follow). Using the example of key court decisions (including the case of the Bébé Lilly trademark), current trends in the protection of intellectual property rights are shown, and the need to harmonize protection mechanisms while preserving national legal traditions is emphasized.

Keywords: intellectual property, copyright, trademarks, patent law, digital transformation, artificial intelligence, comparative law, judicial practice.

Современное правовое регулирование интеллектуальной собственности сталкивается с рядом сложностей, которые обусловлены цифровой трансформацией и интернационализацией правоотношений. В частности, расширение способов использования результатов интеллектуальной деятельности приводит к увеличению количества споров, связанных с их незаконным распространением, нарушением исключительных прав и сложностями в определении юрисдикции. Данные обстоятельства требуют детального анализа судебной практики, которая отражает эволюцию подходов к защите результатов интеллектуальной деятельности в России и за рубежом.

В Российской Федерации защита результатов интеллектуальной деятельности закреплена на конституционном уровне (ст. 44 Конституции РФ), гарантирующей охрану интеллектуальной собственности и свободу творчества [3]. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим эту сферу, является Гражданский кодекс РФ (часть IV, раздел VII) [1].

В России действуют специализированные институты, ответственные за охрану и защиту результатов интеллектуальной деятельности, а именно Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), Суд по интеллектуальным правам и Федеральное агентство по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного и двойного назначения при Министерстве юстиции Российской Федерации [10, с. 17-19].

Гражданско-правовая защита авторских прав регламентируется главой 70 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. К числу охраняемых объектов относятся произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ, базы данных, аудиовизуальные произведения, а также архитектурные проекты. Срок действия авторского права составляет период жизни автора и 70 лет после его смерти (ст. 1281 ГК РФ) [1]. Гражданско-правовые способы защиты авторских прав, предусмотренные статьей 1252 ГК РФ, включают в себя: признание права, пресечение нарушений (включая удаление контрафактной продукции), возмещение убытков или взыскание компенсации (до 5 млн рублей либо в двукратном размере стоимости лицензии), а также публикацию судебного решения о нарушении [1].

Патентные правоотношения регулируются главой 72 ГК РФ [1]. К охраняемым объектам относятся изобретения (срок защиты – 20 лет), полезные модели (10 лет) и промышленные образцы (5 лет с возможностью продления). Для признания изобретения патентоспособным оно должно отвечать следующим требованиям: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. Меры правовой защиты патентных прав включают признание патента недействительным через Палату по патентным спорам, запрет несанкционированного использования запатентованных технологий, а также взыскание убытков или компенсации, сумма которой может составлять до 5 млн рублей.

Особую категорию интеллектуальных прав составляют средства индивидуализации, такие как товарные знаки и фирменные наименования. Товарный знак охраняется в течение 10 лет с возможностью продления, тогда как защита фирменного наименования является бессрочной. Гражданско-правовые способы защиты включают аннулирование регистрации сходного товарного знака, запрет использования схожих обозначений с целью предотвращения копирования брендов, а также возмещение убытков или взыскание компенсации [1].

С развитием цифровых технологий одной из ключевых проблем остается распространение контрафактной продукции в сети Интернет, что требует усиления механизмов блокировки ресурсов, нелегально распространяющих контент, и совершенствования правоприменительной практики. Дополнительную сложность представляет использование искусственного интеллекта для создания объектов авторского права, поскольку действующее законодательство не содержит четких критериев определения правообладателя в таких случаях [10, с. 94-99].

Российская судебная практика по делам о защите интеллектуальных прав демонстрирует последовательный подход к разрешению возникающих споров. Анализ последних решений арбитражных судов позволяет выделить ключевые тенденции в применении норм части четвертой Гражданского кодекса РФ.

В деле № А63-22697/2025 Арбитражный суд Ставропольского края подтвердил ответственность за коммерческое использование фотографических произведений без разрешения правообладателя [9].

Суд признал неправомерным размещение фотографий в сообществе «ВКонтакте» для продвижения туристических услуг, отметив, что свободный доступ к изображениям в интернете не освобождает от обязанности получать разрешение на их коммерческое использование. При определении размера компенсации по ст. 1301 ГК РФ суд принял во внимание стоимость лицензионных отчислений и длительность нарушения (3-5 лет) [1].

Особый интерес представляет позиция суда по вопросу создания произведений с использованием искусственного интеллекта (дело № А53-7527/25) [7]. Суд отверг доводы ответчика о возможной генерации фотографий искусственным интеллектом, подчеркнув, что авторское право возникает при наличии творческого вклада человека. Критериями творчества были признаны выбор ракурса, композиции и обработка изображения. Данный подход согласуется с решением по делу № А40-200471/23-27-1448, где суд подтвердил охраноспособность аудиовизуального произведения, созданного с применением deepfake-технологий, указав, что искусственный интеллект служит лишь инструментом реализации авторского замысла [4].

В сфере договорных отношений показательным является дело № А62-8395/2025 о взыскании задолженности по сублицензионному договору [8]. Смоленский арбитражный суд подчеркнул, что обязанность по оплате лицензионного вознаграждения возникает с момента предоставления права использования, а не с фактического применения продукта.

В спорах о товарных знаках (дело № А32-67095/2025) суды последовательно применяют минимальный размер компенсации (10 000 руб. за каждый факт нарушения) при отсутствииотягчающих обстоятельств [5]. При этом акцент делается на необходимость проверки контрагентами легальности используемой продукции.

Отдельного внимания заслуживает практика по защите промышленных образцов (дело № А42-11394/2024) [6]. Суды тщательно анализируют доводы о праве преждепользования, требуя документального подтверждения применения решения до даты приоритета патента. При этом учитывается не только прямое копирование, но и использование решений, сходных до степени смешения.

Великобритания, как страна с англосаксонской правовой системой, обеспечивает защиту интеллектуальной собственности через прецедентное право и законодательные акты. Основным нормативным документом в области интеллектуальной собственности является Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года [14].

Авторское право в Великобритании возникает автоматически с момента создания произведения и охраняет литературные, драматические, музыкальные и художественные произведения, базы данных, звукозаписи, фильмы, теле- и радиопередачи, а также типографское оформление публикаций. Кроме того, исполнители, продюсеры и вещательные организации защищены смежными правами, которые включают запрет на незаконное копирование и распространение записей и право на справедливое вознаграждение за использование. Промышленные образцы, в свою очередь, охраняются на протяжении 10-15 лет в случае отсутствия официальной регистрации прав на них, либо до 25 лет с правом продления при условии, что право было зарегистрировано. Патенты выдаются на срок 20 лет если изобретение отвечает таким требованиям, как новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. Нарушения интеллектуальных прав, согласно законодательству Великобритании, преследуются в гражданском и уголовном порядке. Основными способами защиты результатов интеллектуальной деятельности являются взыскания убытков, изъятия контрафактной продукции и наложения судебного запрета [14].

Французская система защиты интеллектуальной собственности представляет собой стройную правовую конструкцию, основанную на Кодексе интеллектуальной собственности, принятом в 1992 году [11]. Этот комплексный нормативный акт объединяет в себе законодательные положения и подзаконные регламенты, обеспечивая всестороннюю защиту различных объектов интеллектуальной собственности, включая авторские права, патенты, товарные знаки и иные категории.

Британская судебная система демонстрирует консервативный, но последовательный подход к вопросам интеллектуальной собственности, что особенно ярко проявилось в двух ключевых делах последних лет.

В споре между Bayer и Sandoz (HP-2022-000029) рассматривался принципиальный вопрос о природе обязательства по возмещению убытков (*cross-undertaking*), выдаваемого при получении временного судебного запрета (*interim injunction*) [15]. Суд однозначно определил компенсационный характер такого обязательства, отказавшись взыскивать прибыль, полученную Bayer благодаря временным ограничениям на выход препарата-дженерика на рынок. Это решение подтвердило традиционный для английского права подход, согласно которому меры защиты интеллектуальных прав направлены на компенсацию, а не на наказание или перераспределение прибыли.

Особое значение имеет дело *Thaler v The Comptroller-General of Patents*, которое стало поворотным моментом в обсуждении правового статуса искусственного интеллекта [20]. Суд последовательно отверг попытку признать ИИ-систему DABUS изобретателем, подчеркнув, что действующее законодательство связывает изобретательскую деятельность исключительно с человеческим творческим вкладом. Это решение сохранило традиционные рамки патентного права, оставив вопрос о возможной адаптации законодательства к технологическим вызовам на усмотрение парламента.

Оба дела демонстрируют характерную для британской правовой системы осторожность при расширительном толковании законодательства. Суды предпочитают опираться на проверенные правовые принципы, оставляя масштабные новации для законодательной ветви власти. При этом сохраняется гибкость в применении традиционных механизмов защиты интеллектуальных прав, что обеспечивает баланс между интересами правообладателей и общества.

Во французской системе интеллектуальной собственности авторское право возникает автоматически с момента создания произведения. Под защиту попадают разнообразные объекты творческой деятельности: литературные, художественные и научные произведения, программное обеспечение, аудиовизуальные работы, а также дизайнерские решения. Особый статус имеют произведения индустрии моды, представленные сезонными коллекциями, так называемые «орфанные произведения» (автор которых неизвестен), а также «недоступные произведения», изданные до 2001 года и не переиздававшиеся с тех пор. Срок действия авторских прав составляет 70 лет после смерти автора, а для произведений, созданных в соавторстве, этот срок исчисляется со дня смерти последнего соавтора [11].

Ключевой особенностью французской системы является разделение прав автора на две принципиально разные категории. Неимущественные (моральные) права включают в себя право на авторство и защиту целостности произведения, которое носит бессрочный характер. Также к этой категории относится уникальное право на отзыв (*droit de repentir*), позволяющее автору изъять своё произведение из обращения при условии возмещения убытков правообладателям. Имущественные права, напротив, имеют временный характер и включают исключительные права на воспроизведение, распространение и публичное представление произведения. Особого внимания заслуживает право следования (*droit de suite*), дающее авторам произведений искусства возможность получать процент от перепродажи своих работ.

Французское законодательство предусматривает специальные положения относительно служебных произведений, созданных в рамках трудовых отношений. В большинстве случаев права на такие произведения принадлежат работодателю, если только их создание не было связано с выполнением прямых трудовых обязанностей. Кодекс также устанавливает ряд исключений, разрешающих добросовестное использование защищённых материалов в образовательных целях, для цитирования или создания пародий. В цифровую эпоху особое значение приобрели положения, обязывающие интернет-платформы внедрять эффективные системы защиты авторских прав, такие как технологии контент-идентификации.

В сфере промышленной собственности французская система предлагает патентную охрану сроком на 20 лет для изобретений, соответствующих критериям новизны и промышленной применимости. Промышленные образцы регистрируются в Национальном институте промышленной собственности и первоначально получают защиту на 5 лет с возможностью продления до 25 лет. Товарные знаки подлежат защите при условии наличия у них различительной способности, позволяющей идентифицировать продукцию конкретного производителя [11].

Особой категорией защиты пользуются географические указания и наименования мест происхождения (*appellation d'origine*), призванные сохранить уникальные характеристики продуктов, связан-

ные с их территориальным происхождением. Эти правовые механизмы защищают интересы производителей и служат инструментом сохранения культурного наследия [11].

Система защиты прав включает разнообразные гражданско-правовые меры: от изъятия контрафактной продукции и возмещения убытков до наложения судебных запретов. В особо серьезных случаях возможно привлечение к уголовной ответственности. В свою очередь, таможенные органы наделены полномочиями по задержанию подозрительных товаров, что особенно важно в условиях глобализации торговли.

Следует отметить, что важным элементом системы выступают организации коллективного управления, аккредитованные государством для сбора вознаграждений за использование произведений в публичных библиотеках, образовательных учреждениях и других сферах.

Французская судебная система продолжает демонстрировать баланс между строгим соблюдением законодательных норм и защитой прав добросовестных правообладателей, о чем свидетельствуют два значимых дела.

Кассационный суд Франции встал на защиту интересов владельца товарного знака «Bébé Lilly», который столкнулся с отказом в продлении регистрации из-за 13-летнего судебного спора о праве собственности. Изначально зарегистрированный в 2006 году, знак перешел к новому владельцу только в 2022 году по решению суда, при этом срок его действия истек еще в 2016 году [12]. Национальный институт промышленной собственности и апелляционный суд отказали в продлении, ссылаясь на пропуск шестимесячного срока, установленного статьей R. 712-24 Кодекса интеллектуальной собственности. Однако Кассационный суд, ссылаясь на статью 1 Протокола №1 к Европейской конвенции о защите прав человека, указал, что исчисление срока должно начинаться с момента официального признания нового владельца (9 мая 2022 года), а не с даты истечения регистрации. Поскольку заявление было подано в июне 2022 года, срок соблюден. Это решение создало важный прецедент, защищающий права собственников в аналогичных ситуациях.

Во втором рассмотренном случае Кассационный суд отменил решение апелляции, отказавшей в защите авторских прав на модели одежды. Апелляционный суд посчитал элементы дизайна (декольте, принты, сочетания тканей) неоригинальными, относящимися к «модным тенденциям». Однако Кассационный суд подчеркнул, что оригинальность должна оцениваться по общему впечатлению от всей модели, а не по отдельным элементам, и обязал суды проводить детальный анализ каждого спорного образца [13]. Также было отмечено, что даже при отсутствии признаков нарушения авторских прав копирование может квалифицироваться как недобросовестная конкуренция, если создает риск смешения у потребителей, что апелляционный суд не учел в своем решении.

Рассмотренные дела демонстрируют тенденцию французской судебной системы к гибкому толкованию процессуальных сроков, когда их пропуск вызван объективными причинами, требованию тщательного анализа при оценке оригинальности объектов интеллектуальной собственности и комплексной защите прав, сочетающей нормы авторского права и законодательства о недобросовестной конкуренции.

Сравнительный анализ правового регулирования интеллектуальной собственности в России, Великобритании и Франции позволяет выявить как общие подходы, так и значимые национальные особенности. Российская система, закрепляя защиту интеллектуальных прав на конституционном уровне, отличается детализированным нормативным регулированием в ГК РФ и специализированными институтами защиты, такими как Суд по интеллектуальным правам, при этом особую актуальность приобретают вызовы цифровой эпохи, связанные с использованием искусственного интеллекта и нелегального распространения контента. Британское право, развиваясь в рамках прецедентной системы, демонстрирует консервативный подход, четко разделяя компенсационную функцию защиты интеллектуальных прав и законодательное регулирование, особенно в вопросах, связанных с новыми технологиями, о чем свидетельствует дело *Thaler v The Comptroller-General of Patents*. Французская модель, сочетая традиции и гибкость, выделяется комплексной кодификацией (Кодекс интеллектуальной собственности), особым вниманием к моральным правам автора (включая уникальное право на отзыв) и дифференцированными подходами к различным объектам творчества, что подтверждают дела о товарном знаке

«Vébé Lilly» и защите дизайна одежды. Общей чертой всех трех систем является поиск баланса между защитой прав правообладателей и общественными интересами, хотя достигается этот баланс разными правовыми средствами – через детальное законодательное регулирование в России, прецедентную гибкость в Великобритании и системную кодификацию во Франции, при этом вызовы цифровой трансформации требуют от всех юрисдикций дальнейшего развития правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации, часть четвертая: Кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 14.12.2023) [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102110716> (23.12.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (23.12.2025).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.01.2026).
4. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-200471/23-27-1448 от 30 ноября 2023 г. // Сайт арбитражных судов РФ [Электронный источник]. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb/8dedc372-21f6-4751-ab3c-8a320fe435ce/A40-200471-2023__20231130.pdf (дата обращения: 19.01.2026).
5. Решение Арбитражного суда Краснодарского края по делу № А32-67095/2025 от 29 декабря 2025 г. // Сайт арбитражных судов РФ [Электронный источник]. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/138bf35a-e906-496b-98d6-1de2c35b4772/766d47fd-d3b1-4c03-a690-1d18a14a0355/A32-67095-2025__20251229.pdf (дата обращения: 19.01.2026).
6. Решение Арбитражного суда Мурманской области по делу № А42-11394/2024 от 07 октября 2025 г. // Сайт арбитражных судов РФ [Электронный источник]. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/35f48aee-8894-46f7-b7df-22b217cf19bc/b81c40a8-4748-4f11-8d1d-2264268392dd/A42-11394-2024__20251007.pdf (дата обращения: 19.01.2026).
7. Решение Арбитражного суда Ростовской области по делу № А53-7527/25 от 12 октября 2025 г. // Сайт арбитражных судов РФ [Электронный источник]. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/9da34cae-cb74-444f-83af-e894ea099564/528dff98-6667-4d20-93d2-8d3fd4a0b7de/A53-7527-2025__20251012.pdf (дата обращения: 19.01.2026).
8. Решение Арбитражного суда Смоленской области по делу № А62-8395/2025 от 29 декабря 2025 г. // Сайт арбитражных судов РФ [Электронный источник]. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/c906cc39-4456-4176-bc83-629281d45183/528a9025-8813-44c2-b2e9-b685de250f13/A62-8395-2025__20251229.pdf (дата обращения: 19.01.2026).
9. Решение Арбитражного суда Ставропольского края по делу № А63-22697/2025 от 30.12.2025 г. // Сайт арбитражных судов РФ [Электронный источник]. – URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/c181d6b4-26da-4e54-aaaa-286851c09aca/fe4d9bd2-4ca3-4250-917b-dde67fe0ca97/A63-22697-2025__20251230.pdf (дата обращения: 19.01.2026).
10. Черкасова, О. В. Защита интеллектуальной собственности : учеб. / О. В. Черкасова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 102 с.
11. Code de la propriété intellectuelle [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006069414/ (дата обращения: 19.01.2026).
12. Cour de cassation (Chambre commerciale). Arrêt du 15 octobre 2025, № 24-10.651 // Legifrance [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000052403865> (дата обращения: 19.01.2026).

13. Cour de cassation (Première chambre civile). Arrêt du 19 mars 2015, № 13-25.311 // Legifrance [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000030382793> (дата обращения: 19.01.2026).

14. Copyright, Designs and Patents Act 1988 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/part/I/chapter/I> (дата обращения: 19.01.2026).

15. United Kingdom. High Court of Justice. Bayer Plc v. Sandoz Ltd [2025] EWHC 2533 (Pat) [Электронный ресурс]. – URL: <https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/ewhc/pat/2025/2533> (дата обращения: 19.01.2026).

16. United Kingdom. High Court of Justice. Thaler v The Comptroller-General of Patents [2020] EWHC 2412 (Pat) [Электронный ресурс]. – URL: <https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/ewhc/pat/2020/2412> (дата обращения: 19.01.2026).

© А. И. Назаренко, 2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 373.3

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОРКОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

ГУЛЯЙКИНА ВИКТОРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА,
ЖИДКИНА ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА,
ТАРАКАНЧИКОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА

студентки

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Научный руководитель: Вершинина Наталья Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Аннотация: статья посвящена развитию орфографической зоркости у младших школьников, рассматривая ее как ключевой метапредметный навык. Автор критикует устаревшие методы обучения, не отвечающие современным требованиям к развитию самостоятельности и мотивации учеников. В работе исследуется, как игровые технологии, включающие систематическое применение игровых элементов и ситуаций, могут эффективно способствовать формированию орфографической зоркости. Представлена классификация игровых приемов (тренинговых, соревновательных, ролевых, компьютерных), направленных на автоматизацию распознавания орфограмм, развитие языкового чутья и памяти. Экспериментальные данные подтверждают, что интеграция игровых технологий значительно повышает уровень орфографической зоркости у учащихся. Таким образом, грамотное использование игр на уроках русского языка не только улучшает грамотность, но и способствует развитию общих учебных навыков, снимает напряжение и создает позитивную атмосферу для обучения.

Ключевые слова: орфографическая зоркость, игровые технологии, младшие школьники, мотивация, орфограмма, универсальные учебные действия, дидактическая игра, образовательные результаты.

GAMING TECHNOLOGIES AS A MEANS OF DEVELOPING SPELLING VIGILANCE IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN

Gulyakina Victoria Evgenievna,
Zhidkina Olga Valeryevna,
Tarakanchikova Darya Dmitrievna

Scientific adviser: Verzhinina Natalia Viktorovna

Abstract: The article is devoted to the development of spelling acuity in younger schoolchildren, considering it as a key meta-subject skill. The author criticizes outdated teaching methods that do not meet modern requirements for the development of independence and motivation of students. The paper explores how game technologies, including the systematic use of game elements and situations, can effectively contribute to the formation of spelling vigilance. The classification of game techniques (training, competitive, role-playing, computer) aimed at automating spelling recognition, developing linguistic flair and memory is presented. Experimental data confirm

that the integration of gaming technologies significantly increases the level of spelling vigilance among students. Thus, the proper use of games in Russian language lessons not only improves literacy, but also promotes the development of general learning skills, relieves stress and creates a positive learning environment.

Key words: spelling vigilance, game technology, primary school students, motivation, spelling, universal learning activities, didactic game, educational outcomes.

Задача формирования прочных навыков грамотного письма остается приоритетной для начального языкового образования. Основным условием в решении этой задачи можно выделить развитие орфографической зоркости, которая является способностью обучающегося к обнаружению, классификации и проверке орфограмм на основе знаний, правил, языковых закономерностей и развитого языкового чутья [1, с. 45]. Эта традиционная практика, которая построена на постоянном списывании и заучивании правил, не формирует у младших школьников осознанного отношения к письменной речи. Это приводит к устойчивым ошибкам и снижению мотивации в учебе.

Для Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего образования (ФГОС НОО) обновляется поиск методов и технологий, чтобы те отвечали возрастным особенностям обучающихся: потребности в игре, активности, соревновании, визуализации и немедленной обратной связи [2, с. 18]. Игровые технологии идеально подходят под это. Они преобразуют процесс обучения в захватывающее познавательное приключение. ИТ успешно интегрируют вовлечение учащихся с эффективным решением поставленных образовательных задач.

Орфографическая зоркость понимается в методике как комплексный навык, включающий в себя следующие компоненты: операционный компонент: умение видеть (предвидеть) орфограмму в слове и определять её тип; гностический (познавательный) компонент (знание правил и условий выбора правильного написания), мотивационный компонент: осознанное стремление писать грамотно, внимание к письменной речи [3, с. 112].

Развитие этого навыка сталкивается с абстрактностью орфографических концепций, незрелостью аналитико-синтетических функций, а также недостаточной развитостью произвольного внимания и памяти у детей младшего школьного возраста (7-10 лет). Эффективное преодоление затруднений создает педагогическую среду, которая способствует формированию личностно-ориентированных и эмоционально-насыщенных учебных действий. Для этого и нужна игровая деятельность.

Ее потенциал для развития орфографической зоркости проявляется так:

- мотивированность: игра устраняет страх перед ошибками, способствует достижению успеха и создает позитивную эмоциональную атмосферу,
- активность и осознанность: ученик становится активным участником процесса, а не просто исполнителем. Поиск орфограмм превращается в часть игровой цели, например, "раскрыть тайну слова" или "избежать ловушек ошибок",
- эффективное закрепление: игровые задания позволяют многократно тренировать распознавание однотипных орфограмм в разнообразных и увлекательных ситуациях,
- обратная связь: результат (правильность определения орфограммы) становится ясен немедленно, что стимулирует самооценку и самостоятельное исправление ошибок.

Классификация игровых приёмов для развития орфографической зоркости

1. Игры-тренажеры: это как спортивные упражнения для мозга - помогают довести до автоматизма умение видеть орфограммы. Например, в игре "Эхо" дети хлопают, когда слышат орфограмму, в "Светофоре" - показывают карточку нужного цвета, а в "Фотоглазе" - быстро запоминают слово и потом вспоминают, где там были "ловушки".

2. Игры, стимулирующие соревновательный дух: направлены на повышение скорости и точности распознавания орфограмм. Это могут быть "Кто больше?" (поиск слов с заданной орфограммой на скорость) или "Орфографическая дуэль" (состязание в записи слов по очереди).

3. Тематические и настольные игры: погружают в контекст и делают обучение увлекательным. Примеры: "Путешествие в Страну Орфограмм" (маршрут с заданиями по разным типам орфограмм), а

также лото и домино с орфографическими задачами.

4. Электронные и интерактивные игры: используют цифровые платформы (LearningApps, Wordwall, Quizlet) для тренировки поиска орфограмм через викторины, кроссворды и "лабиринты". Преимущества - индивидуальный темп и мгновенная обратная связь.

С целью верификации предположения о корреляции между применением игровых методик и показателями орфографической грамотности, было организовано педагогическое исследование. Эксперимент охватил три класса МБОУ «СОШ № ...», в котором приняли участие 52 ученика. Участники были поделены на контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) группы. В рамках КГ образовательный процесс осуществлялся по стандартной программе, тогда как в ЭГ систематически интегрировались разработанные игровые элементы (не реже двух-трех раз в неделю на занятиях по русскому языку на протяжении четырех месяцев).

Диагностика проводилась с использованием методик:

- методика «Найди ошибку» (текст с пропущенными орфограммами и намеренными ошибками),
- методика «Диктант с постукиванием» (А.И. Раев) для оценки уровня автоматизации навыка,
- методика «Графический диктант» (обозначение орфограмм условными знаками в процессе письма под диктовку).

На начальном этапе исследования, в ходе констатирующего среза, не было выявлено статистически значимых различий в уровне сформированности орфографической зоркости между контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группами. Распределение по уровням в обеих группах было следующим: высокий - 15%, средний - 50%, низкий - 35%. Однако, по завершении эксперимента, на контрольном этапе, в экспериментальной группе были отмечены существенные позитивные изменения:

- высокий уровень в ЭГ вырос до 42% (в КГ - до 18%),
- низкий уровень в ЭГ снизился до 12% (в КГ - до 30%),
- среднее количество правильно обнаруженных орфограмм в диагностических работах в ЭГ увеличилось на 38%, в КГ - на 15%. Различия между группами по t-критерию студента значимы при $p \leq 0.05$.

Проделанный анализ показал, что ученики ЭГ быстро и точно находили орфограммы, определяли их и пользовались алгоритмами для их проверки. В ходе наблюдения за учебным процессом было выявлена высокая познавательная активность и снижение неуверенности на уроках русского языка в ЭГ, что подтвердило эффективность системного применения игровых технологий для формирования орфографической зоркости у младших школьников. Также происходит рост и развитие познавательных УУД (внимание, память, анализ), регулятивных УУД (целеполагание, самоконтроль, коррекция), коммуникативных УУД (работа в парах, группах).

Таким образом, внедрение игровых технологий в процесс обучения русскому языку для детей начальных классов является эффективным средством в достижении предметных и метапредметных результатов, которые есть в ФГОС НОО, и может рассматриваться в качестве необходимой составляющей для современной дидактической системы.

Список источников

1. Львов, М. Р. Методика обучения русскому языку в начальной школе: учебник для вузов / М. Р. Львов [и др.]. – Москва: Академия, 2019. – 464 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утвержден приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286). – Режим доступа: URL: <https://docs.edu.gov.ru/> (14.01.2026)
3. Жедек П.С. Методика обучения орфографии // Теоретические основы обучения русскому языку в начальных классах / Под ред. М.С. Соловейчик. – М.: Просвещение, 2017. – С. 110-145.
4. Арямова О.С., Макарова Н.С. Игровые технологии на уроках в начальной школе. – М.: ВАКО, 2020. – 160 с.
5. Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2018. – 304 с.

УДК 373.3

РАЗВИТИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: МЕТОДЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

ВЕДЯШКИНА КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА,
ПРОСВИРНИНА АЛИНА ДМИТРИЕВНА

студентки

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Научный руководитель: Вершинина Наталья Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования и поддержания читательского интереса у обучающихся 1–4 классов, возрастные и индивидуальные различия в мотивации к чтению, восприятию текстов, стратегиях взаимодействия с книгой и опытом чтения в учебной и внеучебной деятельности. Авторская работа включает анализ психолого-возрастных особенностей младших школьников, идентификацию ключевых факторов, влияющих на их читательский интерес, и разработку системы практических методов и приёмов для использования в рамках учебной и внеучебной деятельности. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, объединяющего эмоциональное погружение, игровую деятельность и творческую самореализацию ребёнка.

Ключевые слова: читательский интерес, младший школьный возраст, мотивация к чтению, литературное образование, методы стимулирования чтения.

DEVELOPING READING INTEREST IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN: METHODS AND PEDAGOGICAL STRATEGIES

Vedyashkina Kseniya Andreevna
Prosvirnina Alina Dmitrievna,

Scientific adviser: Vershinina Natalia Viktorovna

Abstract: The article examines the problem of forming and maintaining reading interest among students in grades 1-4, age and individual differences in motivation to read, perception of texts, strategies for interacting with books and reading experience in academic and extracurricular activities. The author's work includes an analysis of the psychological and age characteristics of younger schoolchildren, the identification of key factors influencing their reading interest, and the development of a system of practical methods and techniques for use in academic and extracurricular activities. The conclusion is made about the need for an integrated approach combining emotional immersion, play activities and creative self-realization of the child.

Keywords: reader's interest, primary school age, motivation to read, literary education, methods of stimulating reading.

Введение. Для младших школьников интерес к чтению является краеугольным камнем не только литературного образования, но и успешного освоения всех школьных дисциплин, а также развития речи, критического мышления и эмоционального интеллекта. Читательский интерес выходит за рамки простого умения читать слова; это искреннее желание погрузиться в сюжет, сопереживать персонажам и открывать для себя новое. Чтение развивает фантазию, расширяет словарный запас, улучшает память и концентрацию. Дети, которые любят читать, демонстрируют лучшую успеваемость, легче формулируют свои мысли и проявляют большую эмпатию [2, с. 284] Тем не менее, сегодня педагоги и родители сталкиваются с серьезной проблемой: книга вынуждена конкурировать с цифровыми развлечениями, и чтение часто воспринимается детьми как принудительная, а не приятная учебная задача. В связи с этим становится актуальным поиск эффективных стратегий, способных превратить чтение из «навязанной обязанности» в значимое личное увлечение. Актуальность темы обусловлена:

- снижением доли регулярного чтения среди детей;
- необходимостью формирования функциональной грамотности;
- ролью чтения в когнитивном и эмоциональном развитии ребёнка.

Цель данной статьи – систематизировать практические методы, направленные на формирование устойчивого читательского интереса у детей в возрасте от 7 до 10 лет.

Теоретические основы формирования читательского интереса

Под «читательским интересом» понимается устойчивая и позитивная установка по отношению к чтению, проявляющаяся в активном поиске книг, способности наслаждаться прочитанным, стремлении делиться впечатлениями и готовности советовать литературу другим.

У младших школьников этот интерес проходит три стадии развития:

1. Начальное любопытство (1 класс): внимание привлекают внешние атрибуты книги – обложка, картинки.
2. Ситуативная заинтересованность (2 класс): чтение мотивируется конкретными задачами или событиями.
3. Сформированный интерес (3-4 классы): появляется внутренняя мотивация и личные предпочтения в выборе книг [1].

Для успешного формирования читательского интереса педагогам необходимо учитывать специфику младшего школьного возраста:

- Визуальное и образное мышление: Дети нуждаются в ярких иллюстрациях и возможности «прожить» историю.
- Эмоциональная вовлеченность: Эмоции являются мощным инструментом для погружения в мир литературы, так как дети легко сопереживают персонажам.
- Значимость игры: Игровая деятельность остается ведущей, особенно в 1-2 классах, и должна использоваться для естественного освоения навыков чтения.
- Переход к осознанному выбору: Важно помочь ребенку перейти от механического чтения к чтению по собственному желанию и для удовольствия.
- Внешняя мотивация: Поощрение со стороны взрослых и сверстников, а также наглядная демонстрация достижений (например, читательские дневники), играют ключевую роль в поддержании мотивации [3].

Развитие интереса к чтению: стратегии для уроков и внеклассной деятельности

1. Подготовка к чтению и сопровождение процесса:
 - «Загадка обложки»: Стимулирование любопытства через анализ названия, иллюстраций и имени автора, чтобы предположить, о чем будет книга.
 - «Волшебный сундучок»: Создание интриги путем демонстрации предметов, связанных с будущим чтением (например, старинный ключ, перо, карта), и предложение учащимся высказать свои догадки о сюжете.
 - «Чтение с паузами» (по аналогии с детективным методом): Чтение текста по частям с последующим обсуждением ключевых моментов: «Что произошло?», «Почему?», «Что мы ожидаем увидеть дальше?».

2. Игровые и интерактивные подходы:
 - Литературные приключения: Организация игр, где участники ищут «сокровища» или ответы на вопросы, используя информацию из прочитанных книг.
 - «Живые картины»: Воссоздание ключевых моментов произведения в виде статичных сцен, где ученики изображают персонажей в определенной позе.
 - Визуализация сюжета: Создание «временной шкалы» событий или «карты» вымышленного мира, чтобы лучше понять структуру произведения.
 - Литературные викторины: Проведение игр, имитирующих популярные телешоу («Кто хочет стать миллионером?», «Своя игра»), с вопросами по прочитанным книгам [5, с. 13].
3. Творческая самореализация и проектная деятельность:
 - Создание буктрейлеров: Разработка коротких видеороликов, рекламирующих книгу и передающих ее атмосферу.
 - Свободное ведение читательского дневника: Поощрение творческого выражения через рисунки персонажей, написание писем героям или создание комиксов по мотивам прочитанного.
 - Проект «Аудиокниги класса»: Совместное создание аудиозаписей отрывков из любимых книг с добавлением собственных комментариев.
 - «Диалог с персонажем/автором»: Написание писем героям или воображаемых интервью с писателями.
4. Формирование благоприятной читательской атмосферы:
 - Создание уютного уголка для чтения: Обустройство специальной зоны в классе с удобными сиденьями и доступной выставкой книг.
 - Программа «Книга месяца»: Выбор одной книги для совместного чтения и обсуждения, завершающийся тематическим мероприятием.
 - Встречи с профессионалами: Организация встреч с библиотекарями и детскими писателями (в том числе в онлайн-формате).
 - Конкурс выразительного чтения: Соревнование, акцентирующее внимание не на скорости, а на глубине понимания текста, передаче эмоций и интонации [4, с. 150].

Заключение

Развитие читательского интереса – это не единовременная акция, а долгосрочная системная работа, интегрирующая урок, внеурочную деятельность и домашнюю среду. Главное – не заставлять, а заинтересовывать книгой. Важно гармонично сочетать проверенную временем классику с новыми произведениями, которые близки современным детям. Такой подход эффективно стимулирует эмоции, воображение и креативность младших школьников, превращая чтение из рутины в захватывающее путешествие по миру и самопознание. Результатом такой работы становится не просто «умеющий читать» ученик, а заинтересованный читатель, который подходит к книге с вопросом и ожиданием открытия.

Список источников

1. Бафоева Ф. Х. Чтение и грамотность учащихся в начальном классе как социальная проблема // Вопросы науки и образования. 2020. №3 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chtenie-i-gramotnost-uchaschihsya-v-nachalnom-klasse-kak-sotsialnaya-problema>
2. Граник Г. Исследования чтения и грамотности в Психологическом институте за 100 лет: Хрестоматия. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2012. 354 с.
3. Кузьминых Е.О. Динамика читательских интересов современных школьников // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. №2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-chitatelskih-interesov-sovremennyh-shkolnikov>
4. Молдавская Н.Д. Воспитание читателя в школе. М.: Просвещение, 1968. 343 с.
5. Чунослова Л. Стратегия развития интереса к чтению: материал мастер-класса // Школьная библиотека. 2007. № 4. С. 12-16.

УДК 373.3

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ТАБАЧКОВА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА,
ГОРИНОВА ИНЕССА СЕРГЕЕВНА,
АЙЗАТУЛЛИНА НУРИЯ ХАЙДАРОВНА

студентки

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Научный руководитель: Вершинина Наталья Викторовна
кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Аннотация: В статье обосновывается актуальность использования проектной деятельности как ключевого инструмента формирования читательской грамотности в начальной школе. В контексте образовательных реалий 2026 года автор анализирует связь между проектными методами и развитием когнитивных навыков смыслового чтения. Описаны методологические подходы, этапы реализации литературных проектов и критерии оценки эффективности данной технологии.

Ключевые слова: читательская грамотность, проектная деятельность, начальная школа, литературное чтение, функциональная грамотность, смысловое чтение, ФГОС.

FORMATION OF READING LITERACY OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN LITERARY READING LESSONS BASED ON PROJECT ACTIVITIES

Tabachkova Anastasia Ivanovna,
Gorinova Inessa Sergeevna,
Aizatullina Nuriya Khaidarovna

Scientific adviser: Verшинina Natalia Viktorovna

Abstract: The article substantiates the relevance of using project activities as a key tool for the formation of reading literacy in primary schools. In the context of the educational realities of 2026, the author analyzes the relationship between design methods and the development of cognitive skills of semantic reading. Methodological approaches, stages of literary project implementation, and criteria for evaluating the effectiveness of this technology are described.

Key words: reading literacy, project activities, elementary school, literary reading, functional literacy, semantic reading, Federal State Educational Standard.

На этапе 2026 года читательская грамотность признана фундаментом функциональной грамотности личности. Согласно актуальным исследованиям, современный младший школьник живет в среде избыточного визуального контента, что зачастую ведет к фрагментарности восприятия текстов. В связи с этим, уроки литературного чтения трансформируются из процесса простого воспроизведения сюжета в деятельность по глубокому анализу, интерпретации и преобразованию информации. Проектная деятельность в данном контексте выступает как интегративная технология, объединяющая когнитивные, творческие и коммуникативные аспекты обучения.

Читательская грамотность сегодня — это способность человека понимать, использовать, оценивать тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей и расширять свои знания. Основными компонентами этой грамотности у младших школьников являются умения:

- находить и извлекать информацию (в том числе скрытую);
- интегрировать и интерпретировать сообщения текста;
- осмысливать и оценивать содержание и форму текста.

Составляющие читательской компетентности:

1. Когнитивный аспект: охватывает теоретические знания о природе текста, его классификации, внутренней организации и стилистических особенностях.
2. Операционно-деятельностный аспект: включает в себя практические навыки работы с текстом: чтение, анализ, интерпретацию и критическую оценку.
3. Мотивационно-ценностный аспект: определяется уровнем читательского интереса и пониманием значимости чтения и книг.
4. Рефлексивный аспект: предполагает способность к самоанализу и оценке собственного процесса и результатов чтения.

Проектная деятельность на уроках литературного чтения позволяет перевести ученика из позиции «слушателя» в позицию «исследователя». Специфика метода заключается в наличии значимой проблемы, требующей для своего решения обращения к литературному источнику и создания осязаемого продукта.

Основные этапы работы над проектом:

1. **Поисково-исследовательский:** Постановка проблемы (например, «Почему герой поступил именно так?»). На этом этапе школьники учатся выделять ключевые идеи и находить ответы на конкретные вопросы.

2. **Аналитико-интерпретационный:** Анализ информации и её преобразование. Дети соотносят текст с собственным опытом, создают ментальные карты сюжета или инфографику по характеристикам героев.

3. **Практический (творческий):** Создание проектного продукта. В 2026 году популярными форматами являются цифровые комиксы, буктрейлеры, аудиоспектакли или «живые дневники» персонажей.

4. **Презентационный и рефлексивный:** Защита проекта, где учащийся аргументирует свои выводы, опираясь на текст, что является высшим уровнем читательской грамотности.

Для эффективного формирования грамотности рекомендуется использовать различные типы проектов:

- **Творческие:** инсценировка эпизодов, написание альтернативных концовок, создание иллюстративного ряда.

- **Информационные:** подготовка «Литературного гида» по местам событий книги или «Энциклопедии сказочных предметов».

- **Игровые:** ролевые игры «Интервью с автором», «Суд над персонажем», требующие филигранного знания текстовых деталей для ведения дискуссии.

Применение проектного подхода способствует достижению следующих результатов:

- **Повышение мотивации:** чтение становится осознанной необходимостью для завершения проекта.

- **Развитие критического мышления:** умение отличать факты от мнений автора или героев.

- **Метапредметные навыки:** способность работать с нелинейными текстами и разными источниками информации.

Формирование читательской грамотности на основе проектной деятельности является не просто педагогическим трендом, а насущной потребностью современного образования. В 2026 году этот метод позволяет успешно реализовывать требования ФГОС, воспитывая активного читателя, способного к самостоятельному поиску смыслов и творческому преобразованию литературного наследия.

Список источников

1. Гаврилова С. М. Формирование читательской грамотности на уроках литературного чтения. — 2021.

2. Савкина Н. Г., Шевелева Н. П. Формирование читательской грамотности младших школьников // Общество: социология, психология, педагогика. — 2025.

3. Вафина Ю. Ф. Формирование читательской грамотности младших школьников на уроках литературного чтения // КиберЛенинка.

4. Плотников С. В. Методика обучения литературному чтению в начальной школе. — 2023.

УДК 376.37

РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ МОТОРИКИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ДИЗАРТРИЕЙ: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ФЕДОРОВА АННА СЕРГЕЕВНАучитель-логопед
МБДОУ «Детский сад №390 г.Челябинска»

Аннотация: в статье анализируется актуальность применения нейропсихологических методов для развития общей моторики у старших дошкольников с дизартрией. Приводятся данные эмпирического исследования, выявляющие специфику моторных функций у данной категории детей. Предложен комплекс нейропсихологических методов, направленных на коррекцию выявленных нарушений. Обоснована эффективность их использования в рамках комплексного логопедического воздействия.

Ключевые слова: нейропсихологические методы, общая моторика, дизартрия, старшие дошкольники, коррекция, межполушарное взаимодействие.

DEVELOPMENT OF GENERAL MOTOR SKILLS IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH DISARTHRIA: A NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH

Fedorova Anna Sergeevna

Abstract: the article analyzes the relevance of using neuropsychological methods to develop general motor skills in older preschoolers with dysarthria. It presents the results of an empirical study that reveals the specific features of motor functions in this category of children. The article proposes a set of neuropsychological methods aimed at correcting the identified disorders. The effectiveness of using these methods in a comprehensive speech therapy approach is substantiated.

Keywords: neuropsychological methods, general motor skills, dysarthria, older preschoolers, correction, and interhemispheric interaction.

Современная образовательная политика Российской Федерации ориентирована на обеспечение равного доступа к качественному образованию для всех детей, включая тех, кто имеет ограниченные возможности здоровья (ОВЗ). Инклюзивное образование, закрепленное в федеральных нормативных актах, выступает ключевым механизмом реализации этого принципа, предполагая создание адаптированных условий с учетом особых образовательных потребностей каждого ребенка [5]. В контексте речевых нарушений, таких как дизартрия, особое значение приобретает комплексный подход, интегрирующий речевое, моторное и когнитивное развитие.

Дизартрия, как следствие органического поражения центральной нервной системы, проявляется не только в расстройствах звукопроизношения, но и в нарушениях общей и мелкой моторики. Недостаточность моторной сферы негативно влияет на социальную адаптацию, учебную деятельность и формирование высших психических функций. В связи с этим разработка и внедрение эффективных коррекционных методик, основанных на нейропсихологическом подходе, является актуальной научно-практической задачей.

Общая моторика представляет собой совокупность двигательных актов с участием крупных мы-

шечных групп (ходьба, бег, прыжки, координационные действия). Ее развитие служит фундаментом для становления когнитивных процессов, эмоционально-волевой регуляции и социальной компетентности. Двигательная активность стимулирует нейропластичность мозга, способствуя образованию новых синаптических связей и оптимизации межполушарного взаимодействия [1].

С нейропсихологической точки зрения, произвольная двигательная деятельность (праксис) обеспечивается сложной функциональной системой, включающей кинестетический, кинетический и пространственный афферентные синтезы, а также блоки программирования и контроля. А.Р. Лурия выделял различные формы апраксий – нарушений целенаправленных движений: кинестетическую (трудности дифференциации движений), кинетическую (нарушение плавности и последовательности), пространственную (проблемы ориентации в пространстве) и регуляторную (сбои программирования и контроля) [2].

У детей с дизартрией, вследствие поражения подкорковых и стволовых структур мозга, часто наблюдаются признаки кинестетической и кинетической апраксии. Это выражается в скованности, неловкости, недифференцированности движений, быстрой утомляемости, трудностях удержания позы и воспроизведения двигательных последовательностей [1]. Е.Ф. Архипова отмечает, что нарушения особенно заметны при выполнении сложнокоординированных действий, требующих точного управления и согласованности работы мышц.

Для выявления особенностей общей моторики у детей старшего дошкольного возраста с дизартрией нами было проведено обследование. Цель исследования – выявление особенностей общей моторики у детей 5–6 лет с дизартрией для последующего обоснования коррекционных методов. В исследовании приняли участие 7 детей старшего дошкольного возраста с клинически подтвержденным диагнозом «стертая дизартрия».

Анализ результатов выявил общую недостаточность развития моторной сферы у всех участников исследования. Наиболее сохранной оказалась функция произвольного торможения – дети успешно останавливали движение по сигналу.

Наибольшие трудности были зафиксированы при выполнении проб Хэда. У детей наблюдались явления эхопраксии – непроизвольного копирования движений экспериментатора, что свидетельствует о нарушении процессов произвольной регуляции и пространственного программирования. Попытки самокоррекции были малоэффективны.

Задания на кинестетический праксис также вызвали значительные сложности. Дети демонстрировали напряженные, нестабильные позы, использовали дополнительные движения для удержания равновесия, что указывает на нарушение афферентного звена двигательного акта.

При выполнении заданий на кинетический праксис (чередование движений) отмечалась инертность, синкинезии, ошибки в последовательности. Часть детей справлялась с заданиями лишь после нескольких попыток.

Исследование двигательной памяти и переключаемости показало средний уровень выполнения. Дети запоминали ограниченное количество элементов (2-3), часто путали последовательность, движения были нечеткими.

Обследование общей произвольной моторики (прыжки, действия с мячом) выявило некоординированность, асимметрию движений, слабость толчка, неловкость.

Полученные данные подтверждают наличие у детей с дизартрией сочетанных нарушений на уровне приема и переработки кинестетической информации, программирования и контроля двигательных последовательностей. Это обуславливает необходимость применения специализированных нейропсихологических методов коррекции.

На основе диагностических данных был подобран комплекс методов, ориентированных на преодоление выявленных дефицитов.

1. Метод замещающего онтогенеза (А.В. Семенович). Данный метод является системообразующим в коррекционной работе. Он направлен на активацию и «перезапуск» нарушенных или несформированных звеньев психического онтогенеза через двигательные упражнения. Метод опирается на теорию А.Р. Лурия о трех функциональных блоках мозга.

2. Мозжечковая стимуляция. Направлена на улучшение баланса, координации и ритмизации движений, что напрямую связано с функцией мозжечка, часто нарушенной при дизартрии. Используется специализированное оборудование: балансировочная доска Бильгоу, балансировочные диски и платформы, фитболы.

3. Упражнения на развитие межполушарного взаимодействия. Ключевая задача – синхронизация работы правого и левого полушарий.

4. Игровые нейропсихологические комплексы, включающие элементы всех вышеперечисленных методов. Например, полоса препятствий, требующая последовательного выполнения ползания, балансировки на доске, метания мяча в цель с соблюдением ритма.

Проведенное исследование подтвердило наличие стойких и многоаспектных нарушений общей моторики у детей старшего дошкольного возраста с дизартрией. Эти нарушения затрагивают кинестетическую и кинетическую основы движений, процессы пространственной организации, программирования и контроля. Применение нейропсихологических методов коррекции представляется эффективными. Данные методы позволяют целенаправленно воздействовать на нарушенные нейробиологические механизмы, лежащие в основе моторных трудностей.

Список источников

1. Архипова, Е. Ф. Стертая дизартрия у детей: учеб. пособие для студентов вузов / Е. Ф. Архипова. – Москва: АСТ, 2006. – 319 с. – ISBN 5-17-038373-8.
2. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / А.Р. Лурия. – Москва: Академия, 2013. – 384 с. – ISBN 978-5-7695-9819-7.
3. Трубникова, Н. М. Структура и содержание речевой карты / Н. М. Трубникова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. – 51 с.
4. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: Учебное пособие. – М.: Генезис, 2015. – 474 с.
5. Шумилова Е.А., Ковалева А.А. Педагогические условия повышения компетентности родителей дошкольников с нарушениями речи в инклюзивном образовательном пространстве // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2015. № 10. С. 98–103.

УДК 378.1

СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЭКОСИСТЕМ КИТАЯ И КАНАДЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ЧЖАО ВЭНЬВЭНЬ

аспирант

ДАНИЛОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории педагогики,
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу моделей университетских экосистем в КНР и Канаде. Рассматриваются принципы экосистемности, проявляющиеся в стратегиях, управлении и инфраструктуре, обеспечивающих устойчивое развитие. Выявлены как общие черты, так и фундаментальные различия в управлении, финансировании и взаимодействии с обществом.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экосистема, экосистемный подход, национальная образовательная политика, высшее образование, сравнительная педагогика.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGIES OF UNIVERSITY ECOSYSTEMS IN CHINA AND CANADA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Zhao Wenwen,
Danilova Larisa N.

Abstract. The article provides a comparative analysis of university ecosystem models in the People's Republic of China and Canada. It examines the principles of ecosystem-based organization, manifested through strategies, governance, and infrastructure that ensure sustainable development. Both common features and fundamental differences in management, financing, and public engagement are identified.

Keywords: sustainable development, ecosystem, ecosystem approach, national education policy, higher education, comparative education.

Университетская экосистема представляет собой узловую структуру, где взаимодействуют заинтересованные стороны. Принципы экосистемности проявляются на уровне стратегий, политики, инфраструктуры и механизмов управления, обеспечивая долгосрочную жизнеспособность системы [1]. Анализ стратегий устойчивого развития экосистем зарубежных стран позволяет выявить, как глобальная парадигма адаптируется к национальным контекстам.

Сравним в этой связи Университет Цинхуа (КНР) и Университет Британской Колумбии (Канада). Выбор для сравнительного анализа университетских экосистем данных стран не случаен, поскольку они занимают ведущие позиции в мировых рейтингах по качеству жизни и инновациям, а их ведущие университеты стабильно входят в топ-50 глобальных рейтингов, что делает их опыт релевантным и значимым для международной образовательной повестки [2]. Однако более важно, что обе страны представляют собой яркие и концептуально различные модели организации высшего образования и подходов к устойчивому развитию. Их сравнение выходит за рамки простого сопоставления двух успешных вузов и позволяет выявить фундаментальные различия в том, как университетские экосистемы конструируются, управляются и взаимодействуют с обществом.

Китай представляет модель, где стратегия устойчивого развития университетов является прямым продолжением и инструментом национальной государственной политики. Университет Цинхуа являясь одним из многих других крупных вузов, организованных на тех же основаниях, выступает как центр в проектируемой государством инновационной системе. Его экосистема в высокой степени интегрирована в вертикаль государственного планирования, а концепция устойчивости напрямую связывается с общегосударственными идеологическими установками («экологическая цивилизация», «сообщество единой судьбы человечества»). Это создаёт феномен, когда экосистемные связи формируются не только рыночными или академическими взаимодействиями, но и целенаправленным административно-политическим проектированием, обеспечивающим беспрецедентную мобилизацию ресурсов для достижения масштабных национальных целей.

Канада, и в частности Университет Британской Колумбии, воплощает модель, укорененную в традициях децентрализованного управления, сильного гражданского общества и местного самоуправления. Её экосистемы развиваются в рамках горизонтальных сетей взаимодействия, где инициатива часто исходит «снизу» — от научных коллективов, студенческих ассоциаций, местных сообществ и партнеров из частного сектора. Государство не курирует эту деятельность, не является заказчиком и стратегом экосистем, но выступает источником конкурсного финансирования. Канадская модель — это пример формирования устойчивости через единство ценностей и локальные инициативы, где университетская экосистема служит платформой для кооперации разнородных, но равноправных заинтересованных сторон (муниципальные власти, бизнес, НКО и др.), каждая из которых вносит свой запрос и ресурсы.

Сравнение показывает, что в стратегиях обоих вузов есть нечто **общее**. Оба университета рассматривают устойчивое развитие как системообразующий принцип, а их стратегическое видение интегрирует данный принцип в миссию самого университета. Британская Колумбия приняла устойчивость как базовую ценность и основу стратегического планирования, стремясь к 2035 г. добиться её в педагогических процессах, исследованиях и взаимодействии с сообществом. Университет Цинхуа, предложивший концепцию «зеленого университета» ещё в 1998 году, строит свои цели и функции на принципах устойчивого развития, стремясь к большей открытости, интеграции и жизнестойкости. Общей практикой является также использование университетского кампуса как экспериментальной площадки. Британская Колумбия активно развивает идею «живой лаборатории», используя свою территорию для проверки решений в области устойчивого развития. Цинхуа также стремится превратить «зеленый» кампус в демонстрационную зону по формированию экологической цивилизации.

В образовательной и научной деятельности оба вуза делают акцент на междисциплинарности, практико-ориентированных проектах и подготовке выпускников, способных решать глобальные вызовы будущего. Они создают специализированные исследовательские центры (например, Интерактивный исследовательский центр устойчивого развития университета Британской Колумбии и Институт глобальных изменений в университете Цинхуа), а также развивают международное партнерство.

При этом в обеих экосистемах есть немало **отличий**.

Китайская модель, к примеру, характеризуется глубокой интеграцией университетской стратегии с национальной политикой и идеологией. Устойчивое развитие в Цинхуа напрямую связано с государственными концепциями, и университет выступает исполнителем государственной воли в реализации Повестки дня ООН до 2030 года. Его стратегия встроена в национальные программы («Общий план содействия развитию университетов и дисциплин мирового класса» (2015) [3] и в План реализации проекта по созданию сильной образовательной нации в период 14-й пятилетки [4]). Это логичным образом определяет высокий уровень нормативной поддержки и управления, обеспечивающий внедрение стратегии, где устойчивость рассматривается как часть национальной модернизации. Кампус выполняет экспериментальную и демонстрационную функции, служа примером для тиражирования успешных практик на уровне всех страны.

Взаимодействие с заинтересованными сторонами выстраивается через служение нации и интересы общенационального прогресса. Государство как одна из этих сторон создаёт социальный заказ на экосистему и её устойчивое развитие, а партнерство с бизнесом часто реализуется через государственно-частные консорциумы в рамках промышленных стратегий КНР.

Для *канадской модели* типичен горизонтальный, децентрализованный и рыночно-ориентированный характер. Инициативы обычно исходят от университетского сообщества, студентов, исследовательских лабораторий и благотворительных фондов. Устойчивость здесь в большей степени является фактором институциональной идентичности, формируемым снизу вверх. Финансовые механизмы, такие как Устойчивый оборотный фонд, наряду со спонсорами играют ключевую роль в обеспечении автономии экосистемы и в финансировании проектов [5]. Партнерство с бизнесом строится преимущественно через механизмы трансфера технологий и поддержку стартапов. Отношения с государством строятся на контрактной основе. «Живая лаборатория» в Университете Британской Колумбии ориентирована на открытость инноваций, экспериментирование и создание решений, полезных для местных сообществ.

Сравнение выявляет **различия в следующих аспектах организации экосистем.**

1) Источник стратегии: в КНР она инициируется и координируется государством как часть национальных проектов; в Канаде — формируется внутри экосистемы под влиянием академического сообщества и гражданского общества.

2) Управление: китайская модель управляется централизованно и демонстрирует вертикальную интеграцию, что обеспечивает скорость решения масштабных задач; канадская основана на горизонтальной координации, автономии и распределенном управлении, обеспечивающих разнообразие практик.

3) Значение кампуса: университет Цинхуа создает «демонстрационную зону» и служит примером для масштабирования опыта; Британская Колумбия поддерживает экспериментирование и кооперацию с местным сообществом.

4) Взаимодействие с обществом: в китайской модели вклад в развитие общества опосредован общенациональным прогрессом; в канадской — ответственностью перед местным сообществом и регионом.

Итак, сравнительный анализ Китая и Канады — это исследование двух полярных механизмов экосистемной координации: вертикально-интегрированного и государственно-управляемого против горизонтально-сетевого и общественно-инициируемого. Такой контраст позволяет увидеть, как национальный политический, экономический и культурный контексты преломляют глобальные тренды устойчивого развития, создавая уникальные, но эффективные институциональные траектории. Стратегии устойчивого развития университетских экосистем Китая и Канады при общности своих конечных целей и общности инструментов различаются базовыми механизмами реализации. Китайская модель — это интегрированная экосистема с сильной вертикальной координацией, где устойчивость есть элемент государственной политики, в то время как канадская модель — горизонтальная, самоорганизующаяся экосистема, в которой устойчивость формируется как внутренняя ценность. Однако обе модели подтверждают роль университетов как активных центров экосистемной трансформации, способных адаптировать задачи устойчивого развития под специфику окружающих условий.

Список источников

1. Gasanova R. R., Cao H., Zhang L., Zhao W. Utilizing Learning Analytics in Ecological Education: A Sustainable Approach to Pedagogical Management in Higher Education // European Journal of Contemporary Education. 2024. Vol. 13, No. 3. P. 505-517.
2. The Strategy-Focused Organization: How Balanced Scorecard Companies Thrive in the New Business Environment. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2000. 186 p.
3. 统筹推进世界一流大学和一流学科建设总体方案. 2015. http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201511/t20151105_217823.html
4. “十四五”时期教育强国推进工程实施方案. 2021. http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1779/202109/W020210930389574091019.pdf
5. Bieler A., McKenzie M. Strategic Planning for Sustainability in Canadian Higher Education // Sustainability. 2017. Vol. 9. Pp. 161.

УДК 371

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ СТАРШЕКЛАСНИКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

БУШЛАНОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

директор

МАОУ «Средняя школа № 148 имени Героя Советского Союза И. А. Борисевича»,
аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Аннотация. В статье раскрывается понятие готовности к самоопределению старшеклассника, педагогическое обеспечение формирования готовности к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации на базе МАОУ «Средняя школа № 148 имени Героя Советского Союза И. А. Борисевича» г. Красноярска посредством реализации педагогических стратегий («актуализация», «обогащение», «активизация»). По мнению автора, в качестве критериев оценки готовности к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации выступают мотивационный, когнитивный, праксиологический.

Ключевые слова: Готовность к самоопределению, старшеклассник, педагогические стратегии, педагогическое обеспечение, составляющие готовности, критерии готовности к самоопределению.

FORMATION OF READINESS FOR SELF-DETERMINATION OF A HIGH SCHOOL STUDENT IN A GENERAL EDUCATION ORGANIZATION THROUGH THE IMPLEMENTATION OF PEDAGOGICAL STRATEGIES

BUSHLANOVA Yulia Sergeevna

Abstract. The article reveals the concept of readiness for self-determination of a high school student, pedagogical support for the formation of readiness for self-determination of a high school student in a general education institution based on MAOU Secondary School No. 148 named after Hero of the Soviet Union I. A. Borisevich in Krasnoyarsk through the implementation of pedagogical strategies ("actualization", "enrichment", "activation"). According to the author, motivational, cognitive, and praxeological criteria are used to assess a high school student's readiness for self-determination in a general education organization.

Key words: Readiness for self-determination, high school student, pedagogical strategies, pedagogical support, components of readiness, criteria for readiness for self-determination.

Актуальность определяется тем, что человек постоянно сталкивается с задачами жизненного и профессионального самоопределения, основы которого закладываются в период его обучения в общеобразовательной организации. В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (273-ФЗ), Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года, обновлен-

ных федеральных государственных образовательных стандартах среднего общего образования, про-ориентационном минимуме для образовательных организаций Российской Федерации обозначены требования к готовности старшеклассника делать жизненный выбор. Готовность является многогранным понятием, которое включает в себя как когнитивные, так и эмоциональные аспекты. Понимание готовности через призму различных авторов позволяет более глубоко осознать, как формировать и развивать эту важную характеристику у старшеклассника. Это, в свою очередь, способствует созданию более эффективных образовательных стратегий и программ. Анализ идей ученых относительно «готовности к самоопределению» позволяет нам заложить смысловые предпосылки, такие как наличие необходимых знаний и умений, степень мировоззренческой зрелости, осознание личных способностей и интересов, а также проявление навыков при выборе своего жизненного пути. Формирование готовности к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации является процессом, который обеспечивает эффективные изменения деятельности старшеклассника в построении личностной траектории самоопределения, реализации собственных жизненных планов, выбора профессии и карьерной траектории. В старшем школьном возрасте на уровне среднего общего образования формируется система устойчивых взглядов и склонностей, определяющих выбор дальнейшего жизненного плана. Главное, чтобы сформированные склонности старшеклассника были взаимосвязаны с представлениями жизненного плана и согласовывались с личностными качествами.

Мы определяем *готовность к самоопределению старшеклассника* в общеобразовательной организации как *интегрированное личностное качество, которое определяется характером и степенью единства ее составляющих: личностно-направленного, представленного ценностями, мотивами и целями самоопределения; содержательно-когнитивного, проявляющегося в наличии знаний о способах самоопределения; деятельностно-результативного, выражающегося в построении жизненных планов в процессе самоопределения посредством субъект-субъектного взаимодействия, предполагающего осмысление содержания и способов собственной деятельности, направленных на формирование личностного результата старшеклассника* [7 стр.23].

В работе мы рассматриваем компонент как составляющую, которая отражает роль элемента в структуре, его функцию и взаимосвязь с другими частями, что важно для анализа, проектирования и совершенствования процесса самоопределения.

Выделенные составляющие готовности к самоопределению старшеклассника контекстно отражают основные функции деятельности:

личностно-направленная составляющая обеспечивает личностную направленность старшеклассника, выявление ценностно-смысловых ориентиров: мотивов, ценностей, целей к различным областям деятельности, формирование личностных умений теоретической и практической деятельности: сознательности, самоактуализации, целенаправленности. Составляющая формируется с помощью реализации педагогического обеспечения формирования готовности к самоопределению старшеклассника в содержании педагогической стратегии «актуализации»;

содержательно-когнитивная составляющая характеризуется формированием знаний и навыков, необходимых для теоретической и практической деятельности, планирования посредством выбора содержания и средств самоопределения для построения и реализации индивидуального маршрута. Осознание старшеклассником личных способностей, мотивов, целей самоопределения определяет его профессиональные интересы и характеристики, что способствует изучению профессиограмм, применяется оценка его знаний в области будущей деятельности. Функция старшеклассника выражается в принятии важных решений выбора средств для самостоятельной деятельности, обусловленная как объективными требованиями ситуации профессионального выбора, так и опытом решения жизненных задач. Составляющая формируется с помощью реализации педагогического обеспечения формирования готовности к самоопределению старшеклассника в содержании педагогической стратегии «обогащение»;

деятельностно-результативная составляющая определяет способность старшеклассника к рефлексии, оценивается своевременностью, осознанностью, реалистичностью, согласованностью выбора жизненного плана, профессиональной области и рефлексивной подготовленностью к самоопре-

делению. Составляющая формируется с помощью реализации педагогического обеспечения формирования готовности к самоопределению старшеклассника в содержании педагогической стратегии «активизация».

Особенно отметим, что уточнение содержания понятия «Готовность к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации» отражает авторское видение сущности данного понятия на основе междисциплинарного анализа.

Опираясь на научные исследования Валентины Владимировны Игнатовой о сущности педагогических стратегий [1] и Нины Федоровны Ильиной о педагогическом обеспечении формирования готовности субъекта к какой-либо деятельности с опорой на системный и средовой подходы [2], мы определили педагогическое обеспечение как комплекс форм, методов и средств теоретической и практической деятельности по самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации, реализуемых в определенной логической последовательности на основе педагогических стратегий («актуализация», «обогащение», «активизация») [3]:

- актуализация ценностно-смысловых ориентиров самоопределения старшеклассника (мотивов, ценностей, целей) посредством построения индивидуального маршрута самоопределения;
- обогащение содержания и средств процесса самоопределения старшеклассника посредством создания ресурсной карты по развитию специальных умений и навыков по навигации электронных ресурсов; среды самоопределения как пространства возможностей; разработки и реализации программ самоопределения;
- активизация субъектной позиции старшеклассника за счет разработки дневника рефлексии [5].

Каждая педагогическая стратегия имеет свою структуру, смысл, компонентами которой являются цели, задачи, содержания и средства реализации. Воплощение педагогических стратегий в процессе формирования готовности к самоопределению старшеклассника при субъект-субъектном взаимодействии всех участников данного процесса отражает последовательность реализации созданного педагогического обеспечения.

Реализация актуализации ценностно-смысловых ориентиров (мотивов, ценностей, целей) самоопределения старшеклассника происходила посредством построения индивидуального маршрута самоопределения. *Актуализация* ценностно-смысловых ориентиров самоопределения старшеклассника — это организованная деятельность, заключающаяся в выявлении мотивов и целей осознанного выбора жизненных планов, что, в свою очередь, обеспечит запуск процесса целеполагания в проектировании индивидуального маршрута самоопределения. На данном этапе разработки педагогического сопровождения реализуется стратегия, известная как «актуализация», данная стратегия педагогического обеспечения играет ключевую роль в переводе личностных качеств старшеклассника из потенциального состояния в реальное, через сочетание различных форм, методов и средств теоретической и практической деятельности. Создание педагогического обеспечения на данном этапе включало реализацию «Карты индивидуального маршрута самоопределения» [4]. Работа по проектированию индивидуального маршрута самоопределения старшеклассника включала несколько тактов. На первом такте в дискуссионном формате провели обсуждение жизненных планов старшеклассника, содержание идей индивидуального маршрута самоопределения. Второй такт работы включал диагностику профессиональных интересов, способностей, ценностей, мотивов, целей и личностных качеств старшеклассника (ценностно-смысловые ориентиры). Третий такт работы включал планирование индивидуального маршрута самоопределения старшеклассника. Функция педагога на начале проектирования индивидуального маршрута самоопределения старшеклассника заключалась в сопровождении старшеклассника в конкретизации целей и задач, разработке карты реализации маршрута. В результате реализации данной составляющей педагогического обеспечения у старшеклассников экспериментальной группы наблюдалась выраженная субъектная позиция, которая позволила раскрыть свои реально-актуальные мотивы, ценности и цели при реализации индивидуального маршрута самоопределения.

Далее создание педагогического обеспечения предполагало *обогащение* содержания и средств процесса самоопределения старшеклассника посредством создания ресурсной карты по развитию специальных умений и навыков по навигации электронных ресурсов; среды самоопределения как про-

странства возможностей; разработки и реализации программ самоопределения. На данном этапе разработки педагогического сопровождения реализуется стратегия известная как «обогащение». Особое внимание было уделено формированию навыков планирования, самостоятельности, самореализации старшеклассника. Действия старшеклассника на данном этапе заключались в самостоятельном выборе видов деятельности по достижению целей, анализе, принятии решений, которые позволят ему спланировать и реализовать индивидуальный маршрут самоопределения. В содержание индивидуального маршрута самоопределения старшеклассник мог включить электронный комплект программ «4 компетентности» по развитию профессиональных навыков «Шаг в профессию» (формирование коммуникации и коммуникативной грамотности), «Атлас новых профессий» (развитие навыков эффективного мышления и эмоционального интеллекта), «Бизнес-тренер» (развитие управленческих навыков), «Моё будущее» (формирование навыков SELF – менеджмента), размещенный на цифровом учебно-методическом комплексе «Школа skills. Профессии», проектную работу, участие в профтурах и профессиональных пробах, участие в мероприятиях согласно программе образовательных событий «Мой мир в выборе жизненных планов, мои жизненные планы в мире», изучить ресурсную карту по развитию специальных умений и навыков по навигации электронных ресурсов, строить собственную профессиограмму. После освоения выбранного содержания проводилась промежуточная диагностика, в ходе которой старшеклассник критериально определял собственный уровень готовности к самоопределению. Деятельность педагога на данном этапе была направлена на создание среды самоопределения, разработку и реализацию программ самоопределения старшеклассника с использованием цифрового учебно-методического комплекса «Школа Skills. Профессии» как элемента образовательной среды самоопределения. Главное направление эффективного обогащения содержания и средств процесса самоопределения старшеклассника заключалось в создании многофункциональной коммуникативно-деятельностной среды, обеспечивающей субъект-субъектное взаимодействие старшеклассника и взрослых. В результате реализации данной составляющей педагогического обеспечения выявлено, что у старшеклассников экспериментальной группы проявлялось осознанное понимание ценностной картины мира, требований систем образования и рынка труда, семьи в ходе самоопределения при выборе жизненных планов; планирование индивидуального маршрута самоопределения осуществлялось на основе ценностно-смысловых ориентиров, самостоятельной деятельности в выборе содержания и средств самоопределения как основы построения и реализации жизненных планов.

Следующий шаг в создании педагогического обеспечения формирования готовности к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации предполагал активизацию субъектной позиции старшеклассника за счёт разработки дневника рефлексии. Деятельность старшеклассника заключалась в том, что он самостоятельно заполнял предложенный рефлексивный дневник, что помогло ему определить свои сильные стороны, осознать дефициты и трудности для реализации индивидуального маршрута самоопределения. Педагогическая стратегия «активизация» проявилась в активном включении старшеклассника в процесс самоопределения, в формирование личностных результатов, связанных с динамикой личностного роста в построении индивидуальной траектории самоопределения, реализации собственных жизненных планов, выбора профессии. Педагог при этом создавал условия, способствующие активизации рефлексивного опыта старшеклассника, а также обогащению его опыта в применении способов и средств самоопределения. В результате реализации данной составляющей педагогического обеспечения отметим, что старшеклассники экспериментальной группы освоили навыки самоконтроля, саморегуляции, рефлексии.

Для оценки готовности к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации определены критерии, разработаны уровни проявления данной готовности.

Основываясь на научных трудах С. Н. Чистяковой, Н. Ф. Родичева, И. С. Сергеева [6] и анализе затруднений старшеклассников, были определены критерии оценки готовности к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации:

мотивационный критерий отражает сформированность ценностно-смысловых ориентиров (ценностей, мотивов, целей) старшеклассника с учетом его склонностей и предпочтений;

когнитивный критерий предполагает оценку сформированности знаний и навыков теоретической

и практической деятельности при построении своей индивидуальной профессиограммы; освоенности содержания и средств самоопределения, позволяющих ему спланировать и реализовать индивидуальный маршрут самоопределения;

праксиологический критерий предусматривает оценку сознательности, самоактуализации, целе-направленности, самостоятельности, согласованности профессионального, личностного, жизненного выбора, способности осуществлять рефлексию с учетом достигнутых результатов при планировании и реализации индивидуального маршрута самоопределения.

Каждый критерий раскрывает одну из составляющих готовности (лично-направленную, со-держательно-когнитивную, деятельностно-результативную) к самоопределению старшеклассника и дает возможность установить соответствие характеристик готовности старшеклассника в условиях тре-бований обновленных федеральных государственных образовательных стандартов среднего общего образования. Данные критерии в совокупности позволили осуществить оценку составляющих готовно-сти к самоопределению старшеклассника.

В МАОУ «Средняя школа № 148 имени Героя Советского Союза И.А. Борисевича» г. Красноярск в период с 2017 по 2024 годы разрабатывалось и проходило апробацию педагогическое обеспечение формирования готовности к самоопределению старшеклассника в общеобразовательной организации (далее – педагогическое обеспечение).

В опытно-экспериментальной работе на всех её этапах участвовало 132 старшеклассника, из них в исследовании, включающем все этапы опытно-экспериментальной работы, было задействовано 49 старшеклассников 10-11 классов (контрольная группа (КГ) из 23 старшеклассников и эксперименталь-ная группа (ЭГ) из 26 старшеклассников). Для оценки достоверности различий между процентными до-лями двух выборок контрольной и экспериментальной групп на момент окончания ОЭР был применен многофункциональный критерий Фишера (ф* критерий).

При диагностике лично-направленной составляющей готовности к самоопределению стар-шеклассника исследовались ценностно-смысловые ориентиры (ценности, мотивы, цели). За основу были взяты методика «Профиль» (карта интересов Александра Ефимовича Голомштока в модифика-ции Галины Владимировны Резапкиной) и методика «Иерархия мотивов труда» (Галины Владимиров-ны Резапкиной). Лично-направленная составляющая конкретизируется мотивационным критерием.

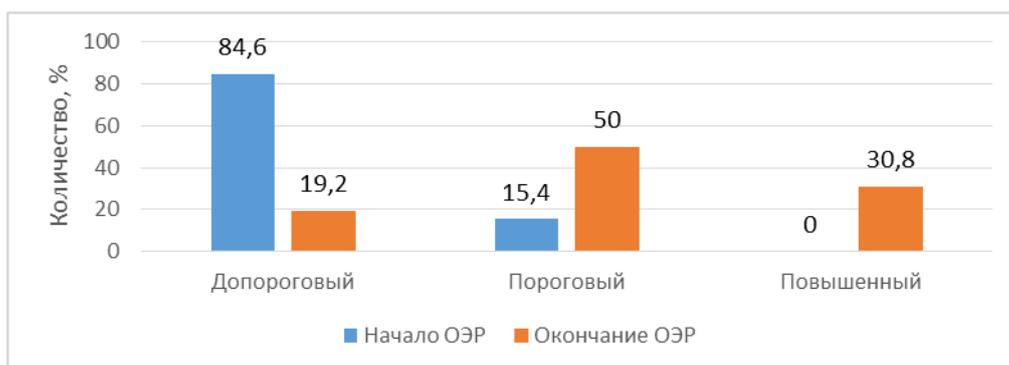

Рис. 1. Диаграмма «Оценка развития лично-направленной составляющей готовности к самоопределению старшеклассника в экспериментальной группе»

Из диаграмм мы видим, что в экспериментальной группе значительно уменьшилось количество старшеклассников с допороговым уровнем готовности к самоопределению по лично-направленной составляющей, с 84,6% до 19,2%. В свою очередь, количество старшеклассников с пороговым уровнем готовности к самоопределению по лично-направленной составляющей возросло с 15,4% до 50%, а количество старшеклассников с повышенным уровнем готовности к самоопределению по лично-направленной составляющей составило 30,8%.

В ходе опытно-экспериментальной работы выявлено, что у старшеклассников, участвующих в опытно-экспериментальной работе (экспериментальной группе), превалируют выраженные професси-

ональные интересы, что свидетельствует об их готовности к самоопределению и достаточном понимании связи между учебными предметами и планированием профессиональных перспектив.

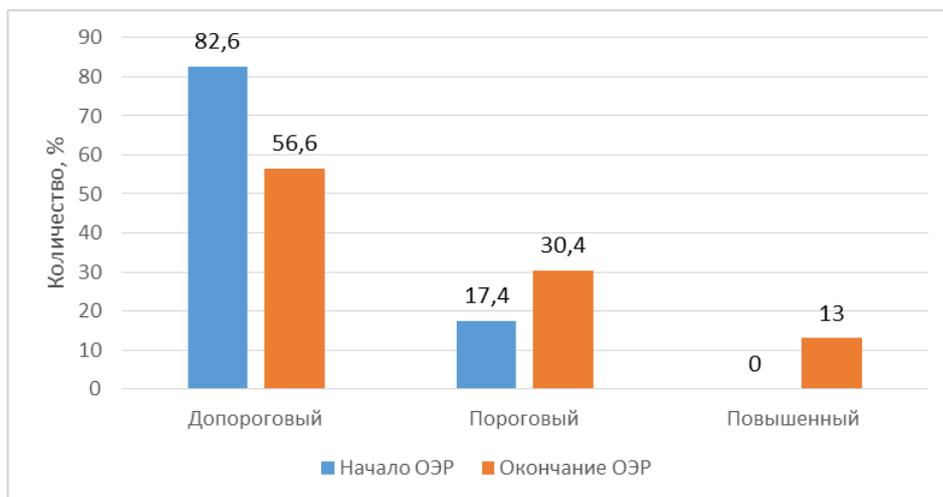

Рис. 2. Диаграмма «Оценка развития личностно-направленной составляющей готовности к самоопределению старшеклассника в контрольной группе»

В контрольной группе произошли слабые корректировки. Количество старшеклассников с допороговым уровнем готовности к самоопределению по личностно-направленной составляющей уменьшилась всего с 82,6% до 56,6%, с пороговым уровнем готовности к самоопределению по личностно-направленной составляющей возросло с 17,4% до 30,4%, с повышенным уровнем готовности к самоопределению по личностно-направленной составляющей составило всего 13%, что на 17,8% меньше, чем в экспериментальной группе.

В рамках содержательно-когнитивной составляющей оценивались профессиональная идентичность старшеклассника, уровень готовности к принятию решений, сформированность умений и навыков, необходимых для теоретической и практической деятельности своей профессиональной, личностной и жизненной траектории, таких как самостоятельность, планирование посредством выбора содержания и средств педагогического обеспечения процесса самоопределения для построения и реализации индивидуального маршрута самоопределения. Содержательно-когнитивная конкретизируется когнитивным критерием.

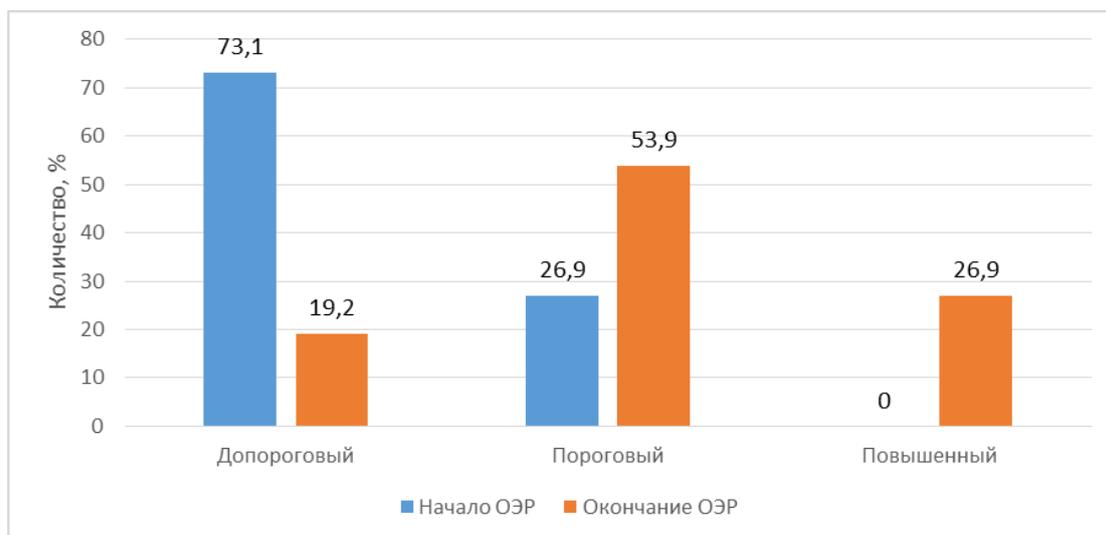

Рис. 3. Диаграмма «Оценка развития содержательно-когнитивной составляющей готовности к самоопределению старшеклассника в экспериментальной группе»

Оценивание знаний старшеклассников осуществлялось посредством опросника «Информированность о мире профессий» (Евгения Александровича Климова) и Методики изучения статусов профессиональной идентичности (авторы: Анастасия Анатольевна Азбель, Андрей Геннадьевич Грецов).

На рис. 3 мы видим, что уменьшилось количество старшеклассников экспериментальной группы с допороговым уровнем готовности к самоопределению по содержательно-когнитивной составляющей готовности с 73,1% до 19,2%. При этом количество старшеклассников с пороговым уровнем готовности к самоопределению по содержательно-когнитивной составляющей готовности возросло с 26,9% до 53,9%, а количество старшеклассников с повышенным уровнем готовности к самоопределению по содержательно-когнитивной составляющей готовности стало 26,9%.

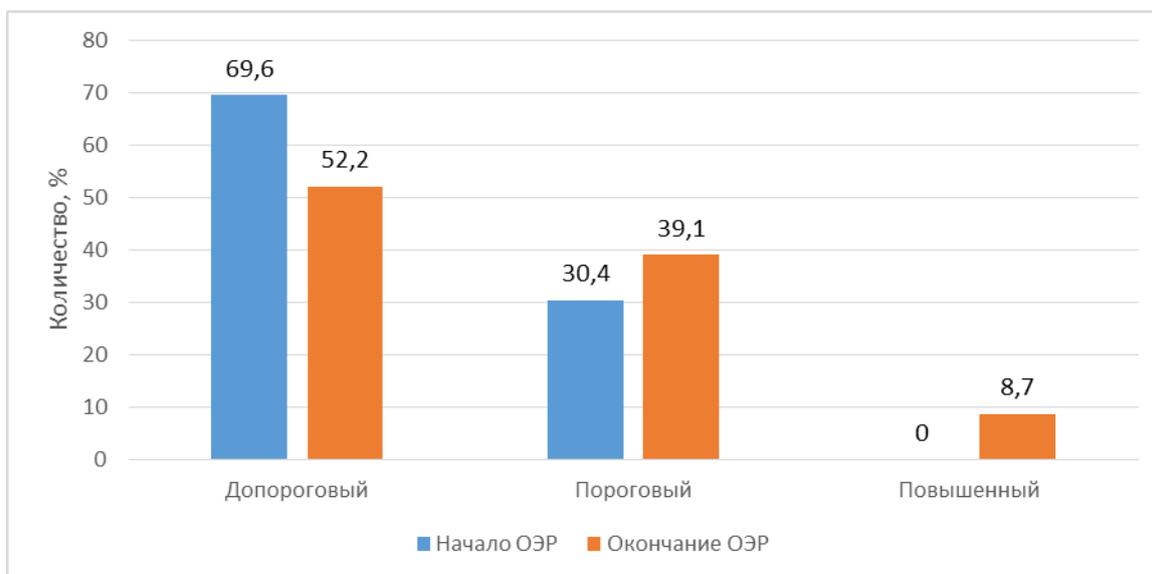

Рис. 4. Диаграмма «Оценка развития содержательно-когнитивной составляющей готовности к самоопределению старшеклассника в контрольной группе»

В контрольной группе были зарегистрированы незначительные изменения. Процент старшеклассников, продемонстрировавших допороговый уровень готовности к самоопределению в рамках содержательно-когнитивной составляющей, сократился с 69,6% до 52,2%. В то же время доля учащихся с пороговым уровнем готовности к самоопределению по тому же компоненту возросла с 30,4% до 39,1%. При этом количество подростков с повышенным уровнем готовности к самоопределению составило лишь 8,7%.

При диагностике деятельностно-результативной составляющей готовности к самоопределению старшеклассника оценивались умения анализировать собственную деятельность с целью разрешения внутренних проблем в саморазвитии для корректировки ценностно-смысловых ориентиров собственного развития, показателями которой являются своевременность, осознанность, реалистичность, согласованность выбора жизненного плана, профессиональной области и рефлексивной подготовленностью к самоопределению иными словами способностью старшеклассника к саморефлексии, Деятельностно-результативная составляющая конкретизируется праксиологическим критерием.

Для оценки использовались методика «Определение профессионального типа личности» (методика Джона Льюиса Холланда в модификации Галины Владимировны Резапкиной), оценка готовности к профессиональному самоопределению Кабардовой Л.Н.

Анализ представленных данных, отображенных на диаграммах, показывает положительную тенденцию в развитии данной составляющей у старшеклассников экспериментальной группы в ходе проведенной работы: число старшеклассников с допороговым уровнем готовности снизилось с 73,1% до 30,8%, в то время как доля тех, кто достиг порогового уровня готовности, увеличилась с 26,9% до 50%. Процент старшеклассников с повышенным уровнем готовности составил 19,2%.

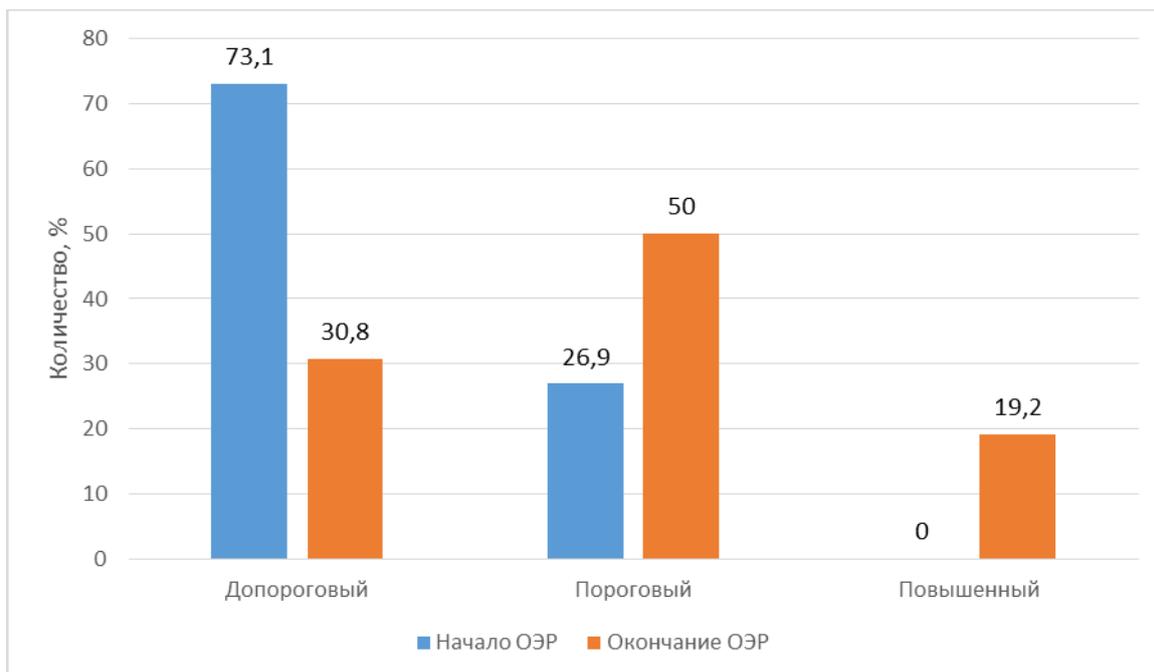

Рис. 5. Диаграмма «Оценка развития деятельностно-результативной составляющей готовности к самоопределению старшеклассника в экспериментальной группе»

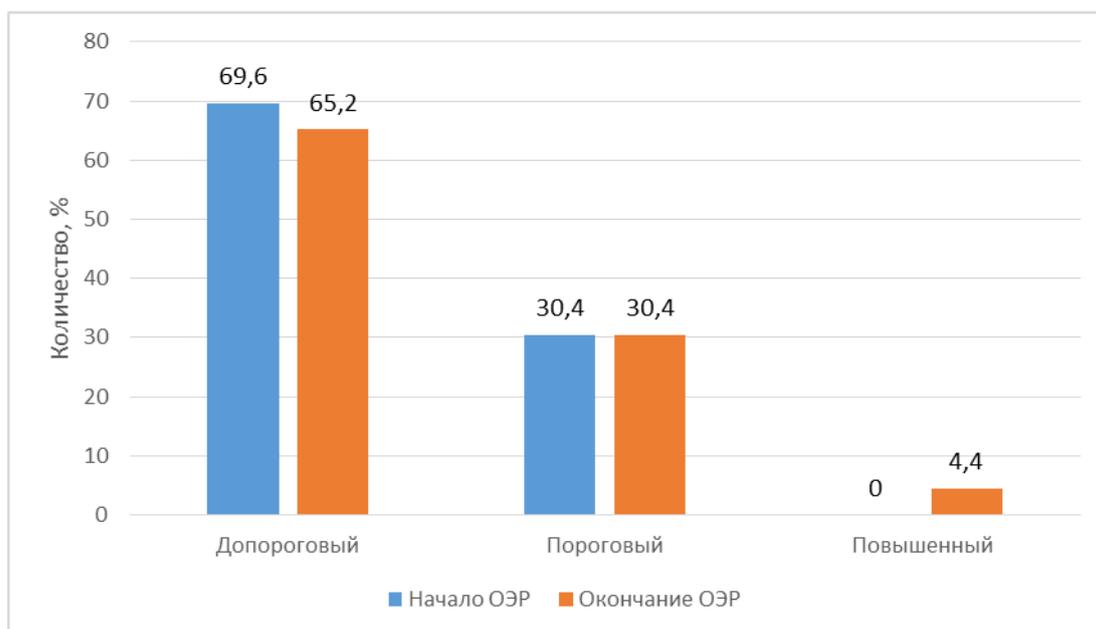

Рис. 6. Диаграмма «Оценка развития деятельностно-результативной составляющей готовности к самоопределению старшеклассника в контрольной группе»

В отличие от экспериментальной группы, в контрольной группе было зафиксировано незначительное снижение числа старшеклассников с допороговым уровнем готовности по психологическому критерию, уменьшившегося с 69,6% до 65,2%. Количество старшеклассников с пороговым уровнем готовности по развитию деятельностно-результативной составляющей не изменилось - 30,4%, а доля старшеклассников с повышенным уровнем готовности составила лишь 4,4%.

Результаты проведенной ОЭР демонстрируют значительные изменения в экспериментальной группе по всем параметрам, связанным с готовностью к самоопределению, особенно когда производится сравнение с начальными данными.

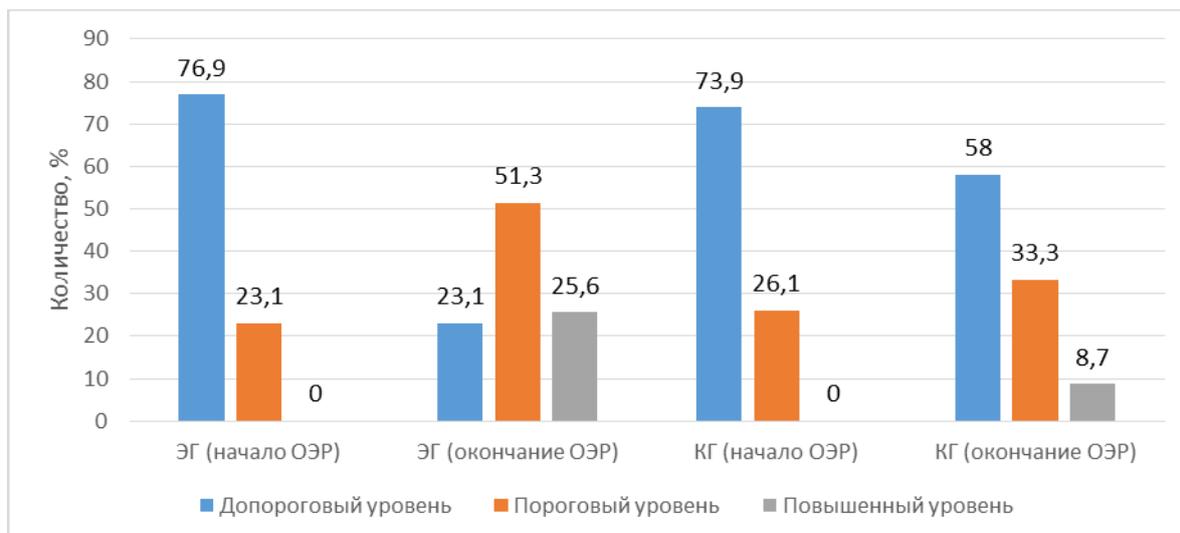

Рис. 7. Диаграмма «Оценка уровня готовности к самоопределению старшеклассника в экспериментальной и контрольной группах»

В результате анализа полученных данных на начало и окончание ОЭР в экспериментальной группе доля с допороговым уровнем проявления готовности к самоопределению старшеклассника снизилась с 76,9% до 23,1%, с пороговым уровнем – повысилась с 23,1% до 51,3%, с повышенным уровнем – повысилась с 0,00% до 25,6%.

В контрольной группе доля с допороговым уровнем проявления готовности к самоопределению старшеклассника снизилась с 73,9% до 58 %, с пороговым уровнем – повысилась с 26,1% до 33,3 %, с повышенным уровнем – повысилась с 0,00 % до 8,7%.

Таким образом, можно утверждать, что внедрение педагогического обеспечения формирования готовности к самоопределению старшеклассника посредством реализации педагогических стратегий («актуализация», «обогащение», «активизация») способствует достижению старшеклассниками более высокого уровня готовности, а предложенные критерии позволяют эффективно отслеживать и при необходимости корректировать этот процесс.

Данный вывод проявил свою валидность в ходе анализа отсроченных результатов опытно-экспериментальной работы, который представлял собой диагностику обучающихся экспериментальной и контрольной групп после 1 года выпуска из школы [7].

Список источников

1. Игнатова, В.В. Рефлексивные практики в процессе становления духовно-творческой личности // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. – 2012. – №4 (15). – С.5-9.
2. Ильина, Н.Ф. Научно-методическое сопровождение процесса непрерывного профессионального развития педагога: сущность феномена и процессуальная модель // Экстернат.РФ. «Практика и теория образования взрослых: треки, тренды, драйверы». – СПб, 2021. – Выпуск 14. – С.87–91.
3. Бушланова Ю.С. Педагогическое обеспечение формирования готовности старшеклассника к самоопределению в общеобразовательной организации // Мир образования - образование в мире. 2024. № 3 (95). С. 261-271.
4. Бушланова, Ю.С. Индивидуальный маршрут самоопределения старшеклассника в выборе профессиональной области / Ю. С. Бушланова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28, № 4(95). – С. 430-437. – DOI 10.24412/1999-6241-2023-495-430-437. – EDN VLQMWV.
5. Бушланова, Ю. С. Рефлексивный дневник как средство развития оценочно-рефлексивного компонента самоопределения старшеклассника в выборе профессиональной области / Ю. С. Бушланова // Вызовы современного образования в исследованиях молодых ученых : материалы IX Всероссийской

ской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 19 мая 2023 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2023. – С. 28-30. – EDN JWNNDH.

6. Чистякова, С.Н., Родичев, Н.Ф., Сергеев, И.С. Критерии и показатели готовности обучающихся к профессиональному самоопределению // Профессиональное образование. Столица. – 2016. – №8. – С.15.

7. Бушланова, Ю. С. Динамика экспериментальных результатов апробации педагогического обеспечения формирования готовности к самоопределению старшеклассника / Ю. С. Бушланова // Вызовы современного образования в исследованиях молодых ученых : материалы XI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященная Году защитника Отечества и 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в рамках XXVI Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых "Молодежь и наука XXI века", Красноярск, 21 мая 2025 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2025. – С. 23-26. – EDN GDZZTY.

УДК 687.12:677.027

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ОДЕЖДЫ ПО МОРСКОЙ ТЕМАТИКЕ

ШИТИКОВА ИРИНА БОРИСОВНА

к.п.н., доцент

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орёл

Аннотация: В статье отмечены особенности процесса работы с творческим первоисточником при создании авторской коллекции в морской тематике. Для примера показаны реальные студенческие проекты, демонстрирующие различные концепции и подходы к их реализации в материале.

Ключевые слова: образ, творческий проект, коллекция одежды, мода, первоисточник.

FEATURES OF THE CREATIVE PROCESS OF CREATING A COLLECTION OF MARINE-THEMED CLOTHING

Shitikova Irina Borisovna

Abstract: The article highlights the features of the process of working with a creative primary source when creating an author's collection in the marine theme. For example, real student projects are shown, demonstrating various concepts and approaches to their implementation in the material.

Keywords: image, creative project, clothing collection, fashion, primary source.

На протяжении тысячелетней истории костюма было создано необъятное количество образов. История костюма – это, конечно, история развития человеческого общества, технологий, науки и красоты. Разнообразие форм, материалов, декоративных элементов и приемов создают впечатление о том, что всё уже давно придумано и кажется, что все темы исчерпаны, все идеи найдены. Как же быть современному молодому автору, художнику-модельеру, который только начинает искать свою нишу и свой авторский подчёрк.

Студенты кафедры индустрии моды Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева также вынуждены определяться с темами, ассортиментом, концепциями, чтобы в конечном итоге, их курсовые проекты выглядели оригинально и по-новому, а одни и те же темы могут быть решены совершенно по-разному.

Работа над творческим проектом требует от автора быть наблюдательным, чутким и заинтересованным. Это и изучение большого количества теоретического, наглядного и иллюстративного материала, формирование творческой концепции, поиск эмоционально-образного, композиционного и сти-

листического решения моделей коллекции, эскизная разработка, конструкторско-технологическое воплощение идеи в текстильных материалах, оформление графических планшетов.

Несомненно, началом многих творческих проектов является источник вдохновения, творчества или творческий первоисточник. И здесь начинаются бесконечные и бескрайние просторы для фантазии и воображения. Природа, архитектура, история, искусство, современные социальные проблемы, эмоции и многое другое могут служить тем самым творческим импульсом в процессе создания целых произведений, к которым принадлежат многие авторские коллекции одежды.

Так, например, тема моря. Действительно, море всегда вдохновляло людей на новые открытия, исследования и творческие проекты. Бескрайние морские просторы манили самых отважных и смелых. Бескрайние просторы творчества также требует некоторой смелости, чтобы выразить собственные мысли и новые идеи. Сколько создано произведений различных жанров и областей искусства, вдохновлённых морем?

Творческий проект – коллекция одежды «Бризстайл» вдохновлена морем, путешествиями и флотскими атрибутами: одеждой, шнурами, сетью. Другая коллекция «Перламутр» также вдохновлена морской темой. В темной толще морских глубин укрыт необыкновенный и таинственный подводный мир. Волны, медузы, перламутровые раковины – всё это пудоражит фантазию и воображение и вдохновляет на творчество и красоту (рисунок 1).

Рис. 1. Коллекция женской одежды «Бризстайл», автор: Клёпова Елизавета, коллекция женской одежды «Перламутр», автор: Петрушина Елена, руководитель: Шитикова И.Б.

Основным источником творчества послужила раковина, с её необычной спиралевидной формой, цветом и фактурой. Они нашли своё отражение в коллекции, а именно в форме деталей кроя и декоративных элементов, в цветовом и фактурном решении коллекции (рисунки 2, 3).

На рисунке 2 представлена раковина аммонита – морского головоногого моллюска. Как правило, это спирально закрученная раковина, с изогнутыми линиями и интересным цветовым окрасом. Особенно выразительны раковины, которые могли переливаться различными цветами при преломлении света в изгибах окаменевшего перламутра. Спиралевидные линии подсказали конструктивные и декоративные решения (рисунок 3). Также следует отметить, что образы коллекции ассоциативно связаны и с другими «морскими историями» (таблица 1). Это волны, медузы, водоросли... Цветовая гамма коллекции также определяется первоисточником, а именно темой моря, с его разнообразными оттенками и сочетанием теплых и холодных тонов. Это создает ореол полупрозрачности и таинственности, эффект отражения солнечного света в толщах морских глубин.

Рис. 2. Творческие поиски коллекции «Перламутр»

Рис. 3. Рукава различной формы: в виде спирали, винтового кроя с воланами, «полусолнце»

Таблица 1

Ассоциативное восприятие первоисточника и его художественная трансформация
в коллекции моделей одежды

Первоисточник	Художественная трансформация в коллекции одежды
 <p data-bbox="236 584 603 613">Перламутр раковины, жемчуг</p>	 <p data-bbox="850 595 1310 624">Фактура ткани, бусины в аксессуарах</p>
 <p data-bbox="296 837 544 866">Медузы, водоросли</p>	 <p data-bbox="1035 887 1123 916">Рукава</p>
 <p data-bbox="284 1162 555 1191">Морские волны, закат</p>	 <p data-bbox="772 1162 1386 1191">Ассоциативное восприятие цвета ткани и воланы</p>

Таким образом, практическая деятельность, работа с различными первоисточниками и темами способствует не только обретению определенных профессиональных компетенций в области проектирования и изготовления одежды, но и формированию индивидуального подчерка и творческой манеры.

Список источников

1. Кузнецова, М.М. Художественная структура современного авторского женского костюма: учеб. пособие / М.М. Кузнецова - СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2011. - 240 с., 104

УДК 330

ВОСПРИЯТИЕ ИСКУССТВА ПОДРОСТКАМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

ЛЮБИНА ОЛЬГА ИГОРЕВНА

магистрант 3 курса

ФГБОУ «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»

*Научный руководитель: Карпушина Лариса Павловна**док. пед. наук, доцент**ФГБОУ «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности восприятия искусства подростками в условиях современной цифровой среды. Проанализировано влияние массовой культуры и медиа на эстетические предпочтения молодёжи. Выявлены основные проблемы: фрагментарность восприятия, снижение глубинного эстетического опыта, дефицит художественной грамотности. Представлены рекомендации для разработки образовательных программ, способствующих развитию целостного художественного восприятия у подростков.

Ключевые слова: восприятие искусства, подростки, художественно-эстетическое развитие, педагогические проблемы, цифровая среда, методы обучения.

ADOLESCENTS' PERCEPTION OF ART IN CONTEMPORARY CONDITIONS: PEDAGOGICAL PROBLEMS AND SOLUTIONS

Lyubina Olga Igorevna

Scientific adviser: Karpushina Larisa Pavlovna

Abstract: The article examines the peculiarities of art perception by adolescents in the modern digital environment. The influence of mass culture and media on the aesthetic preferences of young people is analyzed. The main problems are identified: fragmentation of perception, decline in deep aesthetic experience, lack of artistic literacy. Recommendations for the development of educational programs that contribute to the formation of holistic artistic perception in adolescents are presented.

Key words: art perception, adolescents, artistic and aesthetic development, pedagogical problems, digital environment, teaching methods.

Проблема художественно-эстетического развития подростков в условиях стремительной трансформации культурного пространства приобретает особую актуальность в современной педагогической науке и практике. Цифровизация повседневности, доминирование визуальной культуры, изменение темпа потребления информации существенно трансформируют механизмы восприятия искусства молодым поколением. Как отмечает С. О. Вербовчук, «цифровая эпоха кардинально изменила способы взаимодействия человека с произведениями искусства, создав новые возможности и вызовы для куль-

турного развития личности» [3, с. 229].

Современный подросток существует в принципиально иной медийной реальности. Его эстетический опыт формируется преимущественно через экран: социальные сети, видеохостинги, стриминговые платформы становятся основными каналами знакомства с миром. Специфика подросткового возраста, характеризующаяся повышенной эмоциональностью, поиском идентичности и острой потребностью в самовыражении, усугубляет восприимчивость к влиянию массовой культуры.

Технологическая доступность произведений живописи, музыки, литературы, с одной стороны, открывает беспрецедентные возможности для культурного развития, а с другой – создаёт иллюзию лёгкости постижения художественных смыслов. Вербовчук С. О. подчёркивает, что технологии виртуальной и дополненной реальности трансформируют традиционное восприятие культурного наследия, делая его более интерактивным, но одновременно меняя глубину эстетического переживания [4, с. 168].

Елагина А. С. и Смирнова О. О. обращают внимание на то, что визуальный контекст существенно влияет на восприятие современного искусства, при этом подростки часто оказываются неготовыми к критическому осмыслению визуальной информации [6, с. 4]. Массовая культура формирует у подростков установку на клиповое восприятие. Привычка к короткому видеоконтенту снижает способность к длительной концентрации внимания, необходимой для глубокого погружения в художественное произведение.

Визуальная перегруженность повседневности также влияет на восприятие изобразительного искусства. В потоке тысяч изображений произведения искусства теряют свою уникальность, становятся элементом визуального шума. Волошина Л. А. отмечает: «Чувство искусства формируется через опыт переживания, требующий времени, внимания и внутренней готовности к диалогу с произведением» [5, с. 92]. Это утверждение вступает в противоречие с темпом современной медиасреды.

Анализ современной образовательной практики позволяет выделить несколько ключевых проблем в области художественно-эстетического воспитания подростков. С. А. Аманжолов и Ж. С. Аманжолова указывают на то, что особенности изобразительной деятельности и восприятия искусства учащихся характеризуются поверхностностью, фрагментарностью и недостаточной эмоциональной включённостью [1, с. 67]. Дети утрачивают способность к длительному созерцанию и эмоциональному сопереживанию.

Фрагментарность восприятия проявляется в неспособности увидеть целостность художественного замысла. Подростки склонны выхватывать отдельные яркие элементы, не улавливая общей логики произведения. Проблема эмоционально-рефлексивного взаимодействия с искусством связана с общим снижением эмоциональной культуры. Подростки испытывают затруднения в вербализации своих впечатлений от встречи с произведением искусства.

Необходимо учитывать общие психологические особенности подросткового возраста. Как отмечают исследователи, «подростковый возраст характеризуется повышенной тревожностью, неустойчивостью эмоциональных состояний, что требует особого педагогического подхода» [2, с. 351]. Проблемы самоопределения могут как препятствовать, так и способствовать глубокому взаимодействию с искусством при условии правильно организованной педагогической работы.

Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, сочетающего обновление содержания художественного образования с внедрением активных методов обучения. Принципиальное значение имеет организация непосредственного контакта детей с подлинными произведениями искусства. Систематические посещения музеев, галерей, театров должны стать обязательным компонентом образовательного процесса.

Методика медленного чтения и созерцания представляет собой эффективный инструмент развития способности к глубокому восприятию. Необходимо формировать у детей навык замедления, умение посвящать время одному произведению, открывая новые смыслы.

Использование цифровых технологий в художественном образовании должно быть переориентировано с потребления готового контента на создание собственных культурных продуктов. Создание видео-эссе о произведении искусства, цифровой выставки позволяет соединить привычную для подростков цифровую среду с глубоким освоением художественного материала. Технологии VR и AR могут не только изменять, но и обогащать восприятие искусства при условии их грамотного педагогического применения [4, с. 169].

Список источников

1. Аманжолов, С. А. Особенности изобразительной деятельности и восприятия искусства учащихся на занятиях изобразительного искусства / С. А. Аманжолов, Ж. С. Аманжолова // *Художественное и художественно-педагогическое образование: анализ прошлого, оценка современного и вызовы будущего* : материалы Междунар. науч.-практ. конф. института культуры и искусств Московского городского педагогического университета, посвящ. памяти ученого, педагога, художника В. В. Корешкова (Москва, 7 февраля 2024 г.). – Санкт-Петербург : Научные технологии, 2024. – С. 66–71.
2. Бочарова, Л. А. Проблема совладания со стрессом в подростковом и юношеском возрастах / Л. А. Бочарова // *Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых* : сб. науч. ст. 4-й Всерос. науч. конф. перспективных разработок (Курск, 1 декабря 2023 г.). – Курск : Университетская книга, 2023. – С. 350–353.
3. Вербовчук, С. О. Проблемы восприятия человеком искусства в цифровую эпоху / С. О. Вербовчук // *Современная Российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации* : сб. ст. VIII Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 15 мая 2024 г.). – Пенза : Наука и Просвещение, 2024. – С. 229–231.
4. Вербовчук, С. О. Цифровизация культуры: как VR и AR изменяют наше восприятие искусства и наследия / С. О. Вербовчук // *Актуальные вопросы современной науки* : сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Пенза, 10 июня 2024 г.). – Пенза : Наука и Просвещение, 2024. – С. 168–170.
5. Волошина, Л. А. Чувство искусства (из опыта восприятия искусства) / Л. А. Волошина // *Klironomy Journal*. – 2021. – № 2 (2). – С. 88–136. – DOI: 10.47451/art2021-05-002.
6. Елагина, А. С. Влияние визуального контекста на восприятие современного искусства / А. С. Елагина, О. О. Смирнова // *Язык. Словесность. Культура*. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 3–8. – DOI: 10.34670/AR.2023.88.73.001.

© О. И. Любина, Л. П. Карпушина, 2026

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КЛИНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА

КОНСТАНТИНОВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

преподаватель
Филиал ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С.М.Кирова»
Министерства обороны РФ в г.Москве

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме формирования клинического мышления как ключевой профессиональной компетенции у студентов медицинского колледжа. Рассматривается сущность клинического мышления, его структура и значение для подготовки средних медицинских работников, способных к самостоятельному принятию решений в условиях реальной практики.

Автор анализирует основные педагогические трудности в развитии данного навыка, связанные с преобладанием теоретического обучения, дефицитом клинической практики и недостаточным использованием активных методов обучения.

Ключевые слова: клиническое мышление, медицинский колледж, студенты, среднее медицинское образование, кейс-метод, симуляционное обучение, практико-ориентированный подход, профессиональные компетенции, цифровые технологии.

BUILDING CLINICAL THINKING SKILLS IN MEDICAL COLLEGE STUDENTS

Konstantinova Natalya Viktorovna

Abstract: the article is devoted to the actual problem of forming clinical thinking as a key professional competence among students of a medical college. The essence of clinical thinking, its structure and significance for the training of nurses capable of independent decision-making in real practice are considered.

The author analyzes the main pedagogical difficulties in the development of this skill associated with the predominance of theoretical training, a shortage of clinical practice and insufficient use of active teaching methods.

Key words: clinical thinking, medical college, students, secondary medical education, case method, simulation training, practice-oriented approach, professional competencies, digital technologies.

Клиническое мышление является основой профессиональной деятельности медицинского работника. Это сложный когнитивный процесс, который включает анализ, синтез, оценку клинической ситуации и принятие конкретных обоснованных решений. Для студентов медицинского колледжа формирование клинического мышления — ключевой этап подготовки, позволяющий перейти от теоретических знаний к практическим навыкам. В данной статье рассматриваются некоторые современные подходы к развитию клинического мышления у студентов, а также методы, которые могут быть использованы преподавателями в образовательном процессе.

Понятие клинического мышления и его значение

Для будущего фельдшера или медицинской сестры, сфокусированных на алгоритмах неотложной помощи, сестринском процессе и точном выполнении врачебных назначений, клиническое мышле-

ние имеет особую, оперативную направленность. Поэтому его формирование в колледже требует не просто передачи знаний, а тренировки способности быстро оценивать ситуацию, выделять приоритеты и действовать четко в рамках своей компетенции, что напрямую влияет на безопасность пациента и эффективность работы медицинской команды.

Клиническое мышление — это способность медицинского работника анализировать симптомы, данные обследований и анамнез пациента, чтобы поставить диагноз и выбрать оптимальную тактику лечения. Оно включает:

- умение выделять ключевые симптомы;
- способность дифференцировать заболевания;
- навыки работы с клиническими алгоритмами;
- критическое оценивание информации.

Клиническое мышление формируется постепенно и требует интеграции теоретических знаний, практического опыта и рефлексии. Его развитие у студентов медицинского колледжа является важной задачей, так как от этого зависит качество будущей профессиональной деятельности [1, с.97].

Современные подходы к формированию клинического мышления

Для развития клинического мышления у студентов медицинского колледжа используются различные методы и технологии. Рассмотрим наиболее эффективные из них: проблемно-ориентированное обучение, симуляционное обучение, кейс-методы, цифровые технологии.

Проблемно-ориентированное обучение (ПОО) предполагает решение клинических задач, основанных на реальных случаях. Студенты работают в группах, анализируют ситуацию, выдвигают гипотезы и предлагают решения. Этот метод развивает аналитические навыки и способность работать в команде [2, с.67].

Студенты, столкнувшись с неструктурированной клинической задачей, основанной на реальном случае, вынуждены активно применять уже имеющиеся знания, выявлять пробелы и самостоятельно восполнять их в процессе группового поиска. Такой подход не только шлифует аналитические способности, но и воспитывает ответственность, коммуникабельность и способность к коллективному принятию решений — качества, без которых немислима современная медицина, основанная на командном взаимодействии.

Внедряя симуляционные методы в учебный процесс, преподаватель может использовать разнообразные манекены и симуляторы, что позволяет студентам отрабатывать практические навыки в безопасных условиях. Симуляции могут включать как стандартные процедуры (измерение давления, проведение инъекций), так и сложные клинические сценарии (оказание неотложной помощи). Этот метод способствует формированию уверенности и готовности к реальной практике [3, с.108].

Главным педагогическим преимуществом симуляционного подхода является возможность преднамеренно создавать и безопасно проходить через критические, но поучительные ситуации, которые редко встречаются на ранних этапах реальной практики. Это, несомненно, позволяет сформировать у студентов не только мышечную память для стандартных процедур, но и когнитивную готовность к определенным нештатным событиям, что является неотъемлемой частью клинического мышления будущего специалиста.

Как известно, разбор реальных клинических случаев помогает студентам понять логику диагностического процесса. Клинические разборы и кейс-метод служат основным инструментом для моделирования профессиональной реальности в аудитории или кабинетах доклинической практики. Преподаватель выступает в роли наставника, задавая вопросы и незаметно направляя студентов к правильным выводам. Кейс-метод (кейс-стади или метод ситуаций) развивает навыки критического мышления и принятия решений [4, с.46].

Ключевым элементом в разборах клинических случаев является анализ типичных ошибок и обсуждение альтернативных решений, что формирует гибкость ума и готовность к нестандартным ситуациям. Эффективность данного метода значительно возрастает при использовании цифровых технологий, таких как интерактивные 3D-атласы и симуляторы, которые делают виртуальный клинический случай более наглядным.

Цифровые технологии в современных условиях становятся мощным дополнением к традиционным кейс-методам, переводя клинические разборы на качественно новый уровень.

Электронные учебные ресурсы, мобильные приложения и онлайн-платформы позволяют студентам изучать самые разнообразные клинические случаи в интерактивном формате. Виртуальные пациенты и тестовые задания помогают закрепить знания и отработать навыки диагностики [5, с.48].

Использование 3D-атласов и симуляторов кардинально повышает эффективность клинических разборов. Эти инструменты трансформируют текстовое описание случая в динамичную, визуальную и интерактивную модель, что позволяет студентам не просто анализировать информацию, а активно взаимодействовать с «виртуальным пациентом», развивая навыки диагностики и принятия решений в условиях, максимально приближенных к реальным.

Роль преподавателя в формировании клинического мышления

Преподаватель играет ключевую роль в развитии клинического мышления у студентов. Его задачи включают:

- создание мотивации к обучению;
- предоставление обратной связи;
- моделирование клинических ситуаций;
- поддержание интереса к профессии.

Важно, чтобы преподаватель не только передавал знания, но и демонстрировал пример клинического мышления в действии. Это может быть достигнуто через совместный разбор случаев, обсуждение ошибок и анализ успешных решений.

Оценка уровня сформированности клинического мышления

Для оценки эффективности обучения используются различные методы:

- тестовые задания с клиническими сценариями;
- объективный структурированный клинический экзамен (ОСКЭ);
- наблюдение за работой студентов в клинических условиях;
- самооценка и рефлексия студентов.

Регулярная оценка позволяет выявить слабые места в подготовке и скорректировать образовательный процесс [6, с.25].

Необходимо отметить, что выбор методов оценки должен логично соотноситься с этапами обучения. На начальном этапе эффективны тестовые задания с клиническими сценариями, проверяющие усвоение базовых алгоритмов. По мере накопления опыта ключевыми становятся симуляционные форматы, в частности ОСКЭ, а также наблюдение за работой в условиях клинической практики. Завершающим и объединяющим элементом на всех этапах выступает самооценка и рефлексия, когда студент учится критически анализировать свои решения, сопоставлять их с эталоном и коллегиальной обратной связью, самостоятельно выявляя зоны для дальнейшего роста. Такой многоуровневый подход к оценке превращает ее из констатирующей в формирующую, непосредственно влияющую на процесс развития клинического мышления.

Проблемы и перспективы

Несмотря на активное внедрение современных методов обучения, существует ряд проблем:

- недостаток времени для практической подготовки;
- ограниченный доступ к современному оборудованию;
- низкая мотивация части студентов.

Для решения этих проблем необходимо:

- увеличить количество часов, отведенных на практику;
- внедрять инновационные технологии обучения;
- развивать партнерство с медицинскими учреждениями.

По мнению коллег, перспективным направлением является интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс, что позволит создавать персонализированные программы обучения. [7, с.112]

Итак, эффективное формирование клинического мышления опирается не только на педагогические методики, но и в ресурсные и организационные ограничения. Ключом к их преодолению должен

стать комплексный подход. Увеличение доли практико-ориентированных часов в учебном плане — это базовое, но часто труднодостижимое требование. Более реалистичными и действенными на первом этапе могут стать стратегии «сжатия» теории за счет адаптивных цифровых курсов и флип-класса, что высвобождает аудиторное время для разборов и симуляций. Параллельно необходимо активное развитие партнерства с лечебно-профилактическими учреждениями, которое позволит не только компенсировать дефицит оборудования через доступ к клиническим базам, но и вовлечь студентов в реальный профессиональный контекст, что является мощнейшим мотивационным фактором.

Как мы уже отмечали, формирование клинического мышления у студентов медицинского колледжа — сложный и многогранный процесс, требующий использования современных методов обучения и активного участия преподавателей. Развитие этого навыка не только повышает качество подготовки будущих медицинских работников, но и способствует улучшению уровня здравоохранения в целом. Внедрение инновационных подходов и постоянное совершенствование образовательных программ помогут достичь этой цели.

Список источников

1. Иванова, А. А. Клиническое мышление: теория и практика / А. А. Иванова. — Москва : Медицинское образование, 2021. — 254 с.
2. Петров, В. И. Проблемно-ориентированное обучение в медицине / В. И. Петров. — Санкт-Петербург : Медицинская академия, 2022. — 145 с.
3. Сидорова, Е. В. Симуляционное обучение в медицинском образовании / Е. В. Сидорова. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2021. — 198 с.
4. Козлов, Д. А. Клинические разборы как метод обучения / Д. А. Козлов // Медицинское образование и профессиональное развитие. — 2023. — Т. 15, № 2. — С. 45–52.
5. Морозов, И. С. Цифровые технологии в медицинском образовании / И. С. Морозов. — Москва : Академия, 2022. — 312 с.
6. Смирнова, О. Н. Оценка клинического мышления у студентов / О. Н. Смирнова // Высшее медицинское образование. — 2022. — Т. 10, № 3. — С. 23–30.
7. Кузнецов, П. А. Искусственный интеллект в медицинском образовании / П. А. Кузнецов. — Москва : Медицина, 2023. — 180 с.

© Н.В.Константинова, 2026

УДК 37

МЕТОДЫ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ АЛГЕБРЫ

ПАШКОВ ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

исследователь, преподаватель-исследователь;
ст. преподаватель каф. педагогического и специального дефектологического образования,
«АНО ВО Российский новый университет»

Аннотация: в статье приводится обзор методов персонализированного обучения в контексте достижения предметных результатов образовательной деятельности учащихся на уроках алгебры, приводится перечень предметных результатов образовательной деятельности, актуальных для уроков алгебры, раскрывается определение понятия «персонализированное обучение» на основе актуальных теоретических научных работ в области педагогики. Также в работе приводится авторская модель взаимосвязи результатов образовательной деятельности, описывается основа формирования предметных результатов с точки зрения концептуального педагогического подхода.

Ключевые слова: предметные результаты образовательной деятельности, персонализированное обучение, методы обучения на уроках алгебры.

PERSONALIZED LEARNING METHODS AS A FACTOR IN ACHIEVING THE OBJECTIVE RESULTS OF STUDENTS' EDUCATIONAL ACTIVITIES IN ALGEBRA LESSONS

Pashkov Vitaly Mikhailovich

Abstract: the article provides an overview of the methods of personalized learning in the context of achieving the subject results of students' educational activities in algebra lessons, provides a list of subject results of educational activities relevant to algebra lessons, reveals the definition of the concept of "personalized learning" based on relevant theoretical scientific works in the field of pedagogy. The paper also provides the author's model of the relationship between the results of educational activities, describes the basis for the formation of subject results from the point of view of a conceptual pedagogical approach.

Keywords: subject results of educational activity, personalized learning, teaching methods in algebra lessons.

В современном образовательном пространстве общеобразовательной организации особое внимание уделяется достижению обучающимися результатов образовательной деятельности [3]. Результаты образовательной деятельности на всех уровнях общего образования (начальное общее образование - НОО, основное общее образование - ООО, среднее общее образование - СОО) представлены тремя блоками: личностные результаты, метапредметные результаты, предметные результаты. Структурно эти блоки допустимо представить в виде схемы, отображенной на рисунке 1.

Рис. 1. Иерархия результатов образовательной деятельности

В свою очередь, каждый из блоков результатов образовательной деятельности включает в себя ряд структурных компонентов, зачастую также представленный отдельными блоками. Рассматривая предметные результаты в данной работе, необходимо обозначить структурные компоненты предметных результатов. Подпункт 3 пункта 41 действующего ФГОС ООО содержит следующую информацию применительно к предметным результатам образовательной деятельности: «освоение обучающимися в ходе изучения учебного предмета научных знаний, умений и способов действий, специфических для соответствующей предметной области».

Особое внимание следует уделить словам «освоение <...> знаний, умений и способов действий» для разделения блока предметных результатов на структурные компоненты. В работах А.В. Хуторского приводится следующее определение – «сумма взаимосвязанных знаний, умений, навыков и способов деятельности, задаваемых по отношению к определенному кругу объектов и процессов и необходимых, чтобы качественно, эффективно и продуктивно действовать по отношению к ним» [6] понятию *компетенция*, что в свою очередь позволяет допустить реализацию компетентного подхода, как концептуального педагогического подхода при достижении предметных результатов образовательной деятельности.

Акцентируя внимание на содержании структурных компонентов предметных результатов по курсу алгебры, в работе приводится пример предметных результатов за курс 7-го класса. Перечень данных результатов соответствует Федеральной общеобразовательной программе по курсу математики для базового уровня и представляет требования, представленные в таблице 1 (пример содержания блоков результатов в соответствии с ФГОП).

Таблица 1

Предметные результаты за курс 7 класса по предмету «Алгебра»

Блок результатов	Содержание блока
Числа и вычисления	Выполнять, сочетая устные и письменные приемы, арифметические действия с рациональными числами.
Алгебраические выражения	Использовать алгебраическую терминологию и символику, применять ее в процессе освоения учебного материала.
Уравнения и неравенства	Решать линейные уравнения с одной переменной, применяя правила перехода от исходного уравнения к равносильному ему.
Функции	Изображать на координатной прямой точки, соответствующие заданным координатам, лучи, отрезки, интервалы, записывать числовые промежутки на алгебраическом языке.

В работе «Персонализированный подход в образовании» [1] рассмотрено правовое обеспечение реализации персонализированного подхода в контексте внедрения ФОРП (Федеральной образовательной программы) пунктом 16.4 в части реализации возможности обучения по индивидуальному учебному плану. В свою очередь реализация права ребенка на обучение по индивидуальному учебному плану предусмотрена Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» [5] (ст. 34, п. 1.3). Данное нормативно-правовое обеспечение права на реализацию персонализированного обучения обеспечивает возможность применения в педагогической деятельности методов персонализированного подхода к обучению на уроках алгебры в качестве обеспечения достижения предметных результатов образовательной деятельности.

В работе Солониной А.Г. и Филичевой Н.П. [4] приводится перечень апробированных методов персонализированного обучения на уроках алгебры, представленный следующим списком:

1. **метод выявления сущности алгебры** – метод сводится к следующим ключевым пунктам:
 - форма подачи материалов школьного алгебраического образования должна отражать сущность математики и алгебры, а также содержательно-методическую линию;
 - каждый параграф конкретного материала должен содержать сущностное введение, в котором одним предложением указываются рассматриваемые понятия, даются ли их определения, сколько в них теорем, приводятся ли доказательства или они иллюстрируются примерами;
 - выделяются сущностные идеи и понятия соответствующей содержательно-методической линии;
2. **метода локализации** – реализация системы нисходящей персонализации обучения, то есть адаптацию под обучающихся в группе. Поэтому каждому ученику в системе персонализированного обучения присваивается статус обучающего, но локально — по конкретному вопросу, который он изучает в рамках программы. Такое локальное восхождение создаёт предпосылки для личностного роста и положительного влияния на других учеников и на учителя;
3. **Метод взаимного обучения** – цель метода состоит в уравнивании ключевой учебно-методической связи в процессе изучения алгебры: учитель — учебный предмет «алгебра» — учащийся;
4. **Метод семантических когнитивных моделей** - определение основной логики и ключевых элементов рассуждения при доказательстве теоремы либо конкретного раздела учебника;
5. **индивидуализирующий исследовательский метод** - выявление особенностей познавательных процессов, диагностика уровня математического мышления, формирование у обучающихся компетенций в области научно-исследовательской работы.

При этом для организации персонализированного обучения в данной работе актуально рассмотреть консолидацию методов индивидуализации образовательной траектории и методов персонализации, обозначив ключевыми отличиями субъект проектирования образовательной траектории. В ходе индивидуализации образовательной траектории, включая индивидуализацию внутри учебной дисциплины, субъектом, отвечающим, за проектирование и реализацию траектории выступает педагог. Тогда как при персонализации обучения таким субъектом выступает ученик. Актуальной видится следующая технологии реализации персонализированного обучения, способствующая достижению предметных результатов на уроках алгебры.

В работе, посвященной реализациям принципов индивидуальной образовательной траектории в обучении [2] указывается, что создание ситуации успеха в учебной деятельности положительно влияет на качество усвоения учебного материала школьниками, что поддержано данными нейронаук. Экзогенная стимуляция познавательной активности через такую ситуацию стимулирует нейрогенез у школьников и формирование новых синапсов. Эти новообразования внешне инициированы, но затем сами способствуют лучшему освоению материала. Вместе с повышенным уровнем дофамина и серотонина это формирует внутреннюю мотивацию к учёбе через эмоционально-гормональное подкрепление.

Психологическое обоснование создания ситуации успеха поддержано работами Габекорн И.И., где «радость труда и счастье в учебной деятельности» выступают мотиватором к саморазвитию и закрепляют позитивный учебный опыт в школе.

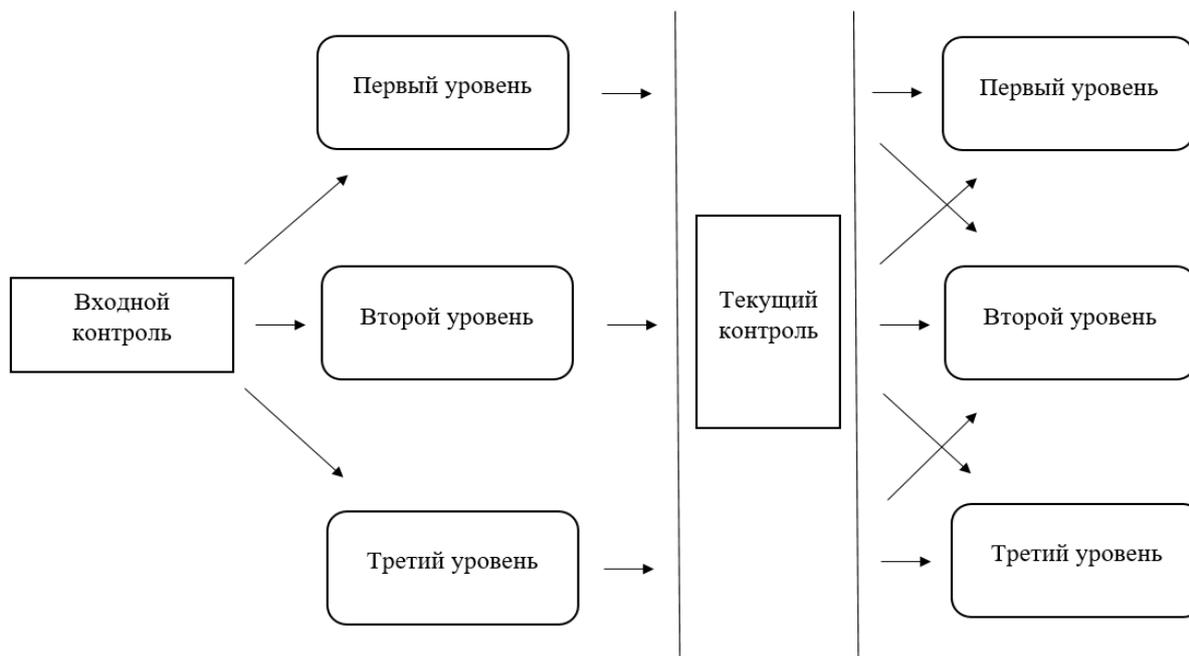

Рис. 2. Технологии реализации персонализированного обучения

Представленные тезисы позволяют заключить, что выбранные методы персонализации, способствующие созданию ситуации успеха в обучении, оказывают положительное влияние на развитие когнитивных процессов и достижение предметных результатов образовательной деятельности.

Список источников

1. Батколина В. В., Головятенко Т.А., Зеленина Н.М., Пашков В.М. Персонализированный подход в образовании / В. М. Пашков, В. В. Батколина, Т. А. Головятенко, Н. М. Зеленина // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2024. – № 2. – С. 68-79. – DOI 10.18137/RNU.V925X.24.02.P.068. – EDN CUCYPD.
2. Батколина В. В., Головятенко Т.А., Пашков В.М., Ядров К.П. Реализация принципов индивидуальной образовательной траектории как метод обучения и воспитания в области начального общего образования / В. В. Батколина, Т. А. Головятенко, В. М. Пашков, К. П. Ядров // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2023. – № 3. – С. 46-53. – DOI 10.18137/RNU.V925X.23.03.P.046. – EDN KTXUEV.
3. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 “Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования”, п. 41
4. Солонина А. Г., Филочева Н. П. Модернизация методов открытого персонализированного обучения алгебре в фазе лабилизации // Преподаватель XXI век. 2010. №4.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2024) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL:https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/glava-4/statja-34/
6. Хуторской А.В. Ключевые компетенции. Технология конструирования // Народное образование. 2003.

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПСИХОЛОГА: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

ЗЕЛЕНИНА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА

исследователь, преподаватель-исследователь;
преподаватель каф. общей психологии и психологии труда,
«АНО ВО Российский новый университет»

Аннотация: В статье представлен аналитический обзор эволюции понятия «профессиональная компетентность» в контексте подготовки психологов. На основе систематизации ключевых отечественных и зарубежных подходов (от Д. Макклелланда и Р. Бояциса до современных моделей В.И. Байденко, Э.Ф. Зеера и европейских исследователей) выявляется магистральный путь развития концепции: от суммы знаний и навыков к интегративной, личностно-детерминированной, динамичной характеристике специалиста. Анализ служит теоретической основой для исследования формирования данной компетентности у студентов-психологов в процессе изучения вариативных дисциплин.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, компетенция, психолог, компетентностный подход, генезис понятия, отечественный опыт, зарубежный опыт.

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF A PSYCHOLOGIST: THE GENESIS OF THE CONCEPT AND MODERN CHALLENGES (DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE)

Zelenina Natalia Mikhailovna

Abstract: The article presents an analytical review of the evolution of the concept of "professional competence" in the context of training psychologists. Based on the systematization of key domestic and foreign approaches (from D. McClelland and R. Boyatsis to modern models by V.I. Bidenko, E.F. Zeer and European researchers), the main path of development of the concept is revealed: from the sum of knowledge and skills to an integrative, personality-determined, dynamic characteristic of a specialist. The analysis serves as a theoretical basis for studying the formation of this competence among psychology students in the process of studying variable disciplines.

Keywords: professional competence, competence, psychologist, competence approach, the genesis of the concept, domestic experience, foreign experience.

Введение

Исследование процесса формирования профессиональной компетентности студентов-психологов актуализирует необходимость теоретического анализа генезиса данного понятия. В работе под вариативными дисциплинами понимаются курсы, входящие в часть, формируемую участниками образовательных отношений. Целью данного раздела является хронологическое структурирование эволюции определения «профессиональная компетентность» в научно-педагогической литературе, что составляет фундамент для последующего изучения методик ее развития.

1. Зарождение компетентностного подхода: поведенческий фокус (1960-1990-е гг.)

Генезис понятия восходит к 1960-1970-м гг., когда Дэвид Макклелланд выдвинул идею, что профессиональная компетентность – не простая сумма знаний, а системная характеристика личности, включающая мотивы (потребность в достижении, власти, причастности) и поведенческие паттерны, дифференцирующие высокоэффективных специалистов. Его подход, легший в основу моделей компетенций, разводил пороговые (необходимые) и дифференцирующие (обеспечивающие выдающийся результат) компетенции, связывая их с приобретенными потребностями человека [1, 2].

Развил эту идею Ричард Бояцис, предложивший в модели эффективного менеджера кластерный подход. Он выделил пять взаимосвязанных кластеров компетенций: личностный (эмоциональное самосознание), социальный (эмпатия, влияние), технический (специальные знания), организационный (решение проблем) и административный (управленческие навыки). Его вклад заключается в рассмотрении компетентности как динамичной, эволюционирующей системы, развивающейся через циклические стадии [3, 4].

Параллельно в отечественной науке сформировались деятельностно-ориентированные концепции. Н.В. Кузьмина в рамках акмеологического подхода определяла профессиональную компетентность педагога как интегральное личностное образование, структурируемое через пять компонентов: гностический, проектировочный, конструктивный, коммуникативный и организаторский. Ею была предложена шкала уровней продуктивности деятельности от репродуктивного до системно-моделирующего, связывающая компетентность с движением к вершине мастерства («акме») [5, 6].

А.К. Маркова позиционировала профессиональную компетентность как характеристику степени соответствия специалиста требованиям профессии, выделяя четыре ее вида: специальную, социальную, личностную и индивидуальную. В структуре компетентности она обосновала синтез профессиональных знаний, умений, психологических позиций и личностных особенностей [7]. В.А. Сластенин акцентировал целостность и системность компетентности как сплава качеств, опыта и умений, центральной способности преодолевать профессиональные трудности, тесно связывая ее с педагогическим мастерством и антропоцентризмом [8].

Л.М. и С.М. Спенсеры в зарубежной традиции разработали методологию оценки компетенций как поведенческих конструктов, включающих мотивы, Я-концепцию, знания, способности и навыки. Они провели принципиальное разграничение: компетенция описывает способ достижения результата (внутренние характеристики), а компетентность – уровень достигнутых профессиональных результатов [9, 10].

2. Систематизация и интеграция: компетентностный подход в образовании (рубеж XX-XXI вв.)

На рубеже веков концепция была переосмыслена в контексте образовательных стандартов и меняющихся требований рынка труда.

Э.Ф. Зеер рассматривал профессиональную компетентность как интегральное, системное качество личности, определяющее готовность решать задачи в изменяющихся условиях. Он четко разграничил компетенцию (нормативно заданные требования) и компетентность (реализованная способность). В структуре последней он выделил специальную, социально-правовую, личностную и экстремальную компетентность, а также ввел важнейшую категорию метапрофессиональных качеств (рефлексивность, мобильность, креативность), обеспечивающих профессиональную гибкость [11, 12, 13].

А.В. Хуторской, анализируя понятие в контексте личностно-ориентированного подхода, также разделил компетенцию (внешнюю норму) и компетентность (внутреннее, сформированное качество). Он обосновал иерархию ключевых компетенций: ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые и компетенции личностного самосовершенствования [14, 15].

И.А. Зимняя определяла профессиональную компетентность как интегративное, личностно детерминированное качество, проявляющееся в деятельности. Она выделила ее ключевые аспекты: интегративность, актуализацию в поведении, личностный фундамент и многоаспектность (мотивация, знание, опыт, ценностное отношение, регуляция). Компетенция трактуется ею как потенциальный «пакет», а компетентность – как актуализированная способность его применения [16].

В.И. Байденко, как ведущий специалист по внедрению компетентного подхода в российское высшее образование, определяет профессиональную компетентность как интегративную характеристику, превосходящую сумму ЗУН. Он классифицирует компетенции на общие (универсальные) и профессиональные (специализированные), подчеркивая их роль как структурирующего принципа ФГОС и инструмента сближения образования с рынком труда в рамках Болонского процесса [17, 18, 19].

Ю.Г. Татур рассматривал профессиональную компетентность как интегральное качество, проявляющееся в стремлении и способности использовать потенциал для продуктивной деятельности. В ее структуре он выделял когнитивный, операционно-деятельностный, мотивационно-ценностный и социально-психологический компоненты, опираясь на идеи И.А. Зимней. Компетентность понимается как личностная характеристика, а компетенция – как нормативное требование [20, 21].

3. Современные векторы: глобализация и цифровизация (начало XXI в.)

В зарубежных исследованиях начала XXI века акцент сместился на адаптивность и целостность. Ж. Делор в докладе для ЮНЕСКО сформулировал концепцию «четырех столпов образования» («учиться, знать, делать, жить вместе, быть»), которая легла в основу понимания компетентности как динамического единства знаний, умений и личностных качеств, необходимого для жизни в изменяющемся мире [22].

Ф. Ле Дест, Дж. Винтертон и Э. Стрингфеллоу проанализировали терминологическую многогранность, отмечая, что competence (компетентность) часто трактуется как более широкая способность применять знания и качества, в то время как competency (компетенция) – как конкретный набор навыков для функции. Их подход подчеркивает практическую интеграцию знания и действия [23].

Ф. Тутч в рамках западноевропейских моделей предложил многомерную структуру «4К»: профессионально-техническая, методическая, социальная и личностная компетенции. Компетентность в этой модели – это готовность интегрировать все компоненты для самостоятельного и ответственного действия [24].

В современной отечественной науке В.И. Блинов развивает представления о компетентности как результате обучения, выраженном в «результатах деятельности». Он актуализирует концепцию цифровой профессиональной компетентности, включающей работу в условиях цифровой дидактики и гибридного обучения [25]. А.Г. Каспржак определяет профессиональную компетентность как интегративную целостность, обеспечивающую результативные действия в нестандартных ситуациях, фокусируясь на переходе от теоретического владения к практическому достижению результата [26].

Заключение и интегративное определение

Проведенный анализ демонстрирует эволюцию понятия от поведенчески-мотивационных моделей к комплексным, системным трактовкам, интегрирующим когнитивные, деятельностные и личностные компоненты. На основе синтеза ключевых идей может быть сформулировано следующее интегративное рабочее определение для исследования формирования профессиональной компетентности студентов-психологов: **Профессиональная компетентность** – это интегративное, динамичное, личностно детерминированное качество специалиста, представляющее собой готовность и способность эффективно, ответственно и автономно решать профессиональные задачи в стандартных и нестандартных ситуациях. Она формируется на основе синтеза усвоенных компетенций с личностными характеристиками (мотивами, ценностями, Я-концепцией), профессиональным опытом и рефлексивными механизмами, что обеспечивает высокие результаты деятельности и непрерывное саморазвитие.

Данное определение служит концептуальной основой для последующего рассмотрения теоретико-методологических основ формирования исследуемого качества у будущих психологов в системе высшего образования.

Список источников

1. Головань Н.О. Развитие компетентного подхода... // Молодой ученый. 2021.
2. Леонова О.В., Колосова О.В. Компетентностный подход... // Вестник ТГТУ. 2010.
3. Boyatzis R.E. The Competent Manager... 1982.

4. Boyatzis R.E. Competencies in the 21st century // Journal of Management Development. 2008.
5. Шкатова Т.Г. Содержание профессиональной компетентности педагога // Ярославский педагогический вестник. 2010.
6. Лукьянова М.И. Теоретический анализ феномена готовности учителя... // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017.
7. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.
8. Григорович Л.А. Формирование профессиональной компетентности... // Преподаватель XXI век. 2009.
9. Спенсер-мл. Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. М., 2005.
10. Михалкина Е.В. и др. Компетенции и компетентность... // Пространство экономики. 2011.
11. Заводчиков Д.П., Шаров А.А. Вклад научной школы Э.Ф. Зеера... // Профессиональное образование и рынок труда. 2020.
12. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М., 2003.
13. Зеер Э.Ф. Профессионально-образовательное пространство личности. Екатеринбург, 2002.
14. Хуторской А.В., Хуторская Л.Н. Компетентность как дидактическое понятие... // Проектирование и организация... Тула, 2008.
15. Хуторской А.В. Ключевые компетенции... // Адукацыя і выхаванне. 2004.
16. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата... // Интернет-журнал "Эйдос". 2006.
17. Байденко В.И. Компетентностный подход: что это? М., 2005.
18. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов... М., 2006.
19. Байденко В.И. Болонский процесс... // Вестник высшей школы. 2005.
20. Татур Ю.Г. Компетентностный подход в описании результатов... М., 2004.
21. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества... // Высшее образование сегодня. 2004.
22. Делор Ж. Образование: сокрытое сокровище. 1996; Учиться на протяжении всей жизни... // Перспективы. 1998.
23. Delamare-Le Deist F., Winterton J. What is competence? // Human Resource Development International. 2005; Winterton J. et al. Typology of knowledge... 2006; What is competence? 2005.
24. Tutz P. Kompetenzmodelle und -dokumentation... 2012; Kultusministerkonferenz. Handlungskompetenz... 2004; Kauffeld S. Kompetenzen messen... 2006.
25. Блинов В.И., Есенина Е.Ю. Методические рекомендации... 2018; Блинов В.И. Методика профессионального обучения. М., 2025.
26. Иванов Л.Ф., Каспржак А.Г. Компетентностный подход в образовании... М., 2005; Лебедев О.Е., Каспржак А.Г. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004.

УДК 37

ГРУППОВАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

ЧУВАШОВА ЯНА ВЛАДИМИРОВНА,
НОВИКОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА

студентки

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Научный руководитель: Вершинина Наталья Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева»

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты групповой работы на развитие творческих способностей младших школьников. В ходе работы я обосновываю, что коллективное взаимодействие способствует развитию коммуникативных навыков, способности к сотрудничеству и взаимопониманию. В рамках таких заданий дети учатся искать нестандартные решения, развивать креативное мышление и воображение. Способствует выработке навыков конструктивного взаимодействия, что существенно для формирования личности ребенка.

Ключевые слова: творческие способности, младший школьник, групповая работа.

GROUP WORK AS A MEANS OF DEVELOPING THE CREATIVE ABILITIES OF YOUNGER STUDENTS IN THE LEARNING PROCESS

CHUVASHOVA YANA VLADIMIROVNA,
NOVIKOVA OLGA ALEKSEEVNA

Scientific adviser: Verшинina Natalia Viktorovna

Abstract: The article discusses the main aspects of group work for the development of creative abilities of younger schoolchildren. In the course of my work, I prove that collective interaction contributes to the development of communication skills, the ability to cooperate and mutual understanding. As part of such tasks, children learn to look for non-standard solutions, develop creative thinking and imagination. Promotes the development of constructive interaction skills, which is essential for the formation of.

Keywords: creativity, junior high school student, group work.

На сегодняшний день требуется наличие творческих, активных и инициативных людей во всех сферах общественной жизни. Творческое мышление позволяет находить нестандартные решения, развивать инновации и приспосабливаться к быстро меняющемуся миру. Важно поддерживать и развивать творческие способности у людей уже с детства.

Наиболее значительные положительные результаты в развитии творческого потенциала личности возможно достичь в начальной школе. В этом возрасте дети обладают широкими способностями к восприятию и развивают такие важные качества, как воображение, абстрактное мышление, познавательный интерес, активность и самостоятельность, которые являются ключевыми факторами в творческом процессе.

Творческие способности – это способности к созданию нового. Изучение личностных особенностей, которые проявляются на различных этапах творческого процесса, позволяет более глубоко понять структуру творческих способностей и сущность творчества в целом. Основные этапы творческого процесса и связанные с ними личностные особенности:

Возникновение творческой ситуации:

- **Открытость к новым идеям:** Дети с высоким уровнем творческих способностей обычно более открыты к новым идеям. Они способны замечать необычные аспекты окружающего мира и видеть потенциал для творческих решений.

- **Чувствительность к проблемам:** Творческие люди обычно более чувствительны к проблемам и вызовам, которые могут послужить источником вдохновения для поиска новых решений.

2. Генерирование идеи:

- **Гибкость мышления:** Творческие люди часто обладают гибким мышлением, которое позволяет им рассматривать проблему с разных точек зрения и находить нестандартные подходы к решению.

- **Смелость и экспериментирование:** Они готовы экспериментировать, пробовать новые идеи и не бояться неудач.

3. Проверка и воплощение нового:

- **Стремление к совершенству:** Творческие люди обычно стремятся к совершенству и готовы вкладывать усилия в разработку и реализацию своих идей.

Умение адаптироваться: Они способны адаптироваться к изменениям и преодолевать трудности на пути к воплощению своих творческих проектов.

Творческие способности детей – это интегративное личностное образование, которое проявляется в интересе, стремлении и эмоциональном отношении к творчеству, в качестве знаний, уровне развития логического и творческого мышления, воображения, самостоятельности и настойчивости в творческом поиске и обеспечивает создание субъективно нового в той или иной области.

Исследователи В. В. Давыдов, Л. В. Занков, В. В. Краевский, И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин и Д. Б. Эльконин утверждают, что творческий опыт является важной составляющей образования. Он включает в себя несколько элементов:

1. Адаптацию ранее усвоенных знаний к новым ситуациям.

2. Способность самостоятельно видеть проблему и разрабатывать альтернативные пути ее решения.

3. Комбинирование уже известных способов действия для создания новых подходов.

Представления о природе творчества менялись со временем: на первых порах оно рассматривалось как регрессивный мыслительный процесс, но затем стало рассматриваться как высший мыслительный процесс. Творческие способности учащихся – это «комплексные возможности ученика в совершении деятельности и действий, направленных на создание им новых образовательных продуктов».

Поддерживая позицию ученых, которые определяют креативные способности как самостоятельный фактор, развитие которого является результатом обучения творческой деятельности школьников, выделим компоненты творческих способностей младших школьников: творческое мышление, творческое воображение и применение методов организации творческой деятельности.

Для стимулирования творческого мышления и воображения учащихся, потребуется развить следующие навыки:

1. Группировать объекты, ситуации и явления на основе различных критериев;

2. Обнаруживать причинно-следственные связи;

3. Выявлять связи и обнаруживать новые взаимосвязи между системами;

4. Анализировать систему в ее динамике;

5. Делать прогнозы и предположения;
6. Выявлять противоположные аспекты объекта;
7. Формулировать и обнаруживать противоречия;
8. Разделять противоречивые свойства объектов в пространстве и времени;
9. Визуализировать пространственные объекты;
10. Применять разные системы ориентации в воображаемом пространстве.

Если внимательно изучить поведение человека и его деятельность в различных областях, можно выделить два основных типа поведения. Одно из них – это репродуктивное или воспроизводящее действия, которые тесно связаны с памятью и заключаются в повторении ранее созданных приемов поведения и действий. Но помимо такого репродуктивного поведения, в поведении человека присутствует творческая деятельность, результатом которой является создание новых образов и действий. Это основывается на творческих способностях.

Групповая работа – это отличный способ развить творческие способности у младших школьников. Работа в группе способствует развитию коллективного мышления, сотрудничеству, коммуникации и творческому мышлению у детей. В процессе групповой работы дети учатся обмениваться идеями, слушать мнения других, а также совместно искать нестандартные и креативные решения задач.

Этот метод не только способствует развитию интеллектуальных навыков, но также помогает детям развивать социальные навыки, такие как умение работать в команде, решать конфликты и выстраивать взаимоотношения с другими людьми. Они учатся принимать и уважать точку зрения других участников группы, что способствует развитию их толерантности и социальных навыков.

Групповая работа в процессе обучения младших школьников имеет множество преимуществ и способствует развитию их творческих способностей. Преимущества групповой работы:

1. Развитие коллективного мышления: групповая работа позволяет детям учиться сотрудничать и обмениваться идеями. Они учатся принимать и уважать точку зрения других участников группы, что способствует развитию коллективного мышления. В процессе обсуждения и совместной работы дети учатся искать нестандартные решения и развивать креативность.

2. Развитие коммуникативных навыков: групповая работа способствует развитию коммуникативных навыков у детей. В процессе обсуждения и совместной работы они учатся выражать свои мысли и идеи, а также слушать и понимать других. Они учатся договариваться, решать конфликты и работать в команде.

3. Развитие самостоятельности и ответственности: групповая работа помогает младшим школьникам развивать самостоятельность и ответственность. Они учатся самостоятельно принимать решения, планировать свою работу и контролировать ее выполнение. Вместе с тем, групповая работа требует соблюдения дисциплины и ответственности перед группой.

4. Развитие творческих способностей: групповая работа позволяет детям развивать свои творческие способности. Они учатся искать нестандартные решения, проявлять фантазию и креативность. В рамках групповой работы дети могут создавать совместные проекты, играть в театральные представления, рисовать или конструировать, что способствует развитию их творческого потенциала.

Подводя итоги, делаем вывод, что групповая работа в процессе обучения младших школьников является эффективным средством развития их творческих способностей. Она способствует развитию коллективного и творческого мышления, коммуникативных навыков, самостоятельности и ответственности. Групповая работа также позволяет детям проявить свою индивидуальность и развить свой творческий потенциал.

Список источников

1. Андерсон, Д. Думай, пытайся, развивайся / Д. Андерсон, А. Л. Шлионский, Л. М. Шлионский, Н. В. Никифорова. – Санкт-Петербург : Азбука, 1996. – 92 с. – Текст : непосредственный.
2. Антилогова, Л. Н. Внеучебная деятельность как фактор развития творческих способностей младших школьников / Л. Н. Антилогова, Л. Г. Карпова. – Текст : непосредственный // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2013. – № 3 (13) – С. 71-77.

3. Бакулина, Г. А. Субъективизация и интеллект: основы взаимосвязи / Г. А. Бакулина. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы дошкольного и начального образования и подготовки специалистов : Материалы Всероссийской заочной педагогической конференции. Вып. 3. / Сост. Л. Н. Вахрушева, С. В. Савинова. – Киров, 2008. – С. 24-25.
4. Баттерворт, Дж. Принципы психологии развития / Дж. Баттерворт, М. Харрис. – Москва : Когито-Центр, 2000. – 350 с. – Текст: непосредственный
5. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – Екатеринбург : Литур, 1999. – 352 с.
6. Борзова, В. А. Развитие творческих способностей у детей. – Текст: непосредственный / В. А. Борзова, А. А. Борзов. – Самара : Самар. Дом печати – 2012. – 316 с. – Текст: непосредственный
7. Блонский, П. П. Память и мышление / П. П. Блонский. – Текст: непосредственный // Избранные педагогические и психологические сочинения. В 2-х томах. Т. 2 ; под ред. А. В. Петровского. – Москва : Педагогика, 1979. – С. 118-340.

УДК 37

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

МЕРЕТИНА ЭЛЬВИРА НИКОЛАЕВНА

учитель начальных классов

КАБДЕГАЛИЕВА РАИСА УТЕШЕВНА

учитель музыки и ИЗО

Разночиновский филиал МКОУ «СОШ с. Солянка»

ПУХОВА ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

учитель начальных классов

МКОУ «Приволжская СОШ №1»

Аннотация: в данной статье описываются особенности применения социальных сетей для повышения качества образования в современной школе, основные преимущества и риски.

Ключевые слова: социальные сети, социальные ресурсы.

USING SOCIAL NETWORKS AS A LEARNING TOOL IN THE MODERN EDUCATIONAL SYSTEM

**Meretina Elvira Nikolaevna,
Kabdegalieva Raisa Uteshevna,
Pukhova Lyubov Vasilyevna**

Abstract: this article describes the features of using social networks to improve the quality of education in a modern school, the main advantages and risks.

Key words: social networks, social resources.

В настоящее время социальные сети являются наиболее популярным и интересным ресурсом для учащихся.

Существует множество сетевых технологий, которые современные педагоги активно применяют в своей деятельности:

- учебные форумы;
- педагогические блоги,
- образовательные порталы,
- онлайн тренажеры;
- онлайн квесты;
- виртуальные лаборатории;
- виртуальные путешествия и экскурсии;
- мультимедийные библиотеки;
- онлайн-платформы;
- автоматизированные системы дистанционного обучения и т.д.

Среди положительных особенностей применения данных технологий следует отметить:

- их методические и дидактические свойства;
- экономию временных затрат;
- отсутствие адаптации детей к новому коммуникативному пространству;
- реализация желаний учащихся к общению и дружбе в коллективе;
- самостоятельное или совместное создание сетевого учебного материала учащимися;
- развитие навыков самостоятельной познавательной активности большинства учащихся;
- активное взаимодействие педагога и школьников;
- осуществление непрерывности и систематичности педагогического процесса;
- возможность сочетания индивидуальных, парных и групповых форм работы;
- возможность построения индивидуального образовательного маршрута для каждого ученика

и т.д.

Однако существует ряд минусов:

- педагогический дизайн не всегда может заинтересовать детей;
- они сложны для восприятия;
- у учащихся нет навыков работы в данных ресурсах;
- невысокий уровень ИКТ-компетенций педагогов;
- отсутствие уровня мотивации со стороны отдельных учеников и педагогов;
- недостаточная информационно- коммуникативная оснащенность некоторых школ;
- высокий уровень трудозатрат по организации учебно-воспитательного процесса при непрерывном обучении для педагогов.

Поскольку многие дети проводят большое количество своего свободного в Интернете, в социальных сетях, можно сделать их помощниками в методике преподавания и контроля усвоения учебного материала.

Например, в социальной сети «В контакте» педагог может создать свои отдельные группы, где все школьники могут видеть задания, изменения в расписании и прочие организационные моменты.

В аудиозаписи и видеозаписи группы можно добить материал, записанный педагогом лично или взятый из сети Интернет. Учащиеся размещают в данной группе выполненные задания в специально отведенную категорию. Можно также под видео или аудио ставить «лайк» друг другу, по результатам такого оценивания можно поставить соответствующие отметки. При этом у учащегося появится стимул не только получить хорошую оценку, но и обрести некий авторитете у своих одноклассников.

В данном случае задания превращаются в так называемый конкурс, в котором все школьники хотят посоревноваться, что оказывает положительное влияние на эффективность образования.

Кроме того, существуют и другие варианты работы с использованием социальных сетей. К ним можно отнести следующие:

- в группу педагогов можно присылать свои наработанные учебные материалы или актуальные скачанные из Интернета и у коллег из других школ или городов;
- информирование детей и родителей о новых упражнениях, материалах и многое другое;
- оперативная проверка заданий учащихся, что представляет собой своего рода короткую обратную связь, а также получение оценок без особого времени ожидания;
- проведение онлайн консультаций со слабо успевающими учащимися или с одаренными детьми;
- совместное решение проблемных ситуаций;
- проведение онлайн конкурсов, викторин, фестивалей и т.д.;
- общение по душам;
- работа с родителями и т.д.

Рассмотрим также основные формы применения социальных сетей в педагогическом процессе:

- организация сетевых учебных площадок, например, создание группы, где можно онлайн обмениваться той или иной актуальной информацией, узнавать домашние задания, пользоваться электронными учебниками или справочниками;

- виртуальные сообщества, в которые могут входить участники по тем или иным интересам;
- обратная связь для улучшения эффективности преподавания и контроля усвоения учебной информации;
- виртуальный чат, сходный с классным часом, к которому можно присоединить необходимое количество участников.

Следует отметить некоторые методические рекомендации для педагогов:

- изучить возможности реализации тех или иных образовательных проектов на основе инструментов социальных сетей;
- применять материал, соответствующий возрастным и индивидуальным особенностям учащихся;
- использовать опросники для повышения интерактивности и увеличения аудитории участников;
- сохранение конфиденциальности личных данных детей и взрослых;
- развитие цифровой грамотности учащихся;
- вовлекать детей в публикацию новостей и т.д.

Таким образом, педагог должен стараться разговаривать с современными школьниками на их языке. Однако следует помнить о том, что социальные сети – это не единственное средство сетевого обучения. Педагогам следует стремиться к многообразию форм учебной деятельности.

© 2025

УДК 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА ЗАРУБЕЖНОГО ФИЛИАЛА ВУЗА В ЛОГИКЕ УПРАВЛЯЕМОЙ КАДРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

БАХТИЕВА РОЗА МИРГАРИФАНОВНА

старший преподаватель

Елабужский институт (филиал) ФГАОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Елабуга, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования педагогического коллектива зарубежного филиала российского вуза в логике управляемой кадровой экосистемы. Актуальность исследования обусловлена развитием транснационального образовательного пространства и расширением сети зарубежных филиалов, функционирующих в условиях иной нормативной, социокультурной и кадровой среды. На примере деятельности филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Джизаке Республики Узбекистан раскрывается содержание управляемой кадровой экосистемы, выделяются её структурные компоненты и анализируется их роль в обеспечении устойчивости педагогического коллектива. Особое внимание уделяется практическим аспектам согласования институциональных требований головного вуза и локальных условий функционирования филиала. Делается вывод о том, что экосистемный подход позволяет обеспечить целостность кадровых процессов и повысить устойчивость педагогического коллектива в транснациональной образовательной среде.

Ключевые слова: зарубежный филиал вуза; педагогический коллектив; управляемая кадровая экосистема; экосистемный подход; транснациональное образование; кадровая устойчивость.

FORMING THE FACULTY OF A HIGHER EDUCATIONAL STAFF AT A FOREIGN UNIVERSITY BRANCH IN THE FRAMEWORK OF A MANAGED STAFF ECOSYSTEM

Bakhtieva Roza Mirgarifanovna

Abstract: This article examines the specifics of forming the teaching staff of a foreign branch of a Russian university within the framework of a managed staff ecosystem. The relevance of this study is determined by the development of the transnational educational space and the expansion of the network of foreign branches operating in different regulatory, sociocultural, and staffing environments. Using the example of the Kazan (Volga Region) Federal University branch in Jizzakh, Republic of Uzbekistan, this article explores the nature of a managed HR ecosystem, identifies its structural components, and analyzes their role in ensuring the sustainability of the teaching staff. Particular attention is paid to the practical aspects of aligning the institutional requirements of the parent university with the local operating conditions of the branch. It is concluded that an ecosystem approach ensures the integrity of HR processes and enhances the sustainability of the teaching staff in a transnational educational environment.

Keywords: foreign university branch; teaching staff; managed HR ecosystem; ecosystem approach; transnational education; HR sustainability.

Введение

В условиях глобализации и интернационализации высшего образования российские университеты активно развивают сеть зарубежных филиалов, рассматривая их как инструмент экспорта образовательных программ и расширения академического присутствия. Вместе с тем функционирование зарубежных филиалов сопряжено с рядом специфических проблем, среди которых ключевое место занимает формирование и устойчивое воспроизводство педагогического коллектива.

Зарубежный филиал вуза действует в иной нормативной, социокультурной и организационной среде, что принципиально отличает его от структурных подразделений, расположенных на территории страны базирования университета. В этих условиях кадровые процессы приобретают повышенную сложность и не могут быть сведены исключительно к вопросам подбора и распределения педагогических работников.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью методологического осмысления кадровых процессов зарубежных филиалов российских вузов и поиска таких управленческих моделей, которые позволяли бы обеспечить кадровую устойчивость и институциональную целостность образовательного процесса. В качестве такой модели в статье предлагается экосистемный подход, позволяющий рассматривать формирование педагогического коллектива как результат согласованного взаимодействия различных факторов и условий.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужила деятельность филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Джизаке Республики Узбекистан. В ходе исследования использовались методы анкетирования педагогических работников, экспертной оценки, анализа локальных нормативных актов и организационно-управленческой документации филиала.

Дополнительно применялся качественный анализ открытых ответов респондентов, что позволило выявить субъективные оценки преподавателями условий профессиональной деятельности и факторов, влияющих на устойчивость педагогического коллектива. Интерпретация полученных данных осуществлялась в логике экосистемного и институционального подходов.

Экосистемный подход к формированию педагогического коллектива

Экосистемный подход в исследованиях образования и управления персоналом ориентирован на анализ устойчивых взаимосвязей между участниками, институтами и ресурсами, формирующими целостную среду профессиональной деятельности. В отличие от линейных моделей кадрового управления, экосистемный подход позволяет учитывать множественность факторов, влияющих на воспроизводство педагогического коллектива.

В рамках настоящего исследования под управляемой кадровой экосистемой зарубежного филиала вуза понимается институционально организованная система кадровых, нормативных, управленческих, ресурсных и социально-инфраструктурных компонентов, функционирующих во взаимосвязи и координируемых головным университетом. Данная экосистема формируется на пересечении образовательных систем страны базирования вуза и принимающей страны, что определяет её гибридный характер.

Экосистемная логика позволяет рассматривать педагогический коллектив не как механическую совокупность работников, а как устойчивое профессиональное сообщество, воспроизводство которого зависит от согласованности институциональных и управленческих решений.

Структурные компоненты управляемой кадровой экосистемы

Анализ практики функционирования филиала КФУ в г. Джизаке позволил выделить несколько ключевых компонентов управляемой кадровой экосистемы.

Институциональный компонент

Институциональный компонент включает академические стандарты, образовательные программы, требования к квалификации педагогических работников и методические регламенты головного вуза. Его основная функция заключается в обеспечении преемственности образовательных стандартов и сохранении идентичности университета в условиях зарубежного филиала.

Организационно-управленческий компонент

Организационно-управленческий компонент охватывает систему кадрового планирования, рас-

пределение учебной нагрузки, процедуры замещения должностей и механизмы управленческой коммуникации между филиалом и головным университетом. Практика показывает, что чёткая регламентация управленческих процедур снижает риски кадровой нестабильности и повышает предсказуемость профессиональной деятельности преподавателей.

Ресурсный компонент

Ресурсный компонент включает финансово-экономические условия работы педагогических работников, материально-техническое обеспечение образовательного процесса и возможности профессионального развития. В условиях зарубежного филиала данный компонент оказывает существенное влияние на мотивацию и удержание педагогических кадров.

Социально-инфраструктурный компонент

Социально-инфраструктурный компонент направлен на обеспечение профессиональной и социокультурной адаптации педагогических работников. Он включает условия проживания, организационное сопровождение, поддержку в решении бытовых и административных вопросов, что особенно важно на этапе вхождения преподавателей в образовательную среду зарубежного филиала.

Практические аспекты функционирования кадровой экосистемы

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, показывают, что устойчивость педагогического коллектива зарубежного филиала во многом определяется согласованностью действий всех компонентов кадровой экосистемы. В анкетах преподаватели отмечают, что наличие институциональной определённости, управленческой поддержки и социально-инфраструктурного сопровождения позволяет сосредоточиться на образовательной и научной деятельности.

Практика филиала КФУ в г. Джизаке свидетельствует о том, что экосистемный подход способствует снижению рисков профессиональной дезадаптации, формированию лояльности педагогических работников и готовности к долгосрочному профессиональному взаимодействию. Важным практическим эффектом является также снижение текучести кадров и повышение стабильности образовательного процесса.

Таким образом, управляемая кадровая экосистема выступает не абстрактной моделью, а реально действующим механизмом формирования и воспроизводства педагогического коллектива зарубежного филиала.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает целесообразность рассмотрения формирования педагогического коллектива зарубежного филиала российского вуза в логике управляемой кадровой экосистемы. Экосистемный подход позволяет интегрировать институциональные, управленческие, ресурсные и социально-инфраструктурные аспекты кадровых процессов в единую аналитическую рамку.

Опыт деятельности филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Джизаке показывает, что управляемая кадровая экосистема способствует обеспечению кадровой устойчивости, профессиональной адаптации и институциональной целостности педагогического коллектива в транснациональной образовательной среде. Полученные выводы могут быть использованы при разработке и корректировке кадровой политики зарубежных филиалов российских вузов.

Список источников

1. Teichler U. Academic Mobility and Migration: What We Know and What We Do Not Know // *European Review*. 2015. Vol. 23 (S1).
2. Wilkins S., Huisman J. International Branch Campuses: The Global Outlook // *Higher Education*. 2012. Vol. 64, No. 5.
3. Boxall P., Purcell J. *Strategy and Human Resource Management*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
4. Kim Y. Y. *Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation*. Thousand Oaks: Sage, 2001.

УДК 37.011.31

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

ОВЧЕНКОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет
имени В.Г.Короленко»

Аннотация. Статья посвящена смысловому наполнению понятия «педагогическая позиция» как основе профессионально-личностного становления будущего педагога, сопоставления дискурса по различным источникам, особенностям ее формирования в процессе предметной подготовки студента педагогического вуза, предложен алгоритм деятельности (технология)

Ключевые слова: педагогическая позиция, аспекты проявления педагогической позиции, алгоритм, технология формирования, педагогическая позиция как основа профессионально-личностного становления, дискурс.

THE TECHNOLOGY OF FORMING THE PEDAGOGICAL POSITION OF THE FUTURE TEACHER

Ovchenkova Olga Yurievna

Abstract. The article is devoted to the semantic content of the concept of "pedagogical position" as the basis of the professional and personal formation of the future teacher, the comparison of discourse on various sources, the features of its formation in the process of subject training of a student of a pedagogical university, an algorithm of activity (technology) is proposed

Key words: pedagogical position, aspects of manifestation of pedagogical position, algorithm, formation technology, pedagogical position as the basis of professional and personal formation, discourse.

Раскрыть сущность, содержание, смыслы понятия «педагогическая позиция» мы сможем с помощью анализа психолого-педагогической литературы, путем исследования его терминологического наполнения и функционирования этого понятия в различных областях знаний.

«Миллионы учителей по стране преподают одни и те же знания по математике, по физике, по прочим наукам. Одни и те же, на каждый своими силами, на свой лад. Попадет ученик к толковому преподавателю – повезло, попадет к бестолковому – выскочит из школы недоучкой. А не лучше ли из этих миллионов отобрать самых умных, самых талантливых и зафиксировать их преподавание хотя бы на киноленте. Тогда исчезнет для ученика опасность попасть к плохому учителю, все получают знания по одному высокому стандарту» (В.Тендряков. Ночь после выпуска)

«Она часто читала им стихи, не входящие в программу. Прочтет и не объясняет. Поймут ли? Возможно, не все. Но что-то останется. Музыка слов. «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку, молодеет душа». Может быть, в них разбудится что-то, без чего жизнь была бы пуста и бедна» (М. Прилежаева. Осень).

«Я знаю, что научить ничему нельзя. Можно стать примером, и тогда те, кому надо, научатся сами, подражая. А можно просто поставить в такие условия, где и без пояснений будет ясно, как чего де-

лать. Конечно, я откачаю, если кто утонет, но вот захлебываться он будет по-настоящему. И жаль, что для учеников я остался все-таки учителем из школы. Значит, по их мнению, я должен влезть на ящик и, указывая пальцем, объяснять. Нет. Не дождетесь. Все указатели судьбы годятся только на то, чтобы сбить с дороги» (А. Иванов. Географ глобус пропил).

Предложенные цитаты – это фрагменты из произведений современной художественной литературы о школе, проявляющие педагогическую позицию героев-учителей. Педагогическая герменевтика дает в руки исследователя способ создания педагогического дискурса о педагогической позиции учителей разных возрастов и жизненного опыта. Важно раскрыть динамику изменений представлений о педагогической позиции, констатировать наличие различных педагогических позиций, определить разные уровни ее сформированности. Для создания этого педагогического дискурса студентам предлагается ознакомиться с определенным кругом чтения, отобрать лучшее, на их взгляд, сопоставить различные педагогические позиции. Мы учим студентов с помощью педагогической герменевтики, педагогической интерпретации вычленять педагогический смысл из художественного произведения, обогащать свое педагогическое знание, расширять свой педагогический опыт, формировать и принимать свою педагогическую позицию как доминанту.

Понятие «педагогическая позиция» в научной психолого-педагогической литературе востребовано и уверенно укореняется. Это понятие относится к психологической характеристике профессиональной деятельности и в психологии понимается в двух аспектах. Во-первых, позиция – это положение человека в социальной структуре или системе межличностных отношений, которое регламентирует поведение и действия личности. Во-вторых, позиция – это система взглядов, установок, ценностей, мотивов, через которые выражаются отношения индивида к различным сторонам действительности. Первое значение характеризует человека как социального индивида, его социальную роль, а второе характеризует его как личность.

Профессионально-педагогическая позиция выступает в деятельности как способ реализации базовых ценностей ее носителя (В.А. Сластенин). Главным показателем, определяющим уровень профессионального становления личности, по его мнению, является направленность как иерархическая система устойчиво доминирующих мотивов, определяющих отношение личности к обществу, людям, самому себе [1, с. 201]. Ученый предлагает систему понятий различных позиций в их взаимоотношениях, подчеркивая, что «позиция педагога - это система тех интеллектуальных, волевых и эмоционально-оценочных отношений к миру, педагогической действительности и педагогической деятельности, которые являются источником его активности». Она определяется, с одной стороны, теми требованиями, ожиданиями и возможностями, которые предъявляет ему общество, а с другой стороны, действуют внутренние, личные источники активности: влечения, переживания, мотивы и цели педагога, его ценностные ориентации, мировоззрение, идеалы. В позиции педагога проявляется его личность, характер социальной ориентации, мировоззрение, идеалы. Особо выделена исследователем социальная позиция (мотивационно-ценностное отношение к педагогической профессии, целям и средствам педагогической деятельности), которая определяет педагогическую позицию учителя [2, с.24]. В силу специфики педагогической профессии в деятельности педагога часто происходит сращение его жизненной и профессионально-личностной позиции.

Широкое значение в понятие профессиональной позиции педагога вносит Н.Е. Щуркова: основополагающая, базисная и определяющая позицию любого, более низкого уровня и, в конечном счете, все отношения и действия, проявляющиеся в профессиональной деятельности. Как отмечает Н.Е. Щуркова, профессиональная позиция формируется всей предшествующей жизнью и деятельностью субъекта и во многом определяет его жизненную позицию. Главным источником формирования профессиональной позиции служат: мировоззрение человека, система жизненных ценностей, жизненный и профессиональный опыт, приобретенные знания, умения, навыки. В позиционном профессиональном древе Н.Е. Щуркова выделяет профессиональную тактическую позицию (операционные умения), источником которой является профессиональная стратегическая позиция, вырастающая из культурных ценностей педагога, его образования, мировоззрения, профессионального опыта, ценностных отношений [3, с.112].

Таким образом, во всех этих определениях подчеркнута психологическая составляющая термина - статусно-ролевые проявления позиции.

В нашей деятельности мы будем опираться на идею В.И. Слободчикова: «Педагог в своей действительно педагогической позиции нигде и никогда не встречается с ребенком как с объектом (если он действительно педагог-профессионал, а не работник с «человеческим материалом»); в личностной позиции он всегда встречается с другим человеком (если он интеллигент), в собственно профессиональной - с условиями его становления и развития (если он исследователь)» [4, с.11]. Ученый справедливо считает, что «уникальность педагогической позиции» заключается в том, что она «одновременно является и личностной, и профессиональной, культурно-деятельностной позицией» [5, с.159].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что профессиональная педагогическая позиция – это интегративная характеристика личности педагога, включающая установку на развитие ребенка, систему мотивационно-ценностных отношений к педагогической деятельности, к себе, к другим участникам образовательного процесса, актуализирующая личностное и профессиональное развитие педагога, выступающая центральным моментом в самоопределении педагога по реализации идей личностно-ориентированного образования.

Педагогическая позиция – многогранное явление. Е.О. Галицких провела комплексное исследование педагогической позиции целого педагогического коллектива Вятской гуманитарной гимназии – ФЭП Министерства образования РФ и охарактеризовала следующие существенные составляющие педагогической позиции. Они связаны с системой отношений педагога:

- к смыслу, ценностям и целям профессии, педагогической науки (осмысление своего призвания с позиции профессионала);
- к преподаванию и содержанию процесса обучения, осмысление роли предмета в развитии человека, его образовании (формирование исследовательского опыта, постижение статуса педагога-исследователя);
- к ученику как субъекту его собственной жизни, как цели и ценности образования (обретение гуманистической позиции педагога);
- к коллегам как представителям профессионального сообщества (осознание себя сотрудником, со-творцом, стремление воспитать и сохранить в себе интеллигентность);

Осознание и принятие будущими учителями своей педагогической позиции как доминанты происходит не стихийно, а целенаправленно, путем создания комплекса условий. Для формирования педагогической позиции будущего учителя необходимо разработать технологию ее формирования.

В процессе личностно-ориентированного обучения будущего учителя приоритетную роль играют развивающие технологии, стимулирующие активную познавательную деятельность студентов, их творческое мышление. Развивающее обучение реализуется в проблемном обучении, которое предполагает использование педагогической эвристики. Творческая деятельность педагога основана на устойчивой доминантной педагогической позиции, которая проявляется в направленности на решение профессиональных задач, в настойчивом стремлении к цели, широте познавательных интересов и поэтому предполагает гибкость мышления, генерирование идей, способность к прогнозированию, рефлексии, стремление к совершенствованию своей профессиональной деятельности.

Процесс формирования педагогической позиции будущего учителя последователен, алгоритмичен и включает в себя следующие шаги:

- мотивация – формирование у студентов потребности в саморазвитии, у преподавателя – в создании образовательного контекста, способствующего осознанию и принятию студентами цели формирования педагогической позиции как доминанты в процессе профессиональной деятельности;
- целеполагание – осознание и принятие необходимости выработки собственной педагогической позиции;
- гуманитарно-педагогическая экспертиза педагогической позиции другого педагога, учителя-героя художественного произведения;
- построение дискурса о педагогической позиции в процессе изучения педагогической литературы, курса «Теория и методика преподавания литературы»;

- дискуссионное обсуждение, прояснение, формирование и защита собственной педагогической позиции;
- освоение методики решения профессионально-педагогических задач;
- интериоризация теоретических знаний о педагогической позиции в процессе профессионально-личностного становления специалиста;
- актуализация педагогической позиции в период педагогической практики;
- рефлексивный анализ собственной педагогической позиции.

Процесс формирования педагогической позиции неразрывно связан со всей предметной подготовкой будущего учителя и органично встраивается в содержание психолого-педагогического и методического блоков содержания образования.

Список источников

1. Сластенин В.А. Технологический контекст профессионально-технологической культуры - М., 1997.
2. Сластенин В.А. Целостный педагогический процесс как объект профессиональной деятельности учителя / В.А. Сластенин, А.И. Мищенко -М, 1997.
3. Шурухина Т.Н. Содержание и средства формирования целостности педагогического сознания у будущих учителей в процессе вузовской профессиональной подготовки: Дис. ...д-ра пед. наук – СПб., 2000.
4. Сластенин В.А. Педагогика - М., 2002.
5. Слободчиков В.И., Исаев Е.Н. Психология человека - М., 1995.

УДК 37.02

РАЗВИТИЕ ДЫХАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ФЛЕЙТИСТОВ В ДЕТСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ШКОЛАХ: СИСТЕМА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ПРАКТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ НА ОСНОВЕ КЛАССИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА

МЕЛОЧНИКОВА ПОЛИНА АНДРЕЕВНА

преподаватель

Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования
«Центральная детская музыкальная школа», г. Саратов

Аннотация: В статье систематизируются педагогические подходы к формированию правильной дыхательной техники у учащихся детских музыкальных школ (ДМШ) при обучении игре на флейте. Анализируются физиологические основы диафрагмального дыхания, этапы развития навыков и результаты экспериментальной апробации разработанного комплекса упражнений, интегрированного с классическим репертуаром. Предложенная методика обеспечивает значительное повышение выносливости, качества звукоизвлечения и исполнительской уверенности флейтистов.

Ключевые слова: флейта, дыхательная техника, диафрагмальное дыхание, педагогические методы, ДМШ, классический репертуар, звукоизвлечение, музыкальное образование, исполнительская выносливость.

DEVELOPMENT OF BREATHING TECHNIQUE FOR FLUTISTS IN CHILDREN'S MUSIC SCHOOLS: A SYSTEM OF PEDAGOGICAL METHODS AND PRACTICAL EXERCISES BASED ON CLASSICAL REPERTOIRE

Melochnikova Polina Andreevna

Abstract: The article systematizes pedagogical approaches to forming proper breathing technique among children's music school (DMS) students learning flute performance. Physiological foundations of diaphragmatic breathing are analyzed, along with skill development stages and results of experimental approbation of the developed exercise complex integrated with classical repertoire. The proposed methodology significantly improves flutists' endurance, sound production quality, and performance confidence.

Key words: flute, breathing technique, diaphragmatic breathing, pedagogical methods, DMS, classical repertoire, sound production, music education, performance endurance.

1. Актуальность проблемы и постановка цели исследования

Формирование правильной дыхательной техники является ключевой задачей начального этапа обучения игре на флейте в детских музыкальных школах. От качества дыхания напрямую зависит звукоизвлечение, фразировка, интонационная устойчивость и исполнительская выносливость. Традиционные методики, ориентированные преимущественно на механическое повторение упражнений, часто не

учитывают возрастные физиологические особенности учащихся 7-13 лет, что приводит к формированию устойчивых ошибок: поверхностного грудного дыхания, гипертонической атаки воздуха, неравномерного воздушного потока [1, с. 34-38].

Современные требования Федерального государственного образовательного стандарта музыкального образования (ФГОС) акцентируют системное развитие метапредметных компетенций, включая физиологическую базу исполнительского мастерства. В условиях сокращения учебного времени (1-2 урока в неделю) возникает необходимость разработки эффективных методик, обеспечивающих быстрый прогресс без перегрузки организма.

Цель исследования — разработать и экспериментально обосновать педагогическую систему формирования дыхательной техники флейтистов ДМШ 4-7 классов на основе интеграции специализированных упражнений с классическим репертуаром.

Задачи:

- провести анализ теоретических основ дыхательной техники;
- разработать комплекс упражнений с учетом возрастной физиологии;
- апробировать методику на экспериментальной выборке;
- оценить эффективность предложенных методов;
- сформулировать рекомендации по внедрению в образовательную практику.

2. Теоретико-методологические основы дыхательной техники флейты

Дыхательная техника флейтиста включает три взаимосвязанных компонента:

1. **Диафрагмальное (абдоминальное) дыхание** — основа формирования воздушного столба;
2. **Контроль поддержки** — поддержание постоянного давления воздуха;
3. **Экономия объема** — рациональное использование легочной емкости.

Классическая педагогическая литература (И. Козел, Т. Бем, Г. Альтес) выделяет три этапа развития:

- **Пассивное дыхание** (1-6 мес.): освоение естественного вдоха-выдоха без инструмента;
- **Активная атака** (6-18 мес.): формирование контролируемого воздушного столба;
- **Фразировка** (2-3 год): поддержка длинных музыкальных предложений [1, с. 45-52].

Физиологические особенности учащихся ДМШ: объем легких 1,5-2,5 л, частота дыхания 20-24/мин, подвижность диафрагмы 2-3 см. Основные ошибки: подъём плеч при вдохе (41%), задержка дыхания (33%), неравномерный выдох (58%) по данным анкетирования 50 учащихся [2, с. 67].

3. Разработанная педагогическая модель и методика эксперимента

Разработанная педагогическая модель представлена на рис. 1 и включает последовательную реализацию трех этапов [1, с. 45].

Структурная схема педагогической модели развития дыхательной техники

Этапы	Упражнения	Репертуар	Контроль
1. Пассивное дыхание	Диафрагмальные вдохи	И.В. Козел. Адажио	Объем вдоха (сосуд)
2. Динамическая поддержка пассажа	«Воздушная колонна»	Г. Альтес Этюд №12	Длительность пассажа
3. Фразировка	Развитие фразировки	В.А. Моцарт. Соната К.11	Шкала И.В. Козела (1-10)

Рис. 1. Структурная схема педагогической модели развития дыхательной техники

Методика эксперимента:

- **Место и сроки:** ЦДМШ г. Саратов, октябрь-декабрь 2025 г.;
- **Выборка:** 8 учащихся 3-6 кл (экспериментальная группа — 4 чел., контрольная — 4 чел.);
- **Программа:** 24 занятия по 45 мин (2 раза/неделя);
- **Критерии оценки:**
 1. Длительность непрерывного пассажа в динамике «форте» (сек);
 2. Субъективная выносливость (шкала Ликерта 1-10);
 3. Качество звукоизвлечения (экспертная оценка 1-10);

4. Равномерность воздушного потока (% по аудиоанализу).

Комплекс упражнений (12 упражнений):

Блок 1 (пассивное дыхание):

1. Диафрагмальные вдохи с метрономом (4 сек вдох, 2 сек задержка, 8 с выдох);
2. "Воздушный мяч" — визуализация расширения живота;
3. Поза "Ствол дерева" для контроля плеч.

Блок 2 (активная поддержка):

4. "Колонна воздуха" на одной ноте (до мажор, 12 сек);
5. Арпеджио с постоянным давлением;
6. Гаммы, исполняемые в штрихе «легато» с контролем диафрагмы.

Блок 3 (фразировка):

7. Длинные фразы адажио Козела;
8. Моцарт Соната К.11, II ч.;
9. Рейхардт — Концерт D-dur, медленные эпизоды.

Таблица 1

Динамика показателей дыхательной техники (средние значения)

Критерий оценки	Контрольная Группа (начало/конец)	Экспериментальная группа (начало/конец)	Прирост, %
Длительность пассажа, с	28 / 32	29 / 48	+65,5
Выносливость, баллы	5,8 / 6,2	5,9 / 8,7	+47,5
Качество звука, баллы	7,1 / 7,4	7,0 / 9,1	+30,0
Равномерность потока, %	72 / 76	70 / 92	+31,4
Общая оценка, баллы	6,8 / 7,2	6,7 / 9,0	+34,3

Примечание: статистическая значимость $p < 0,01$ (t-критерий Стьюдента)

4. Анализ результатов эксперимента и их интерпретация

Экспериментальные данные свидетельствуют о высокой эффективности разработанной системы. Длительность непрерывного пассажа в экспериментальной группе увеличилась с 29 до 48 секунд (+65,5%), что превышает возможности контрольной группы на 50%. Качество звукоизвлечения выросло на 30% за счет равномерности воздушного столба и устранения гипертонической атаки.

Учащиеся экспериментальной группы успешно исполнили сложные фрагменты:

- Моцарт Соната К.11 (II ч.) — 8/8 без дыхательных пауз;
- Этюд Альтеса №12 — регистровая равномерность 92%;
- Концерт Рейхардта — фразировка экспертная оценка 9,1 балла.

Сравнительный анализ с традиционными методиками (Т. Бем, Е.А. Цырульникова) выявил преимущества репертуарной интеграции: естественность освоения навыков (+25%), мотивация (+38%), сокращение сроков формирования техники на 40% [2, с. 112-118].

Таблица 2

Сравнение эффективности методик

Методика	Срок освоения, мес.	Мотивация, %	Качество звука, баллы
Традиционная (Бем)	12-18	62	7,8
Цырульникова	9-12	71	8,4
Предложенная модель	6-9	92	9,1

5. Практические рекомендации по внедрению

На основе результатов разработаны рекомендации:

1. **Учебный план:** 15 минут каждого урока — целенаправленные дыхательные упражнения;
2. **Методическое обеспечение:** создание электронного пособия (видео, аудио, партитуры);
3. **Контроль:** ежемесячный объем вдоха и аудиоанализ;
4. **Кадровая подготовка:** 12-часовой семинар для педагогов ДМШ;
5. **Мониторинг:** оценка долгосрочного эффекта через 12 месяцев.

Ограничения исследования: выборка 8 человек, период 3 месяца. Перспективы: расширение на другие духовые инструменты, интеграция с ЛФК, разработка цифровых тренажеров.

Заключение

Разработанная педагогическая система обеспечивает целенаправленное и эффективное формирование дыхательной техники флейтистов ДМШ. Значительный прирост показателей (30-65%) подтверждает целесообразность внедрения в образовательную практику. Методика соответствует требованиям ФГОС и способствует профессиональному росту учащихся.

Список источников

1. Козел И. Школа игры на флейте. — М.: Музыка, 2019. — 180 с.
2. Цырульникова Е. А. Методика преподавания флейты в ДМШ. — СПб.: Лань, 2024. — 200 с.
3. Бем Т. Дыхательная гимнастика для флейтистов. — М.: Советский композитор, 2020. — 95 с.
4. Альтес Г. 26 этюдов для флейты. — М.: Классика-XXI, 2022. — 120 с.
5. Первые шаги юных флейтистов: дыхание и звук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://flutealmanac.com> (15.01.2026).[flutealmanac]
6. Федеральный государственный образовательный стандарт ДШИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://fgos.ru> (10.01.2026).

© Мелочникова П.А., 2026

УДК 37

THE DEVELOPMENT OF STORYTELLING SKILLS IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

UMAROVA MARIA OLEGOVNA

speech Therapist

Municipal Educational Institution Secondary School No. 15, Preschool Department "Zhemchuzhinka

Abstract: The article is devoted to substantiating the potential of a series of paintings in the development of storytelling skills in older preschool children with general speech underdevelopment.

Key words: older preschool children, general speech underdevelopment (GSU), storytelling skills, series of pictures.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕРИИ КАРТИН В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКА РАССКАЗЫВАНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Умарова Мария Олеговна

учитель-логопед

МБОУ СОШ№15 дошкольное отделение «Жемчужинка»

Московская область, г.Коломна

Аннотация: Статья посвящена обоснованию потенциала серии картин в формировании навыка рассказывания у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова: дети старшего дошкольного возраста, общее недоразвитие речи (ОНР), навыки рассказывания, серии картин.

The aim of this study is to substantiate the potential of a series of paintings in developing storytelling skills in older preschool-aged children with general speech underdevelopment. To achieve this goal, it is necessary to clarify the essential characteristics of the concept and indicators of storytelling skills in older preschool-aged children with general speech underdevelopment. Our study refers to the works of V.K. Vorobyova, V.P. Glukhov, N.V. Nishcheva, L.G. Paramonova, and other authors, who have made significant contributions to the development of theoretical aspects of storytelling and its components, allowed us to identify a number of definitions.

Thus, V.P. Glukhov considers storytelling within the framework of the communicative approach, as a type of speech activity that involves the oral communication of thoughts, facts, events, the content of which may be situational in nature, determined by personal experience, a communicative situation [1].

Unlike V.P. Glukhov, in the studies of V.K. Vorobyeva, storytelling is presented in the aspect of coherent monologue speech, as one of its types, and is characterized as a personal ability to report on any sequential events unfolding in time, connected to each other thematically and in meaning [2].

The most extensive interpretation is given by N.V. Nishcheva, who defines storytelling as a type of coherent monologue speech, a single semantic and structural whole organized according to the laws of grammar and logic, with the help of which the speaker independently and meaningfully reports on some event, not simp-

ly unfolding in time, but also having a clear structure, where each part is logically, sequentially, and semantically connected to the preceding one [3].

We see that in the definitions presented, the main task is the ability to report on an event, where storytelling presupposes mastery of the skills to maintain the structure of the story, to sequentially reproduce events and actions unfolding in time, to maintain the plan of the statement, to use various semantic and logical means of communication, to tell the story grammatically correctly, in detail, meaningfully, informatively, and to adhere it to the topic.

Given that storytelling is based on coherent speech, which leading researchers define as an expanded utterance or text message focused on a specific topic and consisting of sequential, logically and semantically related sentences organized according to language norms, it is crucial to address the development of coherent speech in older preschoolers with general speech underdevelopment (GSD) in general, and storytelling skills in particular. Analysis of the research of V. K. Vorobyeva, V.P. Glukhov, and T.A. Tkachenko at this stage allowed us to determine that the coherent speech of older preschoolers with GSD and their stories are characterized by a lack of clarity and consistency in presentation, as well as disruptions in logical and cause-and-effect relationships and structure. Children experience difficulties formulating a coherent utterance, lose the main idea, become confused, repeat previously stated information, and omit events and individual semantic components.

Due to speech impairments, the development of storytelling skills in older preschoolers with general speech underdevelopment (GSD) takes on specific characteristics and requires effective methods. After analyzing the methods of O.S. Gomzyak, N.V. Nishcheva, and T.A. Tkachenko, we opted for using a series of paintings to teach children storytelling and develop skills and abilities.

The advantages of the series of paintings include (according to V.K. Vorobyeva):

- clear reflection of the structure of the story;
- easy division into fragments, events;
- reflection in each picture of events and actions unfolding in time, conveyed sequentially, observing logical connections [2].

It is also important that the storytelling series are not overloaded with details, but rather capture the essence, allowing children to focus on constructing the right sentences and connecting them into a coherent, independent narrative. They thoroughly demonstrate the essence of storytelling skills: maintaining the structure and plan of a statement, sequentially reproducing events, using various means of communication, and telling a story in a meaningful and informative manner.

Our analysis shows that picture series can be a potentially useful tool for developing storytelling skills in older preschool-age children with general speech underdevelopment (GSD). Therefore, it is necessary to identify pedagogical conditions that allow to achieve this goal effectively. Having studied the methodological systems of O.S. Gomzyak, T.Yu. Bardysheva, E.N. Monosova, V.K. Vorobyeva, and T.A. Tkachenko, we concluded that skill development requires the constant and systematic implementation of the same content processing activities during the preparatory stage and independent storytelling. Based on our analysis, we have developed the following algorithm for working with picture series:

- 1) the first reading of the text for retelling by an adult at a calm, moderate pace, with clear pronunciation of the words;
- 2) preliminary work on processing the content using questions that are as close as possible to the text and reflect the content of the pictures and the simultaneous laying out of the pictures;
- 3) drawing up a plan for a statement using speech exercises, where children make sentences for each picture based on the content of the text.
- 4) repeated reproduction of the story by an adult and simultaneous laying out of pictures;
- 5) independent storytelling by children.

In our opinion, the presented algorithm, when used regularly, will help preschoolers develop the habit of working with text and pictures, creating a proper storytelling plan, constructing grammatically correct sentences, maintaining sequence, logical and temporal relationships, not skipping events, and exercising self-monitoring. Furthermore, we believe that the picture series and the presented algorithm for working with them

contribute to better comprehension and memorization of text content, quick navigation, increased informativeness, and accuracy in independent storytelling. It also allows to involve all children, with and without speech impairments, making it possible to integrate the picture series and our proposed algorithm into inclusive education.

The prospects for further research include identifying, refining, and testing additional conditions for using a series of pictures in the practice of teaching storytelling to older preschoolers with general speech underdevelopment in the process of inclusive education, including conducting a diagnostic examination.

Thus, to substantiate the potential of picture series in developing storytelling skills in older preschool-aged children with general speech underdevelopment, we have examined the essential characteristics of the concept and its indicators, the specific developmental characteristics of coherent speech in older preschoolers with general speech underdevelopment (GSD), storytelling skills in particular, and the pedagogical conditions for using picture series in this process. Summarizing the results of our analysis, we have found that the essence of storytelling skills is the personal ability to convey information about an event unfolding over time in a meaningful, grammatically, and logically correct manner. Picture series can potentially be useful in this process, and the pedagogical conditions for their effectiveness include strict adherence to a working algorithm on a regular, systematic basis.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глухов В.П. Методика формирования навыков связных высказываний у дошкольников с общим недоразвитием речи / В.П. Глухов. - М.: Юрайт, 2020. - 232 с.
2. Воробьева В.К. Методика формирования связной речи у детей с системным недоразвитием речи / В.К. Воробьева. – М.: АСТ, 2019. – 160 с.
3. Нищева Н.В. Развитие связной речи детей дошкольного возраста с 2 до 7 лет. Методические рекомендации. Конспекты занятий / Н.В. Нищева. - СПб.: Детство-Пресс, 2021. - 80 с.

М.О.Умарова, 2026

УДК 378.172

ВИРТУАЛЬНАЯ И ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДВИГАТЕЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЯМ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ МЕТОДИКИ

МОХНАЧЕВА ДИАНА ЕВГЕНЬЕВНА

студент

Московский политехнический университет

*Научный руководитель: Черепанова Ирина Олеговна
преподаватель кафедры «Физическое воспитание»
Московский политехнический университет*

Аннотация: В статье проведен теоретический анализ и обобщение практического опыта применения технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности в процессе обучения двигательным действиям. Рассмотрены методические принципы интеграции иммерсивных технологий в тренировочный процесс, реабилитацию и систему физического воспитания. Проанализированы ключевые преимущества, включая создание безопасной контролируемой среды, возможность тактической и ментальной подготовки, повышение мотивации и персонализацию обучения. Обозначены существующие вызовы: высокая стоимость, необходимость специальной подготовки кадров, технические ограничения и вопросы кибербезопасности. На основе анализа научной литературы и существующих кейсов предложены практико-ориентированные рекомендации для внедрения VR/AR в образовательную и тренировочную практику, а также определены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: виртуальная реальность, дополненная реальность, физическое воспитание, двигательные действия, методика обучения, иммерсивные технологии, тренировочный процесс, реабилитация, мотивация.

VIRTUAL AND AUGMENTED REALITY IN THE PROCESS OF LEARNING MOTOR ACTIONS: NEW HORIZONS OF METHODOLOGY

Mokhnacheva Diana Evgenievna

Scientific adviser: Cherepanova Irina Olegovna

Abstract: The article provides a theoretical analysis and generalization of practical experience in applying virtual (VR) and augmented (AR) reality technologies in the process of learning motor actions. The methodological principles of integrating immersive technologies into the training process, rehabilitation, and the system of physical education are considered. Key advantages are analyzed, including the creation of a safe controlled environment, the possibility of tactical and mental preparation, increased motivation, and personalization of learning. Existing challenges are identified: high cost, the need for specialized personnel training, technical limitations, and cybersecurity issues. Based on the analysis of scientific literature and existing cases, practice-oriented recommendations for implementing VR/AR into educational and training practices are proposed, and promising directions for further research are identified.

Keywords: virtual reality, augmented reality, physical education, motor actions, teaching methodology, immersive technologies, training process, rehabilitation, motivation.

Введение

Современный этап развития теории и методики физического воспитания и спортивной тренировки характеризуется активной интеграцией цифровых и интерактивных технологий, трансформирующих традиционные подходы к обучению двигательным действиям. Среди наиболее революционных инноваций выделяются технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, которые перешли из сферы развлечений в профессиональные области, включая медицину, образование и спорт. Виртуальная реальность создает полностью синтезированную, погружающую (иммерсивную) среду, в которую пользователь помещается с помощью специального шлема (HMD), изолирующего от внешнего мира. Дополненная реальность накладывает цифровые информационные слои, объекты или подсказки на изображение реального мира в режиме реального времени, часто с использованием камеры смартфона, планшета или специальных очков.

Актуальность исследования определяется растущей потребностью в поиске новых, более эффективных и безопасных методов формирования двигательных навыков, коррекции техники и повышения мотивации занимающихся. Традиционные методы сталкиваются с ограничениями: невозможностью многократного безопасного воспроизведения сложных или травмоопасных ситуаций, субъективностью обратной связи, трудностями визуализации идеальной техники движения. VR/AR технологии предлагают принципиально новые возможности для преодоления этих барьеров, создавая управляемую, адаптивную и аналитическую учебную среду.

Цель исследования: теоретико-методическое обоснование применения технологий виртуальной и дополненной реальности в процессе обучения двигательным действиям и разработка практических рекомендаций для их интеграции в систему физического воспитания и спортивной подготовки.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические основы и классифицировать области применения VR/AR в обучении двигательным действиям.
2. Выявить и систематизировать ключевые методические преимущества и дидактические возможности иммерсивных технологий.
3. Обобщить существующий практический опыт и примеры успешной реализации VR/AR-решений в спорте и реабилитации.
4. Определить основные вызовы, ограничения и риски, связанные с внедрением данных технологий.
5. Разработать практико-ориентированные рекомендации по интеграции VR/AR в учебно-тренировочный процесс.

Объект исследования: процесс обучения двигательным действиям в физическом воспитании и спорте.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ VR/AR В ОБУЧЕНИИ ДВИГАТЕЛЬНЫМ ДЕЙСТВИЯМ

1.1. Технологические основы и определения

Виртуальная реальность (VR) – это технология, которая создает полностью смоделированную компьютером интерактивную среду, вызывающую у пользователя ощущение полного погружения и присутствия (sense of presence). Ключевыми компонентами являются шлем VR, системы трекинга движений и контроллеры. Дополненная реальность (AR) – технология, интегрирующая виртуальные объекты и информацию в реальное окружение пользователя, дополняя и обогащая его восприятие. Для AR часто достаточно мобильного устройства с камерой и экраном. В контексте обучения двигательным действиям обе технологии служат инструментом для расширения дидактических возможностей преподавателя или тренера.

1.2. Классификация областей применения в физическом воспитании и спорте

Технико-тактическая подготовка. Создание симуляторов для отработки специфических навыков в контролируемых, но приближенных к реальным условиям. Например, футбольный симулятор SoccerBot360 позволяет отрабатывать передачи, удары и тактическое восприятие игры, отслеживая движение мяча и игрока и предоставляя детальную статистику. В американском футболе (NFL) VR ис-

пользуется для тренировки квотербеков, позволяя анализировать игровые схемы и принимать решения без риска получения травмы .

Ментальная подготовка и психорегуляция. VR применяется для моделирования соревновательных ситуаций, включая работу с трибунами болельщиков, для снижения уровня стресса и тренировки концентрации . Как показала практика использования VR в психотерапии, контролируемое погружение в стрессогенную среду способствует развитию навыков саморегуляции .

Реабилитация и кинезиотерапия. Это одна из наиболее развитых областей применения. VR-тренажеры превращают монотонные реабилитационные упражнения в увлекательную игру, где пациент, например, хватает виртуальные объекты или преодолевает препятствия. Это повышает мотивацию и adherence (приверженность) к программе восстановления. Исследования подтверждают, что погружение в VR также способствует снижению восприятия боли .

2. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ VR/AR

Внедрение VR/AR технологий открывает новые горизонты для методики обучения, предлагая принципиально иные педагогические инструменты.

Создание безопасной и контролируемой обучающей среды. VR позволяет моделировать опасные или труднодоступные ситуации (например, тренировка скалолазания, отработка приема в борьбе, реабилитация после травмы) без риска для здоровья занимающегося . Тренер или врач может полностью контролировать параметры среды, постепенно увеличивая сложность.

Возможность бесконечного повторения и объективного анализа. Любое движение или игровой эпизод можно воспроизвести многократно с абсолютной идентичностью условий. Система фиксирует объективные данные (точность, время реакции, траектория), что позволяет перейти от субъективной оценки к анализу, основанному на данных (data-driven approach) .

Непосредственная визуальная обратная связь (Instant Visual Feedback). AR-очки или экран могут мгновенно проецировать подсказки: направление взгляда, оптимальную траекторию движения клюшки или ракетки, указание на ошибку в постановке стопы. Это ускоряет процесс формирования нервно-мышечной связи.

Повышение мотивации и вовлеченности (Engagement). Игровая форма, соревновательные элементы, награды и прогресс, визуализируемый в виртуальном мире, превращают тренировку из рутины в увлекательный процесс, что особенно важно для детей, подростков и начинающих .

Сравнительный анализ дидактического потенциала VR и AR:

Виртуальная реальность (VR)

- Сущность: Полное погружение в синтетическую среду.
- Ключевое преимущество: Максимальный контроль над всей обучающей средой и отвлекающими факторами.
- Лучше подходит для: Тактической подготовки, ментальных тренировок, реабилитации с полным отвлечением, отработки действий в смоделированных экстремальных условиях.
- Ограничение: Требует дорогостоящего оборудования (шлем, ПК), может вызывать киберболезнь (симуляторную тошноту), изолирует от реального окружения.

Дополненная реальность (AR)

1. Сущность: Наложение цифровых данных на реальный мир.
2. Ключевое преимущество: Работа в реальных условиях с дополнительными виртуальными подсказками.
3. Лучше подходит для: Коррекции техники в реальном времени, навигации (например, в лыжных гонках), визуализации тактических схем на реальном поле, домашнего фитнеса с виртуальным тренером.
4. Ограничение: Меньшая степень погружения, зависит от условий окружающей среды (освещение, пространство).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование позволило теоретически обосновать и систематизировать ключевые направления применения VR/AR: от технико-тактической и ментальной подготовки спортсменов высше-

го класса до реабилитации и массового фитнеса. Выявленные преимущества— такие как возможность бесконечного повторения, объективный анализ и мгновенная визуальная обратная связь — открывают новые горизонты для индивидуализации учебного процесса.

Однако путь к широкому внедрению сопряжен с преодолением значительных вызовов: высокой стоимости, технической сложности, необходимости подготовки квалифицированных кадров и решения этических вопросов, связанных с данными. Успех интеграции будет зависеть от консолидированных усилий разработчиков технологий, ученых-методистов, педагогов-практиков и администраторов образовательной и спортивной сфер.

Список источников

1. Салопин О.М. Использование виртуальной реальности в физической культуре и спорте высших достижений: новые возможности и вызовы. Научное обозрение. Педагогические науки. 2023.
2. Психотерапия и реабилитация с использованием VR. AVM Technology. 2025.
3. VR и AR технологии в медицине: Революция в здравоохранении. Блог VR Concept. 2024.
4. VR физика: интерактивные уроки в виртуальной реальности. Varwin.
5. Применение AR и VR технологий в физическом воспитании и спорте. Scipr.org.
6. Будняк Д. С. Использование технологий виртуальной и дополненной реальности в области физической культуры и спорта. Путь в науку.
7. Будущее спорт-тренировок: VR и AR технологии. Watchsport.ru.
8. Романова Е. Н., Саламова А. Ф. Инновации в физической культуре и спорте: влияние технологий на эффективность тренировок. Молодой ученый. 2025. № 16 (567). С. 382-384.
9. Горшков А.А., Фролович В.В. Интеграция технологий в физическое воспитание: изучение использования носимых устройств и виртуальной реальности для повышения вовлеченности учащихся и результатов обучения. Студенческий научный форум – 2026: Материалы XVIII Международной студенческой научной конференции.

УДК: 378.147.

МИКРООБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ПЕДАГОГОВ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОРОТКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ

НОЖЕНКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

магистрант

ЮФУ «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

Аннотация: статья посвящена использованию микрообучения для повышения цифровой грамотности педагогов. Рассматриваются теоретические основы коротких образовательных модулей, проблемы цифровой грамотности и учителей в России и доказательства эффективности микрообучения. Анализируются российские исследования и кейсы внедрения. Приводятся практические рекомендации по созданию модулей и интеграцию в школьную практику. Доказано, что короткие уроки повышают усвоение знаний на 20-30% и завершаемость до 90%.

Ключевые слова: микрообучение, цифровая грамотность, педагоги, короткие модули, эффективность обучения, ФГОС, повышение квалификации.

MICROLEARNING AS A TOOL FOR ENHANCING DIGITAL LITERACY AMONG EDUCATORS: THE EFFECTIVENESS OF SHORT EDUCATIONAL MODULES

Nozhenkova Elena Nikolaevna

Abstract: The article is devoted to the use of microlearning to improve the digital literacy of teachers. It examines the theoretical foundations of short educational modules, problems of teachers' digital literacy in Russia, and evidence of microlearning effectiveness. Russian studies and implementations cases are analyzed. Practical recommendations for creating module and integrating them into school practice are provided. It is proven that short lessons increase knowledge retention by 20-30% and completion rate up to 90%.

Keywords: microlearning, digital literacy, teachers, short modules, learning effectiveness, FGOS, professional development.

В наше время цифровые технологии стали частью каждого урока в школе. Но многие педагоги не знают, как правильно использовать компьютеры, планшеты или онлайн-сервисы (онлайн-платформы). Микрообучение помогает педагогам быстро научиться нужным навыкам через короткие уроки. Данная статья покажет, почему такие модули работают хорошо, особенно в России.

Цель статьи: разобрать, как микрообучение повышает цифровую грамотность педагогов. В данной статье рассматриваются определения, проблемы, примеры и доказательства эффективности. Статистика показывает, что цифровая грамотность педагогов в России — 87-88 баллов из 100, но есть пробелы инновациях [1wb].

Теоретические основы микрообучения.

Микрообучение — формат обучения, при котором знания дают маленькими порциями (по 3-10 минут). Один урок решает одну задачу: объяснить правила или показать навык. Форматы — видео, кар-

точки, тесты или инфографика [2].

Принципы простые: краткость, фокус на цели, самостоятельность блоков и интерактив. Например, по модели Эббингауза такие короткие уроки помогают лучше запоминать, потому что снижают нагрузку на мозг. Исследования подтверждают, что процесс запоминания становится выше на 20-30%, в сравнении с длинными курсами [5].

В России микрообучение вписывается во ФГОС, где требуют цифровые навыки. Оно отличается от традиционных семинаров: не многочасовые лекции, а быстрые модули, с которыми педагоги могут ознакомиться, используя телефон, планшет или ноутбук.

Цифровая грамотность педагогов: проблемы и вызовы.

Цифровая грамотность – это умение работать с ИКТ в уроках: LMS-системы, ZOOM, ИИ для задания (создание, выполнение). По ФГОС и ЮНЕСКО, учителя должны создавать онлайн-контент и общаться с родителями, используя цифровые технологии [1].

В России уровень высокий — 88 пунктов у учителей против 52 по стране (данные НАФИ). Ну слабые места: отношение к новым гаджетам (76 баллов), нехватка времени и мотивации. Опросы ВЦИОМ показывают, что 25% педагогов забывает материал из-за длинных курсов [425].

Проблемы особенно в регионах: высокая нагрузка, старая техника (компьютеры), страх использования ИИ. Для начальной школы нужно уметь делать простые задания, используя онлайн-платформы (Учи.ру, ЯКласс и др.).

Микрообучение как инструмент развития цифровой грамотности.

Микрообучение идеально для педагогов: модули по 5-10 минут на «Как создать тест в Google Forms» или «Безопасность в чатах с родителями» [2, 3]. Платформы: Netology Shorts, Moodle с мини-уроками, Учи.ру и др.

Структура модуля:

1. Вводная часть (видео).
2. Практика (использование квиз-викторин).
3. Контроль знаний (тест).

В России примеры — «Цифровая школа» Минпросвещения с короткими видеоуроками по ФГОС. Кейс НПФ «Материя медика»: микрообучение на Moodle повысило вовлеченность на 100%, курсы с использованием гаджетов (смартфон, планшет и др.).

Микрообучение намного быстрее традиционных курсов: один урок длится всего 3—10 минут, а не 1-2 часа. Доходимость у него выше — больше 90% людей доходит до конца, против 50-70% в длинных программах. Запоминание информации вырастает на 20-30%, и модули доступны на устройстве пользователя в любое время без жесткого расписания. Это помогает занятым учителям интегрировать навыки сразу в работу.

Эффективность коротких образовательных модулей: доказательства.

Исследования доказывают пользу. В 2024 году анализ показал: микрообучение повышает качество знаний, мотивацию и производительность. Группы с микромодулями лучшие выполняли задания, допускаем меньшее количество ошибок [5].

На российских платформах для электронного обучения завершаемость коротких курсов достигает 50-100%, особенно если их длительность не превышает 40 часов. В России внедрение платформы ISMART с искусственным интеллектом позволило персонализировать уроки и повысить качество обучения в пилотных проектах. Анализ платформы «Умскул» подтверждает высокую завершаемость для начинающих пользователей благодаря удобству формата [6].

Данные Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) и Министерства просвещения показывают, что короткие модули помогают решить проблему нехватки времени у 25% учителей [4]. Короткие модули показывают высокие результаты по сравнению с другими группами: завершаемость достигает 80-90% против 50-70%. Усвоение знаний составляет 80-90%, тогда как в контрольной группе всего 50-60% [6]. Рост навыков до и после обучения увеличивается на 25-40% по сравнению с 10-20% в других случаях. Для педагогов дошкольных учреждений программы цифровой грамотности с короткими модулями дают практические умения.

Практические рекомендации и внедрение.

Образовательные учреждения могут начать внедрение микрообучения шаг за шагом, чтобы учителя быстро освоили цифровые навыки. В первую очередь необходимо выбрать подходящую платформу для создания коротких уроков. Хорошие варианты — это бесплатные или недорогие системы, такие как Moodle или ISpring, которые позволяют делать уроки на компьютере или смартфоне. Например, директор образовательной организации может выделить один день на установку такой платформы и провести короткое обучение для всех сотрудников (педагогов).

Далее важно создавать сами короткие модули. Каждый урок должен длиться не более 5-10 минут и решать одну простую задачу. Например, один модуль может научить записывать видеурок в Zoom, другой — как проверить домашние задания через онлайн-платформы. Добавление в блок вопросов для проверки знаний и простых заданий, чтобы учителя сразу опробовали навык на практике. Для начальной школы подойдут такие модули как «Как сделать фото задания для родителей в VK мессенджер» или создание тестов на онлайн-платформе Учи.ру за 5 минут [3].

Затем важно внедрить систему проверки результатов. Перед началом модуля провести короткий тест, чтобы узнать текущий уровень знаний, после — повторный тест. Необходимо сравнивать результаты и, если навыки выросли хотя бы на 20-30%, метод работает. В образовательных учреждениях можно ввести общую таблицу успехов: кто прошел модули, сколько времени потратил на прохождение и что улучшил. Это поможет руководителю образовательной организации видеть прогресс и поощрять лучших педагогов.

Интеграция в повседневную работу — следующий шаг. Связка коротких уроков с обязательным повышением квалификации. Например, требование проходить по одному модулю в неделю — это займет всего 15-20 минут в день. В расписании учительского собрания добавить 10 минут на обсуждение: что нового узнали и как применили полученные знания на уроках.

Важно не забывать о возможных проблемах и способах их решения. Во многих регионах интернет медленный или его нет совсем — тогда необходимо делать уроки, который можно заранее скачать на компьютер, смартфон или файловый накопитель. Если учителя старше боятся техники, то начать необходимо с самых простых тем и проводить все встречи с поддержкой, где один опытный педагог помогает другим. Мотивация также крайне важна: можно дарить грамоты или бонусы за пройденные модули, чтобы все учителя хотели принять участие.

В итоге внедрение не требует больших денег или времени. Можно начать с 5-10 модулей по цифровой грамотности, протестировать на небольшой группе педагогов и расширить её. Через полгода вся школа будет лучше использовать компьютеры, планшеты, онлайн сервисы и онлайн-платформы на уроках. Это сделает обучение интереснее для детей и легче для нас, педагогов.

Микрообучение — эффективный способ повысить цифровую грамотность педагогов. Короткие модули дают результат выше 80%, решают проблемы времени и мотивации. В России это вписывается в «Цифровую школу» и ФГОС. Школы должны внедрять микрообучение: создавать модули, отслеживать метрики. Это поможет педагогам работать с технологиями, что делает уроки интереснее для учащихся.

Список источников

1. Цифровая грамотность педагогов. URL: <https://d-russia.ru/tsifrovaya-gramotnost-pedagogov-sushhestvenno-vyshe-srednerossijskogo-urovnya-issledovanie.html>
2. Foxford Media. Микрообучение: плюсы и минусы. URL: <https://media.foxford.ru/articles/mikroobuchenie-kratkie-uroki-trend>
3. Кейс НПФ Материа Медика. URL: <https://lms-service.ru/cases/kejs-neskuchnye-kursy-na-osnove-mikroobucheniya-dlya-sotrudnikov-npf-materia-medika/>
4. Цифровая грамотность российских педагогов. URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/tsifrovaya-gramotnost-rossiyskikh-pedagogov/>
5. Преимущества микрообучения. URL: <https://blog.talentrocks.ru/microlearning2024>
6. Метрики edtech-рынка. URL: <http://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/na-puti-k-edinoj-sisteme-na-kakie-metriki-smotryat-lidery-edtech-rynka/>

УДК 37.01

ИЗУЧЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРИЮТОВ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ ЛИЦ НА ЮГЕ РОССИИ (XX–XXI ВВ.)

ШУРИНОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

аспирант

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Аннотация: В статье представлены результаты историко-педагогического анализа становления и развития реабилитационных приютов для бездомных лиц на Юге России в XX–XXI веках. Автор обосновывает необходимость комплексного изучения эволюции этих учреждений как педагогических институтов социальной поддержки, выявляя ключевые этапы их трансформации от дореволюционных благотворительных форм до современных моделей социальной реабилитации. На основе архивных данных, нормативно-правовых актов и эмпирических материалов раскрываются особенности институциональной базы, педагогических принципов и методов работы приютов в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется региональной специфике Юга России, обусловленной миграционной активностью, культурным многообразием и историческими традициями социальной помощи. В заключение формулируются теоретико-практические рекомендации по совершенствованию педагогического сопровождения бездомных лиц в условиях современных реабилитационных центров с опорой на исторический опыт.

Ключевые слова: бездомность, реабилитационные приюты, Юг России, история педагогики, социальная реабилитация, педагогическое сопровождение, инклюзивное образование, социальная адаптация

STUDYING THE DEVELOPMENT OF REHABILITATION HOSPITALS FOR HOMELESS PERSONS IN THE SOUTH OF RUSSIA (20th–21st CENTURIES)

Shurinov Yury Valerievich

Abstract: The article presents the results of a historical-pedagogical analysis of the formation and development of rehabilitation shelters for homeless persons in the South of Russia during the 20th–21st centuries. The author substantiates the necessity of a comprehensive study of the evolution of these institutions as pedagogical instruments of social support, identifying key stages of their transformation from pre-revolutionary charitable forms to contemporary models of social rehabilitation. Based on archival data, normative legal acts, and empirical materials, the article reveals the specifics of the institutional framework, pedagogical principles, and methods of shelter operations during the Soviet and post-Soviet periods. Particular attention is paid to the regional specificity of Southern Russia, shaped by migratory activity, cultural diversity, and historical traditions of social assistance. The conclusion offers theoretical and practical recommendations for improving pedagogical support for homeless individuals in modern rehabilitation centers by drawing upon historical experience.

Keywords: homelessness, rehabilitation shelters, South of Russia, history of pedagogy, social rehabilitation, pedagogical support, inclusive education, social adaptation

Проблема бездомности в современной России сохраняет свою остроту, приобретая новые социально-демографические черты и требуя комплексного междисциплинарного подхода к её решению [1, 2]. Если в 1990-е годы основной контингент бездомных составляли мужчины трудоспособного возраста, то сегодняшняя ситуация характеризуется значительным ростом числа бездомных семей с детьми, одиноких женщин и пожилых людей. Особенно актуальной данная проблема становится в южных регионах страны, где сочетание миграционных потоков, сезонной экономики и исторически сложившихся традиций социальной взаимопомощи формирует уникальный контекст для функционирования систем социальной защиты. В этих условиях реабилитационные приюты выступают не просто как учреждения временного проживания, но как важнейшие педагогические институты, призванные обеспечивать социальную реабилитацию, воспитание и образовательную реинтеграцию уязвимых групп населения.

Несмотря на значительный объём исследований в области социологии, социальной работы и психологии, посвящённых феномену бездомности, в отечественной педагогической науке наблюдается явный дефицит комплексных историко-педагогических работ, посвящённых именно эволюции приютов как воспитательно-образовательных институтов, особенно в региональном разрезе. Данное противоречие между практической потребностью в эффективных моделях педагогического сопровождения и недостаточной теоретической разработанностью исторического опыта их функционирования и определило выбор темы настоящего исследования.

Целью данной статьи является анализ историко-педагогических закономерностей становления и развития реабилитационных приютов для бездомных лиц на Юге России в XX-XXI веках и формулирование на этой основе рекомендаций для совершенствования современной практики.

Ретроспективный анализ показывает, что истоки системы помощи бездомным на Юге России уходят в дореволюционный период. На территории современного Южного федерального округа активно действовали монастырские приюты, приютительные дома и частные благотворительные организации, основанные на принципах православного милосердия и сословной солидарности. Эти учреждения, хотя и не имели чётко выраженной педагогической программы в современном понимании, выполняли важнейшие функции социализации, трудового приучения и нравственного воспитания. Например, в фондах Государственного архива Ростовской области сохранились документы, свидетельствующие о существовании в начале XX века приютов, где подопечным преподавали грамоту, основы вероисповедания и ремёсла [6].

Кардинальные изменения в системе социальной помощи произошли после Октябрьской революции 1917 года. Политика деклассации и борьбы с «пережитками прошлого» привела к массовому закрытию или национализации частных и религиозных благотворительных учреждений. Вместо них была создана централизованная государственная система социального обеспечения, в рамках которой приюты для бездомных стали рассматриваться преимущественно как инструмент социального контроля и перевоспитания. В советский период, особенно в 1920-1930-е годы, приюты часто совмещались с детскими домами и колониями для несовершеннолетних правонарушителей. Педагогическая деятельность в них была жёстко идеологизирована и подчинена задачам формирования «нового человека» – коллективиста, трудового энтузиаста и преданного строителя социализма. Нормативно-правовая база того времени, включая такие документы, как «Положение о детских домах и детских учреждениях Наркомздрава и Наркомпроса» (1921 г.), делала акцент на трудовом воспитании и политическом просвещении, зачастую в ущерб индивидуальному подходу и психологической поддержке.

В последующие десятилетия, вплоть до конца 1980-х годов, система помощи бездомным в СССР носила преимущественно карательно-профилактический характер. Учреждения типа «трудовых резервов» или «лечебно-трудовых профилакториев» (ЛТП) были ориентированы на изоляцию и принудительное лечение, а не на реабилитацию и социальную интеграцию. Педагогическая составляющая в их работе была практически сведена к минимуму.

Переломный момент наступил в постсоветский период. Распад СССР, экономический кризис и социальные трансформации привели к резкому росту числа бездомных. В этот же период начинается процесс демополизации социальной сферы. Наряду с государственными учреждениями, которые зачастую оказывались неспособными справиться с новыми вызовами, на Юге России активно развива-

ется сектор некоммерческих организаций (НКО). Религиозные общины, благотворительные фонды и волонтерские инициативы создают собственные реабилитационные приюты, вводя в практику гуманистические подходы, заимствованные из западного опыта (например, модель «Housing First») и адаптированные к российской действительности [4].

Современные реабилитационные приюты на Юге России представляют собой сложные многокомпонентные системы, сочетающие в себе функции временного проживания, психологической помощи, социального сопровождения, трудовой реабилитации и, всё чаще, образовательной интеграции. Анализ деятельности таких учреждений в Ростовской, Краснодарской областях и Республике Крым показывает, что их педагогическая работа строится на принципах субъектности, индивидуализации и партнёрства. Социальные педагоги и психологи стремятся не просто «оказать услугу», а выстроить с подопечным диалог, помочь ему осознать свои ресурсы и сформировать жизненный план. В этом контексте особую роль играют такие методы, как арт-терапия, метафорические карты, групповая динамика и проектная деятельность [2, 5].

Однако, несмотря на положительные сдвиги, современная практика сталкивается с рядом проблем. Во-первых, это фрагментарность и отсутствие единой методологической платформы, объединяющей усилия государственных и негосударственных структур [6, 8]. Во-вторых, недостаточная подготовка персонала в области специфической педагогики работы с маргинализированными группами. В-третьих, слабая связь с системой образования, что затрудняет процесс образовательной реинтеграции, особенно для детей и подростков из семей бездомных.

В этой связи обращение к историческому опыту приобретает не только академическое, но и сугубо практическое значение. Анализ дореволюционных, советских и постсоветских моделей позволяет выявить как эффективные практики, так и ошибки прошлого. Например, можно говорить о ценности дореволюционного внимания к личности и нравственному воспитанию, но при этом отвергать его сословную замкнутость. Советский опыт, несмотря на свою идеологическую ангажированность, продемонстрировал силу коллективной трудовой деятельности как средства социализации, что может быть адаптировано в современных условиях через проектные и волонтерские формы работы.

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие теоретико-практические рекомендации для совершенствования педагогического сопровождения в реабилитационных приютах Юга России:

1. Разработка региональных стандартов педагогической деятельности в приютах, учитывающих культурно-исторические особенности Юга России и обеспечивающих преемственность лучших практик разных эпох.

2. Создание межведомственных образовательно-реабилитационных программ, направленных на обеспечение непрерывности обучения для детей и подростков из семей бездомных, в том числе с использованием дистанционных технологий.

3. Внедрение в практику подготовки и повышения квалификации социальных педагогов модулей, посвящённых историко-педагогическому анализу проблемы бездомности и специфике работы с данной категорией граждан [3].

4. Формирование сети «ресурсных центров» на базе ведущих педагогических вузов региона (в том числе КФУ им. В.И. Вернадского), которые бы осуществляли научно-методическое сопровождение деятельности приютов, проводили мониторинг и апробацию инновационных педагогических технологий.

Таким образом, реабилитационные приюты для бездомных на Юге России прошли сложный и противоречивый путь эволюции от институтов милосердия и социального контроля к современным центрам комплексной социальной и педагогической поддержки [5, 9]. Их дальнейшее развитие должно опираться не только на современные гуманистические идеи, но и на глубокое осмысление исторического опыта, что позволит создать более эффективную, устойчивую и человекоориентированную систему помощи уязвимым слоям населения.

Список источников

1. Виноградова Г.В. Концепция бездомности как процесс маргинализации личности: направления и уровни // Социология. – 2021. – № 3. – С. 201–208.
2. Гусева Н., Сандомирская А., Суворова А., Шавлохова Н. Опыт работы психологической службы благотворительной организации «Ночлежка». Методическое пособие. – СПб., 2019. – 36 с.
3. Загвязинский В.И. Теория обучения: современная интерпретация: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2001. – 192 с.
4. Казакова А.Ю. Модель Housing First в западной социальной политике преодоления бездомности // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 357–367.
5. Китаева А.И. Методы арт-терапии в социальной реабилитации лиц без определенного места жительства. Методические рекомендации. – СПб.: СПб ГБУ «ГИМЦ «Семья», 2019. – 43 с.
6. Кусков И.В. Организация приютов для бездомных людей. – М.: Капитал Пресс, 2021. – 456 с.
7. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учеб. пособие для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., доп. – М.: Академия, 2000. – 288 с.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024).
9. Цацура Е.А. Люди с опытом скрытой и уличной бездомности в России (результаты обследования «Человек, семья, общество - 2023») // Пути России. – 2025. – Т. 3, № 2. – С. 83–101.

© Ю.В. Шуринов, 2026

УДК 37

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

ПОПОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ

ассистент кафедры

СУРМИНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

студент

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: Статья посвящена инновационным методам и технологиям обучения в системе среднего профессионального образования. Рассматривается влияние цифровизации, смешанного и электронного обучения, а также практико-ориентированных подходов на формирование профессиональных компетенций студентов. Подчёркивается важность индивидуализации обучения, проектной деятельности и сотрудничества с работодателями для подготовки конкурентоспособных специалистов, способных адаптироваться к требованиям современного рынка труда.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, инновации, цифровые технологии, практико-ориентированное обучение, смешанное обучение, профессиональные компетенции.

INNOVATIVE METHODS AND TECHNOLOGIES OF EDUCATION IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Surminova Tatyana Sergeevna

Popov Vladimir Sergeevich

Abstract: The article is devoted to innovative methods and technologies of training in the system of secondary vocational education. The influence of digitalization, blended and e-learning, as well as practice-oriented approaches on the formation of professional competencies of students is considered. The importance of individualization of training, project activities and cooperation with employers for training competitive specialists who can adapt to the requirements of the modern labor market is emphasized.

Keywords: secondary vocational education, innovations, digital technologies, practice-oriented training, blended learning, professional competencies.

Среднее профессиональное образование в настоящее время развивается в условиях внедрения новых педагогических технологий и информационных технологий. К. И. Есешкина [1] в своем исследовании подчёркивает, что изменения касаются не только применения цифровых инструментов в образовательном процессе СПО, но и трансформируют педагогические подходы в целом. Так, можно наблюдать смещение акцента с передачи готовых профессиональных знаний на развитие у обучающихся навыков ведения самостоятельной познавательной деятельности, критического мышления, а также практико-ориентированных умений.

В работе Католян А. С. [2] подчёркивается, что система среднего профессионального образования должна ориентироваться на требования современного рынка труда. Автор акцентирует внимание на значимости взаимодействия с работодателями и развития дуального образования для успешной

профессиональной адаптации выпускников и повышения эффективности выполнения ими профессиональных задач.

Одним из ведущих направлений инновационного развития современного образования является использование цифровых образовательных платформ, обеспечивающих доступ к интерактивным учебным материалам, практико-ориентированным тренажёрам, вебинарам и виртуальным лабораториям. Применение цифровых образовательных сред создаёт условия для индивидуализации темпа обучения, построения образовательных маршрутов, формирования цифрового следа обучающегося и диагностики результатов его учебной деятельности. Это в полной мере соответствует тенденциям персонализации образования и требованиям современных стандартов среднего профессионального образования. Интеграция цифровых ресурсов в учебный процесс расширяет возможности самостоятельной работы студентов и способствует повышению её результативности.

Значимым направлением развития современного образования является внедрение технологий электронного и смешанного обучения. Их использование позволяет органично сочетать традиционные аудиторные занятия и самостоятельное освоение учебного материала в онлайн-среде.

Смешанное обучение оказывает положительное влияние на учебную мотивацию студентов за счёт сочетания непосредственного взаимодействия с преподавателем и применения интерактивных цифровых инструментов. Использование данной педагогической технологии позволяет формировать у студентов осознанного и самостоятельного подхода к изучению учебного материала. Кроме того, данный формат обучения обеспечивает возможность организации учебной деятельности в режиме, комфортном для студентов с различной скоростью восприятия информации. Успешная реализация смешанного обучения предполагает наличие квалифицированных педагогических кадров, современного учебно-методического обеспечения и развитой технической инфраструктуры образовательной организации.

В системе СПО происходит внедрение и практико-ориентированных образовательных технологий, в частности технологий проектного и проблемного обучения. Реализация учебных проектов позволяет формировать у студентов навыки самостоятельного планирования, организации деятельности, самостоятельной работы с информацией, принятия решений и умения нести ответственность за полученные результаты. Проблемное обучение развивает аналитическое мышление, умение выявлять причинно-следственные связи и находить нестандартные решения. Эти педагогические технологии особенно полезны при моделировании ситуаций, приближённых к реальной профессиональной деятельности.

В статье Л. В. Львова и Л. Н. Дегтеренко «Практико-ориентированная подготовка: возможности, риски, решения» подчёркивается, что данный подход обеспечивает не только усвоение теоретических знаний, но и приобретение практического опыта, необходимого для будущей профессиональной деятельности. Авторы отмечают его значение для развития личностных качеств и профессиональных навыков обучающихся, а также акцентируют внимание на роли профессиональных стандартов и чемпионатного движения «Профессионалы».

В то же время в работе обозначаются риски, сопровождающие внедрение подобных стандартов, в частности недостаточное развитие «мягких навыков», снижение учебной мотивации и несоответствие между требованиями работодателей и действующей системой оценки результатов обучения. В качестве путей преодоления данных проблем рассматриваются инновационные методы обучения и расширение взаимодействия образовательных организаций с работодателями [3].

Статья М. М. Олесова раскрывает значимость перехода к практико-ориентированным образовательным технологиям, направленным на формирование конкретных профессиональных умений и личностных качеств, необходимых для будущей карьеры. В работе анализируются различные подходы, включая интерактивное, модульное и контекстно-компетентностное обучение, подчёркивается необходимость интеграции теории и практики, а также развития самостоятельности и мотивации студентов. Особое внимание уделяется роли современных образовательных методов в подготовке конкурентоспособных специалистов, способных к адаптации в условиях быстро меняющейся профессиональной среды.

Первое исследование фокусируется на теоретическом и методическом обосновании, второе — на анализе практических проблем и путей улучшения подготовки студентов. Вместе они дают комплексное понимание важности и особенностей практико-ориентированного обучения в современном вузе.

Дополняет инновационный потенциал СПО технология иммерсивного обучения, предполагающая использование виртуальной и дополненной реальности [4]. Она позволяет проводить практические тренировки в условиях, недоступных или сложных для реализации в реальной среде, обеспечивая при этом безопасное освоение сложных операций. Данная технология повышает наглядность, интерактивность и результативность практического обучения.

В образовательной практике всё большее распространение получает технология адаптивного обучения, основанная на анализе индивидуальных траекторий, успеваемости, особенностей восприятия и темпа работы студента. Адаптивные системы предлагают каждому обучающемуся индивидуальный набор заданий, корректируют путь обучения и формируют рекомендации, что делает процесс более точным и ориентированным на личные образовательные потребности.

В статье С. Ю. Мычки и М. А. Шаталова проводится детальный анализ современных инновационных методов обучения, применяемых в системе среднего профессионального образования. Авторы акцентируют внимание на использовании в проектной деятельности командных форм организации учебной работы, кейс-методов, а также интеграции традиционных педагогических подходов с современными информационными технологиями [5]. Применение указанных методов, по мнению авторов, способствует повышению познавательной активности обучающихся.

Особое место в исследовании отводится роли социальных сервисов и профессиональных сообществ как средств развития образовательных коммуникаций. Их ресурс создаёт условия для обмена профессиональным опытом, формирования навыков коллективного взаимодействия и участия студентов в профессиональных дискуссиях. Включённость обучающихся в подобные сообщества способствует более глубокому осмыслению актуальных тенденций профессиональной деятельности, формированию профессиональной идентичности и усилению мотивации к самостоятельному развитию.

В целом, по мнению авторов, внедрение инновационных методов в систему среднего профессионального образования следует рассматривать не как временную тенденцию, а как объективную необходимость, обусловленную задачами подготовки квалифицированных специалистов, способных эффективно действовать в условиях реальных профессиональных вызовов. Инновационные методы и технологии обучения интерпретируются как комплексное обновление содержания, форм и средств профессиональной подготовки, ориентированное на развитие учебной самостоятельности обучающихся, профессиональной мотивации, практических умений и способности к непрерывному самообразованию. В результате у выпускников формируются предпосылки для успешной адаптации к динамично изменяющимся условиям современного рынка труда.

В современных условиях особенно необходимо внедрять новые методы и технологии обучения в системе среднего профессионального образования, поскольку наибольшую значимость приобретает именно формирование у студентов способности к самостоятельному обучению, развитию устойчивой учебной мотивации и практических умений, востребованных в профессиональной деятельности.

Одновременно следует усиливать практико-ориентированную направленность образовательного процесса, предполагающую решение прикладных задач и моделирование профессиональных ситуаций, с которыми выпускники сталкиваются в реальной трудовой деятельности. Такой подход поможет достичь успешной профессиональной адаптации и повысить конкурентоспособность выпускников на рынке труда. Вместе с тем реализация подобных изменений требует высокого уровня профессиональной подготовки педагогических кадров, наличия современных учебно-методических и материально-технических ресурсов.

Список источников

1. Есешкин, К. И. Изменение профессиональной подготовки обучающихся в организациях среднего профессионального образования в условиях современных вызовов времени / К. И. Есешкин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2021. – № 200. – С. 164-173. – DOI 10.33910/1992-6464-2021-200-164-173. – EDN LQDLKW.
2. Кагосян А. С. Современное состояние и перспективы развития среднего профессионального

образования // Гуманизация образования. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 05.12.2025).

3. Львов, Л. В. Практико-ориентированная подготовка: возможности, риски, решения / Л. В. Львов, Л. Н. Дегтеренко // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2020. – Т. 12, № 4(50). – С. 92-99. – DOI 10.7442/2071-9620-2020-12-4-92-99. – EDN VTLUIY.

4. Олесова, М. М. Применение практико-ориентированных технологий обучения в вузе / М. М. Олесова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7-2(73). – С. 201-204. – EDN YUCYRR.

5. Мычка, С. Ю. Инновационные методы обучения в системе среднего профессионального образования / С. Ю. Мычка, М. А. Шаталов // Территория науки. – 2015. – № 3. – С. 10-13. – EDN UDVIWF.

УДК 373.24

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ЛОБАНОВА АСЯ СЕРГЕЕВНА,
СЕРОУСОВ ФЁДОР СЕРГЕЕВИЧ

студенты

ФГБОУ "Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева"

Научный руководитель: Любовь Владимировна Карпушкина

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования
ФГБОУ "Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева"*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности речевого развития детей старшего дошкольного возраста. Особое внимание уделяется обогащению словарного запаса у дошкольников. Было выявлено, что речевое развитие детей старшего дошкольного возраста в многом зависит от словарного запаса ребёнка. Определены основные способы обогащения словарного запаса. Рассмотрены различные виды деятельности детей старшего дошкольного возраста.

Ключевые слова: Особенности воспитания, физическое развитие, познавательное развитие, художественно-эстетическое развитие, социально-коммуникативное развитие, речевое развитие, игровая деятельность, старший дошкольный возраст.

PEDAGOGICAL FEATURES OF WORKING WITH SENIOR PRESCHOOL CHILDREN

Lobanova Asya Sergeevna,
Serousov Fyodor Sergeevich

Scientific adviser: Karpushkina Lyubov Vladimirovna

Abstract: To identify the features of raising older preschool children in different educational fields. This article contains information about observations of children in various educational fields. It was revealed that the educational process is an integral structure. The results of the study can be applied in the development of an education program for older preschool children.

Keywords: Special education, physical development, cognitive development, artistic and aesthetic development, Social and communicative development, Speech development.

Воспитание детей старшего дошкольного возраста важная и сложная задача. Большинство педагогов, сравнивают сознание ребёнка с белым холстом, которое предстоит грамотно заполнить. И дальнейшее развитие ребёнка зависит от того, что мы вкладываем в его сознание. Именно в этот период, в детях зарождаются психологические и психические качества, а также различные задатки и способности. В дошкольном возрасте, важно заложить в ребёнка основы мировоззрения и самосознание. И поэтому дошкольный возраст требует к себе большое внимание родителей, воспитателей и психологов.

Н. И. Гуткина, выделяет три периода дошкольного возраста: младший дошкольный возраст - от 3

до 4 лет, средний дошкольный возраст - от 4 до 5 лет и старший дошкольный возраст - от 6 до 7 лет.

Старший дошкольный возраст - важная роль в развитии ребёнка. Именно в этот период у детей происходят изменения в психике. У ребёнка начинает формироваться произвольность психических процессов, такие как память, внимание и восприятие. В старшем дошкольном возрасте ребёнок начинает управлять своим поведением и эмоциями. Так же в этот период дети хотят добиться признания и уважения со стороны взрослых.

Образовательные области по ФГОС ДО (5 образовательных областей): физическое развитие; познавательное развитие; художественно-эстетическое развитие; социально-коммуникативное развитие; речевое развитие.

Совокупность данных направлений позволяет ребёнку всесторонне развиваться и быть готовым к переходу на новый этап образования.

Этот вопрос подробно рассматривается в трудах А. В. Кенеман. Она выделяет то что первые 7 лет жизни ребёнка – это интенсивное развитие всех органов и систем. Ребёнок при рождении наследует от родителей биологические свойства и топологические особенности. Но это лишь основа, которую надо правильно развивать.

Главными особенностями физического развития в старшем дошкольном возрасте являются: гибкость, ловкость, выносливость, глазомер, сила и равновесие.

Чтобы ребёнок мог активно двигаться: ползать, бегать, ходить, бросать, необходимо развивать соответствующие качества с раннего возраста. По мере того как ребёнок растёт увеличиваются и его физические показатели. Дети начинают дальше и выше прыгать, быстрее бегать, а также дальше метать. Чем больше ребёнок двигает, тем лучше становится его выносливость и он меньше устаёт при физических нагрузках, расстояние, которое он может пройти становится больше, а время подвижных игр значительно увеличивается.

Физическое развитие в старшем дошкольном возрасте нацелена на поддержании здоровья ребёнка, формирование правильной осанки, а также на координацию движений.

Для грамотного физического воспитания детей старшего дошкольного возраста необходимо учитывать специфику их организма (знания физиологических особенностей). А также подбирать подходящие методы обучения, для этого необходимы знания о влиянии упражнений на детский организм. Это требуется для того, чтобы максимально использовать физиологический потенциал ребёнка.

Все приобретённые физические навыки в дошкольном возрасте являются опорой для дальнейшего развития в школе, а также дают возможность для достижения успехов в спорте.

Процесс познавательного развития дошкольника требует учета возраста и интересов, что позволяет педагогам стимулировать любопытство и формировать положительное отношение к обучению. С самого рождения окружающий мир представляет собой загадки, что позволяет ребёнку самостоятельно искать ответы на интересующие его вопросы.

Познавательное развитие детей старшего дошкольного возраста включает в себя процесс познания, активность в учёбе и интерес к знаниям.

Ребёнок 6 лет начинает самостоятельно стремиться к знаниям. Это проявляется в:

- Решении интеллектуальных задач.
- Желании искать различные способы решения данных задач.
- Стремление к новым знаниям.
- Ребёнок задаёт вопрос либо самостоятельно ищет на них ответы.
- У детей появляется интерес к новым знаниям.

Ребёнок старшего дошкольного возраста в первую очередь смотрит на взрослых, которые его окружают и подражает им это способствует формированию личности. По этому роль педагога в жизни ребёнка очень важна. Воспитателю для грамотного познавательного развития детей нужно создавать ситуации где воспитанники должны будут самостоятельно находить ответы и принимать решения в различных ситуациях. Так же необходимо использовать творческие подходы в обучении, которые позволяют ребёнку самостоятельно ставить и решать задачи. Данные методы важны для детей, так как они помогают лучше усвоить приобретённые знания, а также использовать их на практике. Нельзя за-

бывать и об оценке результата, оценивать негативно ребёнка не стоит, правильнее будет похвалить за то, что получилось лучше всего, а места где есть ошибки исправить и объяснить детям, что не всегда все выходит правильно.

Художественно–эстетическое воспитание ребёнка старшего дошкольного возраста происходит через творчество. Рассмотрим какие бывают виды деятельности, которые помогают в успешном развитии художественно–эстетических взглядов детей: игры; театральные постановки; танцы; изобразительное искусство; ручной труд; словесное творчество.

Художественно–эстетическое воспитание оказывает большое влияние на когнитивное и личностное развитие детей. Так же помимо развития чувства прекрасного у ребёнка, художественно–эстетическое развитие способствует формированию нравственных взглядов.

Занятия рисованием, лепкой или музыкой помогают развить воображение, активизировать мыслительные процессы и улучшить такие качества как: внимание, концентрация, организованность и самоконтроль.

Е. А. Щербакова рассматривает процесс социально–коммуникативного развития ребёнка в единстве его проявлений: адаптации к социальному миру; интеграции и принятия социального мира как данности; дифференциации–способности и потребности изменять, преобразовывать социальную действительность, социальный мир и индивидуализироваться в нём.

Согласно требованиям ФГОС ДО (Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N 1155), цели социально–коммуникативное воспитание развития воспитанников заключаются в следующем:

- Создать условия для усвоения детьми дошкольного возраста норм и ценностей, принятых в обществе.
- Развить социальный и эмоциональный интеллект детей, их эмоциональную отзывчивость, сопереживание.
- Развить самостоятельность, целенаправленность и саморегуляцию действий у детей.
- Сформировать уважительное отношение и чувства принадлежности к своей семье, к сообществу детей и взрослых в коллективе.
- Сформировать у детей основы безопасного поведения в быту, социуме, на природе, а также готовность к взаимодействию со сверстниками.

Дети старшего дошкольного возраста ещё не до конца понимают, что такое мораль. Они судят о том, что такое хорошо, и что такое плохо только по оценке их действий (похвала или осуждение). Дети способны выполнять правила, но они не понимают их смысла. Из–за этого им сложно применять эти правила в новых ситуациях, даже если изменения незначительны.

Речевое развитие детей старшего дошкольного возраста, так же один из главных показателей готовности к школьному обучению. Обычно, дети которые не владеют хорошим словарным запасом, испытывают трудности во время обучения, они не могут подобрать подходящие слова для выражения своих мыслей и эмоций, а ученики с богатым словарным запасом наиболее активны во время занятий, им легче овладеть навыками чтения, грамматикой и решением арифметических задач.

Рассматривая особенности речевого развития у старших дошкольников, можно заметить, что на данном этапе, у детей продолжают развиваться все стороны речи. Фразы становятся более развёрнутыми, произношение чётче и чище, высказывания - точнее. Имея хорошо развитую речь, дети старшего дошкольного возраста стараются рассказывать и отвечать на вопросы так, чтобы окружающим людям было понятно, что они хотят сказать. А также, при описании предметов и явлений дети пытаются передавать к ним своё эмоциональное отношение.

В заключение проведённого анализа особенностей воспитания детей старшего дошкольного возраста, следует подчеркнуть целостный характер педагогического воздействия, который направлен на гармоничное развитие личности ребёнка:

- физическое развитие формирует основу для здоровья и активности ребёнка;
- познавательное развитие стимулируется через игры и занятия, направленные на развитие логического мышления и любознательности;
- художественно–эстетическое воспитание способствует развитию творческих способностей и

формированию эстетического вкуса;

- социально–коммуникативное развитие осуществляется через формирование навыков общения, сотрудничества и усвоение моральных норм;
- речевое развитие способствует улучшению коммуникативных навыков, а также помогает в социальной адаптации.

Совокупность всех вышеперечисленных аспектов воспитания способствует формированию всесторонне развитой личности, готовой к переходу на следующий этап образования.

Список источников

1. Маханева М.Д. Воспитание здорового ребенка: пособие для практических работников детских дошкольных учреждений. 2–е изд., испр. доп. – М.: АРКТИ, 2000 – 108 с.
2. Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. А. Г. Гогоберидзе, О. В. Солнцевой. – СПб.: Питер, 2013 – 464 с.: ил.
3. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования.
4. Кенсман А. В. и Хухлаева Д. В. Теория и методика физического воспитания детей дошкольного возраста. Учеб. пособие для студентов пед. ин–тов по спец. «Дошкольная педагогика и психология». Изд. 2–е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1978. 272 с.
5. Левашева И.И. Формирование учебно–познавательной компетенции в исследовательской деятельности старших дошкольников. 2011 № 3 180–182 с.
6. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. Выготский. Л.С.: СПб, 1997.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.072.43

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ»

КОВАЛЕВА АНТОНИНА ВАЛЕРИЕВНАкандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии**УШАКОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ**аспирант кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

г. Луганск, Луганская Народная Республика

Аннотация: Статья посвящена теоретическому анализу многогранного и междисциплинарного понятия «социальная зрелость» личности. Систематизированы существующие психологические подходы, выявлены ключевые критерии и структурные компоненты данного феномена. В ходе исследования рассматриваются основные трактовки социальной зрелости в психологической литературе, раскрывается её соотношение с близкими конструктами.

Ключевые слова: социальная зрелость, личность, социализация, ответственность, автономия, социальное взаимодействие, ценности, нормы.

A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "SOCIAL MATURITY"

**Kovalyova Antonina Valerievna,
Ushakov Vladimir Sergeevich**

Abstract: The article is devoted to the theoretical analysis of the multifaceted and interdisciplinary concept of «social maturity» of a personality. The existing psychological approaches are systematized, the key criteria and structural components of this phenomenon are identified. The study examines the main interpretations of social maturity in the psychological literature, reveals its relationship with similar constructs.

Keywords: social maturity, personality, socialization, responsibility, autonomy, social interaction, values, norms.

Проблемой достижения человеком зрелости, расцвета в своем развитии занимается ряд наук социо-психологического направления. Так, социология ориентирована на конкретное исследование дисбалансов и противоречий в обретении индивидом состояния зрелости. Социологов интересует соотношение стартовых возможностей людей или их групп (спортсмены, военные) и конечные, достигнутые ими результаты.

Философия, исследуя всю жизнь человека, его бытие в этом мире, отдельное внимание уделяет возможности достижения, индивидом пикового состояния, когда реализованы все заложенные в нем потенции.

В психологии проблема зрелости занимает особое место. Для одного из разделов психологической науки и человекознания вообще – для акмеологии – это стержневая проблема [1]. В сфере её внимания – процесс и результат достижения человеком вершин как индивидом, личностью, субъектом деятельности (в том числе и профессиональной). Не случайно исследователи столько времени уделяют этой теме: познать условия обретения личностью зрелости, выделить составляющие этого образования – означает открыть дорогу к максимальной самореализации.

Кроме того, изменения в современных общественных условиях заставляют по-новому взглянуть на проблему зрелости, личностной и социальной. Так, например, многие психологи обращают внимание на два противоположных процесса, которые имеют место в процессе психологического развития индивида: акселерацию и инфантилизацию. Сущность акселерации состоит в более раннем достижении определенных этапов биологического (физического и полового) развития и завершении созревания организма. Иногда говорят и о психологической акселерации, подразумевая раннее интеллектуальное созревание.

Инфантилизм, или психическая незрелость, характеризуется наличием присущих детям особенностей суждений и поведения. У взрослых характеризуется: наивностью, эгоизмом и эгоцентризмом, подчиняемостью, равнодушием, неустойчивостью интересов, обидчивостью и впечатлительностью, робостью и застенчивостью [2].

Таким образом, у многих современных молодых людей, которые выглядят, как взрослые, рассуждают, как взрослые, поведение, тем не менее, остается детским. Инфантильность становится серьезным препятствием для развития личности. Следовательно, одним из важных направлений изучения зрелости становится определение факторов, способствующих инфантилизации общества и снижении их влияния. Также акмеологи отмечают необходимость смещения хронологических рамок для средних и поздних возрастных периодов.

Проблема зрелости интересует психологов ещё и в том отношении, что зрелые личности, находясь на пути самореализации, способны преобразовывать общество, приносить ему максимальную пользу. Жизнь зрелого индивида наиболее эффективна и результативна, дарит больше радости. Как отмечают некоторые исследователи, в последнее время мы сталкиваемся с низким уровнем удовлетворённости жизнью, а также с деструктивными тенденциями в сознании человека (склонность к аддикциям, депрессиям, девиантному поведению). По мнению ученых, индивид самостоятельно способен преодолеть эти сложности через достижение уровня зрелого психо-физиологического функционирования.

В процессе исследования феномена зрелости психологи отмечают многогранность этого образования. Принято выделять интеллектуальную, эмоциональную, личностную, социальную зрелость [3]. Эти понятия тесно связаны друг с другом и в тоже время имеют разное содержание. Выделение и разработка критериев достижения зрелости в той или иной психологической сфере – одна из главных проблем, над которой работают психологи. Одним из наиболее сложных и пока еще мало исследованных из всех аспектов зрелости является социальная зрелость. Актуальность проблемы социальной зрелости, с одной стороны, связана с теми изменениями, которые наблюдаются в обществе и в психике каждого отдельного человека. С другой стороны, накоплено достаточно теоретических знаний о сущности рассматриваемого понятия при относительной скудности эмпирических данных. Экспериментальные исследования, получение надежных данных возможны только после четкой и детальной операционализации комплексного понятия «социальная зрелость». Таким образом, возникает острая необходимость в выделении поведенческих особенностей, личностных и социально-психологических характеристик социально зрелого человека.

Как было отмечено ранее, проблема зрелости интересует различные науки. И в самой психологии подходы к ней различны. На первых этапах разработки вопроса зрелости в отечественной психологии возникло понятие «зрелость психического развития человека» (Б. Г. Ананьев). Со стороны зрелости психофизиологических функций к этой проблеме подходили и другие психологи (Е. И. Степанова, Н. А. Розе, Я. И. Петров, Л. Н. Фоменко).

Новое прочтение понятия «зрелость» дается в акмеологии. В нем фиксируется понимание такого этапа развития человека, когда он достигает вершин своего творчества. (А. А. Деркач, А. М. Зимичев, Н. Н. Кузьмина, В. Н. Максимова, Г. С. Михайлов).

В контексте субъектного подхода зрелость рассматривали К. А. Абульханова-Славская, Г. М. Андреева, В. И. Слободчиков. Здесь зрелость трактуется как способность к самостоятельности, отсутствие потребности в постоянной помощи других. Похожий взгляд можно встретить и в работах основателя логотерапии В. Франкла.

Многие зарубежные ученые рассматривают зрелость с позиций психического здоровья (Э. Берн,

А. Лоуэн, Г. Олпорт, К. Роджерс). С самоактуализацией и саморазвитием связывал достижение зрелости А. Маслоу.

В последнее время (особенно в контексте андрологии) появляются работы, разграничивающие понятия взрослость и зрелость. Что касается социальной зрелости, то здесь ведутся активные споры о соотношении этого понятия с личностной зрелостью. Некоторые психологи считают социальную зрелость компонентом личностной [3], другие придерживаются мнения о том, что социальная зрелость – более широкое в психологическом отношении понятие. Она вырастает из личностной зрелости, но охватывает также и коммуникативную сферу – навыки, социальные роли [4]. Отдельные недавние разработки также посвящены теме социальной зрелости в подростковом и юношеском возрасте [5].

Целью статьи является систематизация и анализ теоретических подходов к проблеме социальной зрелости и выделение на этой основе таких её критериев, которые могли бы быть использованы для получения достоверных эмпирических данных.

Всю совокупность теоретических изысканий по проблеме зрелости личности условно можно отнести к одному из трех направлений: биологическому, личностному, социальному. Такое деление возможно благодаря вычленению в представлениях различных психологов тех критериев и признаков, которые, по их мнению, являются основополагающими признаками зрелости.

Зрелость – состояние, к которому приходит организм в конце периода развития. Самый продолжительный период онтогенеза, характеризующийся тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей личности [2]. Это одно из определений биологического толка. Здесь основное внимание уделяется органическому развитию, качеству физиологических функций.

Предполагается, что на определенном этапе развития любой человек, так или иначе, достигает состояния зрелости. Строго биологической позиции в отношении зрелости индивида придерживался И.П.Павлов.

Ананьев Б.Г. для определения уровня зрелости предлагал исследовать психофизиологические функции взрослых людей [1]. Но также им было введено понятие «зрелость социально-психологического развития», что подразумевает наличие критериев зрелости социального характера.

Наиболее яркими представителями личностного направления в отношении зрелости можно считать А. Маслоу и К. Роджерса. По мнению А. Маслоу о зрелости можно говорить, если личность свободна, имеет возможность прислушаться к себе и опереться на себя, как на целостное природное существо, точно и полно отражая происходящее в нём самом. Зрелый человек тот, у которого «тенденция к актуализации» действует в полную силу. Видно, что психолог на первое место ставит развитие самой личности, и её качеств – ответственность, рефлексия, целостность. К. Роджерс также отмечает значение для достижения зрелости «безусловных личностных ценностей», куда он, в частности относит целеустремленность, успешность, чувство собственного достоинства, открытость для опыта, то есть то, что принадлежит самой личности, является её ядром.

Ряд психологов подчеркивают особую роль окружения в становлении зрелой личности. Нужно заметить, что только в этом случае можем говорить именно о социальной зрелости. Так, И. С. Кон указывает на социальную направленность поведения зрелого человека. «Зрелая личность – это личность, которая активно владеет своим окружением», - указывает ученый [1, с.277]. Кроме того, он подчеркивает роль социальных институтов в становлении зрелости, она достигается через процессы обучения и воспитания, осуществляемых семьей, школой, социальным окружением, социумом в целом. Э.Фромм, выделяя заботу и уважение, как неперенные качества зрелого человека, тем самым, тоже ставит развитие зрелости в зависимость от социальных отношений, в которые вступает индивид.

Таким образом, в большинстве случаев, говоря о зрелости, психологи склоняются к одному из трех основных показателей:

1. Физиологические характеристики (в основном, речь идет о зрелости интеллектуальных функций, также зрелость – как достижение пубертатного периода онтогенеза);
2. Особенности личности как саморегулирующейся системы (целостность, автономия, способность к осознанному выбору);

3. Качество межличностных отношений (открытость, способность к близости, уважение и принятие другого).

Для определения социальной зрелости особое значение имеет взаимосвязь последних двух факторов.

Что касается выделения конкретных признаков – личностных черт, особенностей поведения – зрелого человека, то их количество иногда довольно велико. Например, В. В. Столин, выделяет такие особенности зрелой личности, как самоуважение, позитивная самооценка, способность к самопознанию и самоанализу, ответственность, самоэффективность и успешность, сформированная система ценностей, непротиворечивая жизненная философия. К. Роджерс называл зрелого человека «полно функционирующим» и выделял такие его характеристики:

1. Открытость переживанию (способность слушать себя, осознание своих самых глубоких мыслей и чувств, без попытки подавить их, действие в соответствии с ними и с ситуацией).

2. Экзистенциальный образ жизни (тенденция жить полно и насыщенно в каждый момент существования).

3. Доверие к себе (способность при принятии решения полагаться не на других, а на свои внутренние ощущения).

4. Эмпирическая свобода (способность жить так, как хочется, без ограничений или запретов, способность делать выбор, руководить собой).

5. Креативность (творческий образ жизни, гибкое приспособление к окружающей среде, стремление жить конструктивно и адаптивно).

«Я» зрелого человека, в представлении А. Маслоу, характеризуется гибкостью, ответственностью перед собой и другими, терпимостью и непосредственностью [6].

Видно, что даже в этих двух концепциях зрелости много общих моментов. Часто исследователи, разрабатывая собственные теории зрелости, приписывают зрелой личности сходные качества.

Наиболее лаконичную и содержательную характеристику социальной зрелости дает А. А Реан [6]. Он говорит о 4-х базовых составляющих социальной зрелости, вокруг которых группируются множество других: 1) ответственность (человек готов принять ответственность за все происходящее с ним в жизни, характеризуется итернальным локусом контроля); 2) терпимость (предрасположенность к «терпимой» реакции на среду, система отношений личности к действительности, к другим – готовность к установлению позитивных отношений с другим); 3) саморазвитие (актуальная потребность в саморазвитии, стремление к самосовершенствованию и самореализации); 4) положительное отношение к миру (мировоззренческая позиция, в основе которой – способность принимать себя и окружающих, мир в целом).

Для эмпирического подтверждения взаимосвязи между выделенными критериями было проведено исследование на выборке первокурсников нашего ВУЗа. В частности, проверялась гипотеза о связи 2-х личностных составляющих социальной зрелости. Используя методики УСК и САМОАП, можно установить, существует ли реальная зависимость между уровнем ответственности (интернальности) и степенью самоактуализации личности. Объем выборки составил 60 человек, средний возраст – 16,9 года. Гендерная однородность: 61% – юноши, 39% – девушки. Для удобства сравнения выборка была разделена на 3 группы – в соответствии с выявленным уровнем интернальности. В группу с низкими показателями (2-3 балла) вошло 23 человека, с относительно высокими (6-8 баллов) – 13 человек. В группу с относительно высокими показателями, включены испытуемые с суммой баллов по шкале общей интернальности, равной 6, вследствие общего низкого уровня развития ответственности по выборке. Остальные 23 человека составили группу со средними показателями интернальности. Сравнение средних значений уровня общей самоактуализации дает такой результат. В группе с низким значением общей интернальности средний уровень самоактуализации равен 49,6 балла (max = 64, min = 34), в группе со средним значением – 49,9 балла (max = 62, min = 34), с высоким значением интернальности – 55,8 балла. (max = 74, min = 41). Статистический анализ связи между уровнем ответственности и степенью самоактуализации также дает положительные результаты. Значение коэффициента корреляции Пирсона равно 0,28 (значимость на уровне 5%). Следовательно, полученные эмпирические данные подтверждают взаимозависимость таких 2-х составляющих социальной зрелости, как ответственность

и стремление к самоактуализации. Теоретический анализ понятия «социальная зрелость» позволил выделить достаточно точные критерии этого личностного образования: 1) ответственность; 2) стремление к саморазвитию; 3) способность принимать других. Названные критерии операционализируют рассматриваемое понятие, позволяют проводить его эмпирическое изучение. Полученные в ходе диагностического исследования данные дают опытное подтверждение взаимосвязи личностных составляющих зрелости.

Список источников

1. Акбарова, А. А. Эмпирические типы социальной зрелости молодых людей / А. А. Акбарова. - Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. - 2020. - Т. 9, № 3 (35). - С. 272-280.
2. Алейникова, О. В. Целостность Я-концепции как фактор личностной зрелости / О. В. Алейникова. - Текст : непосредственный // Социосфера. - 2021. - № 3. - С. 79-83.
3. Александрова, Г. Г. Психологические критерии социальной зрелости личности в условиях современного российского общества : специальность 19.00.13, 19.00.05 «Психология развития, акмеология», «Социальная психология» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата психологических наук / Александрова Галина Готфридовна ; Казанский государственный университет. - Казань, 2004. - 21 с.
4. Бойко, А. Л. Профессионализм как основная составляющая социально-профессиональной зрелости будущего специалиста / А. Л. Бойко. - Текст : непосредственный // Интериал. - 2018. - № 1 (4). - С. 111-115.
5. Воронцова, А. В. Особенности построения жизненных стратегий студентами: психолого-педагогическое сопровождение в образовательной среде вуза / А. В. Воронцова, М. А. Райкина. - Текст : непосредственный // Science for Education Today. - 2023. - Т. 13, № 4. - С. 30-52.
6. Гудзовская, А. А. Социально-психологическое исследование становления социальной зрелости : специальность 19.00.05 «Социальная психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Гудзовская Алла Анатольевна ; Самарский государственный педагогический университет. - Самара, 1998. - 24 с.
7. Истомина, Д. М. Проблемы социального взаимодействия как показатель социальной зрелости / Д. М. Истомина, Д. Е. Мороз. - Текст : непосредственный // Молодежь. Наука. Общество - 2022 : сборник студенческих работ Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции, Тольятти, 19-23 декабря 2022 г. - Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2023. - С. 502-507.
8. Кустова, Е. И. Социальная зрелость личности современных студентов вузов / Е. И. Кустова. - Текст : непосредственный // XXV юбилейные Царскосельские чтения : материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2021 г. ; под общей редакцией С. Г. Еремеева. - Т. III. - Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2021. - С. 79-82.

УДК 159.99

ФУНКЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ПРОБЛЕМА ЕЁ АДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА

КУПРИКОВА Е.В.

магистр

ОЧУВО «Московский инновационный университет»

г. Москва

Аннотация: Статья рассматривает функции психологической защиты и особенности её адаптивного потенциала. Описаны основные защитные механизмы, их влияние на эмоциональную устойчивость и возможные ограничения в процессе адаптации личности. Материал подчёркивает двойственную природу защит и значимость развития зрелых стратегий совладания.

Ключевые слова: психология, психологические защиты, защитные механизмы, личностное развитие, личность.

FUNCTIONS OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE AND THE PROBLEM OF ITS ADAPTIVE POTENTIAL

KUPRIKOVA E.V.

Abstract: This article examines the functions of psychological defense and the characteristics of its adaptive potential. It describes the main defense mechanisms, their impact on emotional stability, and potential limitations in the personal adaptation process. The article emphasizes the dual nature of defenses and the importance of developing mature coping strategies.

Key words: psychology, psychological defenses, defense mechanisms, personal development, personality.

Психологическая защита представляет собой сложный и многогранный механизм, обеспечивающий сохранение эмоциональной устойчивости человека в ситуациях внутреннего или внешнего напряжения. В условиях стремительных социальных изменений, постоянного информационного давления и неопределённости психологические защитные процессы приобретают особую значимость. Они служат основой сохранения субъективного благополучия, но одновременно могут становиться препятствием для личностного развития и эффективной адаптации. Цель данной статьи - раскрыть сущность психологической защиты, проанализировать её функции и рассмотреть проблему адаптивного потенциала защитных механизмов.

Понятие психологической защиты

Термин «психологическая защита» впервые был введён З. Фрейдом, обозначившим им бессознательные процессы, возникающие для предотвращения болезненных переживаний. Психологическая защита служит для смягчения или исключения переживания тревоги, связанной с конфликтами, угрозами самооценке, противоречиями между желаниями и требованиями внешней среды. Впоследствии идеи Фрейда были развиты в работах А. Фрейд, К. Хорни, Ж. Лаплана, Т. Е. Васильевой, Г. Вейланта и других исследователей.

Сегодня под психологической защитой понимают совокупность стратегий, направленных на уменьшение внутреннего напряжения и поддержку психологического равновесия. Защитные механизмы действуют преимущественно автоматизировано и часто вне осознания индивида.

Функции психологической защиты

Функциональная роль психологической защиты чрезвычайно широка. Ключевые функции рассмотрены в таблице 1.

Таблица 1

Функции психологических защит

Функция	Описание
Снижение тревоги	Одной из центральных функций является ослабление эмоционального дискомфорта. Защитные механизмы помогают снизить интенсивность тревоги, возникающей при столкновении человека с угрозой его ценностям, самооценке или личностной целостности. Например, механизм отрицания позволяет игнорировать неприятную информацию, тем самым уменьшая степень переживания.
Поддержание целостности личности	Психологическая защита способствует сохранению стабильного образа «Я». Она предотвращает разрушение внутренней структуры личности под воздействием стрессовых факторов, обеспечивая микросоциальную и межличностную устойчивость. Защита тем самым выполняет стабилизационную функцию.
Регуляция эмоциональных переживаний	Механизмы защиты помогают перераспределять или преобразовывать эмоции, что обеспечивает внутренний баланс. Например, сублимация позволяет направлять напряжение в социально приемлемую деятельность, снижая интенсивность негативных переживаний.
Обеспечение психологического комфорта	Психологическая защита создаёт субъективное ощущение безопасности и комфорта. Даже если механизмы не отражают реального положения дел, они позволяют индивиду ощущать контроль над ситуацией.

Классификация защитных механизмов

Существует множество подходов к классификации защит, однако наиболее распространённой является структурная модель Г. Вейланта, выделяющая несколько уровней:

Таблица 2

Классификация защитных механизмов.

Защитные механизмы	Описание
Примитивные (незрелые) защиты	Отрицание, проекция, фантазирование. Эти механизмы характерны для ранних этапов развития личности и стрессовых ситуаций, когда рациональное осмысление ограничено.
Невротические защиты	Рационализация, реактивное образование, вытеснение, компенсация, направлены на временное смягчение тревоги, но в долгосрочной перспективе могут препятствовать развитию личности.
Зрелые защиты	Сублимация, юмор, альтруизм, подавление и интеллектуализация относятся к зрелым механизмам. Они наиболее адаптивны и позволяют человеку эффективно справляться с проблемами, сохраняя гибкость поведения.

Природа адаптивности

Адаптивность психологической защиты определяется её способностью обеспечивать баланс между требованиями среды, внутренними особенностями личности и целями жизнедеятельности. Защитные механизмы играют значимую роль в процессе психической регуляции, однако степень их полезности зависит от контекста.

Позитивная роль защиты в адаптации

Психологическая защита может способствовать:

- стабилизации эмоционального состояния в критических ситуациях;
- сохранению работоспособности при высоком уровне стресса;
- предотвращению развития психопатологии, особенно в условиях хронического давления;

- поддержанию мотивации, если иные способы совладания неэффективны.

Ограничения адаптивного потенциала

Несмотря на важность психологической защиты, чрезмерная или неадекватная её активность может приводить к дезадаптации. Основные риски связаны с:

- искажением восприятия реальности при доминировании примитивных защит;
- застойностью личности, когда защита препятствует самопознанию и развитию;
- формированием невротических симптомов, возникающих при избегании эмоционально значимых переживаний;
- снижением эффективности поведения, если решения принимаются на основе защитных реакций, а не реалистичной оценки ситуации.

Психологическая защита и механизмы совладания

Современные исследователи подчёркивают необходимость различать защитные механизмы и копинг-стратегии. Если защита работает преимущественно бессознательно и направлена на снижение тревоги, то копинг ориентирован на решение проблемы. Адаптивность защиты во многом определяется включённостью её в систему сознательного совладания.

Личностные особенности

Гибкость и зрелость защитных механизмов зависит от уровня личностного развития, самоосознания и эмоциональной устойчивости. Зрелые защиты формируются в процессе социализации и являются признаком психологической зрелости.

Социальная среда

Семья, профессиональная деятельность, культура формируют предпочтительные способы защиты. Например, в культурах с высоким уровнем социального контроля чаще формируются защиты, направленные на подавление эмоций.

Психологическая помощь

Психотерапия играет ключевую роль в развитии адаптивных стратегий. Специалист помогает клиенту осознать используемые защиты, оценить их эффективность и развить более зрелые механизмы совладания.

Психологическая защита является важнейшим регулятором внутреннего состояния личности. Её функции включают снижение тревоги, поддержание целостности «Я» и обеспечение эмоционального баланса. Однако адаптивность защиты не абсолютна: неадекватные или чрезмерные защитные реакции могут препятствовать развитию и исказить восприятие реальности. Поэтому для современного человека особенно значимы развитие зрелых защит, гибкости мышления и способность к осознанному управлению жизненными стратегиями.

Список источников

1. Фрейд З. Психология бессознательного. - М.: АСТ, 2020.
2. Фрейд А. Я и механизмы защиты. - М.: Психоаналитическая библиотека, 2019.
3. Хорни К. Невроз и развитие личности. - СПб.: Питер, 2021.
4. Вейлант Г. Адаптация к жизни. - М.: Институт психологии РАН, 2018.
5. Васильева Т. Е. Психологическая защита и механизмы совладания. - М.: Смысл, 2017.
6. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. - М.: Академический проект, 2022.
7. Плесснер Г. Границы человеческого: Социальная антропология. - М.: Канон+, 2020.

УДК 81`23

ВЗАИМОСВЯЗЬ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ У АКТЁРОВ

ЧУМАКОВ ПАВЕЛ ИЛЬИЧстудент
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина**Научный руководитель: Николаева Елена Ивановна***доктор биологических наук
профессор, профессор кафедры психологии и психофизиологии,
член Европейского общества когнитивных исследований*

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей и выявлению взаимосвязей ассоциативно-вербальной сети и исполнительных функций у профессиональных актёров и студентов театральных вузов на материале современных психолингвистических, когнитивных и психолого-педагогических публикаций последних лет. Ассоциативно-вербальная сеть рассматривается в контексте работы как психологическая основа владения языком. В рамках статьи описаны профиль межклассовых переходов, структура ядра и периферии ассоциативно-вербальной сети, а также связь редких релевантных реакций с тормозным контролем мешающих ответов и переключением установок (когнитивная гибкость).

Ключевые слова: актёрская креативность, ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная сеть, исполнительные функции, тормозный контроль, когнитивная гибкость, рабочая память.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ASSOCIATIVE-VERBAL NETWORK AND EXECUTIVE FUNCTIONS IN ACTORS

Chumakov Pavel Ilyich*Scientific adviser: Nikolaeva Elena Ivanovna*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features and identification of the interrelationships of the associative-verbal network and executive functions among professional actors and students of theater universities based on the material of modern psycholinguistic, cognitive, and psychological-pedagogical publications of recent years. The associative-verbal network is considered in the context of work as the psychological basis of language proficiency. The article describes the profile of interclass transitions, the structure of the core and periphery of the associative-verbal network, as well as the relationship of rare relevant reactions with inhibitory control of interfering responses and switching attitudes (cognitive flexibility).

Keywords: acting creativity, associative experiment, associative-verbal network, executive functions, inhibitory control, cognitive flexibility, working memory.

Ассоциативная активность у обучающихся актёрскому мастерству характеризуется повышенной вариативностью реакций и склонностью к образному кодированию стимулов. Аналитический обзор показал расширение перцептивно-аффективных связей в вербальной сети: у театральной молодёжи ча-

ще встречаются реакции, опирающиеся на телесно-сенсорные и социально-ролевые маркеры, что согласуется с данными о специфике коммуникации и когнитивно-личностных коррелятах театральной среды [1]. В блоке креативных и личностных предикторов наблюдается устойчивое сочетание эмпатийности, открытости опыту и тренируемых психотехнических установок; типологические различия внутри выборок студентов-актёров соотносятся с разными стратегиями порождения ответов — от импульсных, эмоционально насыщенных до аналитически выверенных, что подтверждается современными типологиями и психодиагностическими моделями подготовки [9; 10].

В сводном анализе литературных источников по актёрской одарённости и динамике личностных характеристик у студентов театральных вузов прослеживается общий сдвиг к интеграции эмоционально-переживательных каналов в речевое кодирование. Исследования поколенного когорта студентов-актёров показывают стабильность ряда диспозиций (социальная чувствительность, потребность в самоактуализации роли) при одновременном росте вариативности в способах решения творческих задач; такие сдвиги сопровождаются перераспределением узлов ассоциативной сети в сторону прагматически релевантных смыслов (ситуативная этика взаимодействия, импровизационная готовность) [10]. Педагогические практики, опирающиеся на наследие Л.С. Выготского в трактовке сценической креативности, формируют у студентов устойчивые «мосты» между аффективной активацией и вербальными выходами, что задаёт характерные траектории для вербального отклика на стимул [9].

Теоретические и эмпирические работы о креативности актёра показывают, что подобная настройка влечёт за собой избыточную готовность к ассоциативным «прыжкам» между образными и оценочными признаками [9]. В корпусе ассоциативных исследований у билингвов выявлены типовые семантические переходы и предикторы «дальних» реакций; их набор совпадает с теми классами связей, которые чаще встречаются в актёрских этюдах и упражнениях на импровизацию [4; 2]. Следовательно, описанная конфигурация ассоциативно-вербальной сети у актёров представляется не случайной, а опосредованной тренировкой режимов внимания к социальным и телесным признакам, что усиливает как плотность ближних связей, так и «разрежённые» дальние ребра в индивидуальной вербальной сети [3].

Эксперименты в виртуальной реальности показали у актёров иное распределение показателей зрительного внимания, рабочей памяти и стратегий планирования по сравнению с контрольными группами [7]. Театральные психотипы по Демидову разнятся по преобладающим каналам саморегуляции и контролю формы/содержания, что коррелирует с различиями в способах удержания и перестройки цели при вербализации [8]. В моделях актёрской креативности подчёркивается управляемая смена установок и быстрый рефрейминг ситуации — такие операции опираются на торможение конкурентных реакций и гибкое обновление рабочей памяти при порождении ассоциатов, что объясняет большую насыщенность редкими, но релевантными связями в сети [9]. В сумме наблюдается следующий профиль: более высокая когнитивная гибкость и эффективное торможение мешающих ответов задают условия для увеличения семантической дистанции допустимых реакций без потери целевой уместности [7; 8; 9].

Связь ассоциативных процессов с исполнительными функциями просматривается через два звена — торможение конкурентных реакций и переключение установок (когнитивная гибкость). Продуктивный редкий ответ требует «приглушить» ближайший шаблон, удержать цель высказывания и сдвинуть фокус на менее очевидный, но более выразительный признак. Для сцены это означает выигрыш времени и рост уместности вербальной метафоры, совпадающей с задачей момента.

Таким образом, проведённый когнитивный анализ позволил выделить стабильный профиль ассоциативно-вербальной сети у актёров: высокая доля межклассовых переходов при сохранении смысловой близости; расширенная периферия с приростом редких релевантных связей; выраженная индивидуальная амплитуда семантических профилей. Сопоставление с психолингвистическими данными подтвердило совпадение актёрских классов реакций с траекториями, описанными в свободном ассоциативном эксперименте и обратных словарях, включая выборки учебных билингвов. Связка с исполнительными функциями показала, что продуктивные редкие ответы опираются на торможение очевидных реакций, когнитивное переключение установок и удержание ролевой цели при ограниченном времени.

Список источников

1. Алексеева Г. А., Чурбанова С. М. Предпочтения "театральными подростками" формобщения и их взаимосвязь с новообразованиями в когнитивной и личностной сфере // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2025. № 3. DOI: 10.11621/LPJ-25-36 EDN: ETAYLH.
2. Беликов С. В. Роль ассоциативного эксперимента в формировании лингвокультурногоконцепта "ХАРБИН" // Филология и человек. 2023. № 2. С. 121-135. DOI: 10.14258/filiche(2023)2-09. EDN: WUMYLJ.
3. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Эвристический потенциал психолингвистических словарейразного типа // Вопросы психолингвистики. 2023. № 3(57). С. 36-60. DOI: 10.30982/2077-5911-2023-57-3-36-60. EDN: WJQAAA.
4. Гуц Е. Н. Особенности семантических отношений стимулов и реакций в ассоциативнойдеятельности учебных билингов // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2024. № 1(42). С. 65-69.
5. Григорьев А. А., Балясникова О. В. Психолингвистические переменные какпредикторы количественных показателей обратного ассоциативного словаря // Вопросы психолингвистики. 2024. № 2(60). С. 27-37. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-27-37. EDN: MTJDOM.
6. Литвинова Т. А., Паничева П. В. Индивидуальные различия в ассоциативном значениислова сквозь призму языковой модели и семантического дифференциала // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. № 1. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-5 EDN: KRQRCK.
7. Машков В. Л., Нефельд Е. Е., Ковалев А. И., Долгих А. Г., Смирнова Е. А., Самусева М.В., Стрельников С. В., Рогачева Д. А., Ваханцева О. В. Особенности проявлений высших психических функций у актеров в виртуальной реальности // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 4. С. 38-52. DOI: 10.11621/npj.2023.0404. EDN: ANUDCD.
8. Пронин С. С. Актерские психотипы. Форма и содержание // Управление образованием:теория и практика. 2025. Т. 15, № 7-1. С. 37-45. DOI: 10.25726/h3842-2620-6299-1. EDN: CUNJVN.
9. Собкин В. С., Лыкова Т. А. "К вопросу о психологии творчества актера" Л. С.Выготского: о соотношении своеобразия личностных характеристик и профессиональной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Т. 47, № 4. С. 194-222. DOI: 10.11621/LPJ-24-46. EDN: CTQYNL.
10. Собкин В. С., Лыкова Т. А., Петракова А. В. Студенты-актеры разных поколений:инвариантность и изменчивость личностных характеристик // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19, № 4. С. 90-99. DOI: 10.17759/chp.2023190409. EDN: QUXOMZ.

© П.И. Чумаков, 2026

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

НОВИК АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА

студент

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

*Научный руководитель: Строй Галина Владимировна**кандидат психологических наук, доцент**ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития игровой деятельности у дошкольников с нарушениями зрения. Обосновывается ключевая роль игры как средства коррекции и компенсации ограничений, вызванных зрительным дефектом, а также как инструмента познания окружающего мира и социализации ребёнка. Автор раскрывает специфические трудности, с которыми сталкиваются дети в процессе игры:

Ключевые слова: нарушения зрения, дошкольный возраст, игровая деятельность, дошкольный возраст.

FEATURES OF PLAY ACTIVITY IN PRESCHOOL CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION

Novik Anastasia Yurievna

Scientific adviser: Stroy Galina Vladimirovna

Abstract. The article examines the specifics of play activity development in preschool children with visual impairments. It substantiates the key role of play as a means of correcting and compensating for limitations caused by visual deficits, as well as a tool for exploring the surrounding world and socializing the child. The author reveals the specific challenges that children face during play.

Keywords: visual impairments, preschool age, play activity, preschool age.

В современном образовательном пространстве особое внимание уделяется инклюзии и созданию равных возможностей для развития всех детей, вне зависимости от особенностей здоровья. Дошкольный возраст — критический период для формирования базовых психических функций, социальных навыков и механизмов адаптации, а игра выступает ведущим видом деятельности, через который ребёнок осваивает окружающий мир, моделирует социальные отношения и развивает личностные качества [1].

Для детей с нарушениями зрения игра приобретает дополнительную значимость как компенсаторный механизм: она позволяет задействовать сохранные анализаторы (слуховой, тактильный, кинестетический), формировать пространственные представления и обогащать чувственный опыт. Однако зрительные ограничения объективно затрудняют естественное становление игровой деятельности: наблюдается сужение круга игровых интересов, упрощение сюжетов, трудности в принятии и исполнении ролей, недостаточная развёрнутость игровых действий, ограниченная способность к совместной игре [7].

Эти особенности требуют специально организованной педагогической поддержки: адаптации игрового материала, разработки методических приёмов, обучения детей способам замещения зрительной информацией другими сенсорными каналами. Без целенаправленного сопровождения игра таких дошкольников рискует остаться на уровне манипуляций с предметами, не выполняя своей развивающей и социализирующей функции [7].

Слепота и слабовидение относятся к группе психофизических нарушений, характеризующихся ограничением или полным отсутствием зрительной функции. Такие состояния оказывают существенное влияние на процесс становления и развития личности в целом. У детей с нарушениями зрения формируются особые черты в сфере деятельности, коммуникации и психофизического развития [1].

Среди детей с нарушениями зрения выделяют две основные категории. Первую составляют дети с абсолютной (тотальной) слепотой на оба глаза, для которых характерно полное отсутствие зрительного восприятия. Вторую категорию представляют дети с практической слепотой: у них сохраняется либо светоощущение, либо остаточное зрение, которое позволяет различать свет, цвет и силуэты объектов. При этом острота зрения у таких детей находится в диапазоне от 0,01 до 0,04.

В зависимости от выраженности зрительных нарушений выделяют две основные группы детей:

К категории слепых (незрячих) относят детей:

- полностью лишённых зрительных ощущений;
- обладающих светоощущением или остаточным зрением;
- страдающих прогрессирующими заболеваниями с сужением поля зрения;
- имеющих остроту зрения до 0,08.

Слабовидящие дети характеризуются следующими признаками:

- острота зрения на лучше видящем глазу с очковой коррекцией составляет от 0,05 до 0,2;
- наличие косоглазия и амблиопии при остроте зрения до 0,3.

У слабовидящих детей, помимо пониженной остроты зрения, нередко выявляются сопутствующие нарушения других зрительных функций. В их число входят расстройства цвето- и светоощущения, а также дефекты периферического и бинокулярного зрения. По происхождению зрительные нарушения делятся на врождённые и приобретённые.

У детей с нарушениями зрения, как слабовидящих, так и полностью слепых, формирование и совершенствование игровой деятельности существенно затруднено вследствие отсутствия или неполноценности зрительных функций. Данное обстоятельство закономерно влечёт за собой ряд взаимосвязанных последствий: сужение объёма жизненного опыта, ограничение социальных контактов, дефицит определённых когнитивных представлений, что в совокупности негативно сказывается на становлении и развитии игровой активности.

В частности, у детей с тотальной слепотой спонтанное формирование игровых навыков не происходит: для освоения базовых элементов игры им требуется целенаправленное педагогическое сопровождение. В связи с этим перед воспитателем встаёт специфическая задача — организовать начальное обучение игровой деятельности, чтобы впоследствии использовать игру как эффективный инструмент познавательного, социального и психомоторного развития ребёнка. [5].

Игрушка выступает значимым дидактическим инструментом, позволяющим ребёнку с нарушением зрения осваивать окружающий мир через альтернативные сенсорные каналы. В процессе взаимодействия с игровыми предметами у незрячих детей формируются базовые навыки игровой деятельности, причём особую развивающую ценность представляют звучащие игрушки, которые эффективно привлекают внимание воспитанников младшего дошкольного возраста.

В ходе предметно-манипулятивной деятельности дети активно исследуют акустические свойства игрушек, целенаправленно воздействуя на них для воспроизведения звуков. Примечательно, что при первичном контакте с игровым материалом незрячие дети способны выявлять его индивидуальные характеристики посредством тактильно-слухового восприятия. Ребёнок демонстрирует способность к узнаванию предпочитаемых предметов, хотя данный процесс не всегда базируется на сформированном, чётко дифференцированном сенсорном образе.

Игровая деятельность детей с нарушениями зрения отличается выраженной диспропорцией в психомоторном развитии. С одной стороны, у таких детей отмечается задержка моторного развития, обусловленная дефицитом зрительной афферентации; с другой — наблюдается опережающее формирование когнитивных функций (в частности, речевых навыков и представлений об окружающем мире) по отношению к уровню развития двигательных умений.

Ключевым условием развёртывания полноценной игровой деятельности выступает сформированный, сплочённый детский коллектив, характеризующийся налаженными коммуникативными связями. Возникновение коллективных форм игры становится возможным лишь после того, как дети осваивают предметные действия, объединённые общей целью и предполагающие исполнение определённых ролей. В процессе проигрывания разнообразных социальных ситуаций незрячие дети сталкиваются с необходимостью выстраивать межличностные отношения со сверстниками, что предъявляет особые требования к их социально-коммуникативным навыкам.

Ограниченность чувственного опыта у детей с нарушениями зрения приводит к формированию фрагментарных, недостаточно целостных представлений о предметах и способах взаимодействия с ними. Данное обстоятельство обуславливает ряд специфических особенностей их игровой деятельности, среди которых можно выделить:

- замедление темпов формирования предметно-игровых действий;
- упрощение сюжетно-содержательной линии игр;
- снижение уровня вовлечённости в совместные игровые процессы.

Процесс освоения предметных действий у детей с нарушениями зрения характеризуется значительной продолжительностью. При этом игра для незрячего ребёнка не выступает суррогатом реальной деятельности, а представляет собой подлинную форму жизнедеятельности, позволяющую активно включаться в социальную жизнь. Следовательно, освоение новых игровых действий, по сути, означает освоение реальной действительности, поскольку через игру ребёнок приобретает жизненно важные умения и опыт социального взаимодействия [1].

Как отмечают тифлопедагоги Л. И. Солнцева [3] и Т. П. Свиридчук [2], развитие сюжетно-ролевой игры у детей с нарушениями зрения подчиняется тем же фундаментальным закономерностям, что и у их сверстников без зрительных патологий. Вместе с тем в процессе формирования игровой деятельности у слабовидящих дошкольников выявляются определённые специфические особенности и трудности, детерминированные, прежде всего, степенью тяжести зрительной патологии и актуальным уровнем развития зрительных функций.

Указанные особенности выражаются в дефиците зрительно-сенсорного опыта, а также формирование у детей нечётких и фрагментарных представлений о предметах и способах взаимодействия с ними обуславливает ряд негативных последствий в развитии игровой деятельности. В частности, это приводит к замедлению темпов освоения предметно-игровых действий, поскольку недостаточная полнота сенсорных образов затрудняет понимание функциональных свойств объектов и алгоритмов их использования.

Кроме того, наблюдается существенное упрощение и обеднение игровых сюжетов. Из-за ограниченности предметных представлений дети не могут выстраивать сложные, развёрнутые сценарии, включать в игру разнообразные элементы и взаимосвязи. Наконец, дефицит целостных представлений о предметах негативно сказывается на качестве социального взаимодействия в процессе игры — снижается уровень кооперации, возникают трудности в распределении ролей и согласовании действий, что в совокупности ограничивает развитие коммуникативных навыков и способности к совместной игровой деятельности.

Как отмечает Т.П. Свиридчук, замедленное развитие предметно-игровых действий негативно сказывается на содержательной составляющей игры [2, с. 112]. Причина обусловлена тем, что сниженная образность представлений и недостаточная сформированность предметных действий закономерно ограничивают разнообразие и глубину разворачиваемых игровых сюжетов.

В старшем дошкольном возрасте в структуре игровой деятельности центральное место занимают ролевые функции и соответствующие им действия, которые дети стремятся реализовывать с привле-

чением предметов-заместителей. Однако у слабовидящих дошкольников наблюдается иная динамика: для них по-прежнему доминирующую роль сохраняют действия с реальными игрушками. Это приводит к тому, что в ситуациях, когда необходимые игровые предметы отсутствуют, дети зачастую утрачивают принятую роль и настойчиво требуют предоставления конкретной игрушки, без которой не могут продолжить игру.

У слабовидящих детей при использовании предметов-заместителей игровые действия оказываются излишне детализированными, тогда как нормально видящие дошкольники оперируют заместителями более обобщённо, задействуя символическую функцию предмета. Это указывает на то, что у слабовидящих роль ещё не стала ведущим мотивом игры, что связано с недостаточной сформированностью предметно-игровых и ролевых действий и отражает специфику развития игровой деятельности при нарушениях зрения [5].

В период становления ролевых мотивов у дошкольников с нарушениями зрения сохраняется выраженный интерес к манипулятивным действиям с игровыми предметами. Однако вследствие недостаточной сформированности предметно-игровых действий игровая деятельность слабовидящих детей характеризуется упрощённостью структуры и снижением содержательного наполнения по сравнению с играми сверстников с нормальным зрением. Ключевым фактором, детерминирующим специфику мотивационной сферы игры у данной категории детей, выступает дефицит конкретики в способах взаимодействия с игровыми объектами.

Сравнительный анализ динамики развития игровой деятельности демонстрирует существенные возрастные различия в формировании ключевых компонентов игры. У детей с нормальным зрением процесс освоения предметно-игровых действий преимущественно завершается к четырёхлетнему возрасту, после чего на пятом году жизни наблюдается качественный переход к доминированию ролевых мотивов в игре. В то же время у слабовидящих дошкольников формирование предметно-игровых навыков продолжается вплоть до пяти-шестилетнего возраста, что обуславливает более поздние сроки становления ролевой игры как ведущей формы игровой деятельности [3, с. 67].

Ребёнок среднего дошкольного возраста с нарушениями зрения активно участвует в творческой ролевой игре. Хотя ребёнок охотно принимает на себя роль, он подчиняет свои игровые действия не сюжету игры, а предметной ситуации. Предметы и игрушки определяют характер деятельности ребёнка. Он выполняет все возможные действия с имеющимися предметами. Творческая игра носит обобщённый характер. Ребёнок лечит не конкретного пациента с его проблемами, а просто делает укол, стрижёт ногти и измеряет температуру. Эти действия определяются общим представлением о том, что может делать врач и наличием подходящих игрушек [4, с. 43].

В игровой деятельности детей с нарушениями зрения наблюдается ориентация на сам процесс действия, а не на его смысловое наполнение. Ребёнок выполняет стандартные операции (измерение температуры, инъекция), не учитывая конкретных жалоб «пациента», который ограничивается просьбой «Полечи меня». Характерно, что дети проявляют интерес к отсутствующим элементам игры, но не задают уточняющих вопросов о характере недомогания или необходимых действиях [4, с. 45].

У старших дошкольников с нарушениями зрения (6–7 лет) отмечается существенный прогресс в развитии творческой игры, свидетельствующий о повышении уровня психосоциального развития. На этом этапе дети не просто корректно используют игровые предметы, но и осознанно следуют правилам игры, мотивируют и вербально поясняют свои действия, активно взаимодействуют с партнёрами, выступая уже не пассивными участниками, а инициаторами игровой ситуации. Они целенаправленно конструируют сюжет и организуют действия для достижения игровых целей — например, в роли врача ребёнок задаёт «пациенту» вопросы и на основе ответов выстраивает последовательность игровых действий [4, с. 48].

У дошкольников с нарушениями зрения наблюдается устойчивая тенденция к вербализации игровой деятельности: игра во всех возрастных группах часто переходит в речевую плоскость. В процессе когнитивного развития у таких детей накапливается значительный объём словесных знаний и представлений, которые не опираются на зрительные образы. При этом речь выполняет компенсаторную функцию — не только удовлетворяет базовые коммуникативные потребности, но и служит инструмен-

том решения практических задач, осложнённых зрительными ограничениями. Благодаря речевой активности ребёнок расширяет возможности познавательной и социальной адаптации, преодолевая трудности, обусловленные нарушением зрения.

Дети старшего дошкольного возраста с нарушениями зрения стремятся играть вместе со сверстниками, но им трудно ориентироваться в пространстве и координировать совместную деятельность без помощи воспитателя. В таких случаях дети играют в одиночку или рядом с товарищем, решая возникающие проблемы с помощью слов [4, с. 55].

Двигательная и игровая активность детей с нарушениями зрения ограничена из-за двигательных трудностей и сложностей в ориентации. Они выполняют элементарные действия, а всю остальную ситуацию додумывают и разрешают словами.

Таким образом, особенности игровой деятельности у детей с нарушением зрения связаны с физиологическими особенностями их восприятия и адаптации к окружающему миру. Ограниченный жизненный опыт и суженный круг общения приводят к бедности игрового сюжета и отсутствию конкретных представлений. Такие дети используют сохранные анализаторы (осязание, обоняние, слух, вкус, мышечное чувство) для упражнений и развития умений и навыков. Речь совершенствуется, они быстро реагируют на вопросы, сравнивают и сопоставляют предметы.

Список источников

1. Конева Е. С. Особенности сюжетно-ролевой игры у детей с нарушением зрения [Электронный ресурс] / Е. С. Конева // Образовательная социальная сеть «NSPORTAL.RU». — 2019. — 16 января. URL: <https://nsportal.ru/detskii-sad/korreksionnaya-pedagogika/2019/01/16/osobennosti-syuzhetno-rolievoy-igry-u-detey-s> (Дата обращения: 09.01.2026).
2. Свиридюк Т.П. Педагогическое руководство игровой деятельностью детей с нарушением зрения. – Киев, 2011. – 190 с.
3. Солнцева Л. И. Тифлопсихология детства / Л. И. Солнцева. - М. : Полиграф сервис, 2000. – 250 с.
4. Солнцева Л.И., Хорош С.М. Советы родителям по воспитанию слепых детей раннего возраста / Л.И. Солнцева, С.М. Хорош – Москва, 2014. – 126 С.
5. Сурикова, А. Г. Педагогические принципы организации сюжетной игры для детей с патологией зрения [Электронный ресурс] / А. Г. Сурикова // Портал «Дефектология Проф»: Московский институт коррекционной педагогики. — 2021. — 15 декабря. URL: https://www.defectologiya.pro/zhurnal/pedagogicheskie_principiyi_organizaczii_syuzhetnoj_igry_dlya_detey_s_patologii_zreniya/ (Дата обращения: 09.01.2026).
6. Шаповал Ирина Анатольевна, Орлова Наталья Михайловна Проблемы развития навыков общения дошкольников с нарушениями зрения в игре // Концепт. 2015. №9. С. 1-7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-navykov-obscheniya-doshkolnikov-s-narusheniyami-zreniya-v-igre> (Дата обращения: 08.01.2026).
7. Якуба Т. Я. Роль воспитателя при организации сюжетно-ролевой игры у детей с нарушением зрения / Т.Я. Якуба — Текст: непосредственный // Современный урок. – 2023. URL: <https://www.1urok.ru/categories/19/articles/63736> (Дата обращения: 09.01.2026).

© Г.В. Строй, А.Ю. Новик, 2026

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ МВД, ПЕРЕЖИВШИХ ТРАВМУ ПОТЕРИ РАБОТЫ

КОРОВАКОВСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

магистрант

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

Аннотация: Потеря работы для сотрудников МВД часто переживается тяжелее, чем обычное увольнение, потому что служба обычно тесно связана с самооценкой, статусом и привычным образом жизни. Такое событие может нарушать представления о будущем и способность строить планы. В статье жизненная перспектива определяется как представления человека о своём будущем: насколько далеко он планирует, какие цели и роли в него включает, насколько ощущает контроль над ситуацией, насколько жизнь воспринимается связной и каким эмоциональным тоном окрашены ожидания. Отдельно обсуждается роль саморегуляции (умения поддерживать активность и организовывать свою жизнь без привычной структуры службы), а также факторы, которые могут мешать восстановлению планов: усталость, истощение, повышенная чувствительность к стрессу. В качестве условий восстановления выделяются психологическая устойчивость, поддержка, адекватные способы справляться со стрессом и постепенное формирование нового образа будущего.

Ключевые слова: жизненная перспектива, потеря работы, увольнение, травматический опыт, сотрудники МВД, профессиональная идентичность, самоотношение, саморегуляция.

FEATURES OF THE LIFE PERSPECTIVE OF THE PERSONALITY OF INTERIOR MINISTRY EMPLOYEES WHO HAVE EXPERIENCED THE TRAUMA OF LOSING THEIR JOBS

Korovyakovsky Sergey Sergeevich

Abstract: Losing a job is often more difficult for Interior Ministry employees than a regular dismissal, because service is usually closely related to self-esteem, status, and a habitual lifestyle. Such an event can disrupt the perception of the future and the ability to make plans. In the article, a life perspective is defined as a person's idea of their future: how far they plan, what goals and roles they include in it, how much control they feel over the situation, how much life is perceived as coherent, and what emotional tone expectations are colored by. The role of self-regulation (the ability to maintain activity and organize one's life without the usual structure of service) is discussed separately, as well as factors that may interfere with the restoration of plans: fatigue, exhaustion, hypersensitivity to stress. Psychological stability, support, adequate ways to cope with stress, and the gradual formation of a new image of the future are highlighted as conditions for recovery.

Key words: life perspective, job loss, dismissal, traumatic experience, Interior Ministry employees, professional identity, self-attitude, self-regulation.

Потеря работы традиционно рассматривается как один из наиболее сильных стрессоров, способных запускать кризисные реакции, перестройку планов и ухудшение психологического благополучия. Однако в профессиональных группах, где служба выступает не просто занятостью, а элементом идентичности и социальной легитимности, последствия утраты должности часто выходят за пределы

«обычного» стресса безработицы. Для сотрудников МВД работа несёт выраженный ролевой и ценностный компонент: она формирует образ себя, систему повседневной дисциплины, круг общения, ощущение принадлежности и перспективы «служебного будущего» (выслуга, звания, траектория карьеры, статус). Поэтому увольнение может переживаться как травматическая утрата, затрагивающая смысловую систему, представления о будущем, а также личностную устойчивость. В результате прекращения службы может переживаться как травматический разрыв, затрагивающий ценностно-смысловую организацию личности и нарушающий сформированную жизненную перспективу. Под жизненной перспективой в рамках данной статьи понимается целостная психологическая характеристика, отражающая структуру представлений личности о будущем и её готовность к жизненному проектированию. Она включает: временной горизонт (дальность планирования), содержательное наполнение будущего (цели, роли, планы), субъективный контроль и управляемость (ощущение влияния на ход событий), смысловую связность жизненного пути (согласованность прошлого, настоящего и будущего), а также эмоционально-оценочный компонент (преобладающий тон ожиданий и отношение к будущему).

Важно отметить, что психологические последствия нередко начинают формироваться ещё до самого увольнения, когда появляется угроза потери работы или сохраняется неопределённость трудового статуса. Такие авторы, как А.Н.Дёмин и И.А.Петрова подчеркивают, что угроза потери работы связана с ростом психологического напряжения и снижением субъективного благополучия, а также с изменением переживания будущего как менее предсказуемого и контролируемого [3]. Для сотрудников МВД, чья профессиональная среда основана на дисциплине, регламенте и стабильных критериях эффективности, такая неопределённость может быстрее приводить к сужению временного горизонта и доминированию негативных прогнозов. В смежном контексте показано, что при негарантированной занятости изменяется временная перспектива, возрастает психологическая нагрузка и ухудшается способность к устойчивому планированию [7]. В ситуации вынужденного выхода из системы МВД этот механизм может закрепляться: новая занятость часто начинается в условиях неопределённости (поиск работы, временные контракты, смена сферы), что затрудняет восстановление долгосрочной перспективы.

При анализе последствий фактической потери работы центральным становится кризис адаптации. Исследователь Т.В.Юрьева рассматривает, что потеря работы сопровождается перестройкой поведения и эмоциональной сферы, а успешность преодоления кризиса связана с переходом от реактивного переживания утраты к активному освоению новой жизненной ситуации, включая формирование образа желаемого будущего [14]. Для бывших сотрудников МВД данный кризис может быть осложнён выраженным ролевым разрывом: прекращение службы означает не только потерю рабочего места, но и разрушение привычного образа себя, социального окружения и нормативной системы, структурировавшей повседневную жизнь. На этом фоне жизненная перспектива может приобретать признаки фрагментации: планы становятся краткосрочными, а будущее переживается как слабоуправляемое и эмоционально небезопасное [5], [7].

Значимым механизмом, который влияет и на нарушение, и на последующее восстановление жизненной перспективы после увольнения, выступает саморегуляция активности, то есть способность человека самостоятельно поддерживать целенаправленные действия, организовывать повседневный режим и удерживать планирование в условиях утраты привычной внешней структуры. Исследователи А.К.Осницкий и Т.С.Чуйкова отмечают, что потеря работы требует перестройки регуляторных процессов: меняются условия организации деятельности, критерии эффективности и источники обратной связи, вследствие чего субъекту необходимо формировать новые способы поддержания активности и целенаправленности [10]. Для уволенных сотрудников МВД перестройка саморегуляции может быть особенно напряжённой, поскольку прежняя профессиональная система обеспечивала внешнюю структурированность деятельности и понятные ориентиры. При недостаточности регуляторных ресурсов возникает риск снижения активности и «сужения» жизненной перспективы до задач текущего выживания.

Содержательная перестройка жизненной перспективы тесно связана с изменениями ценностно-смысловой сферы. В.А.Серый, М.С.Яницкий и М.Б.Семенова указывают, что вынужденная потеря работы сопровождается трансформацией смыслов и переоценкой ценностей, что может приводить к снижению осмысленности жизненного пути и изменению структуры целей [11]. Для сотрудников МВД риск

смыслового разрыва повышается за счёт высокой значимости профессиональной роли, как компонента личностной идентичности: служебные ценности (долг, порядок, социальная значимость) нередко занимают центральное место, и их утрата может приводить к субъективной утрате основания биографии. Теоретическая постановка проблемы жизненных перспектив в контексте безработицы также подчёркивает, что изменение перспективы связано с переживанием кризисной ситуации и переопределением возможностей личности [9].

Эмпирические данные по сотрудникам МВД позволяют выделить предикторы уязвимости перспективы при травме потери работы. Первоначально, это накопленное истощение и выгорание. Исследователи Л.А.Байтимилова и И.Н.Коноплева подчеркивают значимость индивидуально-психологических характеристик (в том числе устойчивости и регуляторных компонентов) в развитии эмоционального выгорания у сотрудников МВД [1]. При наличии истощения увольнение может приводить к более выраженному снижению активности и планирования, поскольку ресурс на перестройку жизненной ситуации ограничен. Затем, уязвимость усиливается при высокой утомлённости и информационно-психологической чувствительности. С.В.Духновский и К.В.Злоказов демонстрируют взаимосвязи уязвимости, утомлённости и устойчивости у сотрудников МВД [5]. В постувольнительном периоде это может проявляться в повышенной чувствительности к негативной информации (о рынке труда, социальных оценках, финансовых рисках), катастрофизации и генерализации неудач, что ухудшает реалистичность жизненного планирования и усиливает тревожный образ будущего.

Далее, существенную роль играет когнитивно-личностная организация опыта. Исследователи А.Г.Глухова и М.Н.Мальцева выделяют некоторые особенности личностных конструктов специалистов экстремальных сфер, включая МВД, где часто выражены нормативность, ориентация на ответственность и оценка риска [2]. В ситуации увольнения такая система конструктов может иметь амбивалентный эффект: способствовать дисциплинированной мобилизации или, напротив, усиливать жёсткость самооценки и поляризацию жизненной перспективы («или служба, или неуспех»). Поэтому для понимания перспективы уволенных сотрудников МВД важно учитывать, допускает ли когнитивная система личности альтернативные сценарии будущего и возможность переноса профессиональных компетенций в новые роли.

Ресурсным фактором может выступать психологическая безопасность как система внутренних и внешних условий, поддерживающих субъектность в сложных обстоятельствах. Данные о психологической безопасности сотрудников МВД в особых условиях деятельности подчёркивают значимость факторов, обеспечивающих сохранение работоспособности и устойчивости в неблагоприятной среде [8]. В логике жизненной перспективы это означает, что при условии, если человек психологически чувствует себя в безопасности, ему легче сохранять ощущение, что он хоть как-то управляет ситуацией, и тогда будущее выглядит не как сплошная угроза, а как что-то, где можно действовать и что-то менять.

Для комплексного понимания восстановительных процессов важны также данные о субъективном благополучии и удовлетворённости профессиональной деятельностью. Исследователь А.С.Душкин с соавторами рассматривают совокупность субъективных и объективных факторов, влияющих на удовлетворённость служебной деятельностью [4]. Автор Ю.Ю.Стрельникова отмечает связь удовлетворённости трудом и субъективного благополучия с уровнем стрессовой нагрузки в жизни и базисными убеждениями [12]. Эти результаты позволяют предположить, что благополучие и базисные убеждения задают фон переживания будущего: при более адаптивных убеждениях и меньшим уровнем стрессовой нагрузки выше вероятность конструктивной реконструкции перспективы даже после травматической утраты работы.

Отдельного внимания заслуживает связь жизненной перспективы с самоотношением и копингом в ситуации безработицы. В своих работах Т.А.Осипович показывает, что характеристики жизненной и временной перспективы безработных связаны со стратегиями совладания и особенностями самоотношения [9]. В отношении уволенных сотрудников МВД это означает, что переживание увольнения как личностного поражения повышает риск дезадаптивных копинг-стратегий (избегание, эмоциональная дезорганизация), что препятствует восстановлению перспективы; напротив, сохранение самооценки и принятие опыта службы как ресурса способствует проблемно-ориентированному копингу и восстановлению жизненного проектирования.

На основании сопоставления данных можно сформулировать ключевые особенности жизненной перспективы личности сотрудников МВД, переживших травму потери работы. Первая особенность заключается в повышенной вероятности смыслового разрыва и дестабилизации профессиональной идентичности, что проявляется в снижении осмысленности жизненного пути и в переживании будущего как «обнуленного» или неопределённого [7], [9]. Вторая особенность связана с сужением временного горизонта и ростом тревожного образа будущего, формирующегося как под влиянием угрозы потери работы, так и под влиянием последующей негарантированной занятости [11], [13]. Третья особенность состоит в снижении субъективного контроля и фрагментации планирования, так как после увольнения человеку приходится заново выстраивать свою активность и привычный режим действий [9], а на фоне усталости он становится более уязвимым и хуже справляется со стрессом [8]. Четвёртая особенность заключается в высокой зависимости восстановления перспективы от самоотношения и совладающих стратегий [13], а также от ресурсов психологической безопасности [10] и эмоциональной саморегуляции [12].

В заключении целесообразно отметить, что жизненная перспектива уволенных сотрудников МВД является чувствительным индикатором как тяжести травматического переживания потери работы, так и потенциала последующего восстановления. Синтез исследований по психологическому функционированию сотрудников МВД (выгорание, уязвимость, эмоциональные состояния, удовлетворённость и благополучие) [1], [8], [12], и исследований по потере работы и безработице (угроза потери работы, кризис адаптации, саморегуляция после увольнения, смысловая перестройка, временная перспектива) [9], позволяет рассматривать увольнение как событие, нарушающее структурную организацию будущего, но оставляющее возможность восстановления при наличии регуляторных ресурсов, поддерживающих убеждений и эффективного совладания [10], [13]. Практически значимыми направлениями психологической помощи являются: реконструкция образа желаемого будущего и расширение временного горизонта, поддержка саморегуляции активности и восстановление субъектной позиции, работа со смысловой сферой и интеграцией профессионального опыта, снижение утомлённости и уязвимости как факторов негативной переработки информации, а также укрепление самоотношения и формирование адаптивных копинг-стратегий [14].

Список источников

1. Байtimiрова Л. А., Коноплева И. Н. Роль индивидуально-психологических характеристик в развитии эмоционального выгорания у сотрудников ОВД [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 2–17. – DOI: 10.17759/psylaw.2020100401. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n4/Baitimirova_Konopleva (дата обращения: 15.01.2026).
2. Глухова А. Г., Мальцева М. Н. Специфика личностных конструкторов специалистов экстремальных сфер деятельности (на примере сотрудников МЧС и МВД России) [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 2–16. – DOI: 10.17759/psylaw.2021110201. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2021_n2/Glukhova_Maltseva (дата обращения: 15.01.2026).
3. Дёмин А. Н., Петрова И. А. Психологические эффекты угрозы потери работы // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, № 6. – С. 38–49.
4. Душкин А. С., Баринова М. Г., Коноплева И. Н., Душкина Е. В. Субъективные и объективные показатели, влияющие на удовлетворенность профессиональной служебной деятельностью сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 193–208. – DOI: 10.17759/psylaw.2025150113. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2025_n1/psylaw_2025_n1_Dushkin_Barinova_Konopleva_Dushkina.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
5. Духновский С. В., Злоказов К. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел как предиктор умственной утомленности [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 50–67. – DOI: 10.17759/psylaw.2024140405. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n4/Dukhnovsky_Zlokazov (дата обращения: 15.01.2026).
6. Калугина Г. А. Жизненные перспективы личности, оказавшейся в кризисной ситуации безработицы: постановка проблемы [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета.

Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1 (13). – URL: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc/article/view/7379> (дата обращения: 15.01.2026).

7. Канунников Р. И., Коноплева И. Н. Психологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел в особых условиях деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 107–121. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n3/Kanunnikov_Konopleva (дата обращения: 15.01.2026).

8. Марьин М. И., Терегулова О. А. Факторы, влияющие на формирование оптимальных эмоциональных состояний сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 145–157. – DOI: 10.17759/psylaw.2024140211. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n2/Maryin_Teregulova (дата обращения: 15.01.2026).

9. Осипович Т. А. Анализ жизненной и временной перспективы безработных [Электронный ресурс] // Вестник КРСУ. – 2010. – Т. 10, № 11. – С. 68–74. – URL: <https://vestnik.krsu.kg/en/archive/150/6435> (дата обращения: 15.01.2026).

10. Осницкий А. К., Чуйкова Т. С. Саморегуляция активности субъекта в ситуации потери работы // Вопросы психологии. – 1999. – № 1. – С. 92–104.

11. Серый А. В., Яницкий М. С., Семенова М. Б. Трансформация ценностно-смысловой сферы личности в ситуации вынужденной потери работы [Электронный ресурс] // Психология в экономике и управлении. – 2012. – № 2. – С. 38–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostno-smyslovoy-sfery-lichnosti-v-situatsii-vynuzhdennoy-poteri-raboty> (дата обращения: 15.01.2026).

12. Стрельникова Ю. Ю. Удовлетворённость трудом и субъективное благополучие сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 228–236. – DOI: 10.35750/2071-8284-2023-4-228-236. – URL: <https://vestnikspbmvd.ru/en/storage/download/139099> (дата обращения: 15.01.2026).

13. Чуйкова Т. С., Сотникова Д. И. Временная перспектива в условиях негарантированной работы // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 188–213. – DOI: 10.21702/rpj.2017.1.12.

14. Юрьева Т. В. Кризис адаптации и опыт его преодоления в ситуации потери работы [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 16, № 1. – С. 277–281. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-adaptatsii-i-opyt-ego-preodoleniya-v-situatsii-poteri-raboty> (дата обращения: 15.01.2026).

УДК 159.99

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОТРАВМЫ И ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЗДОРОВЬЯ

ЯСТРЕБОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

магистрант

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

Аннотация: Статья посвящена взаимосвязи психотравмы и жизненной позиции личности как психологической основы отношения к здоровью. Показано, что травматический опыт может снижать гармонию, осознанность и активность жизненной позиции и влиять на базовые установки, что проявляется в особенностях заботы и готовности обращаться за психологической поддержкой. Обсуждается неоднозначность трансформации жизненной позиции в контексте психотравмирующего опыта и выделяются ресурсы восстановления: аутентичность и смысловое совладание.

Ключевые слова: психотравма, жизненная позиция, отношение к здоровью, забота, смысловое совладание.

THE CORRELATION BETWEEN PSYCHOTRAUMA AND A PERSON'S LIFE POSITION IN RELATION TO HEALTH

Yastrebova Tatyana Sergeevna

Abstract: The article is devoted to the relationship between psychotrauma and the life position of a person as a psychological basis for the attitude to health. It has been shown that traumatic experiences can reduce harmony, awareness and activity of a life position and affect basic attitudes, which is manifested in the features of self-care and willingness to seek psychological support. The ambiguity of the transformation of a life position in the context of traumatic experience is discussed and recovery resources are allocated: authenticity and semantic coping.

Key words: psychotrauma, life position, attitude to health, self-care, semantic coping.

Проблема взаимосвязи психотравмы и жизненной позиции личности в отношении здоровья актуальна потому, что травматический опыт нередко затрагивает не только эмоциональные реакции, но и более устойчивые основания саморегуляции: представления о собственной ценности, о справедливости и предсказуемости мира, о степени личного контроля и ответственности, а также о допустимых стратегиях заботы о себе. В психологическом смысле отношение к здоровью может пониматься как система установок и практик самосохранения, включающая ценность жизни, готовность к заботе, способность поддерживать устойчивые привычки, обращаться за поддержкой и выдерживать долгосрочную ориентацию на благополучие. Эти характеристики опираются на жизненную позицию как на относительно устойчивый способ «занимать место» в собственной жизни: оставаться субъектом выбора и действия, поддерживать самоуважение и доверие к себе, сохранять внутреннюю согласованность между ценностями и поведением.

Важным шагом к исследованию жизненной позиции как эмпирически измеряемой категории является подход Д.А. Леонтьева и А.Е. Шильманской, в котором жизненная позиция трактуется как отно-

шение личности к собственной жизни, выраженное в трех компонентах: гармонии, осознанности и активности [4]. Гармония отражает субъективное согласование человека с собственной жизнью и её течением; осознанность задаёт уровень рефлексивности и понимания своей жизненной позиции; активность описывает степень субъектности, готовности действовать и влиять на ход жизни [4]. Данная модель продуктивна для анализа психотравмы, поскольку травматическое событие может изменять все три компонента. Переживание угрозы и утраты опор снижает гармонию: жизнь воспринимается как более небезопасная, непредсказуемая и неуправляемая. Осознанность жизненной позиции может снижаться вследствие избегания переживаний, либо становиться односторонней, когда рефлексия превращается в руминацию, фиксированную на угрозе. Активность как субъектность также может снижаться из-за переживания бессилия и неконтролируемости: при травме человек сталкивается с ситуацией, где привычные способы влияния не работают, и эта “невозможность действовать” может закрепляться как общий способ отношения к жизни [4]. В таком случае жизненная позиция становится менее деятельной и менее интегрированной, а отношение к здоровью приобретает реактивный характер.

Психологическая динамика отношения к здоровью в условиях травмы может иметь разные формы. При снижении активности и доверия к себе возможно развитие сценария обесценивания и избегания: человек снижает значимость заботы о себе, игнорирует сигналы состояния, отказывается от регулярных практик саморегуляции, откладывает обращение за поддержкой. При иной конфигурации может формироваться сценарий тревожного гиперконтроля: здоровье становится объектом постоянной проверки и напряжённого контроля как компенсаторной попытки восстановить ощущение управляемости жизни. Оба сценария психологически связаны с тем, что жизненная позиция утрачивает зрелую активность и осознанность, либо подменяет их формами реактивности (контроль) или пассивности (избегание) [4].

Дополнительную инструментальную перспективу даёт транзактный анализ, в рамках которого жизненная позиция понимается как базовые установки по отношению к себе и другим (“Я ОК/не ОК”, “Ты ОК/не ОК”), влияющие на доверие, стиль взаимодействия и способы совладания. Исследователи И.А. Федотов и Н.В. Наместникова описывают адаптацию шкалы жизненной позиции, подчёркивая возможность измерения базовых позиций и их применения в исследовательских и практических задачах [7]. Под базовыми позициями понимаются следующие личностные представления:

- «Я ОК – Ты ОК» (здоровая позиция),
- «Я ОК – Ты не ОК» (параноидная позиция),
- «Я не ОК – Ты ОК» (депрессивная позиция),
- «Я не ОК – Ты не ОК» (шизоидная позиция).

Авторы И.А. Федотов и П.М. Суркова подчеркивают, что жизненная позиция различается у клиентов с разной выраженностью психологических трудностей, что подтверждает её связь с характером самовосприятия и отношения к миру [8]. В контексте психотравмы это важно, потому что травматический опыт часто влияет именно на базовые убеждения: усиливает настороженность, снижает доверие, провоцирует ожидание угрозы и переживание собственной “неправильности” или уязвимости. При усилении установок типа “я не ОК” или “другие не ОК” возрастает вероятность неблагоприятных форм отношения к здоровью: либо человек избегает обращения за поддержкой из-за недоверия и стыда, либо становится зависимым и беспомощным, либо стремится компенсировать уязвимость жестким самоконтролем [7; 8]. Таким образом, транзактно-аналитическая трактовка жизненной позиции позволяет увидеть, что последствия травмы могут проявляться не только в снижении активности, но и в перестройке фундаментальных оснований самозаботы: самооценности и доверия.

Эмпирический материал о трансформации жизненной позиции под воздействием экстремального опыта представлен в исследовании В.И. Екимовой и С.П. Булкиной, где рассматриваются изменения ценностей и жизненной позиции у военнослужащих, участвовавших в антитеррористических действиях [2]. Авторы показывают, что экстремальные условия могут запускать переоценку ценностей и сдвиги жизненной позиции, однако процесс остается неоднозначным: изменения могут затрагивать нормативный уровень и не всегда переходить в устойчивую личностно-смысловую систему [2]. Для отношения к здоровью это принципиально: травматический опыт способен актуализировать ценность жизни и самосохранения, но без внутреннего присвоения и интеграции на уровне смыслов эта актуализация может

быть кратковременной. Человек может формулировать “правильные” установки, но не поддерживать их реальными устойчивыми практиками самозаботы. Следовательно, связь психотравмы и жизненной позиции проявляется не только в рисках “снижения” позиции, но и в возможности трансформации, требующей психологической переработки и смыслового присвоения опыта.

Ресурсная линия исследований помогает понять, какие механизмы поддерживают жизненную позицию в кризисе, связанном с травмой, и тем самым опосредуют более зрелое отношение к здоровью. В работе К.А. Бочавер, А.В. Десятниковой и Н.А. Зязиной показано, что аутентичность личности может выступать ресурсом психологического благополучия при совладании с травмой [1]. Аутентичность в данном контексте можно понимать как способность сохранять контакт со своими ценностями, личностной целостностью и внутренней правдой, не теряя авторства собственной жизни даже при кризисе [1]. С позиции отношения к здоровью это означает, что самозабота становится не реакцией страха и не набором внешних норм, а выражением личностной целостности: “я ценю жизнь и поддерживаю себя потому, что это соответствует моим принципам”. Такой тип мотивации устойчивее и менее зависим от внешних обстоятельств.

Важным психологическим механизмом, связывающим травматический опыт и жизненную позицию, выступает смысловое совладание. Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова и О.А. Тараненко рассматривают смысловое совладание как значимую диагностическую мишень, отражающую способность человека перерабатывать трудные события через смысл и действовать, опираясь на осмысленные принципы, а не только на эмоциональные реакции [3]. В их логике смысловое совладание связано с ресурсами личности и может изменяться в зависимости от воспринимаемой контролируемости и субъективной значимости ситуации [3]. Для заявленной темы это означает следующее: при развитом смысловом совладании психотравма с меньшей вероятностью разрушает жизненную позицию, потому что человек способен включить пережитое в жизненную историю, не разрушая базовую самооценку и субъектность. В таком случае возрастает вероятность зрелого отношения к здоровью, где забота о себе становится системной: человек поддерживает режимы восстановления, выдерживает регулярность, обращается за поддержкой и не обесценивает собственные потребности. При дефиците смыслового совладания травматический опыт может закрепляться как “провал смысла” или как доминирующая негативная схема, что снижает осознанность и активность жизненной позиции и ухудшает качество саморегуляции [3; 4].

Связь жизненной позиции с общим психологическим состоянием подтверждается исследованием Г.Н. Эйдельмана, где показано, что жизненная позиция связана с уровнем психологического благополучия у молодежи и имеет особенности при разных уровнях благополучия [9]. Это важно учитывать, потому что психотравма нередко сопровождается снижением благополучия и ростом уязвимости, а значит повышается риск смещения жизненной позиции в сторону меньшей целостности и меньшей активной субъектности. При таком смещении отношение к здоровью становится менее устойчивым и хуже регулируемым: ухудшается способность поддерживать практики самозаботы, возрастает вероятность поведения, ориентированного на краткосрочное облегчение, а также снижается готовность искать поддержку. Следовательно, жизненная позиция может рассматриваться как психологический “узел”, через который травма влияет на здоровье не как медицинский исход, а как область саморегуляции и жизненных решений.

В целом, анализ источников позволяет сделать вывод, что психотравма и жизненная позиция личности связаны в нескольких измерениях. Психотравматический опыт способен снижать гармонию, осознанность и активность жизненной позиции, ослабляя субъектность и внутреннюю согласованность [4], а также менять базовые установки по отношению к себе и другим, снижая доверие и самооценку [7; 8]. Эти изменения повышают риск неблагоприятных форм отношения к здоровью: избегания самозаботы, обесценивания поддержки либо тревожного контроля как компенсации уязвимости. Одновременно жизненная позиция может выступать ресурсом посттравматической адаптации: при наличии аутентичности и смыслового совладания сохраняется авторство собственной жизни, поддерживаются осознанность и субъектная активность, что формирует предпосылки для зрелого отношения к здоровью как к ценности и сфере личной ответственности [1; 3]. Эмпирические данные о трансформации жизненной позиции при экстремальном опыте показывают, что изменения возможны, но их устойчи-

вость зависит от глубины личностной интеграции: нормативная переоценка без смыслового присвоения не гарантирует перехода к устойчивой самозаботе [2]. Практически это означает, что психологическая работа с последствиями психотравмы в контексте отношения к здоровью целесообразно должна включать не только снижение дистресса, но и восстановление жизненной позиции: укрепление субъектности (активности), развитие осознанной рефлексии, поддержание согласованности ценностей и поведения (аутентичность), а также работу с базовыми установками доверия к себе и другим как основаниями устойчивой самозаботы [4; 7; 3; 1].

Список источников

1. Бочавер К.А., Десятникова А.В., Зязина Н.А. Аутентичность личности спортсмена как ресурс психологического благополучия в кризисе совладания с травмой [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13. – № 4. – С. 97–107. – DOI: 10.17759/jmfp.2024130409. – Режим доступа: URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2024_n4/Bochaver_et_al (15.01.2026).
2. Екимова В.И., Булкина С.П. Трансформация ценностей и жизненной позиции у военнослужащих по призыву, участвовавших в антитеррористических действиях [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 4. – С. 239–258. – DOI: 10.17759/psylaw.2025150413. – Режим доступа: URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2025_n4/Ekimova_Bulkina (15.01.2026).
3. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., Тараненко О.А. Смысловое совладание как мишень психологической диагностики [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. – 2025. – Т. 33. – № 2. – С. 171–190. – DOI: 10.17759/cpp.2025330208. – Режим доступа: URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2025_n2/Leontiev_Rasskazova_Taranenko (15.01.2026).
4. Леонтьев Д.А., Шильманская А.Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. – 2019. – № 1. – С. 90–100. – Режим доступа: URL: <https://publications.hse.ru/articles/314635434> (15.01.2026).
5. Никишина В.Б., Петраш Е.А., Юнина-Пакулова Н.Ю. Структурная организация событийного пространства временной перспективы личности у участников боевых действий [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2024. – Т. 14. – № 3. – С. 161–173. – DOI: 10.17759/psylaw.2024140313. – Режим доступа: URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n3/Nikishina_Petrash_Yunina-Pakulova (15.01.2026).
6. Никишина В.Б., Петраш Е.А., Юнина-Пакулова Н.Ю., Кучерявенко И.А. Терагностический потенциал методики событийной реконструкции временной перспективы участников боевых действий с проявлениями посттравматического стрессового расстройства [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2025. – Т. 14. – № 1. – С. 152–168. – DOI: 10.17759/cpse.2025140109. – Режим доступа: URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2025_n1/Nikishina_at_al (15.01.2026).
7. Федотов И.А., Наместникова Н.В. Адаптация опросника «Шкала жизненной позиции» [Электронный ресурс] // Транзактный анализ в России (Transactional Analysis in Russia). – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 20–27. – DOI: 10.56478/taj-100438. – Режим доступа: URL: https://ta-journal.ru/TAR/article/view/100438/ru_RU (15.01.2026).
8. Федотов И.А., Суркова П.М. Определение жизненной позиции у клиентов с различными психопатологическими состояниями [Электронный ресурс] // Транзактный анализ в России (Transactional Analysis in Russia). – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 28–33. – DOI: 10.56478/taj-100440. – Режим доступа: URL: <https://ta-journal.ru/TAR/article/view/100440> (15.01.2026).
9. Эйдельман Г.Н. Особенности жизненной позиции при различных уровнях психологического благополучия у современной молодежи [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. – 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 82–94. – DOI: 10.17759/exppsy.2016090207. – Режим доступа: URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2016_n2/eidelman (15.01.2026).

УДК 159.9 316.356.2

СПЕЦИФИКА СИНДРОМА РОДИТЕЛЬСКОГО ВЫГОРАНИЯ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ

ЕНДОРЕНКО ЮЛИЯ АНДРЕЕВНА

студентка

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Аннотация: Родители детей с тяжёлыми нарушениями речи испытывают хронический стресс из-за проблем общения и постоянных занятий. Это может привести к выгоранию, отчуждению и некомпетентности. Личные особенности, отсутствие поддержки и социальная изоляция усиливают проблему. Родители часто берут на себя роль логопедов, что вызывает фрустрацию. Цель исследования — доказать: выгорание родителей детей с речевыми нарушениями более выражено и имеет уникальные черты.

Ключевые слова: синдром выгорания, ТНР, семейная система.

THE SPECIFICS OF PARENTAL BURNOUT SYNDROME IN FAMILIES RAISING CHILDREN WITH SEVERE SPEECH DISORDERS

Yendorenko Julia

Abstract: Parents of children with severe speech disorders experience chronic stress due to communication problems and constant activities. This can lead to burnout, alienation, and incompetence. Personal idiosyncrasies, lack of support, and social isolation add to the problem. Parents often take on the role of speech therapists, which causes frustration. The aim of the study is to prove that burnout in such parents is stronger and has special features related specifically to speech disorders, compared with parents of ordinary children.

Keywords: burnout syndrome, TNR, family system.

Воспитание ребенка с тяжелыми речевыми нарушениями представляет собой ситуацию пролонгированного стресса, сопряженную с комплексной нагрузкой на личностные ресурсы родителя. Повседневная реальность связана не только с преодолением коммуникативных барьеров, но и с необходимостью выполнения роли основного коррекционного педагога, что часто происходит в условиях социальной депривации и стигматизации. Эта уникальная совокупность факторов формирует экстремальный контекст для развития синдрома родительского выгорания — специфического состояния дезадаптации, угрожающего психологическому благополучию всей семейной системы.

Существует выраженное противоречие между объективно высокой уязвимостью родителей детей с ТНР к эмоциональному истощению и фрагментарным характером научных данных о клинико-психологических особенностях выгорания именно в этой категории. Недостаточно изучены специфические триггеры, симптомокомплекс и динамика синдрома, обусловленные природой первичного нарушения ребенка.

Предполагается, что родительское выгорание в условиях ТНР носит тотальный и структурно-сложный характер. Его симптоматика детерминирована не только общей родительской нагрузкой, но и спецификой первичного дефекта: хроническим коммуникативным разрывом, необходимостью интен-

сивной, часто малорезультативной коррекционной работы, что формирует уникальный профиль истощения, отличный от такового у родителей нормотипичных детей.

Исследование базируется на комплексном подходе, включающем теоретико-методологический обзор, психометрическую диагностику (опросники, проективные методики) и статистико-математические процедуры обработки эмпирических данных (сравнительный, корреляционный анализ).

Данный синдром релевантно рассматривать как форму дезадаптации к родительской роли, возникающую при хроническом дисбалансе между требованиями среды и психофизиологическими ресурсами личности. В его основе лежит триада:

1. Аффективное истощение: Дефицит эмоциональной энергии, проявляющийся в апатии и соматизации.

Личностная отстраненность: Деперсонализированное восприятие ребенка, вызывающее когнитивный диссонанс и вину.

Когнитивное обесценивание: Снижение самооценки родительской эффективности.

Критический признак: Деперсонализация в отношении ребенка, свидетельствующая о личностной деформации.

Семья с ребенком с ТНР:

1. Дисфункциональные паттерны: Гиперопека, симбиоз, блокирующие сепарацию ребенка, и коммуникация по принципу «обслуживания».

2. Родительская нагрузка:

– Коммуникативно-когнитивная: Понимание невербальных сигналов.

– Коррекционно-педагогическая: Ежедневные терапевтические занятия.

– Социально-защитная: Посредничество в контактах с внешним миром.

3. Социальная изоляция: Двойная изоляция: внешняя (ограничение контактов) и внутренняя (коммуникативный разрыв).

ТНР:

– Блокировка социальной функции: Дефицит речи мешает взаимодействию и интеграции.

– Риски вторичных нарушений: Влияние на мышление, регуляцию, эмоциональный интеллект.

– Искажение воспитания: Фокус на преодолении речевого дефекта ограничивает детско-родительские отношения.

Таким образом, воспитание ребенка с ТНР создает перфектный шторм для развития родительского выгорания. Уникальная комбинация коммуникативной фрустрации, экстремальной педагогической нагрузки и социального давления формирует качественно иное, более интенсивное и структурно сложное переживание истощения. Эмпирическое изучение этого феномена является необходимым шагом для разработки превентивных и коррекционных программ психологической помощи, ориентированных не на абстрактного «родителя», а на конкретный профиль переживаемых трудностей. но.

Список источников

1. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова. – СПб., 2008.

2. Мамайчук, И.И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии / И.И. Мамайчук. – СПб., 2001.

3. Маслач, К. Профессиональное выгорание: как справляться с рабочим стрессом / К. Маслач. – М., 2017.

4. Филякова, Е.Г. Ребенок с особенностями в развитии: книга для родителей / Е.Г. Филякова. – М., 2018.

5. Шац, И.К. Психология семейных отношений детей с нарушениями речи / И.К. Шац. – М., 2015

6. Эйдемиллер, Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб., 1999

© Ю.А. Ендренко, 2026

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК

ПРОХОРОВ АРТЁМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

студент

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

*Научный руководитель: Денисова Оксана Петровна**д.п.н., доцент**ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»*

Аннотация: В данной работе проводится комплексное исследование взаимодействия организационной культуры и управленческих практик в современных условиях. Основное внимание уделяется теоретическим аспектам формирования и развития корпоративной культуры, её влиянию на эффективность управленческих процессов и принятие решений. В статье детально анализируются различные типологии организационной культуры, рассматриваются современные методы оценки управленческой эффективности с учётом культурных особенностей организации. Проводится сравнительный анализ российских и зарубежных моделей управления, выявляются общие тенденции и специфические особенности формирования культуры управления в различных организационных контекстах.

Ключевые слова: организационная культура, управленческие практики, эффективность менеджмента, корпоративные ценности, лидерство, типология культуры, стратегическое управление, организационное развитие.

INTERRELATION OF ORGANIZATIONAL CULTURE AND MANAGEMENT PRACTICE EFFECTIVENESS

Prokhorov Artyom Vyacheslavovich*Scientific adviser: Denisova Oksana Petrovna*

Abstract: This paper provides a comprehensive study of the interaction between organizational culture and management practices in modern conditions. The focus is on the theoretical aspects of the formation and development of corporate culture, its impact on the effectiveness of management processes, and decision-making. The article provides a detailed analysis of various typologies of organizational culture and examines modern methods for assessing management effectiveness, considering the cultural characteristics of the organization. The paper also conducts a comparative analysis of Russian and foreign management models, identifying common trends and specific features in the formation of management culture in different organizational contexts.

Key words: organizational culture, management practices, management efficiency, corporate values, leadership, culture typology, strategic management, and organizational development.

В эпоху бурной цифровизации, усиливающейся глобализации и нарастающей конкуренции ключевое значение приобретает анализ внутренних факторов, влияющих на развитие организации. Корпо-

ративная культура становится основной системой ориентиров, которая задаёт направление эволюции компании и определяет, насколько успешно она способна приспосабливаться к внешним вызовам.

Эта система представляет собой сложную многослойную конструкцию. Она не только устанавливает правила поведения сотрудников, но и формирует особый стиль управления, характерный именно для данной организации. Культурные основы компании выступают мощным драйвером новаторства, во многом предопределяя её способность к изменениям и росту в условиях высокой неопределённости.

Сегодня управленческая практика всё чаще опирается на комплексные подходы, в центре которых находится именно культурный контекст, он во многом решает, насколько эффективными окажутся принимаемые решения. Корпоративная культура проявляется через совокупность символов, ценностных приоритетов и моделей поведения, создающих уникальную внутреннюю среду взаимодействия.

Именно через призму культуры передаются стратегические ориентиры, формируются ожидания сотрудников, складывается особая атмосфера в коллективе и выстраивается идентичность организации. Изучение культурных особенностей имеет прямое практическое значение, поскольку они существенно влияют на качество принимаемых решений, степень вовлечённости персонала и эффективность внутренних коммуникаций.

Особый интерес представляет трёхуровневая структура культуры: внешние проявления (артефакты), официально провозглашаемые ценности и глубинные базовые убеждения. Именно эта иерархия задаёт нормы взаимодействия, ожидания по отношению к руководству и коллегам, а также определяет типичные реакции на нововведения и перемены.

Для компании организационная культура - это отнюдь не нейтральный фон управленческой деятельности, а активная среда, в которой либо успешно приживаются новые практики, либо они отторгаются как чуждые существующим нормам. Успешность управленческих инициатив напрямую связана с тем, насколько они согласуются с ключевыми ценностями организации.

Когда между принимаемыми решениями и господствующими культурными установками возникает серьёзное противоречие, запускаются негативные процессы: появляется сопротивление переменам, падает мотивация, ухудшается психологическая атмосфера, растёт текучесть кадров. Всё это подчёркивает важность согласованности между типом корпоративной культуры и характером реализуемой управленческой стратегии.

В нынешних условиях разнообразие типов организационных культур требует систематизации. Особой популярностью пользуется модель конкурирующих ценностей Кэмерона и Куинна. Она выделяет четыре базовых типа, каждый из которых создаёт свою специфическую управленческую реальность:

1. Клановая - строится на доверии, сотрудничестве и ощущении «семьи». Лидеры здесь больше похожи на наставников и заботливых старших товарищей. Управление опирается на консенсус и поддержку развития сотрудников.

2. Адхократическая - акцентирует инновации, гибкость, эксперименты. Преобладают проектные команды, минимум бюрократии, поощрение инициативы. Всё это обеспечивает высокую скорость реакции на внешние изменения.

3. Иерархическая - характеризуется строгой регламентацией, чёткой вертикалью подчинения, детальными процедурами и сильным контролем, что гарантирует предсказуемость и стабильность процессов.

4. Рыночная - ориентирована на результат, конкурентное преимущество и достижение целей. Главную роль играют измеримые показатели, KPI и фокус на конечном успехе.

Каждый тип формирует особую управленческую экосистему, которая диктует выбор инструментов и степень их эффективности в конкретных организационных условиях.

Такая классификация полезна не только для описания текущего состояния, но и для прогнозирования реакции коллектива на те или иные управленческие шаги. Стили руководства, отлично работающие в одной культуре, нередко дают обратный эффект в другой. Особенно заметно это в российских крупных компаниях, где после слияний, поглощений или при разветвлённой структуре нередко сосуществуют несколько культурных укладов одновременно. Поэтому всё большую актуальность приобретает

создание гибридных моделей, сочетающих элементы разных типов.

Российские авторы, опираясь на модель Кэмерона-Куинна, адаптируют её с учётом национального менталитета и исторического контекста. Интересные подходы предлагает, например, В. А. Цветков с его классификацией по культурам лидерства, кооперации, контроля и миссии. Также активно используется адаптация измерений Хофстеде (дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, толерантность к неопределённости) применительно к организациям.

Множество теоретических рамок лишней раз подтверждает: внедрение любых управленческих новшеств требует тщательного контекстного анализа культурной среды. Без глубокого понимания доминирующих паттернов невозможно добиться устойчивого успеха. Современный руководитель должен обладать не только классическими управленческими навыками, но и высокой культурной чувствительностью, то есть умением диагностировать и учитывать культурные особенности своей организации.

Сегодня эффективность управления всё меньше сводится исключительно к финансовым показателям. Она всё чаще рассматривается как многомерная категория, включающая удовлетворённость персонала, согласованность целей и качество внутренних связей. Культурный контекст определяет, какие из этих аспектов будут приоритетными и какими путями их можно достичь в каждом конкретном типе культуры.

Корпоративная культура задаёт границы допустимого и разумного в управлении. Несоответствие инструментов культурным ценностям почти всегда вызывает сопротивление. Классическим примером здесь является попытка внедрить жёсткие формализованные системы оценки в коллективе, где преобладают неформальные связи и взаимовыручка. Вместо прозрачности такое нововведение часто воспринимается как недоверие.

С точки зрения психологии управления решающее значение имеет именно культурное соответствие. Когда ценности руководства гармонично сочетаются с корпоративными установками, возникает устойчивая, органичная система управления. При нарушении этого баланса даже внешне успешные показатели могут оказаться поверхностными, поскольку глубинные убеждения коллектива рано или поздно проявятся в виде скрытого или открытого конфликта с формальными правилами.

В современной российской управленческой мысли заметно усиливается ценностно-ориентированный подход. Акцент смещается с контроля процессов на выстраивание единого ценностного поля, трансляцию ключевых ориентиров, работу с мотивацией, развитие этических норм, поддержку неформального общения и эмпатических способностей руководителей.

Несмотря на различия методологий, и западные, и отечественные исследователи сходятся в том, что культура - фундаментальный регулятор управленческих процессов. Если западная традиция чаще рассматривает её как инструмент достижения целей, то российские авторы подчёркивают символическую и ценностную природу, тесную связь с историей и этикой.

Организационная культура выполняет несколько универсальных функций: объединяющую, регулирующую, адаптационную и мотивирующую. Именно через них она влияет на практику управления, формирует нормы взаимодействия и обеспечивает устойчивость системы. В условиях растущей турбулентности особенно важными становятся доверие, вовлечённость людей и ценностная согласованность порой не менее значимые, чем традиционные экономические метрики.

Практика убедительно показывает: самые результативные управленческие модели возникают там, где есть глубокое понимание культурного контекста. Успешная стратегия требует не только профессиональных знаний, но и тонкой культурной восприимчивости, то есть способности видеть за видимыми структурами подлинные ценностные основания организации. Именно такой синтез психологического и управленческого подходов создаёт основу для построения гибких, адаптивных и по-настоящему устойчивых систем, способных эффективно работать в современных реалиях.

Список источников

1. Абдурахманов К. Х., Кузьмин С. В. Организационная культура как фактор повышения эффективности управления // Вестник университета. – 2021. – № 5. – С. 112-118.

2. Алехина О. Е., Макарова Е. Л. Влияние организационной культуры на эффективность управленческих решений // Менеджмент в России и за рубежом. – 2022. – № 3. – С. 45-53.
3. Базаров Т. У. Организационная культура и ее роль в повышении эффективности управления // Управление персоналом. – 2020. – № 10. – С. 25-31.
4. Гришина О. В. Организационная культура как инструмент повышения эффективности управленческих практик // Экономика и управление. – 2023. – № 1. – С. 78-85.
5. Деркач А. А., Зайцева Н. А. Организационная культура и ее влияние на эффективность управления персоналом // Управление человеческими ресурсами. – 2021. – № 4. – С. 67-75.
6. Иванова С. В., Петрова А. А. Взаимосвязь организационной культуры и эффективности управленческих процессов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2022. – № 2. – С. 98-107.
7. Ковальчук А. С. Организационная культура как фактор повышения эффективности управленческих практик в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. – С. 15-22.
8. Кузнецова Е. В., Смирнова О. О. Влияние организационной культуры на эффективность управленческих решений // Управление. – 2023. – № 1. – С. 34-42.
9. Макарова Е. Л., Алехина О. Е. Организационная культура и ее роль в повышении эффективности управления // Менеджмент в России и за рубежом. – 2021. – № 5. – С. 56-64.
10. Семенов А. К., Маслова Е. Л. Организационная культура и эффективность управленческих практик // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2022. – № 4. – С. 123-131.
11. Шалашова Н. В. Организационная культура как фактор повышения эффективности управления // Вестник науки и образования. – 2020. – № 12. – С. 45-52.

УДК 373.2

УСЛОВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ДОУ ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ ТРУДОЛЮБИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

СУРКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНАмагистрант ЮУрГГПУ, г. Челябинск,
МБДОУ ДС337*Научный руководитель: Филиппова О. Г.**д.п.н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии детства
ЮУрГГПУ, г. Челябинск*

Аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые условия и педагогические подходы к организации образовательного процесса в дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) для эффективного формирования трудолюбия у детей дошкольного возраста. Основное внимание уделяется созданию целостной среды развития, которая способствует не только развитию трудовых навыков, но и устойчивой мотивации, чувства ответственности и позитивного отношения к работе посредством практического опыта. Автор тщательно анализирует интеграцию различных видов работы (уход за собой, домашние обязанности, работа на открытом воздухе и физический труд) в групповую повседневную жизнь, роль учителей как наставников и образцов для подражания, важность командной работы и необходимость систематического сотрудничества с семьями воспитанников. Особое внимание уделяется принципам осуществимости, регулярности и осознанности. Эти принципы помогают превратить работу из простой обязанности в значимую и радостную необходимость для детей, закладывая прочный фундамент для их будущего личностного и социального развития.

Ключевые слова: трудовое воспитание, трудолюбие, старший дошкольный возраст, ДОУ, образовательный процесс, условия организации, развивающая среда, виды детского труда, воспитатель, коллективный труд, самостоятельность, взаимодействие с семьей.

CONDITIONS FOR THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN PRESCHOOL INSTITUTIONS FOR THE EDUCATION OF DILIGENCE IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN

Surkova O. N.*Scientific adviser: Filippova O. G.*

Abstract: This article examines the key conditions and pedagogical approaches to the organization of the educational process in preschool educational institutions for the effective formation of diligence in preschool children. The main focus is on creating a holistic development environment that promotes not only the development of work skills, but also sustainable motivation, a sense of responsibility and a positive attitude to work through practical experience. The author carefully analyzes the integration of various types of work (self-care, household chores, outdoor work, and physical labor) into group daily life, the role of teachers as mentors and

role models, the importance of teamwork, and the need for systematic collaboration with families of students. Special attention is paid to the principles of feasibility, regularity and awareness. These principles help transform work from a simple responsibility into a meaningful and joyful necessity for children, laying a solid foundation for their future personal and social development.

Keywords: labor education, diligence, senior preschool age, preschool education, educational process, organizational conditions, developing environment, types of child labor, educator, collective labor, independence, interaction with family.

Воспитание трудолюбия у детей является одной из основных целей дошкольного образования и имеет глубокое моральное и практическое значение. Для детей старшего дошкольного возраста труд – это не просто занятие; это важное средство понимания мира, самих себя и своих возможностей. Перспективным подходом к организации детского труда и поощрению усердной работы сегодня является методика «знакомства ребенка с реальными трудовыми отношениями». Методика Крулехта характеризуется развитием педагогического процесса, ориентированного на постепенное формирование детского сада как субъекта деятельности. Организация образовательного процесса, основанная на интеграции инструментов профессионального образования, определила алгоритм ознакомления детского сада с современным миром в контексте разнообразной деятельности детей. По методике Крулехта, начальный этап понимания современного мира выражается в процессе сбора информации об окружающих объектах и работе старших. Поэтому это делается путем наблюдения за процессом изготовления различных изделий (поделок, построек) взрослыми в раннем возрасте; в дошкольном возрасте с детьми проводятся наблюдения за работой персонала дошкольной организации; дети дошкольного возраста интересуются профессиональной деятельностью своих родителей, домашними делами и хобби.

К домашним делам относятся небольшие умывальники, безопасные моющие средства, тряпки из различных материалов, щетки, лопаты и ведра. Все это должно быть привлекательных цветов, в хорошем рабочем состоянии и соответствовать росту и физической силе детей. Для работ на открытом воздухе необходимы лейки с длинным носиком, распылители, палки для копания, детские грабли и лопатки, а также фартуки. Для ручных работ требуется организованное «рабочее место», снабженное разнообразными материалами: бумагой различной текстуры и цвета, тканью, нитками, безопасным клеем, ножницами, природными материалами (шишки, желуди, камешки) и обрезками материалов (коробки, катушки для ниток). Важно, чтобы у каждого инструмента было постоянное, узнаваемое ребенком место, четко обозначенное картинкой. Это способствует развитию трудолюбия у детей, учит их организованности и самостоятельности в обустройстве своего рабочего места. Эстетическая привлекательность инструментов и материалов не менее важна: привлекательные, ухоженные предметы побуждают детей работать с ними и бережно к ним относиться.

Второе условие – систематическое и регулярное включение различных типов заданий в повседневную жизнь группы. Задания должны быть естественной частью жизни детей, а не временным «событием». Для детей старшего дошкольного возраста основными методами формирования заданий являются поручения, работа посменно и командная работа. Задания могут быть индивидуальными или групповыми, разовыми или долгосрочными. Для старших групп особенно важны долгосрочные задания. Например, уход за определенным растением в уголке природы в течение недели или поддержание порядка в центре творчества. Это способствует развитию чувства ответственности и умения планировать. Обязанности (в столовой, на занятиях или в уголке природы) становятся социально значимыми, регулярными обязательствами. Дети работают не только для себя, но и для всей группы, что создает значительный сдвиг в мотивации. Наиболее сложными и продуктивными заданиями являются командные. Это когда дети объединяются для достижения общей цели, например, моют все строительные блоки, делают осеннюю гирлянду для группы или сажают лук на подоконнике. Здесь дети под руководством взрослых учатся самостоятельно распределять обязанности, вести переговоры, помогать друг другу и распределять свою работу по времени. Результаты сотрудничества всегда яркие и наглядные, вызывающие общую радость и гордость. Все эти виды деятельности должны гармонично

вписываться в повседневную жизнь: утро, проведенное за выполнением поручений и подготовкой к занятиям, прогулки на природе или на территории, и послеобеденное время, посвященное ручному труду и командной работе.

В возрасте 4-5 лет дошкольники могут самостоятельно ставить и достигать цели, но у них еще нет навыков планирования собственных действий. В дошкольном возрасте дети растут и учатся сотрудничать, общаться, взаимодействовать со сверстниками и разделять ответственность за поставленные задачи. Воспитатели поощряют дошкольников участвовать в деятельности своих родителей, персонала школы и окружающих их взрослых, расширяя их знания и обогащая словарный запас. Учащимся рассказывают о важности человеческого труда в конкретных профессиях, обсуждаются вопросы ранней профориентации и позитивной социализации. Воспитатели проводят дискуссии, в ходе которых они прививают уважение к труду старших и трудящихся, демонстрируют социальную ценность труда и знакомят с миром современных профессий с осязаемыми и значимыми результатами. Воспитатели помогают учащимся понять, как связаны различные темы.

Третье условие – это сочетание трудовой деятельности с другими учебными процессами и играми. Труд тесно связан с познавательным развитием. Ухаживая за растениями, дети узнают об их потребностях и условиях роста. Уборка игрушек, изготовленных из разных материалов, знакомит их с их уникальными характеристиками. Эта деятельность обогащает ролевые игры. Когда дети моют посуду или подметают, эти занятия приобретают большее значение, и они продолжают играть в «кафе» или «мастерской». Читая художественную литературу (например, произведения В. Осиевой или Н. Носова, или стихи о труде) и обсуждая профессии своих родителей, дети развивают понимание социальной значимости труда и уважение к людям разных профессий. Проектные занятия, такие как «сад» и «мастерская Деда Мороза», в идеале сочетают в себе труд, обучение, творчество и общение, подчеркивая целостный и взаимосвязанный характер различных видов деятельности.

Наконец, четвертый элемент, без которого не могут существовать все остальные, – это необходимость тесного и содержательного сотрудничества с семьями. Трудовое воспитание в детских садах эффективно только в том случае, если оно поддерживается и поощряется дома. Роль воспитателей заключается не просто в том, чтобы говорить родителям, что дети должны работать, а в том, чтобы объяснить психологическую и педагогическую природу этого процесса и его важность для развития силы воли, самостоятельности и самооценки.

Воспитание трудолюбия у детей старшего дошкольного возраста основано на пяти взаимосвязанных условиях: создании стимулирующей академической среды, хорошем примере для подражания и руководстве со стороны педагогов, регулярном участии в различных видах повседневной деятельности, осмысленной интеграции игры и обучения, а также прочном партнерстве с семьями. Только при соблюдении всех этих условий работа станет для детей не скучной рутинной, а желанным занятием, источником радости от преодоления трудностей, развития творчества и чувства личной компетентности и значимости. Это закладывает прочный фундамент для формирования ответственного отношения к обучению и, в конечном итоге, к профессиональной деятельности во взрослой жизни.

Список источников

1. Алешанова, Е. А. Трудовое воспитание детей дошкольного возраста / Е. А. Алешанова, Н. В. Кочетова, В. А. Кутнякова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 46.2 (232.2). — С. 3-5.
2. Галиева, И. Т. Трудовое воспитание дошкольника в процессе ознакомления с окружающим миром / И. Т. Галиева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 12 (459). — С. 150-151.
3. Иванова, А. И. Педагогические условия формирования трудовых умений у детей старшего дошкольного возраста / А. И. Иванова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 22 (469). — С. 397-398.

4. Иванова, А. И. Специфика трудовых умений у детей старшего дошкольного возраста / А. И. Иванова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 22 (469). — С. 398-400.
5. Марунова, И. В. Создание условий для самостоятельной трудовой деятельности дошкольников / И. В. Марунова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 42 (541). — С. 325-326.
6. Педагогические условия воспитания трудолюбия у детей старшего дошкольного возраста / Т. Г. Ханова, Н. В. Кочурова, Н. В. Вялова // Проблемы современного педагогического образования. — 2021. — № 70-2. — С. 282–285.

УДК 740

ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД РФ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

ЛОРИС-РУССО ДИАНА ВАГАРШАКОВНА

соискатель ученой степени кандидата психологических наук
ФГКОУ МВД России имени В.Я. Кикотя
старший психолог

ГПР ОРЛС СКИ (ф) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

Научный руководитель: Лебедев Игорь Борисович

доктор психологических наук,
профессор, профессор кафедры психологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация: статья определяет особенности коммуникации в работе психологического сопровождения с сотрудниками полиции Республики Северная Осетия-Алания. Примененный подход определяет наиболее эффективные приемы работы в формировании оптимальных навыков коммуникации с учётом традиционного воспитания на Кавказе.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная компетентность, традиционное воспитание личности.

**ASSESSMENT OF THE PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE COMMUNICATIVE
COMPETENCE OF EMPLOYEES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES IN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC
OF NORTH OSSETIA-ALANIA**

Loris-Roussou Diana Vagarshakovna*Scientific adviser: Lebedev Igor Borisovich*

Abstract: The article defines the specifics of communication in the work of psychological support with police officers of the Republic of North Ossetia-Alania. The applied approach determines the most effective methods of work in the formation of optimal communication skills, taking into account traditional upbringing in the Caucasus.

Key words: communication, communicative competence, traditional personality education.

Проблема коммуникации была предметом научного познания советских ученых Я.А. Каменского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского.

Современные исследователи проблемы Н.В. Волкова, Б.С. Волков, А.В. Мудрик, Р.С. Немов, А.А. Реан, Л.А. Регуш, В.Г. Степанов, Л.Д. Столяренко, В.А. Татенко, Т.М. Титаренко, Д.И. Фельдштейн и др. занимались проблемой коммуникации.

Актуальность здорового коммуникативного процесса особенно значима в современном обществе, где реальное «живое» общение собеседников замещается виртуальным взаимодействием, что обусловлено развитием информационных технологий в обществе.

Следующей возможной социальной причиной снижения коммуникативной компетентности у испытуемых, следует отметить, склонность к эмоциональной холодности в коммуникативном процессе, формируемое с детства, как традиционная особенность воспитания на Северном Кавказе, где в приоритете ставится эмоциональная сдержанность на равне с минимальной коммуникативной активностью. Не приветствуется в традиции воспитания проявление ласки со стороны родителей к ребенку – особенно к мальчику. Доминантой и определяющей стратегией поведения в коммуникации выступает мнение старших членов семьи (в случае отсутствия родителей по естественным причинам (смерть и т.п.) их роль выполняют «старшие» из числа представителей «фамилии», представителей однофамильцев).

Как отмечали испытуемые в индивидуальных беседах на анонимной основе, снижение коммуникативной способности личности приводит к повышению неудовлетворенности собой и своим окружением, проявляется в поведении: скрытая агрессия от социума (проявляется в личных отношениях например: только дома, с зависимыми от агрессора субъектами), нетерпимость, тревожность, неадекватная самооценка, открытая агрессия (вербальная, физическая) и т.п., вышеперечисленное приводит к снижению контроля поведения, повышению риска деструктивных форм поведения.

В ходе анонимных бесед испытуемые отметили, нарушения коммуникации в следующих формах:

- 1) снижение взаимопонимания;
- 2) недостаточный уровень доверия у субъектов общения;
- 3) закрытость личности в связи с опасениями быть непонятым (отсутствие мотивации в коммуникации с членами семьи);
- 4) стремление находить интересы, увлечения вне семейно-личностных отношениях, в связи с повышением требований со стороны близких людей по мнению сотрудников;
- 5) проблемы с самооценкой (заниженная, либо завышенная самооценка);
- 6) критика, вместо похвалы со стороны значимого окружения, приводящая к разочарованию;
- 7) стремление к избеганию неудач, через снижение контактов в общении;
- 8) чувство отчуждения от эмоционально значимых лиц, по причине повышения материальных запросов от близкого окружения;
- 9) непонимание со стороны членов семьи, причин снижения активности сотрудников ОВД в общении, причиной которого является объективная напряженность на службе (усталость, ощущение напряженности, стресс и т.п.);
- 10) дискомфорт в связи с повышением контроля, в служебное время со стороны членов семьи, приводящая к повышению тревожности, раздражительности.

Перечисленные характеристики не исчерпывающие, но набравшие более 80 % ответов, в ходе индивидуальных бесед с испытуемыми на анонимной основе. Описанные выше характеристики способны к формированию у сотрудников полиции эмоциональной холодности, усиливая профессиональное выгорание на службе.

В целом, выявляя проблемы коммуникативного процесса, выделены основные локусы проблемы:

1. Низкий уровень фактической коммуникации связанный с проблемами в способности формулировке мыслей, трудности в установлении межличностных и непосредственных контактов. У испытуемых наблюдается склонность к отчуждению, фрустрации как реакции на ежедневный стресс. Реакции протекают по пассивно-оборонительному типу, на фоне фрустрации наблюдается повышение уровня тревожности.

2. Низкий уровень креативности, на который следует обратить внимание, наблюдается кон-

кретность мышления, затруднения в решении абстрактных задач, сниженная оперативность мышления, недостаточный уровень общей вербальной культуры. Если рассматривать ответы респондентов: категории респондентов – начальники и сотрудники, предпочитают видеть в качестве собеседника интеллектуального человека, который интересен как собеседник. Здесь применимы тренинговые программы по развитию креативности, предполагающие развитие аналитико-синтетической деятельности и общей вербальной культуры.

3. Эмоциональная лабильность или подверженность смене настроения и интересов, проявление реакции депрессии и психической уязвимости, а также проявление низкой толерантности к другим людям требуют дополнительного обучения. Если у сотрудника полиции возникнет агрессивная реакция на собеседника в ситуации дискуссии, то это уже не процесс коммуникации, который предполагает обмен информацией, а процесс конфликта. Необходима программа обучения методам толерантности.

4. Отсутствие интереса сотрудников к партнеру по общению и его личности, к содержанию его человеческих и психологических качеств. У испытуемых выявилась тенденция оценки партнера по коммуникации, по признаку социальной обустроенности, по его материальному положению в обществе. Выражена потребность общаться с личностью, которая обладают характеристиками высокого материального достатка и положением в обществе.

Задачи психологической коррекции исследования:

1. Обучение приемам партнерского общения с целью повышения коммуникативных способностей группы.

2. Развитие восприимчивости, формирование самонаблюдения, понимания чувств и переживаний другого человека, проработка проблемы поверхностной социальной оценки партнера по коммуникации (снижение уровня значимости материального фактора в личности партнера по общению).

3. Развитие творчества, как прием снятия ригидности мышления и расширение границ понимания объективной действительности.

4. Развитие толерантности, формирование терпимости как способ снятия эмоциональной неустойчивости и раздражительности к партнерам в общении. Толерантность как основа стабилизации ценностей и моральных приоритетов оценки партнера по коммуникации.

5. Развитие адекватной самооценки.

6. Снижение депрессивности сотрудников полиции как барьера коммуникативного процесса.

Сравнительный анализ показал, что после примененной на практике программы коррекционных занятий уровень общительности испытуемых сотрудников вырос до показателей нормы. Сформирована общительность, открытость, готовность к сотрудничеству, внимание к людям, легкость в установлении непосредственных межличностных контактов. Продолжительность коррекционной работы заняла 3 месяца, в неделю по 2 часа практического занятия.

Достигнуты устойчивые изменения уровня эмоциональной стабильности, что свидетельствует о сформированной у респондентов эмоциональной устойчивости, выдержанности, ориентированности на реальность. Существенно изменились показатели самооценки в виде здоровой самоуверенности, не демонстративной как прежде, а адекватной оценки своей личности сотрудниками экспериментальной группы.

Результатом коррекционно-развивающих занятий стал качественный уровень снижения депрессивности.

Важно отметить, что уровень устойчивости к стрессу возрос. Спокойная реакция свойств нервной системы позволяет в коммуникативном процессе адекватно реагировать на партнера по общению, в последующем делать объективные выводы о сказанном партнером по коммуникации. На контрольном этапе исследования осуществлялась диагностика уровня формирования умений у сотрудников контрольной группы.

Сравнительный анализ представлен на рисунке 1.

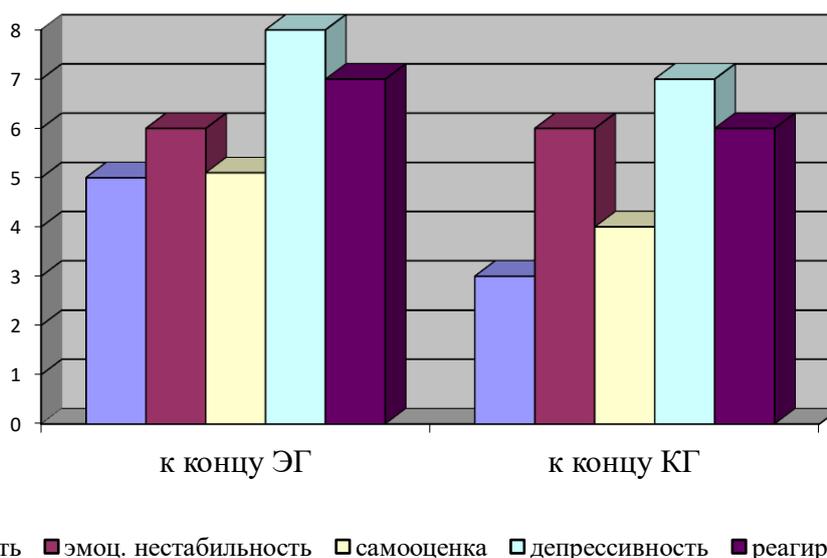

Рис. 3. Уровень индивидуально-личностных качеств сотрудников в экспериментальной группе (с проблемными показателями до эксперимента) ЭГ; сравнение с контрольной группой (с нормальными показателями, без проблемных показателей) КГ. Результаты по окончании обучения (конец эксперимента, по одному из критериев исследования).

Сравнительные данные экспериментальной группы (ЭГ) испытуемых с контрольной группой (КГ) испытуемых, свидетельствуют о эффективности применённой схемы работы по обучению сотрудников полиции навыкам коммуникативной компетентности, через проработку проблемных зон индивидуально-личностного характера, которые способствуют как следствие развитию коммуникации в целом.

Список источников

1. Битянова М.Р. Социальная психология. – М., 2013. – С. 310.
2. Биркенбильд В. Язык интонации, мимики, жестов. М. 2002
3. Люшер М. Сигналы личности. Воронеж, 1995
4. Пиз А. Язык телодвижений. М., 2001
5. Щеколдина С.Д. Тренинг толерантности. М.: «Ось-89»-2004

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СХЕМЫ МЫШЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО СЕРИАЛА

МАШКОВА СОФЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА

студентка

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы»

Аннотация: В статье анализируется функционирование коллективных представлений и схем мышления в рамках специфического социального микроорганизма — советского пионерлагеря — на материале современного сериала «Пищеблок». Теоретической основой исследования выступают концепция «ментального инструментария» эпохи Марка Блока и схематическая типология Вадима Розина, разработанная им на материале учения Эмануэля Сведенборга. Цель работы — продемонстрировать, как в ситуации экзистенциального кризиса, вызванного иррациональной угрозой (появлением вампиров), исходный коллективный «инструментарий», основанный на советской идеологии, подвергается стремительной трансформации. Автор показывает, что рациональная картина мира замещается мифологической через активное использование персонажами антропоморфных, натуральных и повседневных схем. В ходе анализа раскрывается механизм разрешения «проблемной ситуации» путем спонтанной генерации новых ментальных конструктов, которые позволяют изолированному сообществу заново выстроить картину мира и организовать сопротивление хаосу. Результаты исследования подтверждают эвристическую ценность теоретического подхода, подчеркивающего активную, конструирующую роль коллективных представлений и схем в организации социального опыта.

Ключевые слова: Коллективные представления, схемы мышления, ментальный инструментарий, Марк Блок, Вадим Розин, схемология, антропоморфные схемы, натуральные схемы, схемы повседневности, проблемная ситуация, сериал «Пищеблок», советская идеология, мифологическое сознание, социальный кризис.

COLLECTIVE REPRESENTATIONS AND THOUGHT PATTERNS OF SOVIET PEOPLE: AN ANALYSIS BASED ON A CONTEMPORARY TV SERIES

Mashkova Sofya

Abstract: The article analyzes the functioning of collective representations and thought patterns within a specific social microorganism—the Soviet pioneer camp—using the modern TV series *The Bite* as a case study. The theoretical foundation of the study is based on Marc Bloch's concept of the "mental toolkit" of an era and the schematic typology developed by Vadim Rozin through his analysis of Emanuel Swedenborg's teachings. The aim of the paper is to demonstrate how, in a situation of existential crisis triggered by an irrational threat (the appearance of vampires), the original collective "toolkit" rooted in Soviet ideology undergoes rapid transformation. The author shows that the rational worldview is replaced by a mythological one through the active use of anthropomorphic, naturalistic, and everyday schemas by the characters. The analysis reveals the mechanism for resolving a "problematic situation" through the spontaneous generation of new mental constructs, which allow the isolated community to reconstruct its picture of the world and organize resistance to chaos. The findings confirm the heuristic value of the theoretical approach, which emphasizes

the active, constructive role of collective representations and schemas in organizing social experience.

Key words: Collective representations, thought patterns, mental toolkit, Marc Bloch, Vadim Rozin, schematology, anthropomorphic schemas, naturalistic schemas, everyday schemas, problematic situation, TV series *The Bite*, Soviet ideology, mythological consciousness, social crisis.

В данной работе рассматриваются коллективные представления и схемы мышления на примере российского сериала «Пищеблок». Данный сериал является ярким олицетворением фантастики и мифов времен советского союза и пионерского движения. Действия сериала происходят в пионерском лагере Буревестник, где в течение лагерной смены главный герой начинает замечать странные вещи, а после и вовсе обнаруживает, что в лагере обитают вампиры, которые обращают в кровопийц и юных гостей лагеря. Для того чтобы полноценно проанализировать сериал в концепциях коллективных представлений и схем мышления, введем немного теории.

Коллективные представления и схемы мышления как инструменты структурирования социальной и духовной реальности являются центральным предметом анализа в работах Марка Блока, Вадима Розина и в реконструкции учения Эмануэля Сведенборга. Несмотря на различие дисциплинарных полей — история, методология науки и эзотерическое богословие — все три автора демонстрируют, что человеческое восприятие и познание опосредованы устойчивыми ментальными конструктами, которые организуют опыт и задают рамки интерпретации действительности.

Марк Блок рассматривает коллективные представления в качестве фундаментального «ментального инструментария» эпохи. Он утверждает, что «всякая мысль, чтобы быть выраженной, нуждается в какой-то системе знаков; всякое общество с необходимостью вырабатывает свой ментальный инструментарий» [Блок М. Кн 3. Гл. 1. П. 2]. Эти коллективно выработанные схемы не являются простой суммой индивидуальных мнений, они представляют собой социально и культурно обусловленные структуры, которые формируют восприятие времени, пространства, власти и социальных отношений. Историк, по мнению Блока, сталкивается с фактами, уже пропущенными через призму этих коллективных схем. Следовательно, задача исторической науки заключается не только в описании событий, но и в реконструкции того схематического мышления, в рамках которого эти события осмыслились современниками. Эти представления обладают собственной логикой и устойчивостью, передаются из поколения в поколение и выполняют социально-интегративную и смыслообразующую функцию, позволяя обществу воспроизводиться.

В свою очередь, Вадим Розин в своем труде «Введение в схемологию» предлагает детальный анализ работы схем мышления на материале эзотерического учения Эмануэля Сведенборга. Розин рассматривает схемы как ключевые эпистемические инструменты, которые «связывают категории с эмпирическими знаниями, фактами, разрешают проблемы, поставленные временем, то есть "проблемную ситуацию", задают видение нового объекта и реальности» [Розин В.М., с. 81-93]. Анализируя трактат Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде», Розин выделяет три основных типа схем, которые Сведенборг использовал для построения своей картины духовного мира: антропоморфные, натуральные и схемы повседневности.

Антропоморфные схемы позволяли Сведенборгу описывать сакральные сущности по аналогии с человеком. В рамках этих схем «Господь — это человек в наибольшем образе, сообщества ангелов — совершенные люди поменьше, ангел — совершенный человек» [Розин В.М., с. 81-93]. Эти конструкции служили решению конкретных проблем, в частности, объяснению антропоморфных высказываний Священного Писания, таких как создание человека «по образу и подобию Бога», а также осмыслению иконографического и религиозно-художественного опыта.

Натуральные схемы были заимствованы Сведенборгом из естественнонаучного дискурса его времени. Он активно использовал квазифизические понятия, такие как «свет», «тепло», «сила», «равновесие», «притяжение» и «отталкивание», для описания закономерностей духовного мира. Например, свобода воли объяснялась им через концепцию равновесия: «известно, что вследствие равновесия сил ада и небес человек может выбирать и мыслить» [Розин В.М., с. 81-93]. Эти схемы позволили Све-

денборгу, бывшему учёному, рационализировать духовные феномены, придав им видимость объективной природной закономерности и решив, таким образом, проблему теодицеи и согласования свободы воли с Божественным промыслом.

Схемы повседневности заключались в экстраполяции на духовный мир элементов обыденной человеческой жизни: ангелы разговаривают, едят, вступают в браки и исполняют службы. Однако Сведенборг не просто переносил эти представления, а трансформировал их, адаптируя к логике духовной реальности. Так, если целью земного брака является рождение детей, то «целью небесного супружества выступает "порождение истины и блага"» [Розин В.М., с. 81-93]. Эти схемы, как полагает Розин, не столько специально вводились для решения проблем, сколько стали естественным результатом попытки описать неизвестное через известное.

Розин подчёркивает, что движущей силой для создания этой сложной системы схем стала «проблемная ситуация», с которой столкнулся Сведенборг-учёный — многочисленные противоречия в каноническом толковании Священного Писания, несовместимые с рациональным, картезианским мышлением. Разрешая эту ситуацию, Сведенборг создал новую, «духовно-природную» реальность, структурированную изобретёнными им схемами. При этом сам он, как отмечает Розин, не осознавал свои построения именно как схемы, считая их объективным описанием действительности, полученным через откровение, выступал как создатель «квазисхем». Розин же, анализируя его творчество, сам выполняет методологическую работу, применяя к нему аппарат схемологии. Он использует такие методологические схемы, как «становление», описывающую генезис новых схем в проблемной ситуации, «замещение», показывающую двухслойную структуру сведенборгианской онтологии, где духовный мир выражается через природный по принципу соответствия, и «уровни рефлексии», дифференцирующую неререфлексируемые «квазисхемы» Сведенборга и методологические схемы самого Розина. [Розин В.М., с. 81-93].

Сравнительный анализ подходов Блока и Розина, в его интерпретации Сведенборга, позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия. Общим является признание конструктивной, а не просто отражательной, роли ментальных структур в организации человеческого опыта. И коллективные представления у Блока, и схемы у Сведенборга-Розина активно формируют реальность, а не пассивно её фиксируют. Оба подхода также фиксируют, что эти конструкции возникают и функционируют в контексте конкретных проблемных ситуаций, требующих осмысления и разрешения.

Ключевое различие заключается в источнике и природе этих конструктов. Для Блока коллективные представления — это безличный продукт длительного социально-исторического развития, неосознаваемый большинством носителей и выполняющий функцию социальной интеграции. В случае Сведенборга, как его реконструирует Розин, схемы являются результатом индивидуального интеллектуального творчества, направленного на преодоление когнитивного диссонанса между верой и разумом, хотя и приписываются их автором божественному источнику. Соответственно, различается и уровень рефлексии: Блок стремится реконструировать неререфлексируемые представления прошлого, тогда как Розин, анализируя Сведенборга, выходит на уровень методологической рефлексии, делая сами схемы объектом систематического анализа.

Таким образом, концепция коллективных представлений Марка Блока и методологическая схемология Вадима Розина, проиллюстрированная анализом учения Сведенборга, демонстрируют эвристическую ценность подхода, акцентирующего роль устойчивых ментальных конструктов в познании. Если Блок применяет этот подход к историческому материалу, реконструируя «ментальный инструментарий» ушедших эпох, то Розин разрабатывает его как общеметодологическую программу, применимую к анализу самых разных форм познания — от строгой науки до религиозно-эзотерического опыта. Реконструкция схем Сведенборга служит у Розина наглядным примером того, как выявление и анализ лежащих в основе учения схем позволяет вскрыть его внутреннюю логику, генезис и способы разрешения стоявших перед мыслителем интеллектуальных проблем.

Анализируя события в самом сериале «Пищеблок» [реж. Святослав Подгаевский] через призму концепций коллективных представлений Марка Блока и схемологии Вадима Розина появляется возможность раскрыть механизмы трансформации коллективного сознания в условиях экзистенциального

кризиса. Действие разворачивается в изолированном сообществе пионерлагеря, где появление вампира-упыря создаёт «проблемную ситуацию», требующую пересмотра существующих ментальных конструкций.

Изначальный «ментальный инструментарий» Блок сообщества основан на советской идеологии с её ритуалами и верой в научный материализм. Однако иррациональная угроза вызывает стремительную трансформацию коллективных представлений. Рациональная картина мира замещается мифологической, где образ вампира становится новой доминантной схемой, через которую осмысливается реальность. Этот процесс иллюстрирует тезис Блока о том, что коллективные представления — активный инструмент ориентации, перестраивающийся под давлением внешних угроз.

В осмыслении фигуры вампира проявляются схемы, аналогичные выделенным Розиним у Сведенборга. Антропоморфные схемы заставляют персонажей искать «чужого» среди «своих», наделяя сверхъестественное существо человеческими чертами. Натуральные схемы проявляются в попытках объяснить феномен через медицинские знания о крови и болезнях, хотя эти рациональные конструкции быстро оказываются несостоятельными. На смену им приходят схемы повседневности: обычные действия (ночные дежурства, отбой) наполняются новым смыслом, превращаясь в ритуалы защиты. Как отмечает Розин, такие схемы часто возникают спонтанно как «побочный результат» адаптации к экстремальным условиям [Розин В.М., с. 86].

Кризис в лагере демонстрирует логику схемы «становления» по Розину, когда новые ментальные конструкции рождаются для разрешения проблемной ситуации и задают новое видение реальности. [Розин В.М., с. 89] Сообщество проходит путь от отрицания иррационального через рациональные объяснения к полному принятию мифологической картины мира. Власть де-факто переходит от носителей официальной идеологии к тем, кто лучше ориентируется в новой мифологической реальности.

Таким образом, «Пищевблок» становится наглядной иллюстрацией того, как в условиях кризиса коллективное сознание отказывается от неадекватных представлений и спонтанно генерирует новые схемы. Эти схемы, сохраняя связь с привычными антропоморфными и повседневными категориями, позволяют сообществу заново выстроить картину мира и найти способы противостояния хаосу.

Список источников

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. — М.: Наука, 1986. — 254 с.
2. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. — М.: Либроком, 2011. — 81-93 с.
3. Эксле О.Г. Схемы истолкования социальной действительности в раннее Новое время / О.Г. Эксле. — М.: Издательство Института всеобщей истории РАН, 2020. — 318 с.
4. «Пищевблок» (реж. С. Подгаевский, 2024 г.)

УДК 364.4

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ АРТ-ТЕРАПИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ, ПЕРЕЖИВШИЕ НАСИЛИЕ

МОЛЧАНОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧстудент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»**Научный руководитель: Зайцева Ирина Александровна**к.п.н., доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Аннотация: Арт-терапия в работе с детьми и подростками, пережившими травму, является эффективным подходом, поскольку творчество выступает безопасным способом выражения болезненных переживаний при недостатке рефлексии или сопротивлении клиентов. Арт-терапия рассматривается как ненавязчивый метод, эффективно снижающий тревожность и способствующий установлению контакта, который может применяться психологами и педагогами. Она используется как в индивидуальной, так и в семейной и групповой работе, что подтверждается сторонними исследованиями.

Ключевые слова: арт-терапия, метод, рефлексия, дети, исследования, социальные работники.

THE USE OF ART THERAPY METHODS IN THE SOCIAL REHABILITATION OF CHILDREN WHO HAVE EXPERIENCED VIOLENCE

Molchanov Georgy Sergeevich*Scientific adviser: Zaitseva Irina Aleksandrovna*

Abstract: Art therapy in working with children and adolescents who have experienced trauma is an effective approach, since creativity acts as a safe way to express painful experiences with a lack of reflection or resistance from clients. Art therapy is considered as an unobtrusive method that effectively reduces anxiety and promotes contact, which can be used by psychologists and educators. It is used in both individual and family and group work, which is confirmed by third-party research.

Keywords: art therapy, method, reflection, children, research, social workers.

Одной из наиболее актуальных проблем в области эффективной психологической помощи детям и подросткам является проблема травматического события, которая присутствует как в клинической, так и в социальной психологии, в педагогике и психотерапии. Традиционные вербальные методы оказываются малоприменимыми в работе с данной категорией клиентов в силу недостаточного развития рефлексии как возрастной особенности, а также из-за попытки блокирования травматических переживаний, что затрудняет выражение чувств, осознание и действие. В данном контексте арт-терапия, представляющая собой комплекс методов психологической коррекции, опосредованной художественным творчеством, приобретает особую значимость.

Арт-терапия является междисциплинарным направлением, соединяющим психологию, медицину

и педагогику, и формируется на фундаментальной идее о том, что любой творческий акт и его продукт является прямым выражением бессознательных процессов личности. Как отмечает А.В. Шленков, опираясь на традицию психоанализа, «внутреннее "Я" проявляется у человека в визуальной форме всякий раз, когда он спонтанно творит». Именно данная сущность метода определяет его как один из главных и ключевых в детской практике: «Арт-терапия — это проективный метод, особенно удобный в работе с детьми, не способных вербально описать своё состояние» [4, с. 103]. Творчество представляет собой безопасный социально-санкционированный язык, который позволяет ребёнку выразить то, что невозможно или слишком болезненно высказывать словами или в действиях. Также стоит отметить, что арт-терапия представляет собой не только индивидуальное взаимодействие, но и групповое, так как в группе выявить проблему и решить её зачастую удобнее благодаря исчезновению излишних рамок.

Одной из характеристик арт-терапевтических методик, единогласно отмечаемой исследователями, является их ненавязчивость, а также способность мягко снижать эмоциональное напряжение, не провоцируя его. Методы органично встраиваются в ведущую деятельность ребенка — игру, что не создаёт дополнительной нагрузки, а, наоборот, формирует атмосферу доверия. «Методики арт-терапии органично вписывались в игровую деятельность, не создавали дополнительного напряжения для ребёнка, который испытывал стресс после перенесённой чрезвычайной ситуации», — подчёркивает А.В. Шленков [4, с. 104]. Они «отвлекали детей от значимых переживаний... не развивали утомление, так как базировались на уже сформированных навыках и умениях» [4, с. 101]. Данный аспект делает арт-терапию методом выбора на начальных этапах работы с травмированным ребёнком, когда установление доверительного контакта является первостепенной задачей для специалиста.

Стоит отметить, что эффективность данного подхода раскрывается в различных научных публикациях, где описаны конкретные последствия травмы, такие как страхи, тревожность, ПТСР. Исследования, посвящённые коррекции детских страхов, показывают высокие результаты: «В 65–75% случаев проведение арт-терапии давало положительную динамику, избавляя детей от беспокоящих страхов за 2–4 занятия». Таким образом, терапевтический механизм описывается как перекодирование образа страха в непугающий образ, что способствует формированию у ребёнка новых адаптивных способов реагирования [4, с. 104].

В случаях более тяжёлых и масштабных травм, как, например, у детей — жертв терактов, арт-терапия включается в комплексную программу реабилитации [2, с. 95]. Её используют наряду с игровой, сказко- и музыкотерапией в рамках функциональной модели коррекции ПТСР, где основная задача — любым способом отвлечь от травмирующих переживаний. Хотя авторы констатируют, что у большинства детей значительные улучшения не наблюдаются или они незначительны, что объясняется глубиной и сложностью коллективной травмы, метод был оценён как результативный компонент системы помощи.

Изучая исследование Г.Ю. Лизуновой и И.А. Таскиной, посвящённое работе с младшими подростками, пережившими социальное насилие, представляются конкретные данные об эффективности арт-терапии в программе психологической помощи [3, с. 72]. После её реализации были зафиксированы значимые снижения уровня школьной тревожности. Авторы делают вывод: «Использование методов арт-терапии является эффективным средством... способствует снижению тревожности, повышению уверенности в себе, формированию навыков самоконтроля».

Особую глубину для рассмотрения арт-терапии добавляет её восприятие не только как метода индивидуальной помощи, но и в первую очередь как инструмента для семейной терапии. Л.Г. Жидунова и Н.Н. Посысов существенно расширяют фокус внимания, указывая, что травма ребёнка неизбежно становится травмой для всей семейной системы. «Семья, пережившая насилие, может рассматриваться как семья, столкнувшаяся с утратой привычного чувства защищённости» [1, с. 153]. Нарушаются не только внутренние границы семьи, но и её внешние коммуникации, а также внутренняя сплочённость. В данном контексте авторы предлагают направления психологической работы, где арт-терапия может быть успешно применена в деятельности социального работника: отреагирование чувств, восстановление внешних границ, восстановление позитивных отношений между членами семьи и восстановление внутрисемейной коммуникации. Совместные арт-терапевтические практики позволяют изучить и

трансформировать паттерны взаимоотношений, способствуют сплочению и поиску новых ресурсов безопасности внутри семьи.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что арт-терапия представляет собой научно обоснованный и эффективный подход в системе психологического сопровождения детей, переживших травматический опыт. Данные практики должны активно использоваться в профессиональной деятельности социального работника, так как являются важным инструментом реабилитации ребёнка. Уникальность арт-терапии заключается в синтезе опоры на естественную для ребёнка творческо-игровую деятельность, проективность коммуникации, способность снижать сопротивление, а также в широком интегративном потенциале для работы как с индивидуальной травмой, так и с семейной системой. Изучение данного направления показывает, что оно является эффективным и конкретным инструментом терапевтического воздействия. Однако требуется дальнейшая разработка комплексных программ, сочетающих индивидуальную и семейную работу, а также расширение подготовки специалистов — психологов, педагогов, социальных работников, — способных профессионально применять данный метод в различных условиях.

Список источников

1. Жедунова Л.Г., Посысов Н.Н. Психологическая помощь семье с ребенком, пережившим насилие // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 152–154.
2. Лебедева Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. - СПб.: Речь, 2003 - 256 с.
3. Лизунова, Г. Ю. Арт-терапия в работе с младшими подростками, пережившими жестокое обращение / Г. Ю. Лизунова, И. А. Таскина // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2(51). – С. 69-75.
4. Шленков, А. В. Возможности метода арт-терапии при оказании психологической помощи детям, пережившим чрезвычайные ситуации / А. В. Шленков // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2016. – № 1. – С. 98-107.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник статей

Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 20 января 2026 г.

Под общей редакцией

кандидата экономических наук Г.Ю. Гуляева

Подписано в печать 21.01.2026.

Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 17,4

МЦНС «Наука и Просвещение»

440062, г. Пенза, Проспект Строителей д. 88, оф. 10

www.naukaip.ru

